АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1952

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА И ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

1

Советское языкознание, возрожденное трудом И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» к кипучей и деятельной жизни, направленное гением великого ученого по новому пути, переживает в настоящее время пору своего обновления, своей перестройки во всех основных своих частях и звеньях. Стройная и ясная теория марксистской науки о языке, объединившая и углубившая все высказывания Маркса, Энгельса и Ленина по вопросам языка, так лаконично и вместе с тем так всеобъемлюще, с такими широкими обобщениями изложенная И. В. Сталиным, потребовала коренного пересмотра всех лингвистических понятий. Для советских языковедов труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» стал основным руководством в научно исследовательской — теоретической, конкретно-исторической и практически-созидательной работе. Никогда не были так сложны, разнообразны и так ответственны задачи языковедческой науки, как в настоящее время. В сталинском учении о языке получили глубокое марксистское освещение все те общественные явления и категории, с которыми связан язык в своем развитии. Творческий марксизм характеризуется тем, что, открывая законы современного развития общества и ярко освещая его будущее его перспективы, он вместе с тем всесторонне отражает и научно обобщает весь исторический опыт прошлого. В новом свете, в свете творческого марксизма предстали перед советскими языковедами вопросы происхождения и развития народов и языков. Все антимарксистские построения так называемого «нового учения» о языке, выдававшегося акад. Н. Я. Марром и его «учениками» за последнее слово марксистской науки, рухнули под мощными ударами неотразимой сталинской критики. Сталинское учение о языке дает языковедам верный компас для правильного и быстрого продвижения по подлинно научному пути, по пути разрешения основных проблем языковедческой науки.

«Известно,— говорит И. В. Сталин,— что теория, если она действительно является теорией, даёт практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела» [1].

Организация науки о языке на основе сталинских указаний, творческое развитие принципов марксистского языкознания, тесно связанное с применением их к исследованию самых разнообразных конкретных языков в их истории и современном состоянии, практическое содействие оформлению и развитию младописьменных национальных языков народов Советского Союза, решение неотложных вопросов культуры речи на базе сталинского понимания общественной сущности языка и его структуры — вот тот общий круг непосредственно очевидных целей, которые составляют содержание современной советской языковедческой

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 142.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
№ ...

науки. В конкретизации этих целей, а также в широком принципиальном их освещении должен помочь нам журнал «Вопросы языкознания», орган Института языкознания АН СССР. Его главные задачи: внедрение марксизма в языкознание, разработка актуальных проблем советской науки о языке в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», ликвидация последствий господства антинаучных взглядов Марра и его сторонников, проведение широких творческих дискуссий по важнейшим вопросам языкознания, оказание научно-методической помощи преподавателям языковедческих дисциплин в высшей и средней школах. Журнал «Вопросы языкознания» будет освещать на своих страницах вопросы марксистской теории языка, состояние и развитие языков народов СССР и зарубежных стран, вопросы письменности, терминологии и лексикографии, важнейшие моменты в истории нашего отечественного языкознания и разоблачать реакционную сущность буржуазной идеалистической лингвистики.

Задачи журнала «Вопросы языкознания» выступят в более конкретном и расчлененном виде, если мы подвергнем беглому обзору состояние и развитие советского языкознания после появления труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

2

С появлением работ И. В. Сталина по языкознанию советская лингвистика получила научно обоснованное, марксистское решение ряда основных теоретических вопросов языка и языкознания. Это, конечно, не означает, что у нас уже имеются готовые ответы решительно на все вопросы языковедческой науки. Многие важные вопросы еще предстоит решить, опираясь на сталинское учение о языке и законах его развития, на заложенную им базу общего марксистского языкознания.

В процессе перестройки научно-исследовательской языковедческой работы советские лингвисты еще не подошли вплотную к некоторым очень существенным проблемам теории языка, еще не приступили к конкретному и глубокому марксистскому их исследованию. Таковы вопросы, относящиеся к изучению связи языка и мышления, а также истории языка в связи с историей мышления: о соотношении грамматики и логики, о закономерностях исторического развития категорий мышления и грамматических категорий, о взаимосвязи между развитием мышления и совершенствованием грамматического строя языка, об образном и понятийном мышлении, о слове, значении и понятии, о суждении и разных типах предложения, о способах выражения и отражения в языке форм и законов мышления и содержания мышления, мировоззрения, о влиянии базиса и идеологических надстроек (политических, философских, эстетических и других взглядов) на развитие словарного состава языка, о научной терминологии в связи с методологическими основами разных научно-философских теорий и т. п.

Исследование этих вопросов неотделимо от критики буржуазно-идеалистических теорий в этой области, тем более, что некоторые лингвисты из стран народной демократии еще продолжают тянуть за собой груз таких воззрений. Например, румынский академик А. Росетти во втором издании своей книги по теории слова [2], изданной в 1947 г. в Бухаресте и Копенгагене, ссылается на утверждение Балли и Сэшеэ, что «всякая, даже самая простая, идея по существу не передаваема; язык дает лишь схематический и извращенный образ» (стр. 10), и уверяет, что «язык не

[2] A. Rossetti, Le mot Esquisse d'une théorie générale.

в состоянии точно воспроизводить действительность, он не дает полного выражения действительности, следовательно, язык не точен и произволен» (стр. 12). Подобного рода идеалистические теории, отрывающие мышление от языка, неприемлемы для советского языкознания.

Показательно также у Росетти отнесение языка, сближаемого с идеалистическим представлением о «логосе», к духовным функциям или деятельностям, отличным от природы реально существующих вещей (стр. 40). В советском языкознании изучение и понимание общественных функций языка неотделимы от марксистского определения сущности языка как специфического общественного явления и от марксистского освещения законов его развития в связи с историей общества.

И. В. Сталин — впервые в истории науки о языке — с поразительной ясностью и строгостью мысли определил специфику языка как общественного явления и указал основную, главную его функцию — быть средством общения и обмена мыслями между всеми членами общества. Вопрос о других функциях языка, например, выразительной или художественно-изобразительной, требует изучения и творческого решения. От всестороннего освещения проблемы функций языка зависит понимание неразрывной связи истории языка с историей общества, выяснение роли языка как формы национальной культуры, раскрытие связи истории языка и истории мышления, изучение процессов воплощения содержания мысли в слове, определение значения языка как первоэлемента и основного материала литературы. С вопросами об общественной сущности языка, об его функциях и структуре тесно связан и вызвавший много разноречивых толкований коренной вопрос истории языка — вопрос о внутренних законах развития языка. Наш журнал должен в ближайших номерах откликнуться на споры и дискуссии по этому вопросу. Ведь от его решения зависит дальнейшая разработка марксистской теории исторического изучения языков. Кроме того, к этому вопросу органически приросли такие вопросы, как вопрос о структуре языка, о взаимосвязанности и взаимообусловленности развития всех сторон языка, о разных темпах изменений «основы языка» и подвижных частей его словарного состава, о формах и типах качественных изменений в языке, об интеграции или концентрации этих изменений, подготавливающей переход языка от одного качества к другому, о разных видах или категориях внутренних законов развития языка, о диалектической связи внутренних законов развития отдельных конкретных языков с внутренними общими законами развития каждого языка, вытекающими из общественной сущности и структуры языка, об однородных тенденциях развития семьи родственных языков и о разных формах воплощения этих тенденций в истории отдельных языков и т. п.

Марксистская постановка и марксистское решение многих вопросов общего языкознания, например, таких, как вопрос о «знаковости» языка, об историзме как принципе языковедческого исследования, о соотношении описательной и исторической грамматики, о содержании и задачах семасиологии, о закономерностях развития словарного состава языка и т. п. тесно связаны с разоблачением реакционных буржуазных теорий в области языкознания.

Внедрение марксизма в языкознание требует решительной борьбы со всеми антинаучными идеалистическими теориями и выводами буржуазных языковедов. Огонь научной критики должен быть направлен, с одной стороны, на борьбу с идеалистическими теориями, имеющими широкое хождение в западноевропейской буржуазной науке, а с другой,— против вульгарно-материалистических взглядов, при помощи которых буржуазные языковеды (так же, как еще совсем недавно «ученики» Н. Я. Марра)

иногда пытаются опорочить и дискредитировать марксистско-ленинское учение о языке.

Духовное оскудение и маразм охватили идеологическую надстройку современного буржуазного общества. Это находит прямое отражение в развитии лингвистической науки на Западе.

Идеализм в области языкознания за последние десятилетия заметно активизировался. Основным его источником является зарубежная идеалистическая философия языка. Именно «философия языка» питает расистские утверждения американо-английских империалистов.

Реакционная буржуазия и ее «философы» как огня боятся материалистического объяснения истории народов и их языков. Исторический подход к общественным явлениям привел бы к опасным для капитализма выводам. Поэтому основной тенденцией, наиболее характерной для идеалистической зарубежной лингвистики, является отход от историзма, отказ от исторического изучения языка. Эта тенденция характерна для самого влиятельного течения зарубежного языкознания — социологического направления и его логического продолжения — структуральной лингвистики.

Структурализм — учение о структуре языка. «Чтобы глубже проникнуть в сущность структуры, надо установить те постоянные, необходимые и, следовательно, конститутивные отношения, которые имеют место между элементами структуры»,— заявляет структуралист Брёндаль в программной статье о структуральной лингвистике. Он ополчается против исторического и сравнительно-исторического изучения языков: «Сравнительная грамматика — детище XIX века... Вдохновляемая интересом романтизма к древности, к идее непрерывности ряда поколений, она прежде всего и с т о р и ч н а... В действительности же, важным для любой науки является постоянное, устойчивое, тожественное... Время — препятствие для всякой рациональности»[3] (т. е. для идеалистического выделения мнимого вневременного «разумного» ядра «сущности»).

Конкретное изучение языка структурализму представляется в таком антиисторическом и извращенно-схематическом виде: «Для установления языка (или единицы языка, отождествленной посредством синхронного изучения) собираются все варианты в виде минимального количества основных и абстрактных типов, реализацией которых эти варианты являются. Опускается решительно все, что с э т о й т о ч к и з р е н и я может расцениваться как незначительное или неустойчивое и чисто индивидуальное»[4]. Разумная абстракция, таким образом, превращается в свою противоположность. Из языка как объекта изучения выбрасывается все то, что не укладывается в установленные структуралистом схемы и нормы и что свидетельствует об историческом развитии языка, о специфических особенностях его структуры как «продукта ряда эпох».

При таком подходе к фактам языка об историзме не может быть и речи. Отказываясь от исторического изучения языка, структуралисты ориентируются на статическую, метафизическую грамматику, условность и произвольность которой получили в свое время резкую отрицательную оценку еще со стороны Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге». «Путем сопоставления всех существующих или известных синхронных состояний,— пишет Л. Ельмслев,— можно установить панхроническое состояние, абстрактную систему категорий (языка), которая дает нам материал для общего и основного психологического и логического описания»[5]. В этом рассуждении антиисто-

---

[3] Acta linguistica, I. B r ö n d a l, Linguistique structurale, p. 7.
[4] Там же.
[5] L. H j e l m s l e v, Principes de grammaire générale, Копенгаген, 1922, стр. 214.

риам, отрыв мысли от языка, а языка от истории народа — создателя и носителя этого языка — достигает предела. Структурализм пренебрегает спецификой национальных языков, он стремится к созданию общей грамматики, ищет факты «общечеловеческие», космополитические, стойко действующие на протяжении истории и дающие знать о себе в строе любого языка.

В отрицании историзма и самобытности развития национальных языков с структуралистами сближаются и представители другого реакционного течения в буржуазной лингвистике — так называемые «семантики», последователи «семантической философии». Отрицание национальных языков как продукта исторического развития и как общенародного достояния связано у семантиков со стремлением оторвать познание и мышление от реальной действительности, а у некоторых из них также с отрицанием устойчивости структуры отдельного народного языка и особенно наличия устойчивых общенародных значений слов. Изучение «предметного языка», т. е. отдельных национальных, реальных, исторически сложившихся языков, по мнению одного из наиболее видных буржуазных семантиков — Карнапа, не может привести к открытию законов общего «символического» языка, потому что такое изучение будто бы неизбежно сталкивается с «фикциями, загромождающими вселенную несуществующими вещами» (к числу этих «фикций» относится семантиками, между прочим, и действительность национально-освободительных движений и социальной борьбы).

Между тем для подлинной науки важно как раз то, что составляет специфику конкретного языка. По словам К. Маркса, «... хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» [6].

Антиисторизм — знамя идеализма современной зарубежной лингвистики. С антиисторизмом структурализма находится в непосредственной связи биологизация языка, сведение его общественной сущности к психологическим и биологическим функциям человека. Структуралисты говорят об особом «элементарном» родстве языков, покоящемся на человеческой природе, на общих законах, якобы управляющих человеческой психологией. Л. Ельмслев утверждает: «Тот самый факт, что глагол встречается в самых различных областях, заставляет нас полагать, что глагол — это категория, которая зависит от лингвистической склонности человека вообще» [7].

В противовес основателям сравнительно-исторического языкознания, которые утверждали, что «грамматика общая и философская должна быть исключена из реальных языков, если она не хочет стать химерой» (Р. Раск), современное буржуазное языкознание выдвигает принцип универсального сравнения языков, отвергающий историческое их изучение. Все чаще в зарубежной идеалистической науке раздаются голоса, что генеалогическое родство не является единственным существующим между языками и что нельзя ограничиваться только им при исследовании языков мира и тенденций их развития. Теория об общем родстве всех языков, иначе говоря — «о единстве глоттогонического процесса» лежит в основе многих исследований Уленбека, Тромбетти, Шухардта, Бюлера, ван-Гиннекена и других буржуазных языковедов. И. В. Сталин, дав глубоко научную критику антимарксистских работ Марра и вскрыв идеалистичность марровского четырехэлементного анализа, исчерпывающе показал, что

---

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 175.
[7] L. Hjelmslev, Цит. соч., стр. 267.

никогда и нигде мышление не может существовать в «свободной от природной материи технике» (как думал Марр и как идеалистически истолковывают буржуазные языковеды вопрос о связи языка и мышления). Сторонники универсального сравнения языков, так же как и Марр, исходили и исходят из идеалистического допущения «чистого мышления», свободного от «природной материи», от материальной оболочки языка.

«Социологический» подход к языку, демонстративно выдвигаемый в буржуазном языкознании, в учении де Соссюра и его школы на самом деле приводит к отрицанию общественной сущности языка. Непонимание общественной сущности языка и роли языка в обществе, идеалистическая трактовка самого общества как суммы индивидуумов вызвали искусственное и объективно неоправданное членение истории языка на «внешнюю» и «внутреннюю», а также противопоставление «синхронии» и «диахронии», приведшее, в конце концов, к «панхронии» и «ахронии», т. е. к отрицанию законов истории языка как общественного явления.

Современные англо-американские лингвисты, будучи не в силах приблизиться к правильному пониманию общественной роли языка, сознательно стремятся запутать вопрос о характере и сущности языка, стремятся подорвать любовь народов к своему языку как к орудию общения людей, к национальному языку как форме национальнои культуры, орудию их борьбы и познания закономерностей объективного мира. Буржуазная лингвистика в лице семантической философии стремится исключить, вытравить из языка всякое объективное содержание. Это связано с тем, что во всех языках содержится много неприятного для современных реакционеров. Ученые прислужники американских империалистов призывают, например, к замене таких терминов, как «капитализм», «эксплуатация» и пр. новыми наименованиями, чтобы воспользоваться фальсифицированным «языком» для защиты реакции.

«Слова не соответствуют событиям», «всемирная война вокруг слов испортила человечество» — вот оценка общественной роли языка у семантиков. «Реформа языка», «лингвистический переворот», который должен быть произведен по инструкции семантиков, т. е. во славу американского империализма, выдвигается как средство спасения человечества, как средство устранения социальных противоречий. По мнению некоторых семантиков, достаточно переменить названия, чтобы изменилась сама действительность.

В англо-саксонских странах получила большое распространение «теория» датского лингвиста Есперсена о превосходстве языков аналитического строя над языками синтетическими. Оказывается, что первобытный язык будто бы был по своему строю «синтетическим», то есть близким по способам выражения грамматических значений к русскому и большей части других славянских языков, а последующий прогресс в развитии языка якобы связан с переходом языка к аналитическому типу, характерному, например, для английского языка. Расистские выводы, следующие из теории Есперсена, служат агрессивным целям американо-английских империалистов, которые тщетно стремятся доказать превосходство английского языка над всеми другими национальными языками и навязать его народам в качестве мирового языка.

И. В. Сталин в свое время дал отповедь американо-английским расистам. Он сказал:

«Следует отметить, что г. Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже

с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершать судьбы всего мира. .

По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда всё будет в порядке,— в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство»[8].

С вопросами общественного развития языка, а также с изучением строя языков тесно связано определение сущности языкового знака. Эта проблема занимает видное место в западноевропейской идеалистической лингвистике. Проблему языкового знака пытался разрешить де Соссюр; этот вопрос — один из центральных в семантической философии. Язык объявляется системой знаков, выражающих представления (идеи). Вопрос о языковом знаке, значении, понятии и отражаемой этим понятием действительности, вопрос о социальной мотивированности значений языковых знаков в структуре общенародного языка, о непроизвольности языкового знака в отношении говорящего индивида и о характере его «произвольности» в отношении обозначаемого — все это чрезвычайно важные вопросы и для советского, марксистского языкознания. Понимание языка как системы знаков может быть истолковано и в материалистическом и в идеалистическом духе. Именно идеалистическое истолкование сущности языкового знака является критерием при оценке «социологизма» де Соссюра и его школы

В концепции де Соссюра противополагаются друг другу «речь» (речевой акт), как индивидуальное явление, и «язык», как социальный продукт речевой деятельности. Отсюда делается вывод, что язык может существовать независимо от говорящего индивида в качестве некоей надиндивидуальной сущности, относящейся к сфере социальной психологии. Определение языкового факта как психического по природе вытекает из соссюровского понимания языкового знака. По Соссюру, языковой знак представляет собой «комбинацию понятия и акустического образа», который признается «психическим отпечатком звука».

Таким образом, система знаков у Соссюра целиком оказывается в царстве психического. Социологизм де Соссюра не только не мог освободить языкознание от индивидуалистического психологизма Пауля, Вундта и младограмматиков, но стал основой абстрактного психологизма в собственной концепции Соссюра. Трактовка де Соссюром языка и законов его развития является идеалистической. В языковом знаке, по Соссюру, и «обозначаемое» и «обозначающее» равным образом психичны, в равной степени принадлежат «внутреннему опыту». Языкознание в понимании Соссюра изучает язык не в отношении его к истории мышления, не в отношении к истории общества, к истории народа, оно имеет дело с языком как замкнутой в самой себе системой знаков. Отсюда вывод: «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»[9].

[8] И. В. Сталин, Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля 13 марта 1946 г., Госполитиздат, 1946, стр. 4—5.

[9] Курс общей лингвистики, стр. 207. Ср. дискуссию структуралистов о языковом знаке в Acta linguistica, I, II, III и IV, в Studia linguistica, в Travaux du cercle linguistique de Copenhague и др.

Основные теоретические положения этой «социологической» школы и ее буржуазных ответвлений диаметрально противоположны сталинскому учению о языке, которое исходит из диалектико-материалистического понимания общественной сущности языка.

Позитивистическая философия, состоящая на вооружении американских империалистов, и в особенности «школа» реакционных семантиков, охотно пользуется концепцией де Соссюра. Семантики также сводят человеческую речь к отвлеченной, не связанной с объективным миром системе знаков. Весь процесс мышления, познания закономерностей природы и общественной жизни объявляется ими произвольным набором таких знаков. По утверждению Р. Карнапа в его книге «Логический синтаксис языка», вещь, объект, свойство, отношение, факт, процесс, действие, пространство, время, количество — беспредметные, бессмысленные слова. То, что мы вынуждены пользоваться этими словами, есть лишь результат несовершенства языка слов. Любая наука при помощи разных софистических ухищрений у семантиков подменяется анализом знаков и их взаимоотношений, оторванным от общественной жизни. «Язык,— по мнению семантика Морриса, это — ряд применяемых во многих ситуациях сопутствующих знаков, ограниченных возможными способами их комбинирования»[10].

В представлении семантиков объективная правильность той или иной научной теории или политической идеи зависит не от того, отражает ли их словесное выражение законы развития объективной действительности, а только от взаимного согласования словесных знаков. Эти семантические хитросплетения достигают предела, когда объявляются произвольными и чисто субъективными формы языка, состав предложений, их взаимная связь и т. д. Язык, по мнению семантиков, не имеет отношения к познанию, ибо познание объективного мира невозможно. То, что не входит, не укладывается в схему семантика-солипсиста, отбрасывается прочь. Мир оказывается логическим построением. «Философия» прагматизма верно охарактеризована М. Корнфортом: «Это система словесного надувательства, которая путем схоластической игры словами пытается избежать вопроса о реальных отношениях вещей» [11].

Гносеологической основой семантической «философии» является субъективный идеализм, махизм. Цель, преследуемая этой «философией», оперирующей языковым материалом,— оторвать содержание и логическое значение понятий от развития объективного мира. В писаниях семантиков отчетливо выступает стремление подменить философские, мировоззренческие категории языковыми, а затем тот же подлог произвести с категориями общественной жизни, выражающими взаимоотношения людей в общественном производстве. Именно поэтому «семантическая философия», «философия языка» становится в руках американских капиталистов орудием социальной реформы. «Если бы знание семантики было всеобщим и люди стремились бы избежать неудач при общении, то катастрофа (понимай: социальная революция) едва ли смогла начаться»,— пишет семантик Чейз [12].

И. В. Сталин разгромил произвольную манипуляцию грамматическими формами и словарным составом языка, представленную в «учении» Марра и во многом смыкавшуюся с буржуазно-идеалистическими концепциями зарубежных языковедов. Он показал, что историю языка нельзя отрывать от истории общества, потому что объективный, материальный мир в его развитии является источником развития языка.

---

[10] C. Morris, Signs, Language and Behaviour, стр. 36.
[11] М. Корнфорт, В защиту философии, М., 1951, стр. 41.
[12] St. Chase, The Tyranny of Words, стр. 15.

Разоблачение буржуазно-идеалистических взглядов по вопросам теории языка — одна из важных задач, стоящих перед журналом «Вопросы языкознания».

3

Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» выдвинул перед лингвистами новые большие задачи в области исторического исследования отдельных языков (в первую очередь русского языка). Среди них, как уже указано, особенно значительна задача изучения внутренних законов развития языка и связи истории языка с историей народа.

Одним из основных вопросов исторического языкознания является вопрос о различиях в грамматическом строе языков, о грамматической структуре языка и законах ее развития. Ни в одной области языкознания нет такого количества спорных и неразрешенных проблем, как в области грамматического строя. Следует со всей прямотой указать, что в большинстве языков народов СССР еще до сих пор не исследованы в достаточной мере и не имеют общепризнанного истолкования такие, например, важные стороны грамматики, как части речи (со свойственными им категориями) и типы предложений. Вопросы о числе и сущности частей речи в каждом языке, о границах между такими классами слов, как имя существительное, прилагательное и наречие, об основных грамматических категориях глагола: виде, залоге, наклонении и времени, о границах простого и сложного предложения и пр. интенсивно, но далеко не всегда успешно и часто очень разноречиво обсуждаются в статьях, диссертациях и монографиях по разным языкам нашей страны и зарубежным. То в той, то в другой национальной республике у нас разгораются дискуссии по общим и более частным грамматическим вопросам, связанным с исследованием грамматического строя данного национального языка, например, о сущности родительного падежа, о наличии или отсутствии винительного падежа (по отношению к осетинскому языку), о критериях различения дополнения и обстоятельства, о поссессивном спряжении глагола, о придаточных предложениях и т. д. и т. п. Неразработанность общих вопросов грамматики — печальный плод господства «теории» Марра.

Эти и многие другие вопросы требуют срочного разрешения. Они непосредственно связаны со школьным преподаванием и с составлением учебников по национальным языкам для начальной, средней и высшей школ. Между тем большая часть республиканских академий наук и их лингвистических институтов не отражает в своих планах интереса к теоретическим вопросам грамматики, чаще всего ограничиваясь составлением общих грамматических пособий учебного характера.

Серьезное теоретическое разрешение всех этих вопросов может быть осуществлено только посредством глубоких исследований исторических грамматик конкретных языков, посредством изучения грамматического строя данного языка в сравнительно-историческом аспекте, с привлечением всей совокупности грамматических явлений не только изучаемого языка, но и родственных языков внутри данной языковой группы и семьи.

Институты языка и литературы филиалов АН СССР и союзных академий, обладающие уже достаточными кадрами высококвалифицированных лингвистов, докторов наук, должны включать в производственные планы своей работы не только предназначенные для практических, педагогических целей сравнительно-сопоставительные грамматики данного национального языка и русского или двух соседних родственных языков, но и сравнительно-исторические грамматики, если не всей данной семьи языков, то, по крайней мере, той группы языков, которая является наиболее

близкой и родственной данному языку [13]. Задача нашего журнала — помочь в постановке и решении основных проблем грамматической науки — в свете сталинских указаний.

По указанию И. В. Сталина, вместе с грамматическим строем языка и в тесной связи с ним, сущность специфики общенародного языка, его основу составляет также основной словарный фонд.

Проблемы лексикологии, охватывающие весь круг тем, связанных с изучением основного словарного фонда и словарного состава, до появления основополагающих работ И. В. Сталина почти не были предметом изучения наших языковедов, особенно специалистов по младописьменным языкам народов Советского Союза. Сторонники теории Марра, гордившиеся тем, что они будто бы обращают главное свое внимание на лексику и семантику языка, не дали ни одного исследования по истории словарного состава какого-либо конкретного национального языка.

Учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка ставит перед языковедами ряд сложнейших проблем. Процессы развития словарного состава языка, который, будучи непосредственно связан с производственной деятельностью человека, а также со всеми другими сферами его деятельности, подвержен наибольшим изменениям в истории языка, отношение и объем основного словарного фонда и словарного состава в разные эпохи развития языка, взаимодействие лексики и грамматики, внутренние законы развития основного словарного фонда каждого языка, закономерности словообразования, история словарного состава и процессы лексического взаимодействия языков, заимствования слов из других языков, их причины, способы национализации заимствований, вопросы о семантических связях слов, о процессах развития и изменения семантики слов, об явлениях омонимии и синонимии, история значений и этимология слов, мертвая аффиксация как след грамматического развития слов и т. д.— все эти теоретические вопросы лексикологии ждут своего разрешения на материале многочисленных национальных языков народов СССР.

Кроме изучения грамматического строя и основного словарного фонда, а также всего словарного состава языка в целом, большое значение для разработки вопросов исторической лексикологии и грамматики имеют также исследования фонетической структуры конкретных языков и ее закономерностей. Эти исследования должны быть связаны с решением общих теоретических вопросов фонетики, а также фонологии, основные понятия которой требуют коренного пересмотра с позиций сталинского учения о языке. Глубокое изучение звукового строя многих языков народов Советского Союза у нас только еще начинается. Между тем для некоторых отдельных языковых групп, например для тюркской семьи языков, типологически и материально весьма близких между собой, фонетические соответствия и различия чрезвычайно важны.

Школа Марра, рассматривавшая фонетику языка в отрыве от самого языка, от внутренних законов его развития, игнорировала фонетические законы и закономерности. При помощи пресловутого четырехэлементного палеонтологического анализа Н. Я. Марр и его «ученики» сопоставляли факты разных языков, не обременяя себя знанием конкретной истории языка, не считаясь ни с какими фонетическими законами.

Многие ученики Марра прямолинейно рассматривали процесс фонетического развития как процесс дифференциации так называемых диффуз-

---

[13] В настоящее время даже сравнительно-сопоставительная грамматика представлена в плане только двух «тюркоязычных» академий: Узбекской (В. В. Решетов) и Туркменской (З. Б. Мухаммедова).

ных звуков и трансформации их в социально отработанные «фонемы». При этом нередко характерные для отдельных языков фонетические закономерности объявлялись вредными пережитками, мешающими дальнейшему развитию этих языков.

Так, например, характерный для тюркских языков закон сингармонизма был признан «реакционным законом», с которым каждый лингвист должен бороться; языки, где этот закон был выражен слабее, квалифицировались как более прогрессивные, передовые, а языки, где этот закон был выражен в большей мере, считались языками отсталыми.

Изучение фонетической структуры является одной из очередных задач исследования каждого конкретного языка. Как и все другие явления языка, фонетические закономерности должны изучаться в сравнительно-историческом аспекте, путем сравнения фонетических явлений одного языка с теми же или аналогичными явлениями других родственных языков.

Появившиеся в Советскую эпоху исследования по фонетике отдельных языков и групп языков: киргизского (проф. И. А. Батманов), угро-финских (проф. Д. В. Бубрих), тунгусо-маньчжурских (проф. В. И. Цинциус) и др.— представляют собой значительный шаг вперед, хотя и требуют пересмотра в общетеоретическом плане после выхода в свет работ И. В. Сталина.

С проблемой изучения фонетической структуры языка теснейшим образом связана разработка практических вопросов языкознания: усовершенствования и уточнения алфавита и орфографии, установления норм орфоэпии, разработка фонетической транскрипции и др.

Так называемое «новое учение» о языке нанесло большой вред изучению национальных языков и разработке вопросов исторического языкознания; все пороки учения Марра отразились и на практике изучения языков народов СССР. Антиисторизм мешал изучению основных вопросов истории, диалектологии, лексики, грамматического строя конкретных языков и процессов их развития в связи с конкретной историей данного народа. Все языки в этом отношении рассматривались изолированно, вне их родственных связей, или служили поводом для стадиально-фантастических упражнений. Сравнительно-исторический метод был изгнан из практики исследовательской работы. Работы по исследованию конкретных языков были низкого теоретического уровня.

Гениальные работы И. В. Сталина по языкознанию создали новую эпоху в изучении языков народов СССР. Углубленное изучение структуры разных языков мира — в свете сталинского учения о языке — должно сопровождаться неуклонной борьбой против вульгаризаторской теории акад. Н. Я. Марра и всех ее ответвлений, возникших у ближайших его «учеников».

Теория Марра пустила глубокие корни не только в общем языкознании, она укоренилась и в исследованиях по частному языкознанию и по конкретным языкам. Однако анализ ошибок марровского толка, допущенных некоторыми языковедами в своих работах, еще не получил своего полного выражения ни в общественных выступлениях, ни в печатных работах бывших сторонников и продолжателей «нового учения» о языке.

Институты языка национальных республик и областей, наряду с развернутой критикой исследований, написанных в духе Марра, должны вести более энергичную творческую разработку основных положений сталинской науки о языке на материале конкретных национальных языков.

Важнейшей проблемой, которая должна быть изучаема с полным учетом богатейшего опыта наших национальных республик и областей, является проблема развития языков социалистических наций. Эта проблема может быть разрешена только в результате кропотливого и глубо-

кого исследования грамматического строя и словарного состава самых разнообразных языков народов Советского Союза.

С решением этой проблемы тесно связано изучение таких важных вопросов теории и истории языка, как вопрос о взаимодействии языка и диалектов в разные периоды общественного развития, вопросы этногенеза и происхождения данного национального языка в свете трудов И. В. Сталина о языке.

Теоретическая и методологическая проблематика в этом направлении должна получить гораздо большее отражение в планах научно-исследовательской работы институтов национальных республик и областей наряду с конкретными темами и проблемами изучения данных национальных языков. Наш журнал должен помочь выдвижению и постановке общих вопросов исторического и сравнительно-исторического языкознания на материале истории разных национальных языков Советского Союза.

На основе узловых теоретических вопросов необходимо развернуть дискуссии по общим и конкретным лингвистическим проблемам. Такого рода дискуссии пока еще не получили широкого распространения не только в национальных республиках, но и в центральных научных языковедческих учреждениях.

Общий принцип марксистского языкознания — требование изучения конкретных языков в связи с историей народов, их носителей, ставит перед языковедами проблему изучения истории и диалектологии языка в непосредственной связи с историей народа.

Прежние работы по истории и диалектологии конкретных языков носили, как правило, эмпирический характер. Исследования по диалектологии обычно представляли собой простую регистрацию фактов взаимодействий и отталкиваний, расхождений между данным литературным языком и конкретным диалектом без должных обобщений и выводов в историческом плане. Между тем, именно диалекты и являются одним из важнейших источников изучения истории языков и в особенности бесписьменных. Надо надеяться, что «Диалектологический атлас русского языка», отдельные части которого уже начинают подготовляться к печати («Атлас говоров центральных областей к востоку от Москвы»), послужит надежной базой для исследований по истории русского языка и что по этому образцу, усовершенствуя и развивая дальше как методику «лингвистической географии», так и принципы диалектологических изысканий, наши специалисты по разным языкам народов Советского Союза создадут фундаментальные исследования по истории и диалектологии этих языков и широко раздвинут горизонт сравнительно-исторического языкознания.

Труды И. В. Сталина по языкознанию дают нам твердую основу для научного построения исторической диалектологии и требуют в дальнейшем пересмотра методологии и теории диалектологической работы на местах. С этой точки зрения должны быть подвергнуты строгому критическому разбору имеющиеся у нас диалектологические труды (например, по диалектам русского языка — проф. Е. Ф. Будде, проф. Д. К. Зеленина, акад. А. А. Шахматова, проф. П. А. Расторгуева, проф. Р. И. Аванесова и др., не говоря уже о диалектологических работах сторонников «нового учения» о языке: проф. Н. П. Гринковой, Ф. П. Филина, М. Д. Мальцева и др.; по диалектам азербайджанского языка — проф. Ширалиева, татарского языка — Л. З. Зяляй и др.). В некоторых республиках, например, в Казахстане (проф. С. Аманжолов) диалектологические исследования привели к явно неправильным, ложным выводам о принадлежности конкретных территориальных диалектов к определенным родовым и племенным группам, с которыми давно уже утеряна связь диалектных различий языка.

В некоторых национальных республиках и областях вопросам диалектологии не уделяется должного внимания. Собранные по диалектам материалы не публикуются и не обобщаются (например, в Туркмении, Узбекистане, Якутии, Хакассии, хотя в каждой из этих республик и областей собран уже значительный диалектологический материал).

Не менее важное значение для национальных республик и областей, входящих в Советский Союз, имеет изучение истории образования, сложения и развития соответствующих национальных языков.

В некоторых национальных республиках и областях до сих пор еще не начата разработка научной истории соответствующих языков и даже не везде найден правильный методологический подход к этой разработке. Во многих случаях наблюдается тенденция к подмене вопроса о начальном этапе сложения того или иного национального языка вопросом оформления и закрепления национального языка в литературе. Так, некоторыми языковедами Казахстана время деятельности классика казахской литературы Абая признается периодом сложения казахского языка и как национального и как современного литературного. При этом — без учета конкретных исторических условий развития Казахстана в конце XIX столетия — роль Абая механически уподобляется роли Пушкина в истории русского литературного языка, против чего справедливо возражает М. Ауэзов.

В самом деле, Пушкин жил и творил в эпоху сравнительно далекую от начального этапа формирования русского национального языка (XVII в.); ко временам Пушкина русский литературный язык уже имел многовековую славную историю своего исторического развития. А между тем Абай жил и творил в эпоху, когда казахский язык только что начал складываться в качестве национального, когда казахский народ в силу исторических условий восточного средневековья не имел многовековой письменной литературы, когда социально-экономические и культурно-исторические условия в Казахстане были совершенно иными, нежели в России начала XIX столетия. Всем этим нисколько не умаляется историческая роль великого казахского просветителя и писателя Абая, как не умаляется роль М. В. Ломоносова, когда говорят о Пушкине как о родоначальнике современного русского литературного языка.

Само собой разумеется, что в тех случаях, когда речь идет о таких младописьменных языках, носители которых консолидировались как нации в Советскую эпоху, время сложения этих языков как национальных действительно совпадает со временем оформления их в качестве литературных (таковы, например, якутский, бурято-монгольский, каракалпакский, алтайский, хакасский и др.). В этом и состоит одна из закономерностей образования и развития языков социалистических наций. Для этих национальных языков, сложившихся и складывающихся в Советскую эпоху, нет никаких оснований искать в лице отдельных писателей таких родоначальников, каким для русского литературного языка был Пушкин. В нашу, Советскую эпоху организатором и вождем всего социалистического строительства является могучая партия Ленина — Сталина и ее партийная печать, объединяющая всех писателей, как активных культурных деятелей своей страны. Никогда не была так значительна роль писателей в развитии своего народа. Впрочем, совпадение процессов сложения того или иного языка как национального, с закреплением его в литературе, имело место и раньше — так было с языками тех народностей, которые развились в нации сравнительно поздно и еще недавно были младописьменными (например — литовский и латышский).

Еще более запутанным и неясным остается в ряде случаев история наших языков в донациональную эпоху. Перед советскими языковедами

стоит благодарная, но вместе с тем и очень ответственная и нелегкая задача воспроизведения исторического прошлого многих и многих языков народов СССР.

Важнейшие задачи нашего языкознания в области изучения языков народов Востока можно свести к таким основным проблемам, которые перечисляются здесь — одна вслед за другой — в силу их взаимосвязанности.

а) Проблема складывания и развития национальных языков на Востоке. Этот процесс почти совершенно не изучен. Даже в отношении тех языков, история которых более или менее известна (например, история тюркских языков), изучение этой истории в домарксистском языкознании велось без понимания сущности самого процесса — складывания общенародных языков и развития их в языки национальные. Между тем эта проблема очень важна и существенна — и научно и практически. Исследуя ее, можно установить различные пути, формы, степени складывания и развития национальных языков в зависимости от особенностей исторического процесса в той или иной стране Востока. Тут играли огромную роль: положение колониальное, полуколониальное, зависимое; замедленность развития капитализма и искривление этого развития (паразитический компрадорский капитал вместо национального); длительная задержка феодализма и чрезвычайно сильное переплетение капитализма с целой массой феодальных элементов даже там, где капитализм более или менее развивался (в Японии, Индии); замедленность в связи с этим развития буржуазных наций и социально-историческая неполноценность этого развития там, где оно имело место; в другом историческом случае: переход от феодализма на путь социалистического развития, минуя буржуазно-капиталистический этап (Монгольская Народная Республика), или при чрезвычайно слабом развитии капитализма (Китай); а это значит — вступление на путь формирования социалистических наций без этапа буржуазных наций совсем или при неполноценном развитии буржуазных наций. Таковы процессы, протекающие у народов Советского Востока. Все это связано и с чисто практическими проблемами образования, школы, литературы, науки.

б) Проблемы словарного состава в современных языках народов Востока. Все народы Востока, выходя из состояния средневековья, вступили или начали вступать (одни — раньше, другие — позже; одни — решительнее, другие — слабее) на путь усвоения новой культуры, науки, техники. Это было необходимо им для их национального развития в нынешних мировых условиях. В связи с этим во весь рост встала проблема научной терминологии, немедленно переросшая (в силу количественного фактора; в связи с охватом этой терминологией общественной жизни вообще; благодаря широчайшему развитию «связанных значений», что захватило и общий словарный состав) в проблему словарного состава в целом. Однако был найден выход из положения, крайне трудного и опасного для «национальной индивидуальности» того или иного языка,— был использован корневой состав своих «классических» языков, давно уже плодотворно участвовавших в языковом процессе (и притом в более значительной степени, чем были использованы греческий и латинский языки для соответствующих целей в Европе): санскрита — для новых языков народов Индии, классического арабского — для турецкого, персидского и новоарабских языков; классического китайского языка — для современных китайского, японского и корейского языков. Получился поразительный по размаху и значению процесс колоссального обогащения словарного состава современных национальных языков на Востоке (ведь огромное количество научных и технических терминов стало словами общего языка)

на своего рода национальной базе. Этот процесс еще не раскрыт, не изучен, а изучение его имеет не только первостепенный научный интерес, но и практическое значение для языков народов Советского Востока. Ведь у этих народов есть не только своя школа — вплоть до высших учебных заведений, но и свои академии наук.

в) Проблема литературных языков. И эта проблема во всей ее сложности и историческом многообразии очень мало изучена. Дело тут не только в прослеживании путей выработки литературной нормы национальных языков, но — что́ представляет специфику этого вопроса в истории языков народов Востока — и в раскрытии отношения новых литературных языков к старым литературным языкам этих народов. У ряда народов Востока с их многовековой языковой историей давно сложились литературные языки, достигшие огромного развития, выработавшие свои специальные стили, предназначенные для строго определенных областей языкового общения, языки устойчивые, крепкие, проверенные литературной практикой. Процесс образования новых национально-литературных языков не мог развиваться безотносительно к старой литературно-языковой практике. На этой почве возникали и возникают очень сложные, разнообразные и противоречивые явления в истории разных литературных языков народов Востока. В одних случаях, как, например, сейчас в Китае, происходит резкое отталкивание от старого литературного языка, в других — как, например, в конце XIX в.— начале XX в. в Японии — практикуется широкое использование старого литературного языка. Наблюдалось и наблюдается также сосуществование в практике обоих литературных языков — старого и нового. И все это соединено со становлением и развитием новой литературы, публицистики, науки.

Для лингвиста, работающего над проблемой литературных языков, эти процессы представляют несомненный теоретический интерес.

г) Проблема старых литературных языков — их сложения, их эволюции, их отношения к общенародному языку, их роли в развитии литературы, науки в эпоху феодализма. В большинстве стран Востока, где период феодализма был длительным, еще тогда создались литературные языки, ставшие своего рода «классическими литературными языками» своих народов.

Грамматический строй этих языков у нас хорошо известен, но в том аспекте, который открывается для нас сейчас, эти старые литературные языки совершенно не изучены.

д) Проблема чужих языков — «классических» — в истории своих языков народов Востока: роль санскрита в истории индийских языков; арабского — в истории языков тюркских и иранских, китайского — в истории языков корейского и японского.

Так, общие проблемы языкознания тесно сплетаются с проблемами специфики исторического развития отдельных языков и их семей.

Теоретические проблемы истории и диалектологии языка имеют чрезвычайно важное практическое значение. Кроме подготовки необходимых учебных пособий по истории и диалектологии языков, разработка этих вопросов непосредственно связана с процессами нормализации современных литературных языков и их совершенствования. Вопросы об отношении литературного языка и диалектов, об обогащении литературного языка за счет диалектов, о разработке норм орфоэпии и орфографии непосредственно связаны с глубоким теоретическим изучением проблемы развития национальных языков.

И. В. Сталин дал чрезвычайно ценные указания для разработки специально истории русского языка и истории других славянских языков.

Основополагающим является указание И. В. Сталина на курско-орловский диалект как на основу русского национального языка (и на полтавско-киевский диалект, как основу украинского национального языка). Перед советскими лингвистами поставлена чрезвычайно важная задача — показать на конкретно-историческом языковом материале, как шло формирование русского национального языка. Но эта задача еще далека от разрешения. Попытки представить формирование русского национального языка на основе курско-орловского диалекта, предпринятые различными лингвистами, а также археологами (проф. Б. А. Рыбаковым), за истекший год, были явно неудачны (доклады Ф. П. Филина и Р. И. Аванесова). Главная причина этих неудач — недостаточно углубленный анализ, недостаточно широкое привлечение и использование даже тех больших материалов, которые уже накоплены русской диалектологией и историей русского языка, а отсюда — односторонний схематизм и антиисторическое теоретизирование. Не подвинули еще дела вперед и новые диалектологические работы, специально посвященные орловским говорам[14]. Эти работы представляют собой эмпирическое описание вокализма, а отчасти и морфологии орловских говоров, сопровождаемое лишь частными экскурсами в историю говоров. Работа над диалектологическим атласом курско-орловских говоров должна помочь всестороннему освещению этого вопроса.

Таковы в очень беглом очерке проблемы, стоящие перед советским языкознанием в области исследования истории разных языков. Обязанности и задачи лингвистического журнала в этом кругу вопросов особенно сложны и ответственны.

4

Указание И. В. Сталина на то, что «изучение языкового родства ...могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»[15], поставило перед советским языкознанием новую большую и серьезную задачу — разработку теории и практики сравнительно-исторического языкознания, почти совершенно заглохшего в период господства в лингвистике марровских воззрений. Необходимо было взять то ценное, что заключалось в прежних исследованиях по вопросам сравнительно-исторического языкознания, разоблачить несостоятельность критики этого языкознания, которая велась Н. Я. Марром и его «учениками», вскрыть методологические недостатки работ прежних представителей сравнительно-исторического метода. По указанию И. В. Сталина, сравнительно-исторический метод в языкознании (в том виде, как он применялся раньше) характеризуется «серьезными недостатками». Освобождение от этих недостатков, преобразование сравнительно-исторического метода на базе диалектического и исторического материализма, определение новых путей развития сравнительно-исторического языкознания — вот в чем состоит задача советского, сталинского языкознания. Как же выполняют эту задачу советские лингвисты?

За время после опубликования гениального труда И. В. Сталина появился ряд работ (главным образом журнальных статей), посвященных общим принципам сравнительно-исторического метода и конкретному применению его к изучению различных семей и групп родственных язы-

---

[14] См. «Ученые записки Орловского пединститута», т. V, 1951, вып. 2.

[15] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 34.

ков. Эти же вопросы поднимались и в лингвистических докладах, прочитанных на организованной Отделениями литературы и языка и истории и философии АН СССР сессии по проблемам этногенеза, состоявшейся в Москве в конце ноября и в начале декабря 1951 года[16].

Большая часть этих работ носит общий, популярный характер, имея целью разъяснить широким кругам лингвистов, а также представителям смежных специальностей (историкам, этнографам, антропологам, археологам) сущность сравнительно-исторического метода и пределы его применения при изучении истории языков и народов. Пользу таких статей

---

[16] См. статьи Б. А. Серебренникова — «Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н. Я. Марра» (в сборнике «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., 1950), «Сравнительно-исторический метод в языкознании» («Иностранные языки в школе», 1950, № 6), «О праязыке» (там же, 1951, № 3), «К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. IX, 1950, вып. 3). Некоторые общие вопросы сравнительно-исторического метода затрагиваются в лекции Л. А. Булаховского «Вопросы исторического развития языков в свете учения И. В. Сталина» (сборник «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», 1950; украинский перевод этой лекции см. «Мовознавство», т. IX, Киев, 1951). Проблеме языкового родства в целом посвящен доклад П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского и Б. А. Серебренникова на сессии по проблемам этногенеза — «О методе установления языкового родства». Проблемы применения сравнительно-исторического метода к изучению специально индоевропейской семьи языков касаются статьи — Б. Б. Горнунга «К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. IX, 1950, вып. 5), А. В. Десницкой «Сравнительно-исторический метод и изучение истории языка» (там же, т. X, 1951, вып. 4), а также доклады на сессии по этногенезу Б. В. Горнунга, В. Д. Левина и В. Н. Сидорова — «Проблема образования и развития языковых семей» и Б. В. Горнунга — «О некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков». Вопросам сравнительно-исторического изучения славянских языков уделяется много внимания в статье Л. А. Булаховского — «О некоторых вопросах и задачах сравнительно-исторического изучения славянских языков» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. IX, 1950, вып. 2). Вопрос о происхождении и развитии славянских языков в целом обсуждается в статье В. П. Петруся — «Славянская языковая общность и славянские языки» (там же, т. X, 1951, вып. 4). Этот же вопрос освещается в статье В. В. Виноградова и П. С. Кузнецова — «Языковое родство славянских наций» (журн. «Славяне», 1951, № 2). Специальному вопросу, именно славянской акцентологии на материале одного славянского языка, но в сравнительно-историческом плане, посвящена книжка Л. А. Булаховского — «Акцентологический комментарий к польскому языку» (Киев, 1950). Вопросы сравнительно-исторического изучения германских языков рассматриваются в статье А. И. Смирницкого — «Взаимоотношения между редукцией гласных и историей грамматической системы имени в германских языках» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, кн. 2). Частично, наряду с другими вопросами, применения положений сравнительно-исторического метода к изучению иранских языков касается статья А. А. Фреймана — «Сталинское учение о языке и иранское языкознание» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, вып. 1), а также доклад Б. В. Миллера на сессии по проблеме этногенеза — «К вопросу о классификации иранских языков». Использует положения сравнительно-исторического языкознания монография А. А. Белецкого — «Принципы этимологического исследования» (Киев, 1951) на материале греческого языка в его историческом развитии). Появились работы, посвященные изучению других языковых семей, помимо индоевропейской: угро-финских языков — статья В. И. Лыткина — «О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, вып. 4), методологически порочная статья В. В. Гудковой-Сенкевич — «К проблеме происхождения родственных групп и семей языков» («Советская этнография», 1951, № 2). Проблема сравнительноисторического изучения тюркских языков ставится в докладе Н. А. Баскакова на сессии по этногенезу — «К вопросу о классификации тюркских языков». Вопросов родственных отношений между различными африканскими языками касался Д. А. Ольдерогге в докладе — «Об этногенезе народов центрального Судана», прочитанном на сессии по этногенезу.

Ср. также статью Х. Махмудова в «Вестнике Академии Наук Казахской ССР», 1951, № 4.

нельзя отрицать, так как в период господства так называемого «нового учения» о языке наши молодые лингвистические кадры совершенно или почти совершенно утратили знакомство с сравнительно-историческим языкознанием.

Сравнительно-историческое изучение родственных языков, этой надежной основы исследования законов развития языка, до сих пор еще иногда сталкивается с предубеждением, будто бы такое изучение может привести ко всякого рода реакционно-идеалистическим концепциям вроде пантюркизма, панмонголизма, панфиннизма и т. д. А между тем именно сравнительно-историческое изучение родственных языков не оставляет никакой почвы для всякого рода пантюркистских и прочих реакционных домыслов. В самом деле, если сравнительно-историческое языкознание говорит нам о том, что развитие многих родственных языков шло по линии их развертывающейся дифференциации, в ходе которой складывались внутренние законы развития каждого из родственных языков, то ведь, например, пантюркистское требование создания «единого» тюркского языка не может не быть признано реакционным, направленным против всего хода исторического развития тюркских языков, против внутренних законов развития каждого из этих тюркских языков. Наоборот, положение Марра о том, что родственные языки представляют собой результат все возрастающего скрещивания ранее генетически разнородных языков, что, например, тюркские языки, ранее якобы генетически разнородные, теперь сближены между собой будто бы до состояния диалектов и говоров одного языка, должно быть зачислено в арсенал псевдонаучных построений реакционного пантюркизма. Поэтому не является случайным то, что именно Н. Я. Марр счел необходимым в 1933 г. заявить: «...мы не можем не быть в единомыслии с турками в плоскости теоретических интересов, следовательно, идеологически»[17]; не случайно Н. Я. Марр был в восторге от того «в высшей степени деликатного гостеприимства», которым встретили его турки в Смирне, и от своей «идеологической встречи» с турками «на данном этапе развития турецкого национального вопроса»[18].

Необходимо самым решительным образом предостеречь против возможной профанации сравнительно-исторического метода в языкознании. В результате длительного господства аракчеевского режима в языкознании, в условиях которого всячески шельмовалось сравнительно-историческое изучение родственных языков, оказались растерянными кадры специалистов по сравнительно-историческому языкознанию и почти забытыми навыки подобного изучения; новые кадры оказались воспитанными вне всякого знакомства со сравнительно-историческим методом. Поэтому теперь приходится иногда встречаться с фактами наивного и упрощенного понимания сущности сравнительно-исторического исследования, с такими приемами «сравнения», которые напоминают то, что имело место в давнее время, когда сравнительное языкознание только что становилось на ноги (попытки, например, воссоздать, как это делали первые компаративисты-романтики в Германии, культурно-историческое прошлое ряда народов по некоторым лексическим группам, без учета всего многообразия исторических пластов в составе развивающейся лексики данного языка или группы родственных языков, без строгой исторической дифференциации последовательных этапов лексических напластований, без внимания к тому, что иногда существенные элементы словаря могут в ряде родственных языков оказаться утраченными или отмершими).

---

[17] Н. Я. Марр, О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье, стр. 59.

[18] Там же, стр. 12.

Необходимо шире развернуть подготовку кадров языковедов, способных не только применять сравнительно-исторический метод изучения языков, но и освободить его от свойственных ему серьезных недостатков.

Сравнительно-исторические грамматики как по своему типу, так и по объему языков могут иметь чрезвычайно разнообразный характер,— от монументальных сравнительно-исторических исследований целой семьи языков (индо-европейской, семитической и пр.) или группы языков (славянской, романской, германской, финской, монгольской) до отдельных их подгрупп (восточно-славянской, восточно-романской, огузской, кыпчакской и т. п.) и даже еще более мелких подразделений родственных языков.

В разных работах наших лингвистов на протяжении истекшего года были сформулированы некоторые общие положения, на которые, по мнению авторов этих работ, должно опираться в дальнейшем советское сравнительно-историческое языкознание. Эти положения имеют в качестве методологической предпосылки указания И. В. Сталина на значение языкового родства народов, на связь истории языка с историей народа и на пути, какими осуществляется языковое скрещивание. Эти положения вкратце сводятся к следующему. Родство языков опирается на закономерно проведенные соответствия в материальном звуковом составе и значении основных элементов речи—корней, формативов—между различными языками, входящими в состав одной группы или семьи языков; слова и формы, родство которых таким образом установлено, всегда восходят к некоторому материально-общему архетипу (исходной форме). Признается язык-основа, единый для каждой из групп и семей родственных языков. Намечены вместе с тем общий характер, общее направление тех путей, какими в результате различных исторических процессов происходит образование отдельных родственных языков или их ветвей в пределах данной семьи. Понятие языка-основы не сразу утвердилось в советском языкознании. Многие лингвисты опасались признания языка-основы, видя в этом возврат целиком к старым положениям сравнительного языкознания, отождествляя понятие языка-основы и старого понятия праязыка. Отсюда возникла необходимость осветить недостатки понятия «праязыка», его антиисторизм и произвольную схематичность в традиционном сравнительно-историческом языкознании (а иногда и его символическую условность). Эта задача целиком еще не выполнена. Пока выдвинуты лишь отдельные положения о зависимости разной степени трудности в определении родства языков от особенностей их строя, о различной проницаемости различных сторон языка для воздействия извне, о неравномерности темпов развития различных сторон языка, а также о неравномерности темпов развития разных элементов грамматического строя в различных языках.

При сравнительно-историческом изучении родственных языков рекомендуется опираться на историческую последовательность формирования и развития отдельных языков группы и вхождения их в различные общности, то есть соблюдать одно из обязательных условий изучения истории языка непосредственно в связи с историей данного конкретного народа. Иначе говоря, необходимо соблюдать хронологическую последовательность при сравнении фактов языка сначала между исторически наиболее близкородственными языками, затем между ближайшими родственными подгруппами, группами и т. д.

При сравнении языков необходимо учитывать не отдельные вырванные из системы языка факты, а всю структуру языка, которая для этого должна быть изучена во всех своих элементах и составных частях. Язык должен быть исследован во всем многообразии его диалектов. Все факты

языка должны быть сопоставлены и соотнесены между собой во всех своих частных деталях. При сравнении языков необходимо оперировать не отдельными фактами, а совокупностью всех явлений данной лексической или грамматической категории во всем многообразии ее семантических и формальных выражений.

Нельзя сравнивать отдельные языки даже одной и той же группы или подгруппы безотносительно к хронологии разных этапов их развития. Для этого необходимо прежде всего по возможности установить своеобразную периодизацию их развития, хронологически последовательные их связи, отправляясь при сравнении от более дифференцированных объединений языков к более крупным их соединениям.

Вместе с тем отмечалась также необходимость принимать во внимание неравномерность в развитии разных языков и различные исторические связи языков как с родственными языками, так и с языками других семей и вытекающие отсюда процессы взаимодействия языков.

Однако далеко не все работы этого типа, появившиеся в 1950—1951 гг., могут удовлетворить советского филолога даже в плане популярного изложения общих положений сравнительно-исторического языкознания. Например, статья В. П. Петруся, посвященная языковой общности славян, стремится в беглом очерке охватить всю историю славян, с доисторических времен (с эпохи родовых языков) и до образования наций включительно. Но ранняя история славян изложена здесь очень туманно, очень темно говорится о каких-то центробежных и центростремительных силах. Неясно, как сам автор представляет славянскую языковую общность, пересекаемую, по его словам, известными изоглоссами в разных направлениях (какие изоглоссы конкретно здесь разумеются, также неясно; в статье нет никакого лингвистического материала). Автор не говорит к тому же, изначально ли пересекали славянскую область эти изоглоссы или они когда-то складывались (в процессе ли отслоения «накапливающейся» славянской языковой общности от индоевропейского единства или под влиянием «сил центробежного характера» уже в обособившейся «славянской родовой группе»). По цветистому определению В. П. Петруся, в период родового строя у славян «была свободная речевая стихия, поверхность которой бороздили диалектные волны, не разрушая ее берегов» (стр. 356). Вопреки указанию И. В. Сталина что у племен и народностей, наряду с общенародным языком, были «диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»[19], В. П. Петрусь уверяет, что у славян на всей территории, занимаемой племенем, существуют зоны местных диалектных вариаций, но не существует никаких диалектов» (стр. 358). Не менее сомнительно утверждение В. П. Петруся, что «письменный язык феодального общества не может быть принят за общенародный» (стр. 361). Это утверждение наглядно опровергается языком берестяных грамот, открытых раскопками проф. А. В. Арциховского в Новгороде (см. «Вопросы истории», 1951, № 12).

Не могут нас удовлетворить и статьи А. В. Десницкой, напечатанные в «Известиях АН СССР, Отд. лит-ры и яз.» и в журнале «Русский язык в школе». Бывшая последовательница акад. Марра А. В. Десницкая не раскрывает подробно основных ошибок своих прежних работ, посвященных вопросам сравнительной грамматики индоевропейских языков в плане теории Н. Я. Марра. Да и положительная часть ее статей крайне недостаточна и неопределенна по своим общим установкам. Здесь не найдем ясного ответа, например, на вопросы о том, как возникла общность

---

[19] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

германских языков, по каким признакам определяется бо́льшая или меньшая архаичность строя отдельных языков.

Неясности и даже рецидивы прошлого очень ощутительны и в статье А. В. Десницкой, напечатанной в журнале «Русский язык в школе»[20]. Здесь отразились те положения, которые были характерны для ее статей периода господства теории Марра. Ссылаясь на Энгельса, автор говорит о распаде племен и языков, об образовании в результате этого различных, но родственных языков и сейчас же вслед за этим — об объединении родственных племен в племенные союзы, о последующем образовании народностей и о том, что «все эти процессы, несомненно, должны были найти свое отражение и в образовании родственных языковых групп» (стр. 25). Но ведь если союзы племен образуются именно родственными племенами, то не образование союзов создает родство языков и родственные языковые группы, а это родство должно было существовать уже раньше, являясь *предпосылкой образования союзов*.

В резком противоречии с основами советского языкознания находится статья В. В. Гудковой-Сенкевич, опубликованная в «Советской этнографии» (1951, № 2). Опираясь на гипотезу «первобытной лингвистической непрерывности», выдвинутую С. П. Толстовым и представляющую собой своеобразную попытку возрождения марристских взглядов на происхождение языковых групп, а также пытаясь использовать «теорию контакта» Д. В. Бубриха, возникшую как средство компромисса с марровскими воззрениями, В. В. Гудкова стремится на этой шаткой и болотистой почве обосновать родственные отношения между разными ветвями финно-угорских языков. Помимо ошибочности и порочности общеметодологической установки, эта статья характеризуется крайне сумбурным и невежественным использованием самой техники сравнения фактов разных языков, выработанной сравнительно-историческим методом.

Критика недостатков старого сравнительно-исторического языкознания и сравнительно-исторического метода в последних работах советских языковедов была явно недостаточна и неглубока. Часто она вовсе отсутствовала. Кроме того, не всегда эта критика шла по правильному пути (например, в статье проф. С. П. Толстова «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии», напечатанной в журнале «Советская этнография», 1950, № 4).

Правда, некоторые ценные замечания по поводу отдельных недостатков зарубежных работ в области сравнительно-исторического языкознания были высказаны, но они касались преимущественно частных вопросов.

Статьи, специально касавшиеся недостатков сравнительно-исторического метода вообще (например, Б. А. Серебренникова), не указывали конкретных путей преобразования и усовершенствования этого метода в общей системе марксистского языкознания.

К сожалению, у нас почти вовсе не подвергались критическому анализу те возражения, которые выдвигаются против сравнительно-исторического метода в буржуазно-идеалистическом языкознании, особенно в разветвлениях структурализма и в семантической философии. Антиисторизм этих течений приводит вообще к отказу от сравнительно-исторического метода. Эта черта современного зарубежного языкознания *характерна не только для современных американских и западноевропейских структуралистов*, но восходит к истокам структурализма. Еще у Н. С. Трубецкого, который считается отцом современного структурализма, обозначился взгляд на индоевропейские языки не как на генети-

[20] Ж. «Русский язык в школе», 1951, № 4.

ческую общность, а как на чисто структурное фонетико-морфологическое понятие. По мнению Трубецкого, индоевропейское языковое состояние представляет лишь определенную ступень в развитии языков: языки могут становиться индоевропейскими и могут переставать быть ими. В этом Трубецкой тесно сближается и по существу смыкается с Марром и его «учениками» [21]. Эта линия развития зарубежной компаративистики не подвергалась в нашей литературе серьезной критике, а направить критику в эту сторону совершенно необходимо.

Для марксистского углубления и преобразования сравнительно-исторического метода необходимы конкретные исследования сравнительно-исторического характера, притом исследования новаторского типа, намечающие новый путь марксистского сравнительно-исторического изучения родственных языков. Таких исследований пока не появилось.

В связи с этим необходимо признать одной из основных задач советского языкознания разработку конкретных проблем истории и взаимоотношений родственных языков на всем протяжении их существования в связи с историей носителей этих языков в свете ясных и точных указаний И. В. Сталина. Только с появлением таких исследований сравнительно-исторический метод сможет освободиться от свойственных ему в прошлом серьезных недостатков, и только тогда сравнительно-историческое изучение языков сможет принести пользу в деле изучения законов развития языка.

Весь этот круг вопросов, связанных с марксистским преобразованием приемов сравнительно-исторического исследования языковых семей и групп внутри их, должен получить широкое отражение и освещение в нашем журнале.

5

В Советскую эпоху, вызвавшую к жизни необычайную активность широких масс, когда неизмеримо выросло и расширилось значение общественных выступлений как устных (доклады, самодеятельность, радио), так и в печати, общенародный характер приобрели вопросы культуры речи.

Борьба за ясность, точность, чистоту и правильность языка, за обладание всей сложной и разветвленной системой его выразительных средств охватила широкие массы народа. Борьба за высокую культуру национальных языков народов Советского Союза является естественным и непосредственным выражением роста национального самосознания, расцвета национальных культур в социалистическом обществе. Образцы простой и четкой речи, глубокой по содержанию и предельно ясной, отточенной по форме, всем людям Советской страны даны в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Борьба за культуру национального языка является составной частью борьбы народов за морально-политическое единство нации.

Язык находится в непрестанном движении и развитии. Этим непрерывным движением обусловлены характерные для всех периодов развития языка, но с разной степенью интенсивности в разные эпохи проявляющиеся изменения и усовершенствования отдельных элементов его структуры, устойчивой в целом и в особенности в своем основном ядре. Этим развитием определяется появление колебаний, дублетных форм во всех сторонах языка — словаре, словообразовании, в произношении и ударении и даже в грамматике. Наша эпоха, эпоха напряженного развития общественной жизни, эпоха ее революционного перево-

[21] См. N. S. Trubetskoy, Gedanken über das Indogermanenproblem, Acta linguistica, I, 1939, 2.

рота, привела к значительным изменениям наиболее чувствительной стороны национальных языков нашей страны — их словарного состава. Расширение границ литературного языка, изменение прежних соотношений между литературным языком и диалектами, преобразование и обогащение системы стилей, своеобразие процессов литературно-языковой нормализации, широкое внедрение общественно-политической, научной и профессионально-технической терминологии в массовую речь — все это наложило свой отпечаток на развитие литературных языков социалистических наций.

Формирование и развитие социалистических наций сопровождается развитием национальных культур — социалистических по содержанию и национальных по форме. В настоящее время в Советском Союзе насчитывается больше 60 национальных письменностей и литературных языков. Это не идет ни в какое сравнение с тем, что было до Октябрьской революции. Происходившая летом прошлого года конференция по вопросам развития и нормализации алтайского языка ярко показала, какой огромный интерес вызывают вопросы этого рода в широких слоях соответствующей народности или нации и какое важное значение для дальнейшего развития национальной культуры того или иного народа имеет правильно, на основе сталинского учения о языке организованная общественная регламентация народного языка. Определение и кодификация структуры национальных языков, разработка систем письма и орфографии, создание нормативных грамматик и словарей, установление орфографических норм, выяснение связи национально-литературного языка и ее характера с народно-диалектной базой, упорядочение и развитие терминологии, вопросы перевода, вопрос о консолидации мелких бесписьменных языков с близко родственными языками, имеющими более широкую перспективу развития,— все это область напряженного труда советских языковедов. Но делается мало по сравнению с тем, чего требует движение и развитие широкой и свободной социалистической жизни. Особенно ощутительна слабость, особенно чувствительны недостатки теоретической работы именно на этом участке языкознания. А ведь изучение и решение этих сложных и многообразных вопросов в нашей стране имеют под собой твердую и глубокую базу учения И. В. Сталина о закономерностях развития языков социалистических наций. Роль языковедческого журнала в освещении и направлении этой работы должна быть особенно велика. Вся совокупность этих вопросов после выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания требует пересмотра и углубленного изучения в свете сталинского учения о языке, о национальной специфике языка, о внутренних законах его развития, о постепенности качественных изменений в языке. Наблюдения над процессами, протекающими в тех литературных языках социалистических наций, которые имеют богатую прошлым историю, представляют не меньший практический и теоретический интерес. Стилевая структура этих языков сложна и разнообразна. В них обнаруживается обилие стилистических вариантов, многообразие параллельных форм выражения сходных значений.

Наличие вариантных форм с различной стилистической окраской по-разному воспринимается носителями языка. Одни видят в появлении нового варианта порчу, засорение языка и отстаивают традицию как норму правильности, другие, напротив, охотно принимают все новообразования, находя в них отражение живых тенденций развития языка, и легко предоставляют им права литературного гражданства. Само понятие языковой нормы не может быть определено без учета исторической смены и исторической изменчивости языковых явлений; это понятие должно быть обосновано исторически. Обычны случаи, когда то, что,

например, в русском языке еще для начала XIX в. было нормой литературного употребления, в настоящее время стало архаизмом; и, напротив, то, что еще недавно воспринималось как просторечное или областное, нередко принимается литературным языком и становится нормой. Принятие или непринятие нового, сохранение старого или отказ от него обусловлены общими тенденциями и внутренними законами развития языка. Литературные вкусы, оценки современников сами нуждаются в историческом объяснении и истолковании. Нельзя подходить к языковым колебаниям как к изолированным фактам, требующим специфического разрешения в каждом отдельном случае. Именно так пытались «рефомировать» современный молдавский язык ретивые «законодатели» из лагеря «учеников» акад. Марра. Колебания обычно отражают изменения в целой серии аналогичных явлений, они опираются на структуру языка в его прошлом и настоящем, на развитие языка как «продукта целого ряда эпох». Перед советскими языковедами стоит задача определения понятия нормы для разных периодов в истории языка и особенно для нашего времени. Исходя из конкретно-исторического понимания лексических, грамматических, произносительных (в том числе и акцентологических) норм, наши языковеды должны создать для разных национальных языков целую серию справочных пособий — словарей, орфоэпических указателей и т. п., предназначенных для школы и широкого круга читателей. Острая нужда и потребность в справочных пособиях нормативного характера в социалистическом обществе, поднимающем на высоты культурного развития все слои народа, чрезвычайно велики.

По-новому встает проблема воздействия на язык, активного отношения к так называемым «неправильностям» в слово- и формоупотреблении, в фразеологическом сочетании слов, в синтаксических связях, в ударении, в произношении. Ни односторонне пуристические тенденции защитников старины, утративших ощущение поступательного развития языка, ни ультра-«революционные» попытки искусственных «насаждений» в языке и насильственной ломки старых его форм не могут удовлетворить советское общество и советскую науку о языке. При оценке и определении «правильного» и «неправильного» в языке следует исходить из основных положений марксистского языкознания. Все то новое, развивающееся, что оправдано внутренними законами развития языка, соответствует его структуре, опирается на живые тенденции народного творчества, на активные процессы в области грамматики, семантики, словоупотребления, словообразования и т. п., не может считаться «неправильным», не может отвергаться на основе индивидуальных вкусов и привычек: оно входит или может войти в язык независимо от этих вкусов. Напротив, то, что создается — обычно искусственно — вопреки живым нормам и живым тенденциям развития литературного языка, что механически переносится в него из диалектов и жаргонов, то и представляет собой «неправильности» в собственном смысле этого слова, то и засоряет, портит язык. С такими неправильностями должна вестись упорная и целенаправленная борьба — борьба за культуру речи. Дальнейшему развитию и обогащению языка можно содействовать, только подчиняясь внутренним законам его развития, исходя из этих законов и двигаясь в направлении их действия, по их течению.

Советское языкознание, опираясь на гениальные труды И. В. Сталина, должно дать твердую научную базу для изучения и описания закономерностей появления языковых новообразований, для оценки устойчивости и целесообразности отдельных их типов; оно должно установить научные критерии разграничения отмирающего, уходящего — и нового, творческого, развивающегося в жизни современных языков. Необходимо тща-

тельное и всестороннее изучение языковой синонимики, с предварительными общетеоретическими разысканиями в области таких вопросов, как понятие синонима, типы синонимов, соотношение синонимии и антонимии, синонимия идеографическая и стилистическая и т. п. Проблема синонимики — лексико-фразеологической и грамматической — смыкается с изучением стилистики общенационального языка, с изучением различных его стилистических пластов, находящихся в постоянном взаимодействии и развитии, с определением места синонимических способов выражения в общей сокровищнице выразительных средств языка.

С вопросом о путях пополнения лексики и появления словарных дублетов и вариантов связан вопрос о терминологической лексике и путях ее вхождения в общелитературный язык. Для Советской эпохи характерно широкое проникновение специальной лексики в общенародное употребление. Необходимы глубокие монографические исследования, посвященные установлению общих разрядов специальной лексики и путей ее развития. В связи с этим встает вопрос об отношении к заимствованиям, к словам иноязычного происхождения в составе лексической системы языка. Эта проблема многогранна. К актуальным вопросам развития языков социалистических наций обращена та ее грань, которая касается роли русского языка как источника обогащения словарного состава всех национальных языков Советского Союза и стран народной демократии, а также закономерностей образования международного словарного фонда социалистической культуры.

Все острее выступает вопрос об общих тенденциях и закономерностях обогащения словарного состава языков социалистических наций. Объем и границы слоя специальной терминологии, вошедшей или входящей в состав общенационального словаря, исторически изменчивы. Они зависят от уровня развития культуры, техники, экономики страны. Стремительный рост социалистической промышленности и сельского хозяйства, огромный общественный интерес к достижениям советской техники, к великим стройкам коммунизма, развитие культуры и науки в республиках и автономных областях вызывает обогащение и непрерывное изменение словарного состава языков народов Советского Союза. Эти языки вбирают в себя потоки слов и терминов из великого русского языка, обозначающих новые понятия социалистического общества, советской культуры и политики или же являющихся незаменимой частью мирового интернационального лексического фонда. Языки советских социалистических наций развиваются в порядке сотрудничества и — очень часто — взаимного обогащения. Перед советским языкознанием стоит ответственная задача — изучать и сопоставлять закономерности развития современных национальных языков народов Советского Союза, открывать в этих закономерностях общее, наблюдать, в каких сторонах структуры разных национальных языков — за пределами общественно-политической и научно-технической терминологии, за пределами словарного состава — обнаруживается влияние русского языка, а также и других языков. Для обобщений в этой области необходимы многочисленные исследования, необходимо систематическое собирание тщательно проверенных материалов по самым разнообразным языкам.

Между тем у нас еще очень мало даже описательных исследований конкретных вопросов, относящихся к грамматическому строю, словарному составу, звуковой системе современных национальных языков нашей страны, особенно таких исследований, которые бы сопровождались широкими общетеоретическими выводами. Так, например, почти совсем нет работ по общим вопросам современного русского ударения (см., впрочем, статьи акад. Л. А. Булаховского, проф. А. Б. Шапиро), нет попыток установить общие

закономерности в живых процессах унификации акцентологических норм современного русского языка. Такие работы еще предстоит создать советским языковедам. Необходимы также специальные исследования в том числе и нормативного характера, по вопросам современного словообразования, а также словоупотребления, связанного с возникновением новых значений и смысловых оттенков. Советское языкознание должно научно обосновать борьбу за культуру речи и активно включиться в эту борьбу.

Перед лексикографами-специалистами по языкам народов СССР стоят новые задачи разработки различных типов словарей и в первую очередь хороших русско-национальных словарей, больших толковых словарей словарей синонимов и пр.

Составление словарей должно быть связано с решением практических задач регламентации языка, в частности с установлением орфоэпических орфографических и грамматических норм литературных языков, особенно тех младописьменных языков, которые находятся в процессе становления и укрепления. Составителями словарей должно быть уделено особое внимание подбору слов и разработке словника, который бы наиболее полно отражал активную часть национального словаря.

Более последовательно и принципиально должна быть представлена в словарях грамматическая сторона слова, должны быть более дифференцированы грамматические указания, тщательнее отобраны грамматические формы слов. Необходимо также выработать систему отражения в словаре «трудных», а иногда и спорных грамматических форм (например, глагольные виды для русского языка, имя прилагательное и наречие для тюркских языков и пр.), необходимо точнее определять границы слов и более четко разграничивать омонимы, установить способы сближения и объединения синонимов и т. д.

Не менее актуальными и ждущими незамедлительного своего разрешения являются вопросы разработки терминологической лексикографии.

Разработка терминологических словарей была особенно интенсивной в период с 1930 по 1940 г. За это время в одном только Азербайджане было издано около 30 терминологических словарей по всем важнейшим отраслям науки. В период после Великой Отечественной войны работа по составлению терминологических словарей в большинстве республик и областей ослабела, кое-где почти прекратилась. Теперь она снова начинает интенсивно развиваться.

Составление терминологических словарей и установление принципов разработки терминологии — неотложное дело лингвистов. Хорошо разработанная терминология является показателем богатства и культуры языка, его гибкости и универсальности.

Практика составления словарей по всем языкам Советского Союза должна осуществляться местными кадрами лингвистов при содействии опытных лексикографов из центральных языковедческих институтов. Лексикографические труды широкого охвата могут быть успешно осуществлены только в контакте с местными специалистами по всем отраслям знания.

У нас еще совсем нет орфоэпических словарей. Между тем важность их несомненна.

Проблема установления орфоэпических норм для языков народов СССР еще не имеет широкого опыта. Попытки кодификации норм орфоэпии в татарском, азербайджанском, казахском, узбекском и многих других языках нашей страны пока еще не реализованы на практике, хотя ведется систематическая работа над нормализацией языков в национальных театрах и в радиовещании.

Установление орфоэпии, таким образом, связано с практической рабо-

той по внедрению выработанных на основе народного языка общих произносительных норм через школу, театр и радиовещание. Все это требует постоянной и систематической помощи языковедов, их консультаций учителям и широкой массе культурных работников национальных республик и областей.

В связи с изучением фонетической структуры языка, в связи с определением его орфоэпических норм чрезвычайно важное значение имеет также вопрос о фонетической транскрипции.

Правильно разработанная, с учетом фонетических особенностей других родственных языков, фонетическая транскрипция нужна не только для исследователя живой звучащей речи, языковеда-диалектолога, она необходима также и для преподавателя языка в средней и высшей школе.

Имеющиеся рабочие транскрипции, например, по тюркским языкам, как правило, не охватывают всех особенностей фонетики данного языка, а знаки транскрипции не соотнесены в своих значениях с системой транскрипций для других языков.

Таковы практические задачи, связанные с вопросами культуры речи.

Борьба за культуру речи — это борьба за правильность употребления слов, форм, конструкций там, где язык, развиваясь и обогащаясь, дает возможность выбора и отбора. Вопросы культуры речи должны получить твердую базу своего практического разрешения и общетеоретического освещения в такой еще малоразработанной области языковедческой науки, как стилистика. На стилистику опирается также теория перевода, вопросы которой не раз поднимались советской общественностью, справедливо требующей точного и высококачественного перевода научных, публицистических и художественных текстов.

Стилистика является совершенно неразработанной областью для языков народов СССР, а между тем вопросы стилистики здесь имеют не только теоретический характер, но и тесно связаны с такой ответственной практической областью языковедения, как техника переводческой работы, которая, кстати сказать, весьма отстает в наших республиках и областях; стилистика связана также с широким кругом вопросов культуры литературного языка.

В области стилистики языковеды, специалисты по языкам народов СССР, должны учесть опыт работы по русскому языку, которая в самое последнее время значительно подвинулась вперед.

До сих пор понятие стилистики как науки было крайне неопределенным и расплывчатым. Стилистика входила в курсы так называемой «теории литературы» и питалась остатками риторик «доброго старого времени». Сюда обычно включались и общие сведения по теории литературы, и отдельные вопросы лексикологии и семантики, и стародавний перечень художественно-изобразительных средств (сравнения, эпитеты, метафоры и т. п.) с соответствующими пояснениями и иллюстрациями. Стилистика должна быть создана как самостоятельная и разветвленная отрасль языкознания, как наука о системе стилей общенародного, национального языка, о их соотношении и взаимопроникновении, как наука о свойственных тому или иному языку соотносительных и параллельных способах выражения более или менее однородного содержания, о формах отношения средств выражения к выражаемому содержанию. Чем богаче и развитее язык, чем сложнее его история, чем шире круг его межъязыковых связей, тем сложнее и многообразнее система стилей этого общенародного языка, тем богаче их функции, тем разнообразнее пути их взаимодействия и виды их связей с народными говорами и социальными диалектами.

Система стилей общенародного языка подвижна, изменчива. Не все стили равноценны по своему значению, по богатству форм выражения,

по охвату сфер социального общения. В составе общелитературного языка и за его пределами — в устно-бытовой речи — существуют в сложном сцеплении многообразные речевые стили, отражающие сложную игру красок общенародного словаря, грамматических форм и конструкций. Освоение и определение языковой нормы связано с творческим овладением всей системой стилей языка. Даже в протекающей на наших глазах живой истории языка виден ход постепенных перемещений языковых средств из пределов одного стиля в пределы другого, смена стилистических окрасок серий слов и форм, а отсюда — и видоизменения норм.

Стилистическая оценка норм современного языка должна быть живой, диалектической и вытекать из ясного понимания исторических закономерностей развития языка как «продукта ряда эпох».

Вопросы стилистики национального языка не следует смешивать с теорией и практикой литературно-художественной речи, с вопросами стилистики индивидуально-словесного творчества.

Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания по-новому поставили перед советскими языковедами и проблему изучения языка писателя в его отношении к общенародному языку. Правильное разрешение этой проблемы имеет первостепенное значение не только для языкознания, но и для литературоведения и других смежных областей знания. Наука о языке писателя — наука новая. Ее фундамент заложен советскими учеными, которыми был намечен и общий круг интересов этой отрасли лингвистического знания. Эта наука стойко и упорно развивалась в Советскую эпоху, несмотря на все препятствия, чинимые ей сторонниками «нового учения» о языке. Однако основные понятия науки о языке писателя получают совсем новое освещение в работах И. В. Сталина по вопросам языкознания. Перспективы развития этой области языкознания широки и заманчивы. Изучение языка писателя содействует углубленному пониманию его образов, его идейных замыслов, индивидуальных своеобразий его художественного творчества. Изучение языка художественной литературы открывает широкие возможности понимания общих закономерностей развития языка эпохи, оно дает эстетически отраженное воспроизведение «речевой жизни» народа. Советским языковедам еще предстоит осветить светом творческого марксизма целый круг вопросов, связанных с изучением языка писателя (например, таких, как вопрос о способах использования писателем сложного богатства словаря и грамматического строя своего родного языка, вопрос о принципах оценки словотворчества писателя, его роли в развитии общенародного языка, вопрос об индивидуальных принципах сочетания разностильных средств языка и т. п.).

С решением этих вопросов тесно связано усовершенствование приемов критического анализа языка художественного произведения. Назрела необходимость в выработке новых, подлинно научных методов филологической критики. В нашей печати неоднократно поднимался вопрос о том, что те отдельные замечания о языке произведения, которые обычно встречаются в рецензиях, своим крайне однообразным и мертвенным характером напоминают своеобразную наклейку из стилистических ярлыков. Советское языкознание должно помочь литературной критике найти правильные методы анализа языка художественного произведения.

С вопросом об изучении языка писателя неразрывно связан вопрос об изучении индивидуально-художественного стиля писателя как системы средств речевого выражения, организованной в сложное единство и спаянной мировоззрением и творческой личностью художника.

Изучение стиля писателя как индивидуальной системы взаимообусловленных языковых средств, служащих для художественного выражения

мировоззрения писателя, его идей и общественных оценок, сейчас, после появления работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, должно стать самостоятельной отраслью стилистики, близкой к литературоведению. Изучение стиля художественного произведения, стиля писателя неотделимо от изучения идейного замысла художника, образной ткани его произведения, построения характеров действующих лиц, структуры того образа повествователя, который создается всей композицией сочинения. В связи с этим выступает широкий круг вопросов, относящихся к стилистике словесно-художественного творчества — вопросов, связанных с изучением системы стилей художественной литературы в их историческом движении и развитии. Освещение всех этих многообразных проблем культуры речи, стилистики общенационального языка и стилистики художественной литературы является одной из очень существенных и важных задач журнала «Вопросы языкознания».

6

Многие современные национальные языки народов Советского Союза нуждаются в пересмотре и уточнении своей письменности. Принятые в конце тридцатых годов алфавиты и своды орфографических правил обнаружили на практике целый ряд недостатков. Эти недостатки могут быть устранены без коренной ломки письменности.

Пересмотра своих алфавитов и своей орфографии требуют, например, такие языки, как туркменский, где до сих пор не решен вопрос об обозначении долгих гласных; алтайский, где и алфавит и орфография нуждаются, как показала недавно состоявшаяся лингвистическая конференция, в значительных изменениях; каракалпакский, где должны быть значительно уточнены как алфавит, имеющий знаки с пятью, шестью совершенно различными значениями (например, знаки «у», «и»), так и орфография, чрезвычайно сложная и запутанная из-за неудачного алфавита, не отражающего целый ряд гласных звуков; казахский и др.

В ходе разработки алфавитов для ранее бесписьменных языков, а равно и в процессе смены старых и архаичных письменностей арабского или старомонгольского типа иногда были допущены серьезные ошибки, устранение которых в настоящее время является настоятельно необходимым. В условиях господства так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра эти ошибки были неизбежны, так как марровские поиски фантастических связей языков нашей страны с неведомыми языками «яфетической» доистории не могли давать никакой надежной опоры для изучения структуры современных языков народов СССР. Поэтому теперь в ряде случаев представляется необходимым в свете сталинского учения о языке пересмотреть и упорядочить некоторые алфавиты, уже действующие в течение нескольких лет, с тем, чтобы эти алфавиты согласовать и сблизить с реальными свойствами и особенностями фонетической структуры соответствующих языков. Так, например, предстоит пересмотреть алфавит казахского языка, перегруженный без особенной надобности обилием знаков (в количестве 41). Перед языковедами Казахстана стоит неотложная задача изучения вопроса о целесообразности сохранения в казахском алфавите ряда знаков, в частности таких, как: «ӊ», «і», «$к_з$», «г»; по общему признанию, некоторые из этих знаков оказываются излишними. Если, например, для азербайджанского, узбекского и уйгурского алфавитов было безусловно необходимо введение таких знаков, как «$к_з$» и «г», для передачи самостоятельных фонем этих языков, то в казахском алфавите наличие этих знаков не может считаться вполне оправданным. В казахском языке звуки «к» и «г» — в зависимости от

позиции — артикулируются то как соответствующие варианты переднего типа (в словах с гласными переднего ряда), то — заднего ряда. Практика киргизского, бурят-монгольского, монгольского и других алфавитов показала, что в казахском алфавите можно было бы, по мнению авторитетных знатоков казахского языка, обойтись и без этих знаков.

В некоторых языках, напротив, в алфавите отсутствуют знаки для вполне самостоятельных фонем. Так, в каракалпакском языке система гласных, состоящая из девяти самостоятельных звуков: «а», «е», «о», «ö», «у», «ÿ», «ы», «и», «э», обозначается только шестью знаками: «а» (для «а», «э»), «е», («э»), «о» (для «о» и «ö»), «у» (для «ÿ» и «у»), «ы», «и», что ведет к весьма сложным орфографическим правилам. Некоторые из знаков для гласных имеют еще, сверх того, значения согласных звуков и даже сочетаний гласных и согласных.

Не малые задачи стоят перед советским языкознанием и в области нормализации орфографии как младописьменных языков, так и тех, которые за годы революции расстались со старой, арабской, монгольской или миссионерской письменностью и перешли на новую, созданную на основе использования знаков русской графики — с дополнением некоторых других знаков, необходимых для передачи специфических звуков того или иного нерусского языка, например «ö», «ÿ», «h» и т. п. Орфография некоторых литературных языков страдает недочетами и характеризуется неупорядоченностью. Такое состояние орфографии может быть объяснено рядом обстоятельств.

Во-первых, не везде точно установлена диалектная база того или иного литературного языка; не всегда достаточно изучен диалект, принятый в качестве основы формирования данного языка. Вследствие этого процессы, происходящие в фонетике такого диалекта, оказываются не учтенными в должной мере. Так, например, в орфографии алтайского литературного языка, в основу которого лег собственно алтайский диалект, до самого последнего времени оставались неупорядоченными некоторые весьма важные правила.

Во-вторых, неупорядоченность орфографии отдельных языков вытекает из того, что иногда все особенности диалекта, на базе которого происходило формирование того или иного литературного языка, без учета тенденций развития общенародного языка, возводятся в непререкаемый принцип, в догму и охраняются с излишней прямолинейностью. В этих случаях в сводах орфографических правил и в словарях декретируется такое написание отдельных слов или группы слов, которое, отражая местные фонетические особенности ведущего диалекта, находится в резком противоречии с произносительными нормами всего общенародного языка. Так, например, в бурят-монгольском литературном языке принято писать «гҮзоон» вместо общераспространенного «гҮзээн» — «брюшина». Нормы и особенности ведущего диалекта должны учитываться в орфографии литературного языка лишь в той мере, в какой они отражают нормы и особенности всего общенародного языка. А все то, что в данном диалекте является лишь местным явлением и не отражает характерных признаков общенародного языка, не может быть положено в основу системы орфографии литературного языка и декретируемо для последней в качестве обязательной нормы. В связи с этим перед советскими языковедами остро встают задачи тщательного изучения диалектной базы младописьменных литературных языков.

Необходимо создать ясную картину современного состояния и общих закономерностей развития этих языков и их взаимодействий с народными диалектами. Подобное изучение может помочь нормализации написаний в тех случаях, когда в том или ином языке наблюдаются параллельные

формы в произношении одних и тех же слов или морфем даже в рамках одного и того же диалекта. Так, например, в одних и тех же диалектах бурят-монгольского языка наблюдается произношение долгих гласных непервых слогов в словах переднего ряда и в положении после гласного «ү» то в виде «ээ», то в виде «оо» («үрээр» и «үроор» — «семенами»). В некоторых отдельных случаях такие же явления наблюдаются и в казахском литературном языке.

Существенным и весьма важным является для ряда младописьменных языков народов СССР вопрос о написании заимствованных слов. Русские слова, а также и международные слова, проникающие в языки народов СССР через русский язык и часто в русском же орфографическом или фонетическом облике, органически входят в словарный состав этих языков, подчиняясь всем фонетическим и лексикограмматическим нормам и подпадая под действие внутренних законов развития заимствующих языков. Само собой разумеется, что орфографический и фонетический облики заимствованных из русского языка многочисленных слов не могут не иметь большого значения для развития национальных языков нашей страны,— это особенно касается важнейшей части научной, общественно-политической терминологии (коммунизм, ленинизм, большевизм, марксизм, революция и т. д.) и собственных имен виднейших исторических деятелей (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Пушкин, Горький и т. д.), передаваемых в орфографии языков советских социалистических наций по возможности в русском орфографическом облике.

Не может быть двух мнений по поводу безусловной необходимости при орфографировании заимствованных слов и терминов всемерно соблюдать действующие в данном заимствующем языке внутренние законы фонетического и лексико-грамматического развития и соответствующие этим законам определенные нормы. Так, учет этих внутренних законов развития и действующих в данном языке фонетических и лексико-грамматических норм при орфографировании заимствованных русских существительных и прилагательных можно было бы показать на примере того, что мы находим в бурят-монгольском и алтайском литературных языках.

В бурят-монгольском литературном языке при заимствовании русских существительных отбрасываются родовые окончания *-я, -е*, что и отражается в орфографии этого языка: *революци—революция, общежити—общежитие, парти — партия*. В алтайском же литературном языке эти родовые окончания сохраняются: *революция, партия, общежитие*. Такое различное оформление русских заимствований в обоих названных языках вытекает из особенностей последних: в бурят-монгольском языке, в котором ударение падает на первый слог, гласные последнего слога обычно выпадают; в алтайском же языке ударение, наоборот, падает, как и во всех тюркских языках, на последний слог. Поэтому бурят-монгольское написание типа *революци* и алтайское оформление типа *революция* являются вполне оправданными с точки зрения действующих в названных языках фонетических и лексико-грамматических (отсутствие категории грамматического рода) норм.

В силу тех же фонетических и лексико-грамматических норм по-разному оформляются в тех же языках русские прилагательные, заимствованные в ходе совместной жизни бурят-монголов и алтайцев с русским народом. В бурят-монгольском языке окончания заимствованных русских прилагательных подвергаются соответствующим изменениям, подчиняясь нормам сингармонизма гласных: *национальна — национальный, экономическэ — экономический, партийна — партийный, объективнэ — объективный* и т. д. В алтайском же языке эти же прилагательные усвоены лишь в форме мужского рода: *коммунистический партия — коммуни-*

стическая партия, автономный область — автономная область и т. д. Все же в решении вопроса об орфографии заимствованных из русского языка слов в ряде национальных республик и областей существует разнобой, разноголосица и даже путаница. Основное разногласие касается орфографии заимствованных слов в тех случаях, когда фонетические особенности заимствующих языков существенно отличаются от фонетического строя русского языка. Это особенно относится к тем языкам, в которых, в отличие от русского языка, господствует сингармонизм гласных и отсутствует стечение нескольких согласных в одном и том же слоге, что характерно главным образом для тюркских и монгольских языков. Для этих языков встает, например, вопрос, как орфографически передавать такое слово, как «трактор». В соответствии со звучанием этого слова, скажем, в бурят-монгольском языке мы должны были бы иметь написание в виде *тараактар*, так как в этом языке, во-первых, в начале слова нетерпимо стечение согласных *тр*, во-вторых, русское ударяемое *а* передается через долгое *а*, орфографически обозначаемое удвоенным написанием *аа*, и, в-третьих, по закону сингармонизма гласных *о* в последнем слоге должно отразиться в виде *а*. Поэтому с точки зрения общих фонетических норм бурят-монгольского языка вполне оправданным было бы написание данного слова именно в виде *тараактар*. Между тем в бурят-монгольском литературном языке принято написание в виде *трактор*, т. е. в русском орфографическом облике, и против этого неразумно и нецелесообразно возражать. Аналогичные явления мы наблюдаем и в орфографии многих других литературных языков народов СССР, и вокруг подобных явлений до сих пор время от времени идут споры, носящие очень часто абстрактно-схоластический характер. Резко выступили две крайние, полярные точки зрения.

Сторонники «чистоты» заимствующих языков полагают, что русский орфографический облик вообще не может быть учитываем. Орфография того или иного национального языка, по их мнению, не может иметь отношения к орфографии русского языка или в какой-то степени примешивать ее к своей системе. Ведь, произнося заимствованное слово на свой национальный лад, носители данного языка не всегда могут узнать это слово, если оно будет облечено в русскую орфографическую форму на письмо. Сторонники сохранения русского орфографического облика заимствованных слов указывают на то, что отклонение от этого облика, во-первых, ведет к отрыву заимствующего языка от русского языка (что соответствовало бы устремлениям буржуазных националистов) и, во-вторых, такой отрыв будет вредить усвоению русского языка в нерусских школах. Дети в этом случае вынуждены бывают усваивать написание данного слова в двух разных и противоречивых обликах — национальном и русском.

Решение этого сложного вопроса не может быть одинаковым, стандартным для всех языков, хотя несомненно наличие общей тенденции к сближению орфографического облика заимствуемых из русского терминов и собственных имен с их русскими написаниями.

Необходим конкретный учет национальной специфики того или иного языка, внутренних своеобразий его фонетического и морфологического строя, культурной традиции, степени знакомства данного народа с русским языком. Во многих языках установилось различие в написании старых, досоветских, и новых, советских, заимствований из русского языка, тем более, что и самые смысловые сферы этих двух пластов заимствований очень далеки одна от другой. Например, в башкирском языке прежде освоенные русизмы изменили свою форму и пишутся по фонетическому принципу: *картуф — картофель*; *кершэк — горшок*; *кирбес — кирпич* и т. п., слова же, взятые из русского литературного языка в советскую

эпоху, главным образом общественно-политические и научно-технические термины, в своем корне или в основе сохраняют русское написание, а присоединяемые к ним аффиксы подчиняются грамматическому строю башкирского языка: *идея, идеялы — идейный, идеялылык — идейность* и т. д. Тот же принцип с соответствующими вариациями, зависящими от строя языка, применяется, например, и в осетинской орфографии. По отношению к некоторым национальным языкам, например молдавскому, армянскому, обсуждается вопрос о приближении написаний интернациональных терминов и собственных имен к русской орфографической норме и об отходе от западноевропейской традиции в их передаче (например, в армянском предлагается писать «Япония», а не «Джапония», «фраза», а не «фраз» и т. д.).

Вся совокупность этих вопросов должна подвергнуться углубленному, дифференцированному по языкам исследованию — в свете сталинского учения о языке, о национальной специфике языков, о развитии их — без ломки коренных правил и норм, о взаимном обогащении языков социалистических наций в порядке сотрудничества. И наш журнал должен широко откликнуться на эти запросы и потребности разных народов нашей страны.

В данное время, когда во всех нерусских литературных языках русские заимствования советского периода в том или ином орфографическом облике бытуют уже не первый десяток лет, нет никакой почвы для абстрактно-схоластических споров о том, какой универсальный принцип орфографирования этих заимствований является более пригодным. Необходимо считаться с исторически уже сложившимся орфографированием, которое нуждается лишь в проверке и изучении того, в какой мере оно оказалось оправданным практически. Нет никакой необходимости в обязательном порядке производить неоправданную ломку существующей орфографии во имя ложно понятого принципа самобытности того или иного национального языка, как нет и никаких оснований для того, чтобы воздерживаться от необходимых коррективов, если в существующей орфографии имеется нечто такое, что оказалось неоправданным на практике и что мешает освоению и развитию грамотности на родном языке. Поэтому все внимание советских языковедов должно быть направлено на изучение того, в какой степени практически оправдало или не оправдало себя то или иное орфографирование заимствованных слов в том или ином конкретном языке.

7

Последователи Марра нанесли огромный вред развитию советских высших филологических учебных заведений и средней школы. В течение ряда лет, особенно в 1948 и 1949 гг., в наших вузах и школах усиленно внедрялось так называемое «новое учение» о языке.

Вузовские программы по языковедческим дисциплинам, учебники и пособия по «введению в языковедение», по «общему языкознанию» были насквозь пропитаны марровскими положениями. В них усиленно пропагандировались и квалифицировались как марксистские — воззрения Марра и его учеников, в особенности акад. И. И. Мещанинова. Русские лингвисты дореволюционной эпохи и все советские языковеды, не вставшие на марровские позиции, объявлялись реакционерами, идеалистами. Темы спецсеминариев, курсовых и дипломных работ по всем отраслям языкознания были полностью связаны с «новым учением» о языке, были направлены на его раскрытие и «развитие».

Студенты почти не знакомились с работами выдающихся наших отечественных дореволюционных и советских языковедов. Они воспитывались

в атмосфере отрицания подлинной истории того или иного языка, замененной последователями акад. Марра «теорией единого глоттогонического процесса» и различными измышлениями о стадиальности его течения. Они почти не изучали конкретного языкового материала и могли проходить строгую лингвистическую школу лишь украдкой.

Не только освещение и изложение фактического материала было искажено, но и тот «метод лингвистического исследования», который внушался студентам, был порочен: студентов приучали к скороспелым и вульгарно-социологическим обобщениям, им прививалось презрение к языковым фактам, к глубокому знанию языка.

«Новое учение» о языке не могло распространяться силой своей внутренней логики, своего содержания, оно «насаждалось» аракчеевскими методами. Нигде, пожалуй, так не царствовала «аракчеевщина», как в вузах. Студенты должны были безоговорочно, без малейших критических рассуждений, воспринимать преподносимые им «истины».

Вопрос о структуре филологических факультетов, факультетов языка и литературы разных институтов, о принципах подготовки лингвистических кадров является боевым, актуальным вопросом современности.

Однако не меньше высшей пострадала от «нового учения» о языке и средняя школа. Учителя были запутаны, дезориентированы патентованными и избалованными проповедниками «нового учения» о языке. Основным «теоретическим руководством» для преподавателей языков явилась работа акад. И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи». Она широко популяризировалась в многочисленных статьях и руководствах, в программах и методических письмах[22]. Все эти руководящие пособия для преподавателей средней школы требовали «семантического» анализа предложения, «синтаксического подхода» ко всем языковым явлениям, а также исключительного внимания к «гнездованию слов» (по рецептам Е. Н. Петровой).

Смешение грамматики и лексики, увлечение семантикой, пренебрежение к морфологии приводили к тому, что грамматический строй и словарный состав языка не осваивались учащимися ни в теоретическом, ни в практическом плане. Недооценка ведущей роли грамматики в системе занятий по русскому языку имела следствием низкую грамотность учащихся. Грамматический разбор, один из важнейших методических приемов, помогающий ученикам овладеть грамматическим строем, подменялся так называемым смысловым анализом, ничего в сущности не дававшим детям и, во всяком случае, скорее уводившим от грамотности, чем приближавшим к ней.

Работы товарища Сталина по языкознанию положили предел безответственному хозяйничанью учеников Марра в вузах и школах. Перед советским языкознанием, а вместе с ним перед высшей и средней школой, открылась новая широкая дорога.

Воодушевленные трудами товарища Сталина работники высшей и средней школы с большим творческим подъемом принялись за перестройку преподавания языков и языкознания на основе сталинского учения о языке. Были пересмотрены вузовские программы по всем лингвистическим курсам, создана программа нового курса «Основы сталинского учения о языке», заново были составлены программы по основным теоретическим

---

[22] См. статью В. И. Березина «Учение академика И. И. Мещанинова о синтаксических группах», «Русский язык в школе», 1948, № 6, статью Н. Г. Хромец «Лингвистические основы грамматического разбора», «Русский язык в школе», 1949, № 2 и мн. др.; см. методические руководства («Сборник статей по методике русского языка», под ред. В. А. Добросмыслова, изд. АПН, 1949, В. И. Лебедев, «О преодолении формализма в грамматическом разборе» и др.).

дисциплинам языковедческого цикла — по «Введению в языкознание» и по «Общему языкознанию».

Всесоюзное совещание преподавателей языковедческих дисциплин, созванное Министерством высшего образования, обсудило основные проблемы преподавания языкознания в свете сталинского учения. Был выпущен сборник под редакцией академика Виноградова «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». Сборник этот, хотя он и имеет ошибки и недостатки, много помог преподавателям языковедческих дисциплин. Его второе переработанное издание скоро выйдет в свет. Сданы в печать и готовятся учебники по различным курсам (по исторической грамматике русского языка, по современному русскому языку, по разным другим национальным языкам Советского Союза).

Коренным образом изменилась тематика дипломных и курсовых работ. В нее включено много тем, непосредственно вытекающих из сталинского учения о языке. Для всех студентов был прочитан курс «Основы сталинского учения о языке».

Но все это — только первые шаги на пути решительной перестройки преподавания языкознания в высших учебных заведениях. Важные вопросы подготовки новых языковедческих кадров, вопросы пересмотра учебных планов, вопросы разработки актуальной тематики диссертаций, специальных курсов и семинарпев по разным отраслям языкознания почти не освещались в советской прессе. Им должно быть уделено подобающее место в нашем журнале.

Многие языковедческие программы, наспех переработанные, справедливо подверглись суровой критике и нуждаются в основательном пересмотре. Вопросы о новых принципах построения таких курсов, как история литературного языка, сравнительно-историческая грамматика родственных языков, история лингвистических учений и многие другие требуют широкого творческого обсуждения. Наиболее сложной задачей является быстрое создание теоретически полноценных, содержательных учебников по всем отраслям языкознания. До сих пор еще нет новых учебников по современному русскому языку, по истории русского литературного языка, по исторической грамматике русского языка, по общему языкознанию, по многим родным языкам народов Советского Союза. В лекциях преподавателей высшей школы сталинские положения иногда связываются механически с конкретным лингвистическим материалом. За кратким теоретическим введением следует, например, изложение курса современного русского синтаксиса «по Шахматову», «по Пешковскому», в зависимости от склонности лектора. Творческие дискуссии по основным вопросам советского языкознания еще не вошли в быт высшей школы.

И в университетах, и в педагогических институтах медленно изживаются тяжелые последствия засилья «нового учения» о языке, последствия господства аракчеевского режима.

В ряде вузов разработка нового плана научно-исследовательской работы, которая в первую очередь должна отвечать нуждам высшей школы, свелась только к исключению из планов тем марровского характера. Между тем широкое развертывание научно-исследовательской работы лингвистических кафедр — необходимое условие общего улучшения преподавания лингвистических дисциплин в вузе.

До сих пор еще не разработана рекомендательная тематика исследований по языкознанию.

Успешное составление программ и учебников полностью зависит от разрешения основных теоретических проблем, поставленных перед советским языкознанием трудами товарища Сталина. Ряд очень сложных и неотложных вопросов возникает в связи с разработкой разных проектов

программы и подготовкой учебника по курсу общего языкознания. Критика идеалистических теорий, разделы науки о языке, их содержание (место и содержание семасиологии, словообразования, фонетики), точная и полная характеристика отношений лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса, конкретно-историческое освещение вопроса о соотношении основного словарного фонда и словарного состава в их развитии, проблема отношений литературного и народного языка в разные эпохи истории общества, способы усовершенствования сравнительно-исторического метода и другие темы и проблемы общего языкознания у нас еще недостаточно глубоко исследованы. Пока еще небогаты мы и содержательными научно-популярными статьями по этим вопросам. Необходимы для преподавателей вузов критические материалы по истории различных лингвистических теорий прошлого и настоящего, необходимы критические разборы концепций и отдельных работ крупнейших русских и заграничных языковедов, оказавших влияние на развитие лингвистической науки.

Перед авторами программ и учебников по истории языков остро встает проблема периодизации, связанная с вопросом о внутренних законах развития языка. Большие затруднения встречают и те, кто работает над курсами грамматики: особенно много проблемного, неизученного в синтаксисе (определение понятия предложения, в связи с этим — классификация предложений, синтаксис словосочетаний).

Наш журнал должен организовать широкое обсуждение содержания и постановки основных лингвистических дисциплин в русских и национальных вузах, дать направление научно-исследовательской лингвистической работе в университетах и педагогических институтах.

Большая работа по перестройке методов обучения языкам развернулась в средней школе.

Объединенная сессия Отделения литературы и языка АН СССР и Академии педагогических наук РСФСР, посвященная трудам товарища Сталина по языкознанию и вопросам преподавания языков в советской школе, прошедшая в ноябре 1950 г., разоблачила основные ошибки в работе преподавателей языков в средней школе и наметила пути коренной перестройки ее. Был организован целый ряд мероприятий, помогающих учителям реализовать решения сессии.

Прочитано много лекций, докладов, выпущены исправленные программы, методические письма о преподавании русского языка. Возрос интерес к вопросам орфографии и к методике обучения правильному, грамотному изложению. Появились в свет переработанные и новые пособия по теории и методике правописания [23]. Вышел из печати комплект наглядных таблиц по грамматике и орфографии; скоро выйдут еще два. Большое значение имеет выпуск нового переработанного издания орфографического словаря Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова: это — одно из важных средств так давно ожидаемой учительством унификации правописания и введения единого орфографического режима. Заново переработаны программы для педагогических училищ и составлено методическое письмо к ним.

Впервые в истории нашей школы составлены программы по русскому языку для VIII—X классов (скоро выйдет в свет пособие, приспособленное к этой программе).

---

[23] Например, «Основы русской орфографии» А. Н. Гвоздева, «Русское правописание» А. Б. Шапиро, «Методика пунктуации» С. И. Абакумова, переработанная Е. И. Кореневским, «Обучение орфографии в школе» М. В. Ушакова, «Упражнения по орфографии» — его же.

Написано несколько статей и брошюр по словарной работе в школе. Но самостоятельных исследований и руководящих статей, посвященных вопросам изучения грамматического строя в школе с точки зрения сталинского учения о языке, почти нет. Остро стоит вопрос о новом учебнике русского языка для средней школы.

Всероссийское совещание учителей русского языка (29 января — 2 февраля 1951 г.), материалы, подводящие итоги года работы после выхода в свет трудов товарища Сталина, республиканские и областные конференции и совещания преподавателей языков показали, что перед школой стоит еще целый ряд неразрешенных вопросов в области преподавания русского языка и других национальных языков. Это — те же вопросы, которые волнуют преподавателя высшей школы: взаимоотношение лексики и грамматики, синтаксиса и морфологии, место семасиологии, фонетики, словообразования в общей системе языкознания, многие практические вопросы соотношения основного словарного фонда и словарного состава, вопросы историзма в школе, принципы анализа языка и стиля художественных произведений.

Учительство нуждается в большой теоретической помощи. Но эта теоретическая помощь должна иметь конкретный характер: основные теоретические положения нужно раскрыть на конкретных языковых темах, вошедших в школьную программу. Учителя затрудняет конкретизация, практическое применение изученных и освоенных им общих принципиальных положений марксистского языкознания. Учителя волнуют, например, такие вопросы: ка́к классифицировать предложения, ка́к определять второстепенные члены предложения и ка́к объяснять не укладывающиеся в их схему типы синтаксических связей, каково соотношение и взаимодействие членов предложения и частей речи, ка́к увязать морфологический материал с синтаксическим, какое место отвести анализу состава слов, ка́к понимать и объяснить роль звуковой системы языка в его структуре, ка́к анализировать язык данного художественного произведения, каково различие между языком и стилем писателя. Множество других вопросов встает перед учителем, и далеко не на все из них он может найти удовлетворительные ответы в наших методических журналах — так бедны они статьями, освещающими конкретные вопросы с общетеоретических позиций марксистской науки о языке.

Некоторые учителя делают неправильные выводы из критики марристского влияния на школьную практику; недооценивают лексические занятия, не заботятся об осмыслении учащимися разбираемого текста, опасаясь увлечения семантикой, членят при анализе предложения неразделимые словосочетания, стремясь все разбирать пословно, не занимаются так называемой «корнесловной» работой, т. е. изучением морфологического состава слов и их морфологических, словообразовательных связей и соотношений.

Одна из самых важных задач советского языкознания — помочь перестройке преподавания русского языка в нерусских школах. Нужно поднять в них преподавание русского языка на должный научный уровень.

Необходимо преодолеть все еще существующий разрыв между научной и школьной грамматикой. К этому многие привыкли и считают это нормальным положением вещей. Например, всем известно, что традиционная догматическая схема второстепенных членов предложения, преподаваемая в школе, не соответствует уровню современной науки, что классификация предложений, особенно сложных, в школьном учебнике смешивает разные признаки предложения и т. д. Между тем «упрощение материала» может привести к искажениям и вульгаризаторству. От-

ветственность за это в значительной мере несут наши научно-исследовательские учреждения, не помогающие методистам и учителям разобраться в спорных и нерешенных вопросах грамматики.

Крупнейшие русские лингвисты и методисты: Буслаев, Ушинский, Срезневский, Фортунатов, Шахматов, Щерба и другие, констатируя разрыв между школьной и научной грамматикой, призывали к ликвидации этого разрыва, к построению школьной грамматики на научных основах. Сталинское учение о языке не может не найти отражения в руководствах по языкам для средней школы.

В большой работе, которая развертывается сейчас по пересмотру школьных программ и учебников по русскому языку, обязаны принять участие и лингвисты-теоретики.

Помощь лингвистов-теоретиков необходима и в вопросах развития речи учащихся. Период пребывания в школе — период, в который в основном формируются речевые навыки. Чтобы влиять на развитие речи учащихся, нужно знать общие тенденции и закономерности развития речи ребенка, нужно иметь знакомство с научными основами психологии речи в детском возрасте, а также с лингвистическими исследованиями в области изучения языка ребенка и подростка. К сожалению, этими вопросами у нас до сих пор занимаются недостаточно. Нет крупных монографий и мало даже серьезных статей на данную тему (кроме двухтомного исследования А. Н. Гвоздева с очень спорными положениями).

Требуют углубленного изучения и теоретического освещения процессы овладения речью у глухонемых и умственно отсталых детей.

Организовать широко, планомерно, с советским размахом и глубиной эту работу должна Академия педагогических наук, но теоретическую помощь должны оказать и языковеды, специалисты по вопросам общего языкознания.

Наш журнал должен поставить и осветить самые актуальные для школьной практики теоретические проблемы языкознания.

Так широки и разнообразны задачи советского языкознания. Ими определяются и задачи нашего журнала. Они все подчинены одной главной цели — внедрить марксизм в науку о языке, сделать советское языкознание достойным великой Сталинской эпохи. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» — великий образец творческого марксизма, он—программа творческого развития нашей науки, неиссякаемый источник глубоких мыслей и указаний для всех языковедов мира. Он — знамя нашего журнала и его путеводная звезда.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

Б. В. ГОРНУНГ, В. Д. ЛЕВИН, В. Н. СИДОРОВ

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ СЕМЕЙ *

Научная значимость проблемы образования и развития языковых семей подчеркнута И. В. Сталиным в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания».

«Н. Я. Марр,— говорит И. В. Сталин,— высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории „праязыка". А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»[1].

Еще Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «материя и форма родного языка» только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»[2]. Высоко оценивая работы западноевропейских ученых[3], создавших «историческое языкознание, которое так сильно и плодотворно развивается в последние 60 лет»,— Энгельс блестяще применил сформулированное им положение в своей работе «Франкский диалект», составляющей часть исследования «К истории древних германцев». В этом исследовании он исходит из единства происхождения не только германских, но и всех индоевропейских языков, древнейших носителей которых он рассматривает как «крупную племенную группу», как группу «народов, языки которых группируются вокруг древнейшего из них — санскритского» [4]. Все дальнейшее исследование Энгельса исходит из признания единства происхождения германских языков как одной из групп индоевропейских языков. Энгельс все время имеет в виду языковое родство, и из классификаций германских племен, принадлежащих античным авторам, он считает наиболее достоверной классификацию Плиния Старшего по той причине, что она «более всего соответствует более поздним фактам и дошедшим до нас остаткам языка» [5]. «Классификация Плиния,— говорит Энгельс,— с поразительной точностью соответствует действительной группировке известных впоследствии германских наречий»[6].

---

* Доклад, прочитанный на Объединенной сессии институтов Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии АН СССР, по методологии этногенетических исследований 30 октября 1951 г.

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 33—34.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 327.

[3] Труды русских ученых Востокова, Буслаева и Срезневского не были известны Энгельсу.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 341.

[5] Там же, стр. 350.

[6] Там же, стр. 351.

Лингвистическое понимание родственных отношений между племенами последовательно проводится Энгельсом вплоть до самых частных вопросов. Так, например, для того чтобы обосновать свою единственную поправку к Плинию — отнесение херусков к саксонской группе племен (т. е. к ингевонам, а не к гермионам, как их относит Плиний),— Энгельс указывает, что «как раз в древней земле херусков в наибольшей чистоте сохранилось старое саксонское *a* в окончании родительного падежа множественного числа и в слабом склонении существительных мужского рода в противоположность господствующему в Вестфалии *o*» [7].

Исследуя франкский диалект, Энгельс во многом разошелся со взглядами современных ему германистов и критиковал их. Это расхождение в конкретных выводах последователи Н. Я. Марра пытались истолковать как коренное расхождение Энгельса с основными положениями сравнительно-исторического метода, якобы им отрицавшегося. Эта созданная марристами фальсификаторская легенда выдвигалась еще во время лингвистической дискуссии в газете «Правда» в 1950 г. Так, проф. Н. С. Чемоданов писал в своей дискуссионной статье, что в своей работе «Франкский диалект» «Энгельс решительно восстает против традиционной классификации немецких диалектов, построенной на основе сравнительно-исторического метода и компаративистской схемы развития языка»[8].

Такое извращение взглядов Энгельса является совершенно недопустимым, равно как недопустимой является и недооценка отличий подлинно исторического подхода Энгельса к изучению языка от схематической абстрактной трактовки языковых явлений у подавляющего большинства буржуазных компаративистов. Даже там, где немногие из них пытаются связать историю языка с историей народа, они рассматривают последнюю с позиций идеализма и оказываются не в состоянии дать научный исторический анализ связи этих двух процессов. Работы Энгельса остаются для нас образцом применения приемов сравнительно-исторического исследования родственных языков и диалектов одного языка на основе марксистского исторического метода.

Сравнительно-историческое языкознание в целом накопило большое количество ценных фактов, выдвинуло и развило ряд плодотворных принципов и положений, которые должны быть подвергнуты в советской науке о языке критическому рассмотрению.

Одним из главных заблуждений сравнительного языкознания XIX в. было упрощенное, схематическое представление о прямолинейном распадении языков-основ на отдельные части. Схематически это изображалось в виде так называемого «родословного древа» (схемы Шлейхера, Лоттнера, Фикка и др.; ср. также изложение А. А. Шахматова в его «Введении в курс истории русского языка»). В ряде случаев авторы таких схем представляли себе «распадение праязыка» как единовременный акт, что давало при графическом изображении вырастание из общего «ствола» целого пучка «ветвей». В других случаях схемы представляли собой бесконечные бифуркации. Всей сложности языкового развития сравнительное языкознание XIX в. не учитывало, так как оно в большинстве случаев изучало историю языка в отрыве от истории народа, его творца и носителя. Постепенный отход от упрощенных схем стал возможен только в конце XIX в. в связи с развитием исторической диалектологии как особой лингвистической дисциплины. Однако ее достижения крайне медленно оказывали влияние на понимание языковых процессов доисторических эпох, связанных с образованием языковых семей и групп внутри них (так назы-

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 387.
[8] «Правда» от 23 мая 1950 г.

ваемых «ветвей»). В этом отношении очень типичны для рубежа XIX и XX столетий историко-лингвистические построения А. А. Шахматова. Твердо став на почву изучения истории русского языка в тесной связи с историей русского народа и самостоятельно разрабатывая для этой цели некоторые вопросы древнейшей русской истории, Шахматов уже с конца 90-х годов рисует солидно обоснованную для того времени картину образования восточнославянских племен и наречий, очень непохожую на схему «родословного древа». Но в то же время в своем изложении процесса распадения всей индоевропейской семьи языков и даже процесса распадения общеславянского языка-основы Шахматов до конца своей жизни остается на чисто шлейхеровских позициях.

Первым протестом против односторонности взглядов Шлейхера и Фикка была относящаяся к 80-м годам XIX в. так называемая «волновая теория» Иог. Шмидта. Эта теория очень извращенно понималась и использовалась некоторыми этнографами и археологами, близкими к «новому учению» о языке (С. П. Толстов, М. И. Артамонов). На самом деле Иог. Шмидт никогда не отрицал ни единого источника происхождения родственных языков, ни замкнутости языковых семей; он никогда не придавал никакого значения языковому (и даже диалектному) смешению в духе, например, Г. Шухардта. Расхождения Иог. Шмидта с господствовавшими взглядами, идущими от Шлейхера, касались только понимания процессов распространения языковых новообразований, приводящих к обособлению языковых групп внутри семьи. Не вводя еще понятия «изоглоссы», он по существу оперировал им, стремясь объяснить пеструю картину перекрещивающихся линий новообразований, объединяющих каждую «ветвь» индоевропейской семьи языков то с одной, то с другой ветвью. Р. Ф. Брандт удачно применил его принципы к классификации славянских языков.

«Волновая теория» нанесла серьезный удар по каноническим схемам «родословных древ». Но взятая в чистом виде, эта теория оказалась такой же неприемлемой, так как явилась столь же схематической противоположной крайностью. Иог. Шмидт совершенно не учел, что расселение носителей языка-основы не могло происходить как ничем не нарушаемый процесс территориальной экспансии во все стороны за пределы первоначальной «прародины» только в радиальных направлениях. По Шмидту, выходило, что все новообразования, определившие коренные отличия языковых групп внутри индоевропейской семьи, возникли на территории так называемой «прародины», а само размещение диалектных групп праязыка в эпоху его распадения (которое и Иог. Шмидт понимал как единовременный акт) оказалось почти фотографическим снимком с современного территориального размещения отдельных языковых групп. Кроме того, Иог. Шмидт мало в чем отошел от взглядов своего времени на характер «праязыка». Он считал, что «праязык» до момента своего якобы единовременно начавшегося распадения развивался как абсолютно единое целое, не имеющее внутри себя таких диалектов, которые могли бы не соответствовать будущим выделившимся группам («ветвям»). Наконец, Иог. Шмидт совсем не учитывал возможности передачи языка-основы в той или иной диалектной форме иноязычному населению даже смежных с так называемой «прародиной» территорий и воздействий «субстрата» [9] побеждаемых языков иной (неиндоевропейской) структуры.

«Волновая теория» Иог. Шмидта вошла в развитие сравнительно-исторического языкознания только с рядом существенных поправок, а в первоначальном своем виде она является теперь только фактом истории

---

[9] Субстрат — подслой. (См. ниже сноску 26).

науки. Ряд лингвистов (Лескин, Шахматов, Розвадовский и др.) внесли в нее изменения, связанные с учетом миграций не только за пределы территории первоначальной языковой общности, но и в разных направлениях внутри этой территории, что должно было нарушить первоначальные связи. Уже современник Шмидта, итальянский лингвист Асколи, выдвинул «теорию субстрата», ставившую задачу выяснения следов воздействия первоначальной системы речи населения, усваивающего чужой язык. Начиная с книги Мейе «Индоевропейские диалекты» (1908) [10] разрабатывается вопрос о диалектном дроблении самого «языка-основы», хотя взгляды различных ученых на первоначальную группировку этих диалектов до сих пор часто еще противоречат друг другу (ср. концепции Педерсена, Пизани, Бонфанте и др.). Но все эти вопросы в зарубежном языкознании разрабатывались почти исключительно на материале индоевропейских языков. В разработке генетических вопросов, связанных с образованием и развитием других языковых семей, и сейчас на Западе господствуют традиционные схемы, отражающие взгляды XIX в. Только в советском языкознании мы встречаемся с первыми опытами анализа генетических связей внутри других языковых семей во всей их сложности и разнообразии. Здесь нужно упомянуть работы Д. В. Бубриха по финно-угро-самодийским, отчасти работы Г. М. Василевич по тунгусо-маньчжурским языкам. Успешно развивавшиеся исследования Д. В. Бубриха были в последние годы жизни крайне запутаны его попытками компромисса с так называемым «новым учением» о языке («теория контакта»).

Сам Д. В. Бубрих (ум. в 1949 г.) не оставил печатного изложения своей теории, да и не мог этого сделать в условиях «аракчеевского режима в языкознании», когда деятели этого режима предъявляли ему обвинение в том, что он нарочно «изобрел» свою теорию для маскировки своих по существу «индоевропеистских» взглядов. Это обвинение ни на чем не основано. На самом деле Д. В. Бубрих, крупнейший исследователь финно-угорских языков в сравнительно-историческом плане, в последние годы своей жизни, находясь под влиянием так называемого «нового учения» о языке, стал искренне убежденным противником положения о происхождении родственных языков из единого источника. В этом он глубоко заблуждался. Однако он продолжал считать необходимым сравнительно-историческое изучение родственных языков, ошибочно полагая, что их сходные черты в грамматическом строе и словаре развились в результате взаимодействия («контакта»). По существу он принимал целиком марровский принцип «скрещения языков», но, будучи добросовестным и знающим исследователем, не считал возможным применять его с той легкостью, с какой им пользовались последователи Марра. Иными словами, он изучал сходство структуры языков там, где оно действительно было (в родственных языках), но объяснял его антиисторически. «Теория» его поэтому является путаной и противоречивой. О ней можно судить по краткому изложению ее в применении к финно-угорским языкам в 1-м сборнике «Советское финноугроведение» (Л., стр. 24—32).

В своем выступлении на заседании Ученого совета Института языка и мышления 15 октября 1949 г. Д. В. Бубрих говорил: «...Можно посмотреть, что получается, если мы сравним истории языков. Праязыка не получается, а получается схождение и расхождение в зависимости от движения конкретных общественно-хозяйственных отношений... Но как финский и ханты могут сходиться и не сходиться, когда они разделены тысячами километров, разделены современными условиями существования?

[10] A. Meillet, Les dialectes indoeuropéens, Paris, 1908 (2-е изд., Париж 1922)

Когда-то были условия для схождения языков — предшественников этих языков, откуда-то получились общности, а сейчас схождения нет, сейчас они между собою расходятся, но сходятся с новым партнером. Ханты сходится с русским языком». «Что такое контактное развитие? Совместное и раздельное развитие, диалектическая величина... Такая вещь есть, и никак от нее уйти нельзя, ибо простым смешением дело никак не может быть объяснено, да мы и не видим одного только смешения. Мы видим еще развитие во взаимодействии, контактное развитие»[11]. Таким образом, Д. В. Бубрих понимал язык как надстроечное явление, смешивал язык с культурой и принимал такое «учение» о скрещении языков, при котором из взаимодействия нескольких языков якобы могут получиться языки нового качества. Но от прямых последователей учения Марра Д. В. Бубриха отличало постоянное стремление к добросовестному исследованию фактов.

Учитывая весь изложенный выше ход развития научных взглядов на проблему генетических связей между родственными языками в буржуазном языкознании, мы должны выделить ряд положений, которые могут быть взяты за основу дальнейшей разработки этой проблемы в советском языкознании в плане использования изучения языкового родства для познания внутренних законов развития языков, в первую очередь языков Советского Союза, среди которых некоторые языковые семьи (финно-угро-самодийская, тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская, иберийско-кавказская) представлены целиком или почти целиком. Опыт разработки этих проблем на материале индоевропейских языков может быть плодотворно использован тюркологами, финно-угроведами, кавказоведами и т. д., если только не переносить его механически, но постоянно помнить, что априорным схемам здесь не должно быть места и что всякое построение должно исходить из тесной связи истории соответствующих языков с историей народов, их творцов и носителей.

Так как изолированное и самостоятельное возникновение целых рядов материально сходных корней и формативов принципиально невозможно, то существование семьи (группы) родственных языков с необходимостью предполагает существование в прошлом единого общего языка, из которого сложными и разнообразными путями развились родственные языки. Каждый из родственных языков генетически восходит к одному и тому же источнику. Этим источником мог быть только действительный реальный язык — единый в той степени, в какой может быть единым бесписьменный язык, всегда распадающийся на диалекты и говоры. Этот единый общий язык мы и обозначаем термином «язык-основа». Как всякий реальный язык он обладал своим словарным составом, основным словарным фондом, грамматическим строем и фонетической системой и развивался по внутренним законам своего развития. В диалектах языка-основы должны были существовать лексические, грамматические и фонетические различия, но различия в диалектах, как «ответвлениях языка», не нарушали единства языка-основы, противостоящего этим диалектам общенародного языка.

Носители языков-основ могли быть отдельным племенем, союзом родственных племен, или стать в некоторых случаях уже сложившейся народностью. «История говорит,— учит И. В. Сталин,— что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них.

Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними

---

[11] Цитируется по стенограмме, выправленной самим автором, из архива Института языкознания АН СССР.

превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»[12]. И. В. Сталин говорит здесь о племенах и народностях, входивших в состав империй рабского и средневекового периодов, но, поскольку и носители любого языка-основы могли быть только племенем или народностью, у нас нет никаких оснований допускать, что развитие языков-основ подчинялось каким-то иным закономерностям. «...Элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»[13].

В подавляющем большинстве случаев существование языков-основ, так же как и процесс образования из них семьи родственных языков, относится к глубокой древности или по крайней мере к такому времени, от которого не сохранились или в котором вообще отсутствовали памятники письменности. Поэтому только в исключительных случаях оказываются относительно известными по письменным источникам языки-основы групп родственных языков, составляющих части более крупных семей. Примером такого закрепленного на письме языка-основы может служить общевосточнославянский (древнерусский) язык. По письменным памятникам он известен по крайней мере с XI в. Примерно с XIII—XIV вв. группы диалектов этого общевосточнославянского языка, постепенно обособляясь, дают начало современным восточнославянским языкам — русскому, украинскому и белорусскому. Все это происходит, можно сказать, на глазах истории.

Частично засвидетельствован также язык-основа романской группы индоевропейской семьи языков, известный по надписям на так называемой «вульгарной латыни». Из этого «общероманского» языка, ставшего в результате римского завоевания языком западной половины Римской империи и некоторых других областей Западной Европы, где он ассимилировал местные языки, развились современные романские языки[14].

Однако в огромном большинстве случаев язык-основа фактически оказывается совершенно неизвестным и может быть лишь гипотетически восстановлен посредством сравнительно-исторического метода. Вследствие

---

[12] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

[13] Там же, стр. 26.

[14] Наилучшую характеристику «живой латыни» III—V вв. н. э., как языка-основы всех романских языков, см. у В. Ф. Шишмарева — «О последних работах И. В. Сталина по языкознанию»: «Установление четких граней между понятиями языка и его разновидностей, равно как положение об огромной устойчивости языка и отсутствии в нем классовости позволяют уточнить некоторые важные понятия, которыми оперируют у нас лингвисты. Таково, например, понятие так называемой «вульгарной», или, как ее принято называть у нас, «народной», латыни, лежащей в основании романских языков. Это не язык низших слоев населения. Это живая латынь, в той форме, какую она приняла, грубо говоря, между III и VII вв., т. е. приняла ее основной словарный состав и грамматический строй, когда старая «классическая» латынь доживала свои последние дни на страницах литературных произведений. Ликвидация традиции происходила, разумеется, неравномерно. Живая латынь этого времени различно разрешала поставленные на очередь временем словарные и грамматические задачи; иными словами: латынь этого периода имела свои лексические и грамматические разновидности и не всегда и не везде одинаково относилась к традициям. Но общая направленность основных изменений была одинаковой как в области основной лексики, так и в области стиля. Так следует понимать «единство» вульгарной латыни, которое подвергали сомнению сторонники «полидиалектальной теории» и на котором настаивали их противники, опираясь на единообразие ранней романской базы, вскрываемой сравнительно-историческим изучением романских языков» («Изв АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1950, № 1, стр. 65). Факт, что в основе образования романских языков лежал процесс дифференциации общероманского языка-основы, а не скрещение латинского языка с другими языками («полидиалектальная теория», упоминаемая В. Ф. Шишмаревым), убедительно показан в статье Т. С. Шарадзенидзе «Процессы дифференциации и интеграции языков в свете учения И. В. Сталина» (Вопросы языкознания», 1952, №, 1)..

«серьезных недостатков» сравнительно-исторического метода, на наличие которых указал И. В. Сталин, восстановление при помощи этого метода языка-основы далеко не всегда и не в одинаковой степени оказывается возможным. Восстановление языка-основы или отдельных его элементов в ряде случаев оказывается в той или иной степени условным, причем практические возможности такого восстановления весьма различны для отдельных семей (групп) языков.

Грубо говоря, чем более в глубь истории отодвинуто время существования языка-основы, чем больший промежуток времени отделяет его от появления письменности на восходящих к нему языках, чем менее имеется соответствующих родственных языков, привлекаемых к сравнению, и чем более они отошли от своего древнего состояния,— тем гипотетичнее построения, восстанавливающие язык-основу и, следовательно, условнее результаты реконструкции. В этом отношении существенно различаются практические возможности восстановления языка-основы, например, общеиндоевропейского и общеславянского. Если восстановление первого характеризуется значительной проблематичностью, то восстановление второго оказывается гораздо достовернее и доказательнее. Это и понятно. Многочисленные славянские языки, сохраняющие много общего в своей системе, поскольку они относительно недавно выделились из общего языка-основы, представляют богатейшие возможности для применения сравнительно-исторического метода. Кроме того, исключительно благоприятным обстоятельством для восстановления общеславянского языка является то, что письменность у славян возникает очень рано, спустя незначительный промежуток времени после того, как начали свою историческую жизнь отдельные славянские языки. Письменный старославянский язык, созданный в IX в. и засвидетельствованный памятниками X и XI в., по отраженному в нем основному словарному фонду, грамматическому строю и звуковой системе представляет собой не что иное, как литературную обработку одного из славянских диалектов времени, еще очень близкого к началу распада общеславянского языка-основы.

Таким образом, бóльшая или меньшая достоверность восстановления той или иной черты языка-основы определяется недостатками сравнительно-исторического метода и характером имеющегося в нашем распоряжении языкового материала. Поэтому условность восстановления языков-основ ничего не говорит об их исторической нереальности.

Отрицание Н. Я. Марром и всеми его последователями родства языков и реальности языка-основы, из которого развились семьи и группы родственных языков, опирается на бездоказательное утверждение, что признание языкового родства наций будто бы с необходимостью ведет к признанию их этнического единства и даже единства их расы. В начале своей научной деятельности Н. Я. Марр сам действительно отожествлял язык и расу. Позднее, осознав ошибочность такого отожествления, он приписал свое заблуждение вообще сравнительно-историческому языкознанию, хотя это последнее еще в середине прошлого столетия отчетливо сформулировало положение об отсутствии необходимой связи между языком и расой. Это положение стало общепринятым даже для буржуазных языковедов, и лишь отдельные мракобесы от науки позволяли себе в совершенно ненаучных целях утверждать обратное.

Приписывая всему сравнительно-историческому языкознанию такое понимание родства языков и языка-основы, которое в целом было ему совершенно чуждо, Н. Я. Марр вместе с другими представителями «нового учения» о языке, презрительно квалифицируя это понимание родства как «теорию праязыка», обвиняет сравнительное языкознание в расизме и

высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков как проявление теории «праязыка», хотя вымышленная им и приписанная сравнительно-историческому языкознанию теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения.

Язык-основа, как уже говорилось, есть реальный язык, обладающий своим основным словарным фондом и словарным составом, своим грамматическим строем и своей фонетической системой. Развитие его определялось действием тех же причин и факторов, что и всякого языка. Он развивался по «внутренним законам своего развития» и вместе с тем его развитие определялось историей того народа, которому принадлежал данный язык-основа. Как уже говорилось, язык-основа был общенародным, общим для племени или народности, и существовавшие в нем диалекты и говоры подчинялись в своем развитии единому и общему языку племени или народности.

Образование диалектов, местных говоров определяется историческими процессами и событиями, переживаемыми их носителями. В общем образование диалектов и объединение, слияние их являются следствием вызванных разными причинами процессов разобщения или, наоборот, объединения населения определенных территорий. Иначе говоря, единство языка и его диалектная раздробленность есть функция единства и разобщенности населения на территории, занятой тем или иным языком. Понятно, что эти процессы объединения и разобщения населения протекали неодинаково в различные этапы развития общества, так как они всегда зависели от конкретных условий, в которых совершалось это развитие.

Существование языка-основы подавляющего большинства современных семей и групп родственных языков относится к ранним (доклассовым) этапам развития общества. Поэтому развитие языка-основы определялось теми общественными процессами, которые были свойственны именно этим этапам общественного развития.

Как известно, первобытно-общинный строй характеризуется процессом раздробления племен и племенных языков и диалектов на новые племена и новые языки или диалекты; происходит, как указывает Энгельс, «новообразование племен и диалектов путем разделения». Образовавшиеся таким путем племена Энгельс называет родственными (или кровнородственными) племенами, так же как и их диалекты — родственными диалектами одного языка. «*Постоянная тенденция к разделению*, — писал К. Маркс,— коренилась в элементах родовой организации; *она усиливалась тенденцией к образованию различия в языке*, неизбежной при их {т. е. диких и варварских племен} общественном состоянии и *обширности занимаемой ими территории*. Хотя *устная речь* замечательно *устойчива по своему лексическому составу и* еще устойчивее *по своим грамматическим формам, но она не может оставаться неизменной. Локальное разобщение* — в пространстве — вело с течением времени к появлению *различий в языке*[15].

Таким образом, раздробление племен по мере их роста и территориального расселения приводило к образованию в языке-основе племенных диалектов, которые, однако, не являлись самостоятельными языками, поскольку они не теряли способности переживать общие языковые процессы с другими диалектами общего для группы родственных племен языка. При малочисленности населения и слабо развитых средствах передвиже-

---

[15] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX (1941), стр. 79.

ния общение населения на больших территориях было сильно затруднено. Это приводило к тому, что единство языка-основы могло сохраняться только тогда, когда он занимал относительно ограниченную и компактную территорию. Только в этом случае все его местные говоры могли переживать общие языковые процессы, свидетельствующие о сохранении единства языка. С дальнейшим расселением на более обширные пространства или при вклинивании иноязычного населения утрачивалась возможность переживать общие процессы, и диалекты или группы диалектов становились отдельными языками. Это определялось только конкретными историческими условиями жизни племен и народностей, говоривших на этих диалектах.

Такое обособление диалектов или групп диалектов языка-основы могло быть только следствием обособления, изоляции отдельных частей, групп населения, говорившего на языке-основе. Однако обособление групп населения могло и не совпадать полностью с границами диалектов языка-основы. Так, заселение частью славянских племен Балканского полуострова в VI—VII вв. привело к обособлению части славянства от других славянских групп и к появлению более четких языковых границ между южнославянскими и другими славянскими языками; появление в начале X в. в Дунайской долине венгров, вклинившихся между западными и южными славянами, способствовало углублению этого процесса. Однако это не значит, что часть славянства, вторгшаяся на Балканский полуостров, была уже до этого носителем особого диалекта общеславянского языка-основы. В составе вторгшихся славянских племен могли быть носители нескольких диалектов, а другие части носителей этих же диалектов могли не участвовать во вторжении. На это указывают и некоторые черты, сближающие чешско-словацкую группу с южнославянскими языками. Завоевание Британии в V в. н. э. германскими племенами англов, саксов и ютов привело к тому, что диалекты этих западногерманских племен, оторвавшись от оставшихся на континенте западногерманских языков и диалектов, слились в один язык, который развивался в дальнейшем самостоятельно. Такими же или сходными путями шел процесс распада языка-основы и в более ранние эпохи. Таким, например, должно было быть отделение группы говоров, образовавших общий индо-иранский язык от индоевропейского языка-основы и последующее разделение его на древнеиранский и древнеиндийский в результате расселения носителей этого языка на больших территориях. Авеста и древнейшая часть Вед дают нам факты, свидетельствующие об очень большой близости двух обособившихся частей общего индо-иранского языка-основы.

Необходимо, однако, учитывать наряду с дифференциацией, являющейся преобладающим типом пути развития языков и диалектов, также и процессы интеграции, протекавшие, конечно, отнюдь не в форме марровского «скрещения» разносистемных и происшедших из разных источников языков, а в форме сближений и даже слияний еще очень близких по своей структуре родственных диалектов. Эти интеграционные процессы постоянно чередовались с процессами дифференциации. За последними всегда оставалась решающая роль в возникновении новообразований, но первые имели большое значение для распространения этих новообразований.

Обособление групп диалектов языка-основы сопровождалось усилением связей внутри этих групп, развитием общих языковых процессов на всей обособившейся территории, складыванием языковых особенностей, отличающих всю обособившуюся группу диалектов от других восходящих к этому же языку-основе диалектов, стиранием старых диалектных отличий внутри этой группы.

Возникновение и распадение союзов родственных племен, часто очень непрочных и недолговечных, было очень важным фактором в этих языковых процессах, но союзы племен не могли создавать родства языков. Нет оснований и говорить о «языке союза племен» как типе языковых образований. Это отмечает и И. В. Сталин, когда говорит о развитии «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»[16].

Общность или близость языка нескольких племен есть результат их общего происхождения из общего источника. «Новообразование племен и диалектов путем разделения,— говорит Энгельс,— происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось в настоящее время»[17]. Языковое родство не могло возникнуть на основе союза разнородных, говорящих не на родственных диалектах, племен. Могли быть лишь случаи, когда «в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщенные племена вновь сплачивались в длительные союзы»[18]. Более того, Энгельс подчеркивает, что в прочные союзы могли сплачиваться лишь родственные племена, племена с родственными диалектами. Так, говоря об ирокезах, Энгельс указывает, что «кровное родство» образовавших вечный союз племен составляло действительную основу этого союза, а «общий язык, различавшийся только диалектами, был выражением и доказательством общего происхождения»[19]. Переходя далее к греческому роду, Энгельс снова подчеркивает, что и здесь «в одно большое целое соединились лишь племена с одинаковым основным наречием»[20]. Языковая близость племен, входящих в союз, является, таким образом, одной из важных предпосылок образования самого этого союза, а отнюдь не его результатом.

На определенном этапе развития первобытно-общинного строя, указывает Энгельс, «союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа»[21].

Таким образом, союз родственных племен, оказавшийся в силу тех или иных исторических условий прочным и долговечным, неизбежно уже через одно-два столетия превращается в народность. Близко родственные племенные языки перемалываются тогда в едином языке народности, в пределах которого образуются свои территориальные диалекты, совсем не обязательно соответствующие прежним племенным языкам или диалектам.

На основе расселившихся на обширных территориях родственных племен в процессе их дальнейшего распадения или сближения могли создаваться несколько обособленных племенных групп, преобразующихся, при наличии благоприятных условий, в народности. Языки этих групп племен или народностей были родственными лишь потому, что они восходили к общему языку-основе.

Мы знаем достоверные исторические примеры как относительно быстро-

---

[16] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.
[17] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XVI, ч. I, стр. 71.
[18] Там же, стр. 73—74. Здесь Энгельс указывает, какой характер имела языковая интеграция в доклассовом обществе,—это был процесс сближения и даже слияния разобщенных, но исконно родственных диалектов одного языка.
[19] Там же, стр. 74.
[20] Там же, стр. 83.
[21] Там же, стр. 139.

го превращения союзов племен в народности, так и процессов иного характера. Так, относительно быстро из ранних племенных союзов восточного и южного славянства сложились обособившиеся народности — древнерусская, болгарская и несколько позже сербо-хорватская. Дольше, повидимому, продолжался процесс обособления словено-хорутанской народности. Племена, создавшие ее, повидимому, вплоть до вторжения венгров в Дунайскую равнину, не теряли связи с моравскими племенами (см., например, государство Само, объединившее чехо-моравские и словенские племена), а это привело к существованию изоглосс, объединяющих южных славян с чехословацкой языковой группой (см. выше, стр. 49). С другой стороны, на территории древней Греции, в условиях полисного строя, почти полтысячелетия (VIII—III вв.) не могло выработаться языка народности и существовали медленно сближавшиеся территориальные диалекты, хотя в целом все языковое развитие древней Греции было направлено в сторону все большей и большей унификации ранее разошедшихся диалектов. Этот факт позволяет нам говорить, что уже на заре истории древнегреческие диалекты были диалектами о д н о г о языка, хотя говорить об окончательном сформировании уже к этому времени единой древнегреческой народности еще нет оснований. Медленно сближавшиеся территориальные диалекты исчезли только в общегреческой «койнэ» эллинистическо-римского периода, возникшей на базе аттического и отчасти ионического наречий. При этом ни один из диалектов среднегреческого и новогреческого языков (кроме изолированных говоров горных частей Лаконии — цаконских) не может быть возведен к древнегреческим диалектам, а все они являются результатом новой дифференциации эллинистическо-римской «койнэ». Ни к какой языковой интеграции не приводили очень кратковременные союзы германских племен первых веков н. э. (свевский, маркоманнский), объединявшие в своем составе представителей разных диалектных групп западногерманских языков. Последующее развитие германских языков, оставшихся на территории Германии после великого переселения народов, продолжает развитие племенных диалектных групп более ранних эпох, а те слияния, которые имели место позже, происходили уже в рамках раннефеодальных государственных образований.

Различные исторические условия приводили к новым обособлениям уже внутри обособившейся группы, причем обособление, как это было и в более ранней общности, могло совпадать, но могло и не совпадать с границами старых диалектов этого языка. В обособившемся языке могли произойти с м е щ е н и я д и а л е к т н ы х г р а н и ц, и в результате могли образоваться новые группы диалектов, которые в свою очередь могли развиться в самостоятельные языки. Таким образом, новый язык, образовавшийся в результате обособления группы диалектов языка-основы, мог в свою очередь стать языком-основой для языков, образующихся в результате дальнейшего обособления его диалектов. Так, обособившийся в силу определенных исторических условий от общеславянского языка-основы восточнославянский язык стал позже языком-основой для русского (великорусского), украинского и белорусского языков, образовавшихся в XIV—XV вв. в процессе обособления диалектных групп этого языка, что было результатом распада древнерусской народности и обособления отдельных групп восточного славянства в различных государственных объединениях. Здесь следует исходить из положения И. В. Сталина о том, что бывают случаи, «...когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолоться в едином язы-

ке,— оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»[22].

Не следует полагать, что каждая из близкородственных групп языков непременно восходит в прошлом к какому-либо единому прадиалекту, какого-либо праплемени, распадение которого дало начало этим языкам. Нет оснований, например, полагать, что общеславянский язык распался на три диалекта, каждый из которых, став самостоятельным языком, распался на новые диалекты-языки и т. д. Восточнославянский язык при самом своем выделении из общеславянского имел диалекты, точно так же как и русский язык, унаследовал от общевосточнославянского диалектную раздробленность. Однако за период существования каждого языка его диалектная группировка могла неоднократно меняться, в результате чего границы диалектов языка-основы в период его выделения из предшествующей общности и в период его распада на новые языки чаще всего не совпадают. Так, границы племенных диалектов общевосточнославянского языка не совпадают в большинстве случаев с границами областных диалектов периода складывания отдельных восточнославянских языков. Смещение диалектных границ означало не только наслоение старых границ на новые, но также и стирание старых границ, не только появление новых диалектных отличий, но также и частичную нивелировку, стирание старых диалектов. При этом происходили взаимодействия и между диалектами, вследствие чего некоторые особенности господствующих диалектов в обособившейся группе, в результате усиления связи внутри этой группы, могли распространиться на соседние диалекты. Поэтому неверно, например, современные русский, белорусский, украинский языки относить непосредственно к племенным диалектам древней Руси IX—XI вв. Мы не можем указать такие отличия этих языков, которые с несомненностью отражали бы отличия племенных диалектов, но в то же время мы отчетливо видим в них следы процессов языковой дифференциации и интеграции XIII—XV вв. В то же время возможно, что не все особенности, например, украинского языка, отличающие его в целом от русского, развились одновременно во всех диалектах этого языка, некоторые диалекты могли получить их под влиянием соседних диалектов уже после завершения процесса складывания украинского языка в определенных границах.

Процесс образования нового языка был, следовательно, процессом длительным и сложным, отнюдь не прямолинейным. Игнорирование фактов с м е щ е н и я диалектных границ, существовавших внутри языка-основы, в процессе его распадения на новые диалектные группы, игнорирование фактов сближения и слияния разошедшихся диалектов или их частей, факт распространения особенностей господствующего диалекта на всю вновь образовавшуюся диалектную группу — все это и было огромным недостатком прежних концепций с их схематическими построениями всякого рода «родословных древ» языков. В противоположность этим антиисторическим взглядам следует помнить, что каждый реконструируемый язык-основа должен рассматриваться как весьма сложное образование, заставляющее предполагать внутри его, в рамках всего периода его существования, непрерывное развитие и изменение диалектных отличий. Одни из этих отличий углублялись (на границах обособляющихся групп), другие, напротив, стирались (внутри этих групп). Первые приводили в определенных исторических условиях к образованию новых языков, т. е. к исчезновению для определенной диалектной группы возмож-

---

[22] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44.

ности переживать общие с другими диалектами новообразования. Вторые сохранялись лишь как пережитки старых диалектов.

Родственные языки, обособившиеся от языка-основы, в своих отличиях друг от друга, с одной стороны, сохраняют известную часть старого наследия, восходящую к диалектным отличиям, которые существовали еще внутри языка-основы. С другой стороны, отличия родственных языков друг от друга восходят (обычно в большей своей части) к новообразованиям, отражающим уже самостоятельную историю этих языков, которая во многих случаях имела тоже долгий «доисторический» т. е. не засвидетельствованный письменными памятниками период, также подлежащий реконструкции при помощи сравнительно-исторического метода. Так, например, окончательное отделение балтийских языков от славянских мы должны относить ко времени не позже последних веков до н. э., а первые письменные памятники этих языков относятся к XVI в. За этот долгий период балтийские языки, при всей архаичности отдельных фактов литовского и древнепрусского языков, несомненно утеряли какую-то часть старого наследия, сохранявшуюся ими в первое время после обособления, а также развили много специфических новообразований.

Почти для каждого из современных индоевропейских языков, генетические связи которых изучены лучше, чем в других языковых семьях, можно указать на разную степень родственной близости с другими языками той же семьи. Следовательно, каждый такой язык входит не в одну, а в несколько родственных групп различной степени близости, и в нем естественно отложились все предшествующие общности. Так, русский язык, отличаясь от ближайших родственных языков — украинского и белорусского — рядом отличий в лексике, грамматике, фонетике, вместе с тем объединяется с ними огромным количеством звуковых особенностей, форм, корневых и словообразовательных морфем и целых слов, в том числе и таких, которые отличают все три восточнославянских языка от других славянских языков. В то же время все славянские языки объединяются целым рядом общих черт, отграничивающих их от других индоевропейских языков, причем чем далее в глубь истории, тем этих черт обнаруживается все более и более. Но вместе с тем славянские языки роднятся со всеми индоевропейскими языками целым рядом общих корней, образующих древнейший слой корневой части основного словарного фонда славянских языков, а также целым рядом формативов, которые могут быть и не тождественными с другими индоевропейскими языками по своему звуковому облику, но легко сводятся к общим архетипам. Можно указать на такие группы индоевропейских языков, с которыми славянские языки имеют больше общих черт, чем с другими индоевропейскими же языками. Это заставляет предполагать, что славянские языки ранее входили в такую общность, как славяно-балтийская, а ранее может быть и в еще более обширную общность. Можно гипотетически допускать такую общность, которая характеризуется изменениями общеиндоевропейских заднеязычных определенного типа в свистящие и шипящие спиранты и аффрикаты. Эта общность объединяет балтийские и славянские языки с индо-иранскими, албанским и армянским языками, хотя это явление (спирантизация заднеязычных) допускает и иное историческое объяснение. Каждая такая общность является, разумеется, не совокупностью диалектов, точно соответствующей будущим языкам, а распространенным на сравнительно ограниченной территории общим языком, обособление диалектных групп которого, в результате сложного взаимодействия отдельных диалектов и говоров, положило начало образованию новых языков. Это значит, что все современные индоевропейские языки восходят через сложный ряд ступеней к древнейшему из условно реконструируемых посредством срав-

нительно-исторического метода языков — индоевропейскому языку-основе, от которого они унаследовали ряд своих особенностей, вскрываемых лингвистом через толщу новообразований, заимствований, следов «субстрата» и т. д. Это вполне согласуется с положением И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»[23]. Наличие промежуточных языков-основ указывает лишь на то, что эти языки не непосредственно отделились от индоевропейского языка-основы и что они находятся в различной степени родства с другими индоевропейскими языками.

Однако нельзя не учитывать тех огромных трудностей, которые неизбежно возникают при определении степени родства между родственными языками и группами. Эти трудности определяются как сложностью и длительностью самих языковых процессов, связанных с образованием семьи языков, так и существенными недостатками сравнительно-исторического метода. Важно иметь в виду, что распадение языка-основы не могло происходить в виде «единичного акта решающего удара», и образование разных групп внутри языковой семьи, как правило, происходило разновременно, в течение многих и многих столетий и даже тысячелетий. Так, например, выделение хеттского (неситского) языка из индоевропейской языковой общности нужно относить ко времени не позже середины 3-го тысячелетия до нашей эры, так как в начале 2-го тысячелетия до н. э. памятники этого языка свидетельствуют уже о долгом периоде взаимодействия с неиндоевропейскими языковыми элементами, которое происходило на территории Малой Азии. При этом, если бы даже мы стали на точку зрения тех ученых, которые оспаривают принадлежность клинописного хеттского (неситского) языка к индоевропейской семье, то положение не изменится, так как бесспорно существующие в нем значительные индоевропейские элементы показывают, что какие-то индоевропейские диалекты должны были выделиться из первоначальной языковой общности не позже середины 3-го тысячелетия до н. э. и в результате миграции их носителей появиться в Малой Азии, которая никак не могла быть территорией первоначальной индоевропейской языковой общности. С другой стороны, формирование таких групп, как балтийская, славянская и германская, никак не может быть отодвинуто вглубь дальше рубежа между 2-м и 1-м тысячелетием до н. э. Таким образом, получается промежуток минимум в полторы тысячи лет (2500—1000 гг.) или, может быть, значительно больший: точка зрения, согласно которой славянство обособилось много позже (вплоть до последних веков до н. э.), также может быть серьезно аргументирована. В промежуток между этими двумя крайними периодами должно быть отнесено обособление индо-иранской, греческой, италийской, кельтской и других ветвей индоевропейской языковой семьи.

Можно оспаривать любые абсолютные датировки отдельных этапов распадения индоевропейской языковой общности. Эти датировки может быть станут более точными только тогда, когда методы согласования языковых данных с данными истории материальной культуры будут усовершенствованы, чего пока нет и не могло быть при господстве марровских установок среди археологов. Поэтому пока все абсолютные датировки остаются гадательными, и более прочной является только относительная хронология этапов распадения. Однако и здесь, даже в области индоевропейских языков, есть совершенно неясные вопросы (например, время обособления тохарской группы), а для финно-угро-самодийской семьи и относительная хронология еще не намечена.

---

[23] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

Как было уже указано, взаимоотношения между родственными языками внутри языковой семьи могут оказаться чрезвычайно сложными, так как они отражают своеобразие исторического пути, проделанного носителями этих языков после их выделения из первоначальной общности. Так, разновременно выделившиеся группы диалектов языка-основы, не успевшие очень далеко разойтись по своему грамматическому строю и корневой части основного словарного фонда, могли вновь сблизиться и пережить период совместной жизни, а затем опять распасться, причем вновь распавшиеся части могли или соответствовать, или не соответствовать сблизившимся частям. Некоторые исследователи (И. М. Эндзелин и др.) именно так определяют характер славяно-балтийских отношений и образование славяно-балтийской общности[24].

В области славяно-иранских лексикальных и отчасти грамматических схождений тоже можно отделить с известной вероятностью схождения, относящиеся к древнейшей эпохе соприкосновения протославянских диалектов с периферией индоиранского языкового мира, только начинавшего обособляться, от схождений, которые могут быть отнесены ко времени значительно более поздней, второй, встречи славян, уже отделившихся от балтийцев, с частью иранцев (скифами и сарматами). Еще более сложным представляется вопрос об отношениях между италийскими и кельтскими языками и об отношении обеих этих групп к почти не дошедшим до нас так называемым «иллирийским» языкам.

Можно было бы указать и на другие возможные соотношения между родственными языками, но это не укладывается в рамки настоящей статьи.

Главным препятствием на пути к определению степени близости родства между отдельными языками и группами родственных языков служит недостаточность фактических данных: отсутствие памятников раннего времени для некоторых языков и целых групп, ничтожные языковые остатки от некоторых языков и целых групп и, наконец, полное исчезновение целых языковых групп, о которых мы знаем иногда только по этнонимическим названиям, а иногда и совершенно ничего не знаем, хотя имеем серьезные основания предполагать их существование. В лингвистической литературе не раз указывалось, что если бы древние греки или римляне сохранили нам, например, такие данные о языках фракийских, фригийских и кельтских, которыми должны были располагать их переводчики в соответствующих географических областях, то сравнительная грамматика индоевропейских языков имела бы такую степень точности, какую она никогда не будет иметь. В самом деле, от кельтских языков, распространенных на огромном пространстве от Атлантического океана до северного Причерноморья и Малой Азии, до нас дошли только немногочисленные древние памятники тех кельтов, которые переселились относительно поздно в Британию и Ирландию. Может быть, еще существеннее утрата точных данных о фонетическом и грамматическом строе и словаре фракийских языков, которые не только занимали огромную территорию, но и несомненно были промежуточным звеном между целым рядом родственных языковых групп, сейчас являющихся для нас далеко оторванными друг от друга. О самом существовании так называемых «иллирийских» языков как особой группы мы можем говорить только гипотетически на основании следов условно «иллирийского» наслоения в других языках, представляющего аналогию с теми фактами, которые дают нам скудные остатки венетского и мессапского языков. Самый этот термин мы обычно не употребляем без

---

[24] Ср. И. М. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, стр. 201. Высказанная автором в этой ранней работе точка зрения до сих пор сохраняет интерес.

кавычек. Между тем во всех почти этногенетических работах недавнего времени авторы их чрезвычайно свободно оперировали всеми такими группами, вернее, одними их названиями, произвольно устанавливая их связи как с исторически засвидетельствованными языками, так и между самими этими утраченными для нас языковыми единицами. Мы встречаем в этих работах термины: «скифо-славянский», «славяно-фракийский», «иллиро-фракийский», «кимеро-фракийский», «фракийско-тохарский» и т. п. Все это граничит с самой настоящей фантастикой и является одним из следствий увлечения марровскими «яфетическими сказками». Конечно, нельзя упрекать всех авторов этногенетических работ в том, что они употребляли все эти этнические термины в том же, не имеющем никакого отношения к науке смысле, как это делали Н. Я. Марр и Н. С. Державин, у которых все эти этнонимы были связаны с пресловутыми «четырьмя элементами». Но от Марра к его последователям в области этногенеза передалась известная легкость в обращении с этническими терминами, которые смешивались с историко-лингвистическими классификационными терминами. Значение древних этнических терминов даже в тех случаях, когда к ним подходили более реально, очень переоценивалось. Так, например, работы А. Д. Удальцова, которого нельзя упрекнуть в безоговорочном принятии всех марровских построений и который сам неоднократно выступал против «палеонтологических» упражнений с древними этнонимами,— все же имеют одним из главных своих недостатков переоценку самого значения этнонимов не только для вопросов этногенеза, но и для проблемы образования групп родственных языков.

Однако и в тех случаях, когда та или иная группа, насчитывающая ряд входящих в нее языков, представлена с определенного времени огромным количеством памятников (например, языки германские, славянские, балтийские), мы все же находимся в большом затруднении при определении исторических соотношений развития этих языковых групп с теми группами, древнейшие памятники письменности которых возникли на одно-два тысячелетия раньше. Установление относительной хронологии языковых явлений в развитии целой языковой семьи крайне затрудняется тем, что факты древнеиндийского языка 2-го тысячелетия до н. э. или греческого языка середины 1-го тысячелетия до н. э. нам приходится сопоставлять с данными германских языков середины 1-го тысячелетия н. э., славянскими памятниками X—XI вв. или литовскими XVI—XVII вв. О том, что представляли собой индоевропейские языки, например Средней Европы, хотя бы к началу нашей эры, мы не имеем никакого представления.

Сравнительно-исторический метод позволил установить генетическую общность ряда очень обширных языковых групп (семей) с большей или меньшей сложностью родственных отношений внутри них. Такими давно уже твердо установленными общностями являются семьи индоевропейская, семитская, финно-угорская, тюркская, дравидская, малайско-полинезийская, банту. В недавнее время тот же метод позволил поставить вопрос о некоторых новых семьях. Так можно указать на результаты работы советских кавказоведов тбилисской школы, возглавляемой проф. А. С. Чикобава, устанавливающих генетическое единство иберийско-кавказских языков.

В других случаях генетический характер традиционно объединяемых в группы языков остается еще очень неясным, а в некоторых случаях можно уже говорить без всяких колебаний, что традиционное объединение некоторых языков в одну группу в науке не основано на единстве их происхождения. Такова, например, группа палеоазиатских языков. На наших глазах рухнула гипотеза о единой «урало-алтайской» языковой

семье, состоящей из пяти групп, но некоторые исследователи выдвигают положение о двух семьях вместо пяти групп — «уральской» (финно-угро-самодийской) и «алтайской» (тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурской). Некоторые современные хамитологи ставят вопрос о том, что происхождение так называемых хамитических языков нельзя свести к общему источнику и что следует говорить о трех самостоятельных группах — берберской, нилотской и кушитской, которые вместе с семитскими языками составляют единую семито-хамитскую языковую семью.

Обособление части коллектива, говорившего на языке-основе, обычно сопровождается смешением с иноязычными человеческими коллективами — аборигенами вновь заселенных территорий или пришельцами, в результате чего усложняется этнический состав народов, их антропологический тип. Это, однако, не вносит никаких принципиальных изменений в процесс образования языковых семей. И. В. Сталин развил положение о том, что «совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»[25]. Важно подчеркнуть, что скрещивание двух языков не означает прекращения истории обоих этих языков, не означает разрыва связей с предшествующим скрещиванию состоянием. Приводя к постепенному отмиранию (на определенной территории) одного из скрещивавшихся языков, к его забвению его носителями, скрещивание не приводит к потере самобытности победившего языка, ставшего средством общения и для потомков носителей побежденного языка.

Следовательно, если обособившееся население усваивает язык народа, с которым оно смешивается, и его язык таким образом оказывается побежденным, мы не вправе более говорить об этом языке как члене языковой семьи, восходящей к языку, из которого он выделился. Если же интересующий нас язык оказывается победителем и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, он остается таким же членом языковой семьи, связанным генетической связью со своим языком-основой, как если бы его обособление не сопровождалось скрещением с другими языками; он лишь расширяет сферу своего употребления, распространяясь на новые народы и племена, которые, таким образом, не исчезая физически, усваивают чужой язык. Так, например, древнее население Балканского полуострова (фракийцы, иллирийцы), являясь одним из этнических элементов современных болгар и сербов, усвоило язык славян, появившихся на Балканах лишь в VI—VII вв. Включение в состав балканских славян пришедших сюда позднее тюркских племен, осложнив этнический состав современных болгар, также не прервало генетических связей болгарского языка с его общеславянским языком-основой. Точно так же и среди предков русского народа можно найти множество разнородных этнических образований, отличавшихся друг от друга антропологическим типом, уровнем культуры и издавна сложившимся языком, но лишь язык одного из этих коллективов, входивший в состав славянской языковой семьи, может считаться предком русского языка.

Однако, поскольку язык-победитель может иногда все же воспринимать некоторые особенности побежденного языка, то в результате скреще-

[25] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

ния с иноязычным населением обособившийся от языка-основы новый язык получает некоторые такие отличия от родственных языков, которые, возможно и не развились бы в нем без влияния иноязычного субстрата (или суперстрата)[26].

Таким образом, разные языки, выделившиеся из одной и той же языковой общности, могли вступать во взаимодействие с разными языками других семей и в тех случаях, когда они не были поглощены этими языками, могли сохранить следы разных субстратов, причем субстратом мог быть и родственный язык, еще ранее далеко разошедшийся с тем языком, который затем победил его при скрещивании.

Для наиболее древних этапов распадения индоевропейской языковой семьи примером воздействия иноязычного субстрата может служить клинописный хеттский (неситский) язык. Изучение этого языка, который по дате своих письменных памятников старше всех других индоевропейских языков, дало для начала 2-го тысячелетия до н. э. картину, весьма не похожую на ту систему языка, которая реконструировалась как «праязыковая» до открытия и расшифровки хеттских памятников. Последователи Марра любили приводить этот бесспорный сам по себе факт для опорачивания реконструкции «индоевропейского праязыка». Между тем нет никаких оснований все факты хеттского (неситского) языка, расходящиеся с прежними реконструкциями индоевропейского языка-основы, считать фактами более архаичными на том лишь основании, что памятники этого языка древнее всех остальных. Такая ошибка делалась всеми лингвистами до 70-х годов XIX в. по отношению к древнеиндийскому языку, памятники которого были тогда самыми древними. Сторонники «нового учения» о языке повторили ошибки Боппа, Бенфея и других лингвистов XIX в кончая Шлейхером и Г. Курциусом. На самом же деле лишь небольшая часть фактов хеттского (неситского) языка (например, сохранение ларингальных звуков, исчезновение которых изменяло качество соседних гласных) может быть использована для совершенно необходимых поправок в прежних реконструкциях, в частности в учении о строении древнейших индоевропейских корней. Другая часть фактов хеттского (неситского) языка бесспорно является новообразованиями, и ряд других индоевропейских языков (и греческий, и индоиранские, и балтийские, и славянские) дает нам более архаичные формы. Наконец, третья с большой долей вероятности объясняется очень сильным воздействием субстрата автохтонных языков Малой Азии, повидимому, родственных иберийско-кавказским языкам, что последователи Марра стремились использовать для подтверждения домыслов своего учителя о «яфетической стадии» в развитии индоевропейских языков[27]. Тот же иберийско-кавказский субстрат вскрывается и в армянском языке, где он получил совершенно ложное истолкование в работах Н. Я. Марра («переходность» армянского языка) и более правильное (но все же спорное) — в работах проф. Г. Капанцяна[28]. Действие субстрата убедительно вскрывается и в развитии ряда других групп индоевропейских языков и отдельных языков

---

[26] Под термином «субстрат» понимают следы воздействия прежнего языка населения, усвоившего новый язык (например, так называемое «цоканье», как предполагаемый след финской фонетической системы в некоторых русских говорах). Термином «суперстрат» обозначается воздействие языка пришлого населения, которое смогло ассимилировать язык коренного населения, но оказало на него воздействие (например, романский элемент в английском языке).

[27] См. статьи А. Д. Удальцова, С. П. Толстова и М. И. Артамонова о происхождении индоевропейцев («Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», вып. I (1946) и «Вестн. Ленингр. гос. ун-та», 1947, № 2).

[28] Ср. Г. Капанцян, Хайаса — колыбель армян.

и даже отдельных их диалектов. Так, можно упомянуть о «пиктском» субстрате в древнеирландском языке, проявившемся главным образом в области синтаксиса. Явления цоканья в севернорусских говорах предположительно объясняются следами фонетического строя поглощенных финских языков у ославянившихся финских племен, но с другой стороны, нет никаких оснований объяснять финским или каким-либо иным субстратом такое явление южнорусских и среднерусских говоров, как аканье.

Восточнофинским субстратом объясняются некоторые особенности чувашского языка. Ряд явлений в лексике английского языка, входящего в группу западногерманских языков, объясняется последовательными влияниями кельтского языка, скандинавских диалектов, французского языка (последний был внесен норманнами — скандинавами по происхождению, но носителями французской речи), что, однако, не означает, что английский язык перестал быть германским языком, так как его грамматический строй и основной словарный фонд сохраняет свою историческую преемственность с общегерманским языком-основой.

Влияние иноязычного субстрата ограничивается обычно лексикой, некоторыми словообразовательными элементами, отражается незначительно на качестве звуков, акцентологии, в интонационном строе предложения, порядке слов, но не затрагивает, как правило, ни основного словарного фонда [29], ни грамматического строя. Следовательно, субстрат не вносит существенных изменений в систему победившего языка, не вырывает его из языковой семьи, хотя иногда и способствует обособлению родственных языков, углублению различии между ними. К объяснению языковых изменений действием субстрата нужно подходить очень осторожно, и во многих случаях такое объяснение очень гадательно. Так, спорным является объяснение действием субстрата так называемого «передвижения согласных» в германских языках. Это явление наблюдается и в других индоевропейских языках, хотя нигде оно не проведено с такой последовательностью. Наиболее близко к германскому «передвижению» изменение древнего индоевропейского консонантизма в армянском языке. Н. Я. Марр объяснял и то и другое явление сначала воздействием «яфетического» субстрата, а затем «переходностью» и германских и армянского языков от «яфетического» состояния к индоевропейскому. Сходный субстрат для обеих групп языков допускали, не смущаясь их территориальной разобщенностью, и некоторые буржуазные ученые (Ф. А. Браун, Бартоли). «Картвельский» характер этого субстрата в германских языках продолжает защищать Т. А. Дегтерева в своей докторской диссертации[30]. «Теорию субстрата» не следует отбрасывать целиком, но применять ее нужно как гипотезу лишь в тех случаях, когда исчерпаны все возможности объяснения из внутренних законов развития языка. Увлечение «скрещениями» и «смешениями» было свойственно не только сторонникам «нового учения» о языке в СССР [31]. Оно сейчас очень широко распространено среди зарубежных лингвистов и требует к себе настороженного критического подхода. Даже при правильном понимании сущности процесса скрещивания обращение к этому пути объяснения возникновения того или иного факта языка может быть совершенно необоснованным. Между тем на Западе организованно поставлен (на 3-м международном лингвистическом кон-

---

* Единичные заимствования, заменяющие отдельные слова исконного основного словарного фонда (например, слова Hand и Bein в немецком языке и т. п.), не играют роли.

[30] Т. А. Дегтерева, К вопросу славянской языковой общности и происхождения древней общеславянской письменности (автореферат), М., 1951.

[31] См. выше (стр. 44—45) о «теории контакта» Д. В. Бубриха.

грессе в Риме в 1933 г.) вопрос о взаимодействии языков как основной причине языковых изменений [32]. Такая постановка вопроса совершенно неправомерна. Она по существу означает отрицание главенствующей роли внутренних законов развития языка и несовместима с основными положениями марксистского языкознания, изложенными в гениальном труде И. В. Сталина.

Может быть, ни одно научное положение не вызывало такого яростного отрицания со стороны марристов, как положение о том, что родство языков обуславливается их происхождением из общего источника. И может быть, этот вопрос был единственным, по которому среди последователей Н. Я. Марра никогда не было никаких расхождений. Отбрасывая иногда одно, иногда другое марровское положение, ни один из представителей «нового учения» о языке не отбрасывал положения о том, что родство языков есть явление вторичное, не восходящее к происхождению из общего источника. Родство языков объясняли «типологическим» сходством в результате действия сходных социальных условий, объясняли «синстадиальностью», объясняли многократными скрещениями, объясняли неопределенными, неизвестно в силу чего и когда возникшими «историческими связями», объясняли «первобытной лингвистической непрерывностью», объясняли, наконец, соединенным действием всех этих «факторов» — чем угодно, но только не происхождением из общего источника. Акад. И. И. Мещанинов в своей дискуссионной статье в газете «Правда»[33] повторил в самом общем виде формулировку, которая для любого марриста была одним из исходных положений: «...Родство языков не есть изначальное явление». Это иллюстрируется автором тут же конкретным примером: «...Если романские языки, в том числе французский и испанский, образовались в итоге смещения ряда других языков и дали многие моменты схождения, то в этих сблизившихся языках, названных романскими, участвовали сходные компоненты, так же как участвовали они в образовании соответствующих народов, позднее наций. Этим и обосновывается исторически образовавшееся схождение языков, классифицируемых по группам»[34]. Современные романские языки рассматриваются здесь не как результат поглощения местных языков «вульгарной латынью», а как результат трансформации этих местных языков (кельтских, иберийских и т. д.) в процессе их скрещения с латынью.

Необходимо отметить, что Марр и его ученики искажали сталинское положение о смешанном характере современных наций, механически перенося это положение на язык. Так, И. И. Мещанинов в той же дискуссионной статье в «Правде» писал: «Если каждая нация и каждый народ представляют собою смешение различных слагаемых, то и их языки являются исторически сложившимися образованиями того же рода».

Уже достаточно говорилось и писалось о космополитическом характере выводов, которые логически следовали из отрицания «учениками» Марра генетического характера языкового родства, из признания возможности «стадиальных» трансформаций иберов в кельтов, киммерийцев в скифов, скифов в славян и т. п. Пусть некоторые исследователи вопросов этногенеза

---

[32] См. Atti del III Congresso internationale dei linguisti (1933). Firenze, 1935. Стр. 23—51 «Трудов» этого конгресса заняты сообщением ван-Гиннекена, Бартоли, Пизани, Террачини и других лингвистов, посвященным указанному вопросу. Отдельные высказывания этих лингвистов могут быть сближены до известной степени с положениями так называемого «нового учения» о языке, касающимися роли и характера скрещивания языков.

[33] И. И. Мещанинов, За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра, «Правда» от 16 мая 1950 г.

[34] Ср. также И. И. Мещанинов, Новое учение о языке на современном этапе развития, Л., 1947.

(А. Д. Удальцов, С. П. Толстов и др.) отвергали примитивные схемы этих стадиальных трансформаций в том виде, в каком их преподносили нам В. И. Равдоникас или Н. С. Державин,— суть дела от этого мало менялась. Ведь если, например, признавалось, что в первые века н. э. племена различного происхождения «славянизировались» — не в смысле усвоения ими славянской речи (что вполне возможно, а в отдельных случаях и бесспорно), а в смысле возникновения нескольких самостоятельных очагов славянства, не связанных первоначально друг с другом, то подобные взгляды, по сути дела, вели к полному отрицанию самого факта языкового родства. Такие взгляды высказывались, к сожалению, и после лингвистической дискуссии в «Правде» и выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию. В качестве примера можно привести тезисы доклада А. В. Арциховского, который никогда не был сторонником «нового учения» о языке. Тем не менее в его докладе, прочитанном на сессии Института истории материальной культуры АН СССР в 1951 г., говорилось о возникновении этнического единства как германцев, так и славян только в процессе борьбы этих народов против западноримской или восточноримской империи[35]. Можно указать второе издание автореферата докторской диссертации Т. А. Дегтеревой, где так же, как и в первом издании (напечатанном до дискуссии), автор заставляет германские языки пройти ряд этапов развития — гунно-тюркский, картвельский, славяно-скифский и, наконец, собственно-германский[36].

Такие факты, имевшие место в самое недавнее время, а также широко распространенная среди советских этнографов упомянутая выше «теория первобытной лингвистической непрерывности» проф. С. П Толстова, по существу отрицающая происхождение языковых семей из единого источника, заставляют советских лингвистов ставить вопрос об образовании и развитии языковых семей со всей остротой. Разработка этой проблемы может вестись только исходя из признания факта, что есть языки родственные (близко родственные или более или менее отдаленно родственные) и есть языки неродственные, языки разные по своему происхождению. Промежуточных явлений нет и не может быть. Понятие «языкового гибрида» есть фикция. Оно несовместимо со сталинским положением о том, что «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»[37].

Так, например, еще можно при современном состоянии науки спорить о том, является ли хеттский (неситский) язык индоевропейским или неиндоевропейским. Но хеттский (неситский) язык должен быть признан или таким же индоевропейским языком, как греческий или санскрит, если индоевропейские элементы его структуры победили и заставили его развиваться по внутренним законам языков этого типа, или он должен быть признан языком неиндоевропейским, несмотря на все свои бесспорные индоевропеизмы. Каким-либо полуиндоевропейским или «индоевропеоидным» он быть не мог.

Н. Я. Марр был частично прав, находя в армянском языке иберо-кавказские («яфетические» по его терминологии) элементы (частично он их

---

[35] В своем выступлении на Объединенной сессии по методологии этногенетических исследований (29 октября — 3 ноября 1951 г.) проф. А. В. Арциховский признал неудачность своих формулировок, дающих повод для антиисторических выводов.

[36] Т. А. Дегтерева. К вопросу славянской языковой общности и происхождения древней общеславянской письменности, М., 1951.

[37] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

и устанавливал неверно)[38], но он был совершенно не прав, когда считал на этом основании армянский язык «языком-гибридом». Армянский язык при всех своих «яфетидизмах» такой же индоевропейский язык, как латинский или литовский.

Последователи Н. Я. Марра иногда говорили, что они не против самих языковых семей, а только против признания их замкнутости. Такая точка зрения развивалась, например, проф. А. В. Десницкой, говорившей о «разной степени вхождения» отдельных языков в индоевропейскую языковую семью[39]. Однако «незамкнутой» языковая семья не может быть, если мы включаем в нее только языки, которые произошли из общего источника и которые при скрещивании с языками иного происхождения оказывались победителями и продолжали развиваться по своим внутренним законам. Само собой разумеется, что замкнутость понимается здесь не как обособленность от всякого иноязычного влияния в развитии языковой семьи. Она должна пониматься не в плане структурном, а лишь в плане генетическом, как утверждение факта происхождения всех языков данной языковой семьи из общего источника, от общего языка-основы.

При современном состоянии науки у нас нет никаких оснований утверждать, что, например, индоевропейские языки находятся в отношениях родства с финно-угорскими или семитскими, но нет оснований и категорически отвергать это родство, так как некоторые факты, указывающие на возможность генетических связей этих семей в далеком прошлом, имеются. Свести же эти языковые семьи к единому источнику мы пока не можем (и может быть никогда не сможем) и поэтому мы должны считать их неродственными. Каждая из этих трех языковых семей остается в этом смысле, по крайней мере на современном этапе развития сравнительно-исторического языкознания, замкнутой. Отрицая эту неизбежную замкнутость языковых семей, сторонники «нового учения» о языке пытались извратить ее понимание у противников, подменяя ее мифической «расовой обособленностью» языковых семей, которую отрицает даже значительная часть буржуазных языковедов и которую никогда не отстаивал ни один из советских ученых. Эта недобросовестная демагогическая фальсификация марристов принесла огромный вред советской науке о языке, препятствуя изучению языкового родства и тем самым ослабляя возможность изучения внутренних законов развития отдельных языков. Усвоение же этой точки зрения археологами и этнографами, занимавшимися вопросами этногенеза, придало антинаучный характер и всем этногенетическим исследованиям последних лет.

Итак, необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что языковая семья замкнута. Это вытекает из учения И. В. Сталина о характере скрещивания языков, о языке-победителе. Малейший компромисс в этом вопросе ведет к возрождению в той или иной форме марровского учения о единстве глоттогонического процесса. Туда же ведут «теория первобытной лингвистической непрерывности» (С. П. Толстов) и «теория контакта» (Д. В. Бубрих), если мы будем подходить к ним как к «теориям». Факты «лингвистической непрерывности» и факты «контакта» были и есть и давно хорошо известны лингвистам. Эти факты возникают всегда в определенных исторических условиях и в рамках этих условий играют свою историческую роль. Но универсализировать эти факты, возводить их в «теорию» можно только в том случае, если мы примем марровский тезис о том, что господствующим путем развития языков является путь от множества к

[38] Эти ошибки Н. Я. Марра подвергнуты критике в диссертации Р. О. Савталаг «Основные этапы истории армянистики», Ереван, 1951 (см. автореферат, стр. 18—20).

[39] А. В. Десницкая, К проблеме исторической общности индоевропейских языков, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1948, стр. 250.

единству (кстати сказать, тезис, выдвинутый еще до Марра К. Каутским). Это можно сделать только в том случае, если мы не будем отвергать этот марровский тезис, а будем стараться его «уточнять» и реформировать, если мы будем допускать, что в доклассовом обществе, когда складывались существующие и сейчас языковые семьи, скрещивание языков имело не тот характер, который указан И. В. Сталиным, и что тогда, в отличие от исторических эпох, в результате скрещивания неродственных языков могли возникать языки нового типа.

Положения И. В. Сталина, касающиеся скрещивания языков, сформулированы совершенно ясно и четко и не допускают никаких кривотолков. Уничтожающая критика И. В. Сталина направлена не против каких-то теорий «вообще», касающихся смешения или слияния языков, которые существуют в науке в самых разнообразных вариантах, а против антинаучной точки зрения Н. Я. Марра, который занимался прежде всего «сумерками доистории» в развитии языков, и, следовательно, эта критика показывает невозможность «скрещения» в марровском смысле в любые эпохи, в том числе и в эпохи существования родовых и племенных языков.

«Теория первобытной лингвистической непрерывности», которая, как указано выше, отрицает происхождение родственных языков из единого источника, есть абстрактная, не обоснованная массовыми фактами схема, подгоняющая под единый шаблон развитие языков всего мира.

В качестве такого шаблона создателем этой теории проф. С. П. Толстовым [40] взяты наблюдения Н. Н. Миклухо-Маклая на побережье Новой Гвинеи, установившие, что между соседними деревнями почти не наблюдается различий в языке, а по мере отдаления такие различия постепенно нарастают. Факты эти должны быть уточнены новыми наблюдениями, и генезис их может получить объяснение только тогда, когда будет изучен характер этих различий наряду с характером и наблюдаемого сходства. Само по себе такое наблюдение ничего не может дать, так как факты такой «непрерывности» хорошо известны в пограничных зонах между близко родственными языками (например, романскими, между польским и словацким в западных Карпатах, между сербским и болгарским в Македонии). Всюду, где эти факты известны, они объясняются концентрацией диалектов о д н о й языковой группы в языки народностей (и позже наций) с сохранением явлений «переходности» на границах территорий сложившихся народностей (наций), особенно при недостаточной устойчивости политических границ или при вхождении народности в состав многонационального государства (например, бывшая Австро-Венгрия, бывшая Оттоманская империя). Никаких выводов из этого для происхождения самих языковых групп, на границах которых наблюдается такая «непрерывность», сделать нельзя. Такие факты наблюдаются только между близко родственными языками, а самый факт родства их обусловлен происхождением из общего источника, существовавшего за много веков до того, как в результате концентрации диалектов обособились отдельные языки данной группы[41].

---

[40] См. «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 19.

[41] На Объединенной сессии институтов Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии АН СССР, посвященной методологии этногенетических исследований, в докладе Н. А. Бутинова «Происхождение австралийцев и меланезийцев» была сделана попытка обосновать эту теорию на материале всех австралийских языков и доказать «непрерывность» в отношениях между всеми этими языками. Докладчиком приводились единичные, вырванные из системы языка факты, не свидетельствующие о подлинном знании им этих языков и взятые из различных работ о них. Но если бы нарисованная автором картина языковых отношений Австралии оказалась правильной (что весьма сомнительно), то мы должны были бы принять положение о

Поэтому, языкознание не может принять «теории первобытной лингвистической непрерывности», не отказавшись от основных своих положений, добытых в результате применения сравнительно-исторического изучения родственных языков. А отказываться от этих положений у нас нет никаких оснований.

Только при такой постановке вопроса возможна плодотворная разработка проблемы образования и развития языковых семей, хотя, конечно, все время надо помнить, что каждая языковая семья возникла не на голом месте, что ей что-то предшествовало, что человеческая речь существовала уже многие тысячелетия до образования существующих сейчас семей языков и что ни одна из этих семей не может восходить к эпохе возникновения звуковой речи.

Проблемы этногенеза не входят в число собственных задач языкознания как науки. Лингвистика должна заниматься историей языков в тесной связи с историей народов, их творцов и носителей, но не самой историей народов. Однако и этногенетические вопросы не могут быть разрешены без привлечения языковых данных. Поэтому и лингвисты должны посильно участвовать в комплексной разработке проблемы происхождения и развития народов. Но успешность этого комплексного изучения с участием лингвистов требует принятия положения, что язык есть важнейший признак этнической общности, но не единственный ее признак. Народ может сменить свой язык, подчинившись влиянию другого языка и влившись в состав народа — носителя победившего языка. Следовательно, прослеживаемая археологами преемственность в развитии материальной культуры на какой-либо территории не может служить решающим доказательством существования непрерывной языковой традиции на этой же территории, точно так же, как исторически засвидетельствованный факт появления какого-либо языка на определенной территории не означает, что в образовании современного народа, говорящего на этом языке, не участвовало древнее иноязычное население данной территории, усвоившее язык пришельцев.

родстве всех австралийских языков между собой, т. е. о происхождении их из единого источника. В докладе Н. А. Бутинова (см. напечатанные тезисы его) «теория» С. П. Толстова доведена до полного абсурда, при котором даже пришлое (со своим языком) население «превращается постепенно в одно из промежуточных (для данного места) звеньев первобытной лингвистической непрерывности» (тезисы, стр. 4). Доклад Н. А. Бутинова вызвал решительные возражения участников сессии и никем не защищался.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

Т. С. ШАРАДЗЕНИДЗЕ

ПРОЦЕССЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ И. В. СТАЛИНА

Проблеме развития языка отводится одно из центральных мест в гениальных трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания. Эта проблема включает ряд вопросов, в частности, вопрос о дифференциации и интеграции языков.

Мы попытаемся сначала охарактеризовать эти процессы каждый в отдельности, а затем коснемся их взаимоотношений.

I. Дифференциация языков

Как известно, дифференциацией в языкознании называется процесс, в результате которого язык распадается на несколько самостоятельных языков и, таким образом, из одного языка возникает несколько языков. Результатом дифференциации является образование родственных языков; родственными называются языки, имеющие общее происхождение, возникшие из одного языка. На дифференциацию языков было обращено внимание с самого начала зарождения языкознания как науки. Само языкознание создалось в результате открытия родства языков и применения сравнительно-исторического метода для научного изучения родственных языков.

«Новое учение» о языке акад. Н. Я. Марра категорически отвергало родство языков по происхождению и, следовательно, дифференциацию языков. Н. Я. Марр утверждал, что материальное родство языков, якобы не являющееся изначальным, не вытекает из происхождения от одного источника.

Если родство не обусловлено общим происхождением, если нет первоначального материального родства, ясно, что отпадает и возможность существования процесса дифференциации языков.

Н. Я. Марр объяснял близость языков, входящих в одну семью, не общностью их происхождения, а схождением, сближением различных языков, т. е. объявлял эту близость результатом процесса интеграции языков. Родство языков складывается, как ошибочно полагал Н. Я. Марр, в результате того, что в ходе общения различных племен, по языку совершенно разнородных, в звуковой речи появляются общие черты как в словарной — «идеологической» части, так и звуковой и морфологической — «формальной». Это родство языков, по Марру, есть не более, как «увязанность» различных языков на путях «скрещения» народов всего мира. Отсюда известное, сугубо антиисторическое положение Н. Я. Марра о том, что «родство языков — социальное схождение, неродство — социальное расхождение».

Н. Я. Марр нигде не приводил и не мог привести фактов, доказывающих это положение, поскольку таких фактов не существует.

Необоснованно, следовательно, положение Н. Я. Марра о том, что родство языков есть результат их сближения, унификации. Более того, вопреки общеизвестным фактам, Н. Я. Марр заявляет, что не только родственные языки, но также и диалекты одного языка происходят от самостоятельных языков, и что диалекты и говоры некогда были самостоятельными языками. Так, по его словам, на территории древней Грузии было не менее десятка языков, из коих некоторые вовсе не были грузинскими или даже близко родственными ему.

Это положение не соответствует действительности ни с фактической стороны (неправильно, что в Грузии было столько языков, сколько сейчас существует диалектов грузинского языка), ни с точки зрения принципиальной (диалекты являются не пережитками некогда самостоятельных языков, а, напротив, представляют собой ответвления общенародного языка). Что же касается родства языков, то известно, что родственные языки обнаруживают больше близости в прошлом, чем в последующие эпохи. И если факты подтверждают с несомненностью, что родственные языки ближе стояли друг к другу в прошлом, в дальнейшем же различие между ними постепенно увеличивалось, то должно быть ясно, что эти языки возникли в результате процесса дифференциации, а не интеграции.

Основополагающие труды И. В. Сталина, в числе других основных проблем языкознания, с надлежащей глубиной освещают и вопрос о родстве языков по происхождению. В трудах И. В. Сталина родство языков по происхождению признано вполне реальным фактом и, следовательно, положительное решение получил и вопрос о дифференциации, как нормальном процессе в развитии языков.

Признание И. В. Сталиным дифференциации и родства языков по происхождению имеет исключительное значение для советского языкознания. Дело в том, что Н. Я. Марр и его последователи, наряду с родством языков, отвергали находящийся во внутренней связи с ним сравнительно-исторический метод, который применяется именно в отношении родственных языков. Акад. И. И. Мещанинов указывал как на одну из главнейших причин кризиса советского языкознания на то, что еще не окончательно изжит «формально-сравнительный» метод.

Совершенно естественно, что последователи «нового учения» о языке сделали объектом своих нападок именно проблему родства языков. Н. Я. Марр и его «ученики» не гнушались никакими средствами для дискредитации генеалогической классификации, основывающейся на родстве языков по происхождению и совершенно без всякого основания квалифицировали ее, как расовую и даже расистскую теорию. Это им было нужно для изгнания из языкознания сравнительно-исторического метода, чтобы этим расчистить путь для идеалистического четырехэлементного анализа, который не только не способствует изучению языков, а, как указывает И. В. Сталин, «... толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»[1].

Одной из основных причин кризиса в советском языкознании являлось то, что последователи «нового учения» о языке, изгоняя сравнительно-исторический метод и вводя вместо него совершенно непригодный для научного исследования четырехэлементный палеонтологический анализ, фактически оставляли языкознание без научного метода.

И. В. Сталин признал родство языков по происхождению несомнен-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, М., стр. 33.

ным фактом и признал допустимым применение в советском языкознании сравнительно-исторического метода, несмотря на его серьезные недостатки.

После появления гениальных трудов И. В. Сталина изучение процесса дифференциации языков становится одной из актуальных задач языкознания. В трудах И. В. Сталина мы находим указания на то, как должна быть разрешена эта задача. Глубоко обосновав положение, что язык является общественным явлением, И. В. Сталин указал на необходимость изучения развития языка в связи с историей общества, говорящего на нем: «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» [2].

Применение этого принципа к изучению процесса дифференциации языков так же необходимо, как и ко всем другим проблемам развития языков.

Дифференциация языков, как один из процессов развития языков, полностью зависит от условий, создающихся в обществе, говорящем на данном языке.

Как учит И. В. Сталин, язык является орудием общения людей; язык явление общенародное, он обслуживает все общество, всех его членов. Раз это так, то чем же объяснить происходящую дифференциацию языков, выделение из одного языка нескольких языков? Дело в том, что до тех пор, пока члены общества сохраняют тесные экономические, политические и культурные связи, процесс дифференциации в их языке не может получить широкого развития, из одного языка не может возникнуть несколько родственных языков. Дифференциация языков возможна только в том случае, если единое дотоле и имеющее один язык общество расчленяется на несколько частей и каждая часть, потеряв связь с другими, начинает жить самостоятельной жизнью. В выделившихся таким образом частях создаются разные условия для развития языка и поэтому, естественно, что с течением времени расхождения территориальных диалектов данного языка все более увеличиваются и единый в начале язык распадается на несколько языков. Таким образом, дифференциации языков должна предшествовать, если можно так выразиться, «дифференциация общества» (конечно, не в смысле социальном). Поэтому для изучения процесса дифференциации языков мы должны учесть, когда и как происходит такая «дифференциация общества», вследствие которой выделившиеся из него части теряют контакт друг с другом и начинают самостоятельно развиваться.

Ясную картину такого развития рисует Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Здесь речь идет о первобытном родовом обществе. В основе его организации лежит принцип кровного родства. Несколько близких родов составляют племя. Когда племя разрастается, оно начинает делиться на несколько племен и таким путем образуются родственные племена.

Племени присущ «особый, лишь этому племени свойственный *диалект*. В действительности племя и диалект по существу совпадают» [3].

Родственные племена говорят на родственных диалектах. Так, например, все пять ирокезских племен в Северной Америке «...говорили на родственных диалектах одного и того же языка» [4]. Ф. Энгельс считает, что диалекты образовались в результате дифференциации. «Общий язык, имев-

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1949, стр. 93.

[4] Там же, стр 96.

ший только различия в диалектах, был выражением и доказательством общего происхождения» [5]. Возникновение диалектов является следствием разделения племен. «Новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и в настоящее время» [6].

Новообразование диалектов является только первой ступенью дифференциации. При родовом строе родственные племена, выделившиеся путем разделения одного и того же племени, территориально отдалялись друг от друга. «Каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой последней лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени»[7].

Как видим, в родовом обществе создавались условия, способствующие дифференциации языков и, действительно, диалекты одного и того же языка, имеющиеся у родственных племен, все больше и больше отдалялись друг от друга и, наконец, превращались в самостоятельные языки; ясно, что эти языки были родственными друг другу. Ф. Энгельс пишет: «На северо-американских индейцах мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчленяясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства»[8].

Итак, дифференциация языков осуществляется тогда, когда общество расчленяется таким образом, что между его отдельными частями прекращается общение, исчезают условия, делавшие необходимым существование единого общего языка; вместе с тем в разных частях создаются разные условия для развития языка. Появляется возможность превращения диалектов одного и того же языка в самостоятельные языки.

Как видим, в труде Ф. Энгельса обрисованы те общественные условия, в которых естественным образом протекает дифференциация языков. Следует отметить, что когда последователи Н. Я. Марра ополчались против родства и дифференциации языков, они обходили молчанием этот труд Ф. Энгельса и категорически заявляли, что данные современной истории, этнографии и археологии в принципе противоречат схеме генеалогической классификации языков[9]. Они, конечно, не разъясняли, каким образом «данные современной истории, этнографии и археологии» отрицают возможность дифференциации языков. Этого они и не могли указать, так как у современной науки не имеется таких данных, которые ставили бы под сомнение представленную Ф. Энгельсом схему развития родового общества.

Ф. Энгельс неоднократно подчеркивает, что картина, которую он нарисовал на основании примера американских индейцев, не есть частное явление, а представляется типичным для родового строя и что аналогичный путь развития прошли и другие народы. «...Встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и организацию племени, подобную той, кото-

---

[5] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1949, стр. 97.

[6] Там же, стр. 93.

[7] Там же.

[8] Там же, стр. 98.

[9] См., например, проф. Ф. П. Филин, Против застоя, за развитие советского языкознания, газ. «Правда», 30.V 1950 г. Проф. Н С. Чемоданов, Пути развития советского языкознания, газ. «Правда», 23.V 1950 г.

рая здесь описана»[10]. К. Маркс указывал на то же явление, когда говорил: «Однако и сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, ирокез)»[11].

Это значит, что возникновение языков путем дифференциации при родовом строе должно представлять собой обычное явление и что данные истории и этнографии не только не опровергают этого процесса, а подтверждают его и объясняют—почему процесс развития языков шел именно по такому пути.

Последователи «нового учения» о языке обходили молчанием указанный труд Ф. Энгельса, в котором прямо говорится о дифференциации языка и о родстве языков. Но они часто заявляли, будто Ф. Энгельс во «Франкском диалекте» категорически выступал против родства языков и вообще против сравнительно-исторического языкознания.

«Франкский диалект» Ф. Энгельса представляет собой монографическое исследование по истории германских диалектов. Специально касаясь места, занимаемого франкским диалектом среди других диалектов, Ф. Энгельс критикует принципы, на которые опиралась классификация диалектов в современном ему языкознании. Но Ф. Энгельс в этом труде отнюдь не высказывается ни против сравнительно-исторического метода, ни против генеалогической классификации языков. Вообще Ф. Энгельс в вышеназванном труде совсем не касается этих вопросов. Однако положительное отношение Ф. Энгельса к проблеме родства языков отчетливо высказано и в данном труде в нескольких местах. Например, Энгельс пишет относительно готского: «В спряжении формы флексии настоящего времени изъявительного наклонения еще тесно примыкают к формам искони родственных языков, особенно греческого и латинского, с соблюдением передвижения согласных»[12]. И далее: «В спряжении настоящего времени оба диалекта близки, насколько мы можем это установить, для франкского, и, подобно готскому, тесно примыкают к искони родственным языкам»[13].

Очевидно, что Ф. Энгельс во «Франкском диалекте», так же как и в других своих трудах, признавал родство языков и родственные языки считал результатом процесса дифференциации.

II. Интеграция языков

Проблема сближения, смешения или слияния языков, т. е. проблема интеграции (или унификации) стала актуальной в языкознании с начала XX века в связи с изучением смешанных языков. В литературе того времени процесс интеграции характеризуется довольно разнообразно. В данной статье мы не имеем возможности проследить историю этого вопроса.

В трудах И. В. Сталина даны основополагающие указания для исследования процесса интеграции языков. Исходя из положения о необходимости увязки истории языка с историей общества, И. В. Сталин рассматривает те условия, в которых протекает интеграция языков. В результате глубокого анализа он устанавливает, что эти условия являются существенно различными в классовом и в будущем бесклассовом обществах.

---

[10] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 98—99.

[11] Там же, стр. 103.

[12] Ф. Энгельс, Франкский диалект, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 101, (подчеркнуто нами.— *Т. Ш.*)

[13] Там же (речь идет о франкском и верхнегерманском диалектах. — *Т. Ш.*)

Вследствие этого различия и процесс интеграции в этих двух случаях должен иметь различный характер: в классовом обществе интеграция принимает вид скрещивания, в будущем же бесклассовом обществе мы будем иметь слияние языков.

Для буржуазного общества, где господствует эксплуатация, характерно национальное неравенство, проявляющееся в национальном и колониальном угнетении. Этим обстоятельством определяются и особенности интеграции языков: победившая нация пытается насильственным путем навязать свой язык угнетенной нации, изгнать из употребления, уничтожить местный язык. В таких условиях осуществляется скрещивание языков. И. В. Сталин учит, что «скрещивание языков происходит в порядке борьбы за господство одного из языков, когда нет еще условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, когда на очереди стоит не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков. Понятно, что в таких условиях могут быть лишь победившие и побежденные языки» [14].

Обязательным условием для скрещивания языков является двуязычие. Побежденный народ нелегко отказывается от собственного языка, старается отстоять родной язык. Таким образом, в течение определенного периода один народ может одновременно употреблять два языка. Это обстоятельство оказывает влияние на оба языка, из одного языка в другой проникают определенные явления, происходит скрещивание этих языков.

Двуязычие может продолжаться более или менее долгое время: «Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет» [15]. Но в конце концов двуязычие должно исчезнуть. Переход от двуязычия к одному языку может быть двояким. В одном случае победивший народ окончательно подчиняет себе побежденный, политика ассимиляции проводится до конца, в результате чего язык побежденного народа совершенно исчезает с лица земли. Как известно, таким образом латинский язык изгнал галльские языки (на территории Франции) и иберийский язык (на Пиренейском полуострове). В другом случае побежденному народу удается избавиться от ассимиляторов, он возвращает себе свободу, и, естественно, отвергает язык победителей.

Какое влияние оказывает скрещивание на развитие языков? И. В. Сталин учит, что обычно победивший язык сохраняет основы своей специфики,— основной словарный фонд и грамматический строй, при этом он продолжает развиваться по внутренним законам своего развития. Но побежденный язык все же оставляет определенный след на языке-победителе: «...происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его.

Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык» [16].

И. В. Сталин выявил всю несостоятельность теории скрещения Н. Я. Марра. Согласно Н. Я. Марру и его последователям во время скрещения языков происходит их качественное изменение. Из двух языков путем взрыва мы получаем внезапно третий язык. Н. Я. Марр объявил одним из основных положений «нового учения» о языке положение о том,

[14] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 53.
[15] Там же, стр. 29.
[16] Там же, стр. 30.

что новые виды языков возникают путем массового скрещения старых. Акад. И. И. Мещанинов, как известно, считал одним из главных достижений «учения» Н. Я. Марра именно «теорию» скрещения языков, якобы дающего в итоге новое образование, новый язык, «теорию», согласно которой наличие языков, не скрещенных в своей основе, отрицается.

И. В. Сталин с полной очевидностью показал, что эти заявления не соответствуют действительности. При скрещивании двух языков отнюдь не создается третий, а побеждает один из двух. При этом скрещивание языков есть длительный процесс, он продолжается сотни лет и рассматривать его как взрыв нельзя.

Как в сравнительно-историческом языкознании на дифференциации языков основывалась генеалогическая классификация языков, а с этой последней внутренне связывался сравнительно-исторический метод, так и в «новом учении» о языке на скрещение опиралась стадиальная классификация, а с этой последней был связан элементный палеонтологический анализ. Отвергнув теорию скрещения Н. Я. Марра, И. В. Сталин лишил основания как стадиальную классификацию языков, не имеющую ничего общего с марксизмом, так и идеалистический четырехэлементный анализ.

Как было указано выше, Н. Я. Марр и его последователи результатом скрещения считали возникновение родственных языков, а скрещение, по их мнению, представляет собой не аномалию, но нормальный путь развития языков.

Последователи «нового учения» о языке часто приводили романские языки в качестве примера возникновения родственных языков в результате скрещения их. Так, например, акад. И. И. Мещанинов писал: «если романские языки, в том числе французский и испанский, образовались в итоге смешения ряда других языков и дали многие моменты схождения, то в этих сблизившихся языках, названных романскими, участвовали сходные компоненты, так же как участвовали они в образовании соответствующих народов, позднее наций»[17].

Здесь имеется в виду следующий факт: как известно, латинский язык (народный латинский) распространился в эпоху господства Римской империи в провинциях этой империи. Латинский изгнал в провинциях местные языки (галльские, иберийский). Скрестившись с латинским, эти языки вымерли. Впоследствии в этих провинциях возникли новые языки: французский и испанский. На основании этого делается вывод, что скрещивание создало новые, родственные языки, так называемые романские языки (французский и испанский). Этот вывод не соответствует действительности. В истории развития романских языков действовали как процесс интеграции, так и дифференциации и, не различив эти два разных процесса, нельзя придти к правильным выводам о развитии языков.

С народным латинским смешались галльские и иберийский языки, но это смешение отнюдь не создало новых языков. Если бы скрещивание двух языков могло дать третий язык, то это должно было произойти в период двуязычия, когда галльский и латинский или иберийский и латинский употреблялись одновременно и, следовательно, между этими языками существовал непосредственный контакт. Известно, что ничего подобного не произошло. После того как языки галльские и иберийский вымерли, в течение столетий в Галлии и Иберии употреблялся только латинский язык. И хотя можно полагать, что этот латинский не был совершенно одинаковым в этих двух провинциях, так же как он, должно

---

[17] И. И. Мещанинов, За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра, «Правда», 16 мая 1950 г.

быть, не совпадал с тем латинским языком, который употреблялся в Испании (поскольку в Галлии латинский язык усвоил некоторые явления из галльского, в Иберии же — из иберийского), но эти различия не выходили за пределы территориальных диалектов, следовательно, не могли нарушить единства языка. Иначе и не могло произойти: латинский распространился в провинциях Римской империи, как язык ассимиляторов. Победители навязали свой язык побежденным, принудили их употреблять для общения латинский язык. Римляне стремились насадить латинский язык вместо галльских и иберийского языков. Если бы в Галлии и Иберии в результате скрещивания возникли новые языки, эта цель осталась бы неосуществленной, не имело бы никакого смысла вносить латинский в эти провинции, если бы он в каждой из них превратился в самостоятельный язык, а в центре империи (в Италии) оставался попрежнему латинским. Вспомним мудрые слова И. В. Сталина: «История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости» [18].

Но если скрещивание не было причиной возникновения новых языков, то как объяснить тот факт, что вместо латинского в означенных провинциях Римской империи возникло несколько романских языков? Дело в том, что романские языки образовались в результате процесса дифференциации, а не интеграции. Эта дифференциация осуществилась после того, как скрещивание латинского с местными языками было закончено. Латинский язык подвергся дифференциации вследствие распада Римской империи; входящие в нее провинции оформились в независимые государства. Таким образом, создалось то необходимое условие, которое развязывает тенденцию к дифференциации языков. Вследствие этого, в соответствии с разными условиями, развитие латинского языка во вновь создающихся государствах пошло по разным путям, что дало с течением времени вместо единого латинского несколько различных языков. Если бы не произошло государственного распада Римской империи, то, конечно, из латинского языка не возникли бы романские языки, несмотря на то, что этому предшествовало скрещивание латинского языка с местными языками. В Галлии, в Испании мы бы имели только местные диалекты латинского языка. На то, что дифференциация осуществилась независимо от скрещивания, указывает хотя бы тот факт, что в Италии, где в эту эпоху латинскому языку не с чем было скрещиваться, в процессе развития латинского языка возник качественно новый итальянский язык так же, как развитие того же латинского в других условиях создало в бывшей Галлии французский язык, а в Испании — испанский.

Таким образом, скрещивание не создает новых языков; скрещиванием нельзя объяснить родства языков. Родство есть результат процесса, совершенно противоположного, а именно, процесса дифференциации.

Как мы видели выше, И. В. Сталин признает скрещивание явлением, характерным для классового общества, где господствует эксплуатация. Он вывел специфику этого процесса из особенностей условий, создаваемых классовым обществом для развития языка.

Совершенно иначе должен протекать процесс интеграции языков в бесклассовом обществе после победы социализма в мировом масштабе. Определяющими и здесь будут общественные условия. И. В. Сталин характеризовал эти условия следующим образом: «...мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнет будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет пре-

[18] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10.

творено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества»[19].

Эти условия исключают скрещивание путем ассимиляции, т. е. изгнания одного языка другим. Равноправные языки не только не будут вытеснять друг друга, а обогатят друг друга и сольются друг с другом. Естественно что ход процесса в иных условиях даст иные последствия. В результате слияния существующих языков мы получим качественно отличный, новый язык. «...Мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один терпит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков»[20].

III. Роль дифференциации и интеграции в различные исторические эпохи

Как мы видели, дифференциация и интеграция — процессы, противоположные друг другу по своему направлению и результатам. В развитии языков наблюдаются и тот и другой. Отрицая дифференциацию языков, Н. Я. Марр считал единственным действующим процессом процесс скрещения племен и их языков, который якобы является необходимым условием общественной жизни человечества, неизбежным условием ее начала и совершенствования на заре истории и единственным залогом развития языка, тем залогом, без которого звуковая речь якобы не могла развиться.

Признавая только процесс скрещения, Н. Я. Марр должен был придти к выводу, что в момент возникновения языка существовало бесчисленное множество языков и впоследствии, в результате скрещения, их число все более и более сокращалось. Такая точка зрения может быть, конечно, объяснима только в свете антиисторической «теории» об изначальности так называемой ручной или линейной речи, языка жестов, «теории», которая разгромлена в работах И. В. Сталина.

Свою точку зрения на развитие языков Н. Я. Марр изображал графически пирамидой, стоящей на основании. В противоположность этому он считал, что пирамида, стоящая на вершине, изображает процесс дифференциации языков.

Отметим, что пирамида, стоящая на основании, противоречит марровскому принципу происхождения всех языков мира от четырех элементов. Если в начале было только четыре элемента, то как можно допустить наличие неисчислимого количества языков[21].

Что же касается пирамиды, стоящей на вершине, то она вовсе не отражает точки зрения сравнительно-исторического языкознания на развитие языков. Ни один из видных представителей этой науки не высказывал мысли о происхождении всех языков мира от одного языка. Несмотря на это, акад. И. И. Мещанинов, характеризуя языкознание XIX в., заявлял, что будто бы научная мысль стала искать единый праязык для всего чело-

[19] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 53.
[20] Там же, стр. 53—54.
[21] Об этом см. Арн. Чикобава, Общее языкознание, т. I, изд. 3-е, Тбилиси, 1946 (на грузинском языке), стр. 214.

вечества и что ученые якобы занимались воссозданием его теоретическим путем [22]. Спрашивается, кого из ученых XIX в. имеет в виду акад. И. И. Мещанинов?

Допущение возможности возникновения из одного языка нескольких языков отнюдь не ведет к ничем необоснованному заключению, будто бы все языки мира происходят от одного языка. Н. Я. Марр и его последователи хотели приписать такую точку зрения сравнительно-историческому языкознанию для того, чтобы опорочить основанную на родстве языков генеалогическую классификацию.

И. В. Сталин раз и навсегда положил конец этому недоразумению. Отметив, что

«Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории „праязыка"», И. В. Сталин категорически заявил, что «...теория „праязыка" не имеет к этому делу никакого отношения» [23].

Таким образом, пирамида не годится для графического изображения процесса дифференциации. Общее происхождение имеют отнюдь не все, а только родственные языки. Так что, если бы мы все же воспользовались образом пирамиды (не говоря уже о том, что пирамида является слишком упрощенной схемой для изображения взаимоотношения языков в сложном процессе дифференциации), нам бы понадобилось много пирамид (столько, сколько существует семей языков).

Но самым существенным является то, что пирамида может изобразить только один процесс в развитии языков, или дифференциацию, или интеграцию. Сравнительно-историческое языкознание признает наличие обоих процессов в истории языка. Поэтому, если мы желаем представить себе полную картину развития языков, то должны учесть удельный вес каждого из этих процессов на разных этапах развития языков.

Давая характеристику тех общественных условий, в которых приходилось развиваться языкам, И. В. Сталин пишет: «За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Все это внесло еще больше изменений в язык и его развитие» [24].

Ясно, что процессы дифференциации и интеграции в языках являются результатом происшедших в обществах аналогичных процессов. Поэтому возникает вопрос: наблюдается ли какая-либо закономерность в степени распространенности этих процессов в разные эпохи? Нельзя ли путем анализа общественных условий установить удельный вес каждого из них в различное время? Мы находим, что это вполне возможно.

Как мы упоминали, для того чтобы осуществилась дифференциация языка, необходимо, чтобы общество, говорящее на данном языке, разделилось и чтобы между выделившимися частями прекратилось общение. Согласно изображенной Ф. Энгельсом картине ясно, что при первобытном родовом строе такое деление представляет собой нормальное явление: из внутренней закономерности развития родового общества вытекает деление племен вследствие их роста. Вновь возникшие племена, отдалившись друг от друга территориально, прерывают между собой связь. Естественно, что в подобных условиях диалекты родственных племен с течением времени перерастают в самостоятельные языки. Следовательно, в первобытном родовом обществе возникновение родственных языков пред-

[22] См. Акад. И. И. Мещанинов, Новое в учении о языке, 1945, стр. 5—6. Ср. его же, За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра, «Правда», 16 мая 1950 г.

[23] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33 и 34.

[24] Там же, стр. 27.

ставляется обычным явлением, связанным с особенностями развития этого общества. Должно быть, именно в эту эпоху возникло преобладающее большинство известных нам родственных языков. Этот вывод подтверждается и И. В. Сталиным:

«Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства» [25].

На последней ступени развития родового строя происходит объединение родственных племен, вначале временно, против внешнего врага, а затем на все более и более длительный период. Ф. Энгельс считает объединение племен предвестником распада родового строя. Он пишет: «...эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла; союз племен означает уже начало ее подрыва»[26]. Объединение племен готовило почву для возникновения классов и государства. Союз родственных племен должен был несомненно явиться препятствием для дифференциации языков. До сих пор этот процесс происходил вследствие того, что племена, говорящие на одном языке, не общались между собой, но, когда в результате объединения родственных племен устанавливалось и усиливалось общение, естественно, что диалекты отнюдь не должны были превратиться путем постепенного отдаления в самостоятельные языки, а, наоборот, должны были более сблизиться между собой.

Ф. Энгельс отмечает, что при возникновении классов основное ядро государства составляют родственные племена, т. е. племена, говорящие на разных диалектах одного и того же языка. Старый принцип разделения общества по кровному родству теряет силу и его заменяет территориальный принцип.

«По сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*»[27].

Подданные одного государства имеют между собой живое общение. В государстве возрастает плотность населения. Здесь уже нет тех огромных незаселенных территорий и непроходимых лесов, которые отделяли друг от друга говорящие на одном языке племена. Потребность в едином общем языке внутри государства становится неизбежной. Поэтому для существующих в пределах государства диалектов не создается условий для дифференциации.

Значит ли это, что после возникновения государства дифференциация не может иметь места? Нет, не значит. Дифференциация исключена в пределах государства, но когда, вследствие каких-либо причин, государство распадается, его области, оторвавшись друг от друга, начинают развиваться самостоятельно и создаются условия для превращения путем дифференциации диалектов единого языка народности в самостоятельные языки. Именно такой случай имеет в виду И. В. Сталин, когда он пишет:

«Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолоться в едином языке,— оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком»[28].

---

[25] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

[26] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 100.

[27] Там же, стр. 176.

[28] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44.

В результате такого государственного распада возникли, как мы видели выше, также и романские языки.

Таким образом, в классовом обществе удельный вес дифференциации гораздо меньше, чем в родовом. В этом последнем дифференциация языков естественным образом вытекала из внутренней закономерности развития общества. В классовом же обществе дифференциация может иметь место только в случае распада государства. Таким образом, этот процесс не связан органически с развитием общества, а может осуществиться лишь в случае отсутствия необходимых условий для его развития. При этом надо полагать, что в результате распада государства не всегда обязательно наступает дифференциация языка, так как выделившиеся вследствие распада государства его части иногда подпадают под иго других народов. В таких случаях, в результате политики ассимиляции, происходит скрещивание языков, т. е. полное вытеснение побежденного языка языком-победителем[29].

В разных классовых обществах, конечно, нет одинаковых условий для развития языков. И. В. Сталин подчеркивает, что диалекты в результате государственного распада могут превратиться в самостоятельные языки до возникновения наций («единый язык народности, не ставшей еще нацией...»). И действительно, в капиталистическом обществе, в котором образуются нации, препятствием для дифференциации языков является, в первую очередь, характерная для капитализма сильная экономическая и политическая концентрация. Не меньшее значение имеет, должно быть, и национальное самосознание, опирающееся также и на единство языка. Мощным фактором, препятствующим дифференциации языков, должно явиться также возникновение национальных языков, поскольку эти последние, являясь предметом государственной заботы, опираются на традицию письменности, и, находясь под постоянным контролем, изменяются гораздо медленнее, чем языки прежних формаций. При этом национальные языки максимально подчиняют себе диалекты и стирают различие между ними.

Если до зарождения капитализма дифференциация языков уже была начата, т. е. говорящие на одном языке части общества были оторваны друг от друга, то этот процесс будет продолжаться и в капиталистическом обществе, хотя по причине выше приведенных обстоятельств будет проте-

---

[29] Возможен и другой случай, когда к моменту государственного распада какой-либо народности диалекты успели уже перемолоться. Известное значение имеет и то обстоятельство, что части распавшейся народности к моменту своего государственного распада успевают в определенной степени создать единую письменность и вполне развитый литературный язык, который может поддерживать языковое единство этих распавшихся частей народности. Так, например, если государственный распад монголов в конце XIII в. привел к краху единого языка монгольской народности и оживлению диалектов этого языка, которые развились в самостоятельные языки монгольской группы (собственно монгольский, бурятский, ойратский, монгольский в Афганистане, монгорский и дагурский), то это объясняется тем, что диалекты этого языка тогда еще не успели перемолоться в едином языке монгольской народности. Но последующий государственный распад собственно монголов на внешних и внутренних (XVI в.) не привел к краху собственно монгольского языка, ибо диалекты последнего к тому времени успели в определенной степени уже перемолоться; кроме того, к этому времени у собственно монголов уже успел сложиться вполне развитый литературный язык, обслуживавший как внешних монголов, так и внутренних и поддерживавший известное языковое их единство.

Поэтому не следует в каждом данном случае государственного распада какой-либо народности предполагать и крах единого языка этой народности, памятуя указание И. В. Сталина о том, что речь идет о крахе такого языка, диалекты которого еще не успели перемолоться, а перемолоться еще не значит вообще исчезнуть. *(Примечание редакции).*

кать гораздо медленнее, чем в прежних формациях[30]. Однако возможность дифференциации не исключена и в том случае, когда говорящие на одном языке народы в процессе складывания капиталистического общества объединяются не в одну нацию, а создают разные нации.

Каково положение с точки зрения интеграции языков? И. В. Сталин установил, что в классовом обществе интеграция протекает совершенно иначе, чем в бесклассовом обществе после победы социализма в мировом масштабе. В первом случае происходит скрещивание языков, а во втором — слияние. При скрещивании побеждает один язык, а второй оказывается побежденным, при слиянии же «...национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества» [31] и сольются в один новый международный язык.

Возникает вопрос: происходила ли интеграция языков в первобытном родовом обществе? Интеграция языков осуществляется только в результате исключительно тесного контакта обществ, людей, говорящих на этих языках. В родовом же строе не только говорящие на разных языках, но даже родственные племена, говорящие на диалектах одного и того же языка, были оторваны друг от друга. В таких условиях ясно, что интеграция не могла иметь места.

Но Ф. Энгельс пишет, что в родовом обществе происходило усыновление родом посторонних лиц, отмечая, что «часто отдельные, в силу исключительных условий ослабевшие роды таким образом вновь укреплялись путем массового усыновления из другого рода, с согласия последнего» [32].

Греческий род также имел «право усыновления... оно осуществлялось посредством усыновления семьей, но с соблюдением публичных формальностей, и только в виде исключения» [33].

Поэтому следует поставить вопрос, могла ли произойти интеграция языков, если род (племя) пополнялся выходцами из чужих родов. Надо полагать, что при усыновлении только небольшого числа лиц, последние не могли своей речью оказать серьезного влияния на развитие языка всего племени, но в тех случаях, когда происходил массовой приток в племя посторонних (если все они говорили на одном языке), не исключена возможность интеграции.

Надо установить, как могла протекать в этих условиях интеграция.

Для этого должен быть поставлен дальнейший вопрос — о переходном периоде из родового общества в классовое. В эту эпоху уже начинается порабощение одного племени другим, а это подготовляет почву для образования классов и государства. Так, например, в Греции после возникновения имущественных различий, мы видим «...рабство, сперва одних только военнопленных, но уже открывающее возможность порабощения собственных соплеменников и даже сородичей» [34]. «Отдельные народности вели беспрерывные войны за обладание лучшими землями, а также, разумеется, и ради военной добычи; рабство военнопленных было уже признанным учреждением» [35].

Можно предполагать, что в подобных случаях уже осуществлялось скрещивание языков. Но необходимо выяснить те особенности, которые

---

[30] Повидимому, этими обстоятельствами и объясняется тот факт, что английский язык в оторванных друг от друга Англии и Соединенных Штатах, даже после нескольких столетий выявляет весьма незначительную разницу.

[31] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 53.

[32] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 89.

[33] Там же, стр. 103.

[34] Там же. стр. 110.

[35] Там же, стр. 107.

оно имело по сравнению с скрещиванием, которое происходит в классовом обществе при наличии государства.

Таким образом, в родовом обществе были минимальные возможности для процесса интеграции. Надо предполагать наличие условий, способствовавших интеграции в переходный период от родового общества к классовому. Но вопрос об интеграции и его закономерности в родовом обществе не изучен надлежащим образом и пока делать окончательные выводы преждевременно.

Тенденция к интеграции сильна в классовом обществе на всем протяжении его истории, но своего кульминационного пункта она достигает при капитализме, когда национальное и колониальное угнетение проявляется в наибольшей степени. При этом интеграция осуществляется путем скрещивания языков, сущность которого вскрыта И. В. Сталиным.

После победы социализма в одной или нескольких странах политика ассимиляции в этих странах исключается, следовательно, исключается также и возможность скрещивания языков. Те языки, которым грозит вырождение при капитализме благодаря политике ассимиляции, при социализме вновь возрождаются и им дается полная возможность развиваться. Не происходит и слияния языков. То же самое можно сказать о первом периоде победы социализма во всемирном масштабе. Об этой эпохе И. В. Сталин пишет:

«Было бы ошибочно думать, что первый этап периода всемирной диктатуры пролетариата будет началом отмирания наций и национальных языков, началом складывания единого общего языка. Наоборот, первый этап, в течение которого будет окончательно ликвидирован национальный гнет,— будет этапом роста и расцвета ранее угнетённых наций и национальных языков, этапом утверждения равноправия наций, этапом ликвидации взаимного национального недоверия, этапом налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями» [36].

Только на втором этапе всемирной диктатуры пролетариата интеграция языков должна принять формы слияния, должна привести к созданию сперва зональных языков, а затем и единого всемирного языка.

* * *

Можно подвести итоги. Нельзя рассматривать процессы дифференциации и интеграции языков независимо от истории обществ, говорящих на них. Каждый из этих процессов протекает в зависимости от условий, создаваемых обществом для развития языка. Общая закономерность представляется в таком виде: в родовом обществе господствует дифференциация, процесс же интеграции должен стать предметом специального изучения. В классовом обществе процесс дифференциации не является интенсивным. Наоборот, преобладает интеграция путем скрещивания. При капитализме дифференциация обычно не встречается,— скрещивание же языков исключительно интенсивно.

Интеграция исключена во время победы социализма в одной или нескольких странах, а также в первый период победы социализма в мировом масштабе. Только во второй период победы социализма во всем мире проявится интеграция путем слияния языков.

После рассмотрения этой закономерности можно поставить вопрос, который, как мы видели выше, был неправильно разрешен Н. Я. Марром: возрастает или уменьшается число языков в процессе развития? Решение этого вопроса зависит от удельного веса процессов диффе-

---

[36] И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 348.

ренциации и интеграции. С самого начала зародилось множество языков, а не один язык. Затем, в результате преобладания в родовом обществе дифференциации, число их увеличивается. В классовом обществе, где интеграция превалирует над дифференциацией, количество языков начинает убывать вследствие скрещивания.

* * *

Здесь надо принять во внимание два обстоятельства. Во-первых за скрещиванием не всегда следует уменьшение числа языков: правда, когда в результате ассимиляторской политики иноземные победители изгоняют из употребления местный язык, число языков уменьшается (как это было в случае с галльскими языками или иберийским), но когда народ или нация избавляется от угнетателей, количество языков не изменяется. Во-вторых, в классовом обществе количество языков уменьшается и помимо скрещивания. Это в тех случаях, когда, в результате колониальной политики, ведется истребление целых племен и народов. Вместе с народами исчезают также и их языки (так произошло, например, с аборигенами Северной Америки и их языками).

* * *

Таким образом, не от одного языка ко многим и не от многих языков к одному, а от сравнительно небольшого количества языков к многоязычию, а затем к единому международному языку. В таком виде представляется картина развития языков при рассмотрении их истории в связи с историей народов, говорящих на этих языках.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

В. Ф. ШИШМАРЕВ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК МОЛДАВСКОЙ ССР

I

Современная романистика устанавливает для восточной Романии два типа романской речи: западный, представленный далматинским языком [1], исчезнувшим в самом конце XIX в., и восточный, который можно было бы назвать условно балкано-романским. Этот второй тип живет и поныне.

Включение его в группу романских языков, однако, не для всех оказалось достаточно мотивированным. Благодаря наличию в нем значительного количества славянских элементов он представлялся кое-кому чуть ли не славянским или, во всяком случае, смешанным. В годы господства у нас идей академика Марра, имевшего склонность рассматривать чуть ли не все языки как «смешанные», «скрещенные», такой взгляд на балкано-романский язык укоренился довольно прочно. Впрочем, он существовал не только у нас, но и за рубежом, где аналогичные идеи высказывались уже с начала XIX [2] и вплоть до начала XX в. [3] За тот же промежуток времени были вскрыты связи балкано-романского с другими языками Балканского полуострова, а это привело к созданию так называемой «балканской филологии» различных теорий, объясняющих «балканизмы» румынского [4]. Для понимания и правильной оценки балкано-романского они настолько важны, что на них следует остановиться особо [5].

Сейчас мы считаем нужным указать только на то, что основополагающее определение И. В. Сталиным специфики языка и понятия языкового

---

[1] Провинция Далмация была результатом первых завоеваний Рима на Балканском полуострове, куда он проник еще в 229 г. до н. э. в область нынешних Трау, Стобреча и острова Вис (древний Лисса). К 59 г. до н. э. Рим овладел уже всем северо-западом полуострова (провинция Иллирия); в 40 г. наиболее освоенная его часть была организована в провинцию Далмация. При Диоклетиане (284—305) ее южная часть до нынешнего Эльбасана (с центром в Диррахии) была выделена в особую единицу под названием Praevalitana.

[2] Ср. идеи скрывшегося под *** «имперского советника» автора «Положений» (Erweis), появившихся в 1823 г. в Галле с дополнениями некоего S. T. (Будапешт, 1827). В конце 20-х и начале 30-х годов «Положения» вызвали оживленную полемику в Будапеште и Трансильвании, в которой приняли участие Bozsinka, Murgu и J. Schuller.

[3] H. Schuchardt в письме к Г. Вейганду (1893) в Balkan-Archiv, I, V, и его работы о смешении языков начала XX века.

[4] Подытожены у Kr. Sandfeld, Linguistique balkanique, Problèmes et résultats (изд. Парижск. лингвист об-ва), Paris, 1930; 2-ое (нов. изд.), Paris, 1943.

[5] Настоящая статья легла в основу доклада на тему ее заглавия, прочитанного на объединенной сессии Института языкознания Академии Наук СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии в декабре 1951 г. Его первая, вводная глава, посвященная связям балкано-романского с другими языками Балканского полуострова, несколько разросшаяся, появится в виде отдельной статьи.

скрещивания чрезвычайно облегчает разрешение и этой сложной проблемы и позволяет устранить всякие сомнения относительно романского типа балкано-романских наречий и всякие ненаучные попытки приписать им «смешанный» характер.

II

Очень важным вопросом является вопрос о родине балкано-романского языка [6], по выражению Пушкарю, «стоящий вечно открытым». Денсушяну считает его «основным вопросом румынской истории» [7]. Для И. Богдана «без малейшей тени сомнения... непрерывное наличие румынского элемента на левом берегу Дуная есть истина сама собой разумеющаяся» [8]. Еще около 1460 г. Халкондил, заинтересовавшийся сходством валашского и молдавского с итальянским, говорил, что ни от кого из смертных он не мог узнать, откуда явились в области между Трансильванией и Черным морем, между Богданией (т. е. Молдавией) и Дунаем люди с римским языком и римскими нравами и поселились в них. На том же языке, по его мнению, говорят и влахи на Пинде. С тех пор этногенезом валахов и молдаван интересовались авторы хроник XVII и XVIII вв.; позднее немцы: Thunmann, посвятивший ему свои Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker (Leipzig, 1774), за которым последовали Зульцер [9] и Энгель [10], выдвинувшие идею южного происхождения румын. В конце XVIII и начале XIX в. появился целый ряд работ по языку, написанных почти исключительно трансильванцами, частью представителями духовенства [11], отстаивавшими национальную румынскую и католическую точку зрения, подчеркивавшими латинское происхождение румынского народа, его непрерывное пребывание в Дакии и, следовательно, его преимущественное право на ее территорию, занятую венграми, а также тезис о проникновении христианства к предкам румын из Рима. Отсюда контроверза и большой политический резонанс, который имели исторические работы, посвященные вопросу о происхождении румынского народа и его языка, отсюда и искусственная латинизация последнего в работах трансильванцев. Через несколько десятков лет контроверза вспыхнула снова в связи с появлением исследования грацского историка Р. Резлера [12], после которого, несмотря на возражения и критику Юнга, Пича, Томашека, К. Иречка и др., факт массового позднейшего переселения романцев из-за Дуная на север пришлось принять, и оставалось только подвергнуть основательному не только историческому, но и лингвистическому исследованию румынские элементы к югу от Дуная, которые занимали уже Тунманна.

У нас нет никаких серьезных оснований заподозрить сообщения историков Флавия Вописка (Aurelianus, гл. 39), Евтропия (Breviarium, IX, 15) — оба IV в., Секста Руфа (Breviarium, гл. VIII, 369 г.) относительно оставления императором Аврелианом (271 или 275 г.) [13] провинции Траяновой Дакии и перевода военных частей, находившихся в ней, и «провинциалов» на юг от Дуная, во вновь основанную провинцию Дакию, названную Аврелиановой. Попытка Иорги рассматривать соответствующий

---

[6] Dacoromania, IV, 1924, стр. 1381.
[7] Histoire de la langue roumaine, Paris, 1901, I, 288.
[8] Istoriografia română si problemele ei actuale, Acad. Rom., Discurs, XXVII (1905), стр. 17.
[9] Geschichte d. transalpinischen Dacien, Wien, 1781.
[10] Commentatio de expeditionibus Trajani ad Danubium et origine Valachorum, 1794.
[11] С. Клейн, Г. Шинкай, П. Майор.
[12] Romänische Studien, Leipzig, 1871.
[13] Фактически выселение некоторых групп из Дакии по собственному почину засвидетельствовано уже ранее.

пассаж Вописка как интерполяцию не имеет сколько-нибудь приемлемых оснований [14], не принята другими румынскими историками, и только в комментариях к термину «провинциалы» наблюдаются расхождения: толковать ли его в более широком или более узком смысле. Допустимо, что некоторая часть романизованного населения, особенно беднейшая, не пожелала оставить провинции, так как после вторжений готов в 211—217, 242, 248 и 249 гг. и особенно после фактического овладения ими Дакией в 260 г. не переоценивала их жестокости и варварства. Тем более вероятно это в отношении туземцев, даков или гетов. К тому же между 364 и 375 гг. готы приняли христианство. С другой стороны, для правильной оценки судьбы романской культуры в оставленной провинции следует иметь в виду, что романизованы были в последней главным образом юго-западные и центральные ее части, так называемая Верхняя Дакия, в Нижней же — только район на запад от Алюты (Ольтения) [15]. Наконец, вполне вероятно, что остатки романизованного населения удержались больше всего в придунайской полосе (в будущих банатах Темешском и Крайовском), так как они всегда могли рассчитывать в случае нужды на помощь и убежище у своих задунайских земляков.

Но оставшееся на север от Дуная романское население не могло быть многочисленным или сколько-нибудь значительным, как это предполагают обычно румынские исследователи, и, между прочим, такой осторожный ученый, как О. Денсушяну, допускающий «сохранение [в старой Дакии] несомненно довольно значительного латинского элемента», имел в виду не только население, но и язык[16]. Характерно, однако, что этого не подтверждают данные археологии, тогда как таковых собрано немало для истории готов между половиной III в. и второй половиной IV в. Гораздо более прав поэтому А. Филиппиде, говорящий о постепенном угасании римской культуры на север от Дуная и предполагающий, что после постепенного перехода романского населения на правый берег на левом оно свелось «к небольшим остаткам»[17].

Да и трудно ожидать, чтобы местное население сохранилось в большом количестве как таковое, когда оно непрерывно меняло хозяев: за готами (271—375) последовали гунны (375—453), за гуннами — гепиды (453—566), авары (566—799), совместно с которыми — славяне, а далее — мадьяры и тюрки (печенеги и половцы). Старые населенные места исчезали, и это вполне понятно; но исчезали и названия рек, которые обычно сохраняются. Целый ряд их получил новые наименования, большей частью славянские; относительно же сохранившихся имен, носящих славянскую окраску, трудно сказать, передают ли они дакийские или романские названия[18].

Таким образом, исторические справки не возражают против существования остатков населения в старой Дакии на север от Дуная, но и не дают нам прочных указаний на степень их сохранности, и во всяком случае — оставляют нас в полном неведении относительно их языка. Если следы романской речи и продолжали сохраняться где-нибудь в Траяновой Дакии, то они были вытеснены ее собратом, пришедшим с юга.

---

[14] N. Jorga, Le Problème de l'abandon de la Dacie par l'empéreur Aurélien в Rev. hist. du sud-est européen, I (1924); стр. 37—54; Homo, Essai sur le règne de l'empereur Aurélien, Paris, 1914.

[15] См. карту К. Дайковичу у Пушкарю, D. rum. Spr., I., прилож. 28.

[16] Hist. de la l. r., I, стр. 214, 289, 301 и сл. См. также сборник Problema continuității Românilor în Dacia, Сибиу, 1943 (в Biblioteca Astra, № 27).

[17] Originea Românilor, I, 427, стр. 658.

[18] О трудностях при толковании их см. N. Drăganu, Români în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticei, București, 1933, стр. 313—319.

Искать его родину за Дунаем побуждают данные языка. Мы уже имели случай ссылаться на них выше по поводу так называемых «балканизмов». Как бы критически ни относиться к ним,— не считаться со сходными чертами в соседних языках невозможно. Весьма характерными и древними являются совпадения с албанским, которые могли образоваться только за Дунаем. Они характерны, потому что романским языкам за пределами полуострова они почти неизвестны; они древни, потому что прошли затем в балкано-романском тот же путь фонетических изменений, что и латинские слова: ceafa (затылок), отвечающее албано-тосканскому kjafë (шея) (этимология дана у H. Barić, Albano-rumän. St., I, Сараево, 1919, 31). В гегском диалекте Скутари, где kj>tš, как gj>dž. tšaf (шея), показывает то же развитие k перед гласными переднего ряда, что и латинское c в cepa (луковица), румынское ceapă.

Объяснения румыно-албанских связей могут быть различны: мы можем иметь дело с заимствованиями, особенно, когда речь идет о словах, относящихся к характерному для обеих сторон хозяйственному укладу (скотоводство)[19], как, например brînză (овечий сыр; исчезло в аромунском, но имеется в греческом, в Эпире πράνζα), или ţarc (загон для мелкого скота, албанское thark). Нужно, однако, заметить, что фонетически полные или почти полные совпадения, поддержанные семантикой, не всегда гарантируют заимствование. Сравнительное изучение албанских и румынских слов позволило установить необходимость считаться с общим дороманским источником, каковым является иллирийский или, если допускать их древний контакт, иллирийско-фракийский[20]. Так, например, zară (сыворотка), аромунское δală, отвечает албанскому dhallë, и соответствия dh-z и ll-r в них вполне закономерны, но отсюда не следует еще, как и в очень многих словах, список которых дан Росетти[21], что перед нами прямые заимствования из албанского. Румынские слова могут быть, как и албанские, остатками языка, который некогда жил на полуострове и с которым в какой-то мере имело связь и романизованное его население. При этом отличить элементы иллирийские от проникших в них фракийских остается невозможным, за исключением чрезвычайно редких случаев[22]. Критерием иллиризма данного слова, более или менее надежным, является его распространение на западе. Так, baltă (известны и аромунскому и мегленскому) «озеро, болото», албанское baltë «тина, болото», фонетически совпадающее с румынским, но не обязательно заимствованное из албанского, знакомо целому ряду северно-итальянских диалектов (в значении «грязь»). Оно известно и новогреческому и славянским языкам, в которых оно может являться исконным и прямо не связанным с иллирийским. К той же категории принадлежит и румынское gard (=аром.=мегл) в значении «ограды, изгороди»; албанский дает garth с тем же значением; членная его форма — gardh-i; следовательно, говорить о заимствовании из албанского нельзя, так как албанское dh дает в румынском не d, а z: связи между албанскими и романскими словами поэтому не прямые. Как известно, gard хорошо знакомо и славянским языкам.

---

[19] Ср. замечания и примеры у H. Treimer'a в Zs. f. rom. Philol., XXXVIII, стр. 391.

[20] Как W. Brandenstein у Pauly-Wissowa, Real-Encycl. d. kl. A., под Thrake, стр. 413.— Некоторые иллирийские племена были, может быть, смешанными. Таковы скордиски или трибаллы. Наиболее распространенной является сейчас как-будто точка зрения N. Jokl'и, видящего в албанцах особую группу, язык которой примыкает и к иллирийскому и к фракийскому. См. Reallex. d. Vorgeschichte Эберта, статьи «Албанцы», «Иллирийцы», «Фракийцы».

[21] Istoria limb. rom., II, стр. 108—124. Ср. также Puşcariu D. rum, Spr., I, 206 и сл.

[22] Возможное сведено у Росетти, там же, стр. 55—63.

Как же проявились и развились все эти отмеченные точки соприкосновения между романским и албанским? Совпадения фонетические объяснялись единством субстрата, т. е. сходным строением органов речи. Фонетические навыки имеют, конечно, большое значение, и Филиппиде положил их даже в основу своего построения. Но такое прямолинейное обобщение верного наблюдения едва ли приемлемо, так как даже характерное произношение может меняться от одной группы говорящих к другой и от одной местности к другой; оно испытывает на себе, как всё в говорящей среде, влияние исторических условий и по-разному реагирует на соперника в зависимости от того, появился ли последний в пору, когда старый язык сложился или только складывается. Наконец, влияние субстрата сказывается и естественно должно сказываться неравномерно. Едва ли можно поэтому приписывать то или иное произношение целой народности, в то время как оно может характеризовать только часть ее и лишь со временем получить большее или меньшее распространение.

Тем труднее и ненадежнее исходить из идеи субстрата при объяснении более сложных процессов в языке, и притом в более позднюю эпоху, когда «субстрат» (подслой) уже успел раствориться в основном населении, а его язык исчезнуть окончательно в языке-победителе этого последнего. Такова же роль и так называемого «адстрата» и «суперстрата». И вот почему албанский, который Фридвагнер считал древнейшей примесью к балкано-романскому [23], не превратил его в язык смешанного типа, как не сделал этого и славянский суперстрат, о котором мы говорили выше и к которому еще вернемся.

При контакте не получается третьего языка. Происходит не смешение, а лишь оседание некоторых элементов, и притом не на основных для языка-победителя участках. Основой процесса является систематическое общение, осуществляется ли оно в форме контакта двух самостоятельных общностей или в форме внедрения одной из них в другую. Примером первой может служить отношение между болгарами и дако-романцами в пору самостоятельного существования Валахии и Молдавии, примером второй — симбиоз славянского и романского элементов на заре возникновения первичных славяно-романских государственных образований, члены которых и кровно смешивались между собой.

Но если контакт с албанцами, или, лучше, их предками, относится к древнейшей поре истории балканских романцев, то важно установить где он мог происходить.

Упоминания об албанцах начинаются с XI в.; под 1079 г. их поселения находят между Охридой и Салониками и в Эпире. На этом обстоятельстве, как и на факте отсутствия у них терминов рыболовства, основывалось предположение, что албанцы не жили в местах их нынешнего поселения, а пришли из областей полуострова, лежащих восточнее [24]. Skok ставит название албанского народа — шкипетары в связь с названием столицы Дардании — Скупис (алб. Шкип), что возможно [25]. Дардания примыкала непосредственно к Аврелиановой Дакии, распадавшейся на две единицы: Дакию прибрежную, т. е. придунайскую (приблизительно между Виминацием и р. Искером, с центром в Ратиарии — нынешний Арчер близ Видина) и лежащую к югу от нее Дакию средиземную, с центром в Сердике — нынешняя София. Новая провинция составилась из частей старых Мезий

[23] M. Friedwagner, Über die Sprache u. Heimat d. Rumänen в Zs. f. rom. Philol., LIV (1934), стр. 665.

[24] Н. Йокль в Real-Lex. d. Vorgesch., I, стр. 92; у нас А. М. Селищев, Слав. насел. в Албании, София, 1931, стр. 49 и сл., 73 и сл.— Пришельцами в Албании считает албанцев и Филиппиде, Orig., II, стр. 771 и сл.

[25] См. Zs. f. rom. Philol., LIV, стр. 280.

(Верхней и Нижней) и южными своими районами, через Дардании, примыкала к Македонии, а юго-западными, через ту же Дардании, к Далмации, точнее— к Превалис и Новому Эпиру, соответствующим приблизительно нынешней Албании. На северо-западе Новая Дакия была смежной с Верхней Мезией, которая граничила непосредственно с Панноний; впрочем, с Нижней Панноний ее связывал и Дунай. Центральные части этих романских областей находились в бассейнах рек Тимока, Моравы и частично Вардара, т. е. на территориях, через которые проходила большая римская дорога, связывавшая Адриатическое побережье (Диррахий) с долиной Дуная через Скодру — Найс (Ниш) — устье Моравы, с ответвлением Найс — Ратиария, пересекавшим Дакию прибрежную. Западной границей Новой Дакии являлся (приблизительно) бассейн р. Дрины.

Достаточно просмотреть границы этих областей на карте, чтобы понять возможность общения и связи с албанцами (кто бы они ни были) и с теми фрако-иллирийцами, которые сидели между Дунаем, нижней Тиссой и Искром. Эти же области являются центральной частью обширной территории, на которой были распространены латинский язык и культура. От границы между Нижней Мезией и Прибрежной Дакией на запад территория эта значительно расширялась; на востоке (т. е. в Нижней Мезии) она представлялась довольно узкой полосой, тянувшейся вдоль Дуная до его устья [26]. В конце IV в. эта центральная часть Восточной Романии, если присоединить к ней Македонию, составляла Дакийскую диоцезу. Ее западная граница являлась в то же время и политической границей между Западной и Восточной империями.

Здесь, в северных и центральных районах диоцезы, следует искать «колыбели» той романской речи, которая, как тип, лежит в основании ее позднейших разновидностей, продолжающих существовать на юге и на севере от Дуная. Носители ее распространились отсюда и на запад и на восток. На территории сербо-хорватского мы до сих пор встречаем следы романской топонимики, особенно в названиях гор и горных местностей. Типичны для последних такие названия, как Durmitor (Dormitor, в бассейне Верхней Дрины), Cipitor (atipitor «дремлющий»), Visitor (visátor «сновидец»), связанные все с идеей сна, отдыха для стад, пасущихся на горных пастбищах; планина Koracnik, на Верхнем Ибаре, от koracĭ «дерево»; ср. там же вершину Боровняк. В старых грамотах у сербов и хорватов можно встретить такие имена, как Barbat (собственно бородатый), Berbos (barbos «бородатый»), Fečor (=fecior «парень») Micul (=micul «малый»), Sarapa (=sare apa «прыгает через воду»), как Sarebiere (=Sare bine «прыгает хорошо»), с ротацизмом, как в Zmantana (smântână «сметана»). Румынское население Истрии, когда-то гораздо более многочисленное и сейчас ославянивающееся, составилось из романцев, некогда живших на сербо-хорватской территории. Такого же происхождения и моро-влахи.

На востоке романцы-румыны продвигались на земли, занятые болгарами, где они со временем так же ассимилировались, оставив, однако, память о себе в местной топонимике и ономастике: Крнул (cârnul «курносый»), Кречул (creţul «курчавый»), Вакарел (местное название, уменьшительное от vacar «коровий пастух») и т. п.; но здесь на востоке следов этих значительно меньше, чем на западе. Нельзя не отметить влияния румынского на болгарский словарь, поскольку оно касается очень древнего слоя. Таковы, например, христианские термины романского происхождения, как *алтар*, *крачун* (calatione, с ротацированным l), *русалии*, *камъкание* (communicatio, причащение) и т. п., относящиеся ко временам связи ру-

[26] См. карту у Росетти в приложении ко II тому его Istoria.

мын с западным христианством, предшествовавшей связи с греко-болгарским [27].

Так протекала иррадиация романизма из его основного центра. Следующим важным вопросом в румынистике является вопрос о причинах, путях, времени и последствиях этого «растекания» романской речи на юге и на севере от Дуная.

III

В своей работе о славянских элементах в румынском (в Denkschriften Венской Академии Наук, XII, 1862) Фр. Миклошич, приурочивая контакт между румынами и славянами к концу V и VI в., утверждал, что романское население полуострова было вытеснено славянами из занимавшейся им территории, после чего часть его двинулась на юг (аромуны), другая часть — за Дунай.

Р. Резлер, видевший родину румын за Дунаем, утверждал, что «Мезия и Иллирик, север и запад полуострова, были романизованы в гораздо большей степени, чем это думали до сих пор. Балканский полуостров был исходным пунктом румынского народа, который постепенно передвинулся в пустые и мало населенные северные территории и окончательно занял юго-восток Европы». Он датирует это переселение концом XII и XIII в. и связывает его с борьбой валахов в Мезии за независимость против Византии (второе болгарское царство). Основанием для его положения служило отсутствие упоминания влахов в надежных исторических источниках (аноним Белы был им заподозрен).

Резлеру возражали Юнг и Пич, затем румыны — историки Ксенопол и Ончул [28]. Мы не будем останавливаться на этих возражениях, поскольку желающий вкратце познакомиться с ними может обратиться к работе М. В. Сергиевского[29], поскольку все положительное в их критике стало давно общепринятым и использовано О. Денсушяну, выводившим румын из Иллирии (в его Histoire de la langue roumaine, I), и всеми, кто писал по этому вопросу позднее. Основным положением Ксенопола и Ончула является тезис о сохранности в Дакии романизованного населения. Появления затем валахов на севере от Дуная Ксенопол объясняет возникновением на юге от него валахо-болгарского государства, откуда совершился затем приток валахов на север. Ончул ограничивает романский элемент в старой Дакии областью между рр. Темешем и Алютой и западными частями Трансильвании и допускает в дальнейшем постоянное переселение романцев из областей полуострова на север от Дуная. На идее «непрерывности» настаивал и румынский славист И. Бэрбулеску, относивший контакт со славянами к XI—XII вв. (среднеболгарский период)[30]. Наибольшей четкостью и обоснованностью отличается ответ на вопрос о том, где могло сосредоточиться по преимуществу романское население в IV и последующих веках, данный А. Филиппиде[31]. После детальней-

[27] Мутафчиев считает подобные слова заимствованными из «романского». Влияние румынского на болгарский он признает гораздо менее значительным вообще, Bulgares et Roumains, стр. 313—322.— Богатый материал для румыно-славянских сопоставлений собран Кэпиданом в его Elementul slav in dialectul aromân в Dacoromania, III, стр. 129—238, IV, стр. 1252 и сл.

[28] Xenopol, Teoriea lui Rösler, Ясы 1884; Onciul, Teoriea lui Rösler в Convorbiri literare, XIX, 1885.

[29] «Молдавские этюды» в Трудах Моск. ин-та истор., философ. и литер., т. V, сб. статей по языкозн., М., 1939, гл. I.

[30] Naşterea individualităţii limbii române şi elementul slav в Arhiva за 1922—1928 гг. Ср. также его Probleme capitale ale slavisticei la Români, Ясы, 1906.

[31] A. Philippide, Originea Românilor, I, Ясы, 1925; II, 1928. О выходе румын из-за Дуная у нас писал акад. А. И. Соболевский, Румыны среди славянских народов. Речь на собрании Академии Наук 29 дек. 1916 г. Петроград, 1917.

шего анализа материала автор приходит к выводу, что некогда обширнейшая территория империи на севере и на юге от Дуная (Orig., I, стр. 854 и сл., II, 569 и сл). постепенно сокращалась, так как сама империя, начиная с первой половины IV в., последовательно оставляла значительные ее части: лежащую на левом берегу Дуная часть Нижней Мезии — между 235 и 238 гг., Дакию, Олтению, Трансильванию и Банат — в 268 г., Нижняя Паннония же (Сирмиум) была захвачена гуннами в 377 г. Позднее, в 582 г., при эвакуации Нижней Паннонии, ее римское население было переведено за р. Саву. Романское и романизованное население этих областей перебралось за южный берег Дуная, а то, что оставалось на северном, либо растворилось среди пришельцев, либо сохранилось в какой-то мере на месте, пока туда не явились их собратья из-за Дуная[32]. В те же III—IV вв. новая трещина пересекла романизованную территорию полуострова: при Диоклетиане Далмация была отделена от восточной его половины; в 398 г. она вошла в состав западноримской империи, а Мезия — в состав восточной. Связи между западными и восточными областями ослабли, и развитие латинского языка в каждой из них пошло своим путем. Поэтому и Филиппиде после детального анализа исторических данных переходит к такому же детальному анализу данных языка восточной, балкано-романской половины.

Пространство, занятое этой восточной половиной, было в достаточной мере обширно, чтобы допускать наличие ранних расхождений в латинской речи, на которой говорило ее население, но в то же время и достаточно цельным, внутренне связанным благодаря административному устройству, культурной традиции, постоянному общению отдельных областей между собой и наличию задающих тон крупных центров[33], чтобы, несмотря на пестроту населения (вскрытую Филиппиде), язык его представлял некое единство с и с т е м ы, единообразие основного словарного фонда и грамматического строя. Иначе дальнейшая его дифференциация, обусловленная историческими условиями, не позволили бы македо-румынскому, истро- и дако-румынскому, при всех их расхождениях, сохранить единство типа.

При всей его близости к общеимперской живой латыни (койнэ) в нем стали обнаруживаться, как и во всех других романских языках, некоторые характерные новые черты, отделившие его от его романских собратьев и прежде всего от далматинского.

Отрыв мог произойти только после прекращения связей с Западом. Большая часть Иллирии отошла в 395 г. к западной половине империи, и р. Дрина стала скоро в известной мере языковой границей. Обстановка для дальнейшего отхода должна была стать более благоприятной после падения господства империи (602) и особенно после замены латыни греческим в государстве и церкви (605). На судьбу языка это обстоятельство должно было повлиять больше, нежели вторжение славян, особенно на первых порах. Влияние славян стало значительной силой только в условиях роста государственных и церковных связей со славянством.

Когда и при каких условиях углубились расхождения внутри балкано-романской речи, т. е. когда и при каких условиях стала складываться аромунская, мегленская, истро- и дако-румынская разновидности,—

[32] Orig., I, стр. 854.

[33] Следует отметить также особую заботу об этой области отдельных императоров, ее уроженцев. Константин Великий был родом из Найса, Юстиниан — из окрестностей Скопье. При нем Скопье стало центром обширной метрополии (535), обнимавшей Новую Дакию, Верхнюю Мезию, Превалитану, Македонию II и восточную часть Нижней Паннонии. Позднее церковный центр был перенесен в Охриду, но единство церковной области просуществовало целый ряд веков. Церковь объединяла то, что уже было объединено самой жизнью в целом.

являются до сих пор вопросами, не разрешенными окончательно. Сравнительно небольшое количество в аромунском албанских и древнеболгарских элементов, полное отсутствие мадьярских и среднеболгарских черт свидетельствует как будто в пользу того взгляда, что перемещение аромун следует датировать не позднее X в. Но это не дает даты начала движения, так как установить время контакта с албанским — чрезвычайно трудная и до сих пор не разрешенная задача: даты перемещения у различных исследователей колеблются между древнейшей эпохой, III—IV, IV—VI вв. и. т. д. до X-го. Но так как отход той или другой части балкано-романской группы мог быть длительным, то вопрос осложняется еще более[34]. Так или иначе, отделение аромун должно было произойти до X в.[35]. Так как в XI в. они жили в южных областях полуострова уже в настолько значительном количестве, что в 1065 г. Никулица мог поднять в Фессалии целое восстание их против Византии. С XII в. упоминания о них становятся все более частыми. Анализ данных языка также не позволяет уточнить хронологию отрыва. На юге Филиппиде отправлялся от трактовки лат. c, g + e, i, которые дали в аромунском ts, dz, в дако-румынском č, ǧ (caelum > čer, ţer, gelu > ǧer, dzer). Эту палатализацию он относил к первой половине VI в.[36] В латинском ассибиляция c может быть отнесена к V в. (g — несколько ранее). Но она развивалась в Романии на протяжении долгого времени и неравномерно. Девото[37] считает сохранение c=k характерным для Востока. Действительно, мы имеем его не только в Далмации и Иллирии (албанское kjel < caelu, вельотское kaina < cena), но и в Сардинии (kenare < cenare)[38]. До балкано-романского дошло, вероятно, только палатальное k, даже перед i (как в албанском kjimk < cĭmice, kjine < centum и соответственно — gjint < gente). Дальнейшее естественное развитие c и g в č, ǧ и ts в dz могло происходить независимо в различных группах балкано-романского, но на это нужно было время. Следовательно, его нельзя датировать VI в., как и упомянутый выше отход группы на юг. Дако- и истро-румынский трактует латинское c и g перед e и i одинаково (у истро-румын рефлексы их позднее приобрели особую форму).

Так как наши интересы сосредоточены на дако-румынском, то мы не можем останавливаться на деталях процесса разъединения. Причину перемещений обычно видят в давлении славян, которые уже в VI в., сломив сопротивление императора Маврикия (582—602), начали переходить Дунай массами и распространяться по полуострову, особенно в его восточных областях, лежавших ближе к его центру, Византии, привлекавшей варваров, как на западе Рим. На освободившиеся территории потянулись романские переселенцы из-за Дуная. Движение это должно было быть, естественно, продолжительным и происходило в обратном движению славян направлении. Открытым остается вопрос о том, насколько быстро реагировало романское население Новой Дакии на славянское вторжение, так как ведь в эту раннюю эпоху восточная половина полуострова обладала большей притягательной силой, нежели западная, в которой

---

[34] Если учесть склонность этого пастушеского населения к передвижению, то следует считать это вполне вероятным. Уже в VIII в. Томашек отмечает наличие их на Халкидском полуострове у р. Рихиос («Влахорихины»); см. Zur Kunde d. Hämus-Halbinsel в Denkschriften Венской Академии Наук, 1882, стр. 476.

[35] В 976 г. их отмечают в области между оз. Преспа и Охридой; они были пастухами и возчиками.

[36] Orig., II, стр. 166, 225—230.

[37] Storia della lingua di Roma, Roma, 1940, стр. 301.

[38] Скок видит в сохранении c и g в далматинском и албанском влияние «культурного» произношения (Zs. f. rom. Philol., L. стр. 510), что мало вероятно.— Аромунское ts как-будто древнее славянских заимствований.

издавна романцы чувствовали себя в большей безопасности. Вот почему дата 600 г., с которого началось продвижение предков румын на север, по мнению Филиппиде, может быть, требует оговорок. Центральным местом его исследования является установление путей передвижения. Ни до, ни после него никто не дал нам такой детальной картины движения на север, с которой нельзя не считаться.

Передвижение представляется Филиппиде — и, как нам кажется, правильно — в виде волн, и, следовательно, длительного процесса, охватывающего время с VII до начала XIII в., когда оно закончилось[39]. Переселение происходило в виде двух не связанных между собой потоков. Один, «балкано-транскарпатский»[40] двигался из-за Дуная в Банат и Трансильванию (кроме ее юго-востока) и далее — в Молдавию, Буковину и Бессарабию; другой, «мунтянская ветвь»,— с правого берега Дуная (следовательно, из Прибрежной Дакии и восточной части Нижней Мезии) непосредственно в Мунтению (Большую Валахию), затем в Трансильванию (ее юго-восток, центром которого стал впоследствии Брашов, и долину верхней Алюты — Фэгэраш). В Ольтению (Малую Валахию) проникли части обоих потоков. Таким образом, «Молдавия и Мунтения не имеют генетической (разные ветви) и исторической связи» [41]. Переселение вызвано, по Филлипиде, очищением территории к северу от Дуная славянами в VI—VII вв., и на освободившиеся от романцев места между Искером и Дриной двинулись в XIII в. сербы. В XI в. места эти уже в значительной мере потеряли свое население, так как византийское правительство переселило на них покоренных печенегов (1048-1049 гг.; Кедрен, II, 587, 14).

Но если Молдавия не связана генетически с Мунтенией, то, как это устанавливает Филиппиде, она связана с Трансильванией, и связь эта поддерживается данными языка, общими у обеих областей. Этому соответствует и заселение Буковины, а затем Молдавии из Трансильвании и, наконец,— Бессарабии из Буковины. Этому отвечают и данные языка в Бессарабии, в котором черты архаические (dž, dz) переплетаются с новшествами (вроде смягчения зубных перед e, i, перехода палатализованного c (= k) в палатализованное t и смягчения губных перед йотом).

Если первый поток Филлипиде не вызывает возражений, то движение с юга на север в Мунтению из Нижней Мезии, как базы между VII и XII вв., едва ли может представляться таковым [42]. Романские элементы на правом берегу Дуная могли еще как-нибудь сохраняться в городах, но они были уничтожены к началу VII в. Следов валахов на левом берегу Нижнего Дуная не имеется до XIV в. [43] Упоминание их Никитой Акоминатом под 1198 г. на севере от Дуная совместно со скифами, совершавшими нападения на южный берег (cohors Blachorum), имеет в виду отдельные группы, составленные из бродячих элементов. Об анологичной роли их говорит под 1164 г. и Киннам. В течение VII—X вв. византийские источники о влахах на том и другом берегу реки молчат. Они упоминают только славян. Один из византийских историков IX в. говорит о «Болгарии об ону сторону р. Истра». Задунайские земли входили в состав болгарского государства от Крума до Петра (умер в 969 г.). В 899 г. левобережье было занято печенегами, а в 1091 — куманами. Мутафчиев считает невозможным, чтобы на запад от Алюты сохранялось романское население. По мнению румынского историка Ончула, первые

[39] Orig., I, стр. 857—858; II, стр. 386 и сл.
[40] Там же, II, стр. 404—405.
[41] Там же, II, стр. 389.
[42] Мутафчиев, цит. раб., стр. 233.
[43] Там же, стр. 107.

румынские поселения на восток от Алюты (и от Карпат) стали возможны только в XII в. Условия, благоприятствовавшие этой колонизации элементами, спустившимися с гор, наступили только в XI в[44]. После падения первого болгарского царства (1018) на нижнем Дунае была образована тема Паристрион, с византийским управлением и болгарским населением. Восстание 1186 г. и образование второго болгарского царства, в котором влахи сыграли, может быть, известную роль, еще не значит, что в состав его населения входило значительное количество влахов, что отнюдь не исключает, конечно, в составе его валашского элемента. Во всяком случае показательно, что уже с начала XIII в. о валахах в связи с новым государством речи нет и оно фигурирует уже просто как болгарское [45]. По нашему мнению, чрезвычайно характерен термин Мунтения, обозначавший Валахию. Он совпадает со старой легендой о том, что валахи под предводительством Раду Негру или при Тихомире-Иванко спустились с гор (уже после ухода печенегов и куманов) и овладели Дунайской низменностью. Не на то же ли указывает и последовательная смена центров: Кымпулунг, Тырговиште, Бухарест? Как оправдать в отношении валахов название их мунтянами, если они искони были жителями валашской низменности?

М. В. Сергиевский принимал гипотезу Филиппиде, так как несвязанность потоков позволяла ему подчеркивать самостоятельность молдавского и считать его особым языком. Но ведь Филиппиде все же связывает молдавский с трансильванским и говорит о них как о дако-романском языке. Да и у Сергиевского формулировки не всегда достаточно четки: валашский и молдавский он называет диалектами дако-романского, что не мешает ему, однако, четырьмя страницами дальше говорить о румынском и молдавском языках[46]. Любой «территориальный диалект» может превратиться при известных условиях в язык нации. Можно себе представить, что такое превращение переживут два близкие один к одному диалекта параллельно; но они тем самым еще не получат ни о с о б о г о основного словарного фонда, ни о с о б о г о грамматического строя каждый. Едва ли можно доказать, что при всех своих различиях языки Америки и Англии два разных языка.

IV

Славянское влияние на романскую речь датируется различно: одни (Дужгля в Dacoromania, III, 605; Денсушяну, Hist., I, 241; Папахаджи в Grai şi suflet, I, 211; III, 94; Скок в Slavia, VI, 127; XI, 614) относят его ко времени до IX в. (уже к VI—VII), другие (Гамильшег в Zschr. f. rom. Philol.) — не ранее, чем к X в. Бэрбулеску доказывал, что контакт со славянами (болгарами) мог произойти только в X—XI вв. на территории Дакии, где румыны сидели искони[47]. Его аргумент — среднеболгарская фонетика заимствований, против чего возражал уже Сандфельд[48]. Кульминацию славянского влияния И. Богдан относил к XI[49], Капидан — к XII в[50]. Главную массу заимствованных слов составляют болгарские; остальные славянские языки представлены значительно слабее.

---

[44] Bull. sect. hist. Рум. Академии Наук, IX (1919) 1-2, стр. 18.

[45] М у т а ф ч и е в, цит. раб., стр. 324.— О симбиозе влахов и болгар во втором царстве говорит S a n d f e l d, Linguistique balkanique, стр. 171.

[46] См. его «Молдавские этюды» в Трудах моск. ин-та истор., философ. и литер., т. V, М., 1939, стр. 189, 190.

[47] Naşterea individualităţii limbii române şi elementul slav.

[48] Ling. balk., стр. 83.

[49] У Căpidan, Dacoromania, III, стр. 130.

[50] Там же, IV, стр. 1256 и сл.

Начало заимствований и, следовательно, контакта относится к очень отдаленной поре, так как ряд заимствованных слов принадлежит к очень глубокому словарному слою и является общим для всех разновидностей балкано-романской речи, в которой они вытеснили соответствующие латинские элементы. Таковы, например, babă (баба), устранившее латинское anus или vetula (сохранившееся как прилагательное в veche), coasă (истро-румынское cosa)— коса вместо falx (румынское falce — 1,2 десятины земли); colac, culac, ср. русское калач вместо колач (от коло)- печенье круглой формы; глагол darui — давать (из даровати — дарую) вместо латинского donare, nevastă (невеста)-жена; gol (нагой, пустой) вместо nudus или vacuus); slab (слабый), rană (рана) и др. Очень интересно переосмысление некоторых латинских слов; по типу славянского *играть* = *играть* и *плясать*, это последнее значение получил и латинский глагол jocare, joca, džocá, zocá; по типу *цвет* — floare стало обозначать и цветок и цвет; по типу *свет* — латинское lumen>lume стало обозначать мир (и притом во всех диалектах); значение света осталось за ним только кое-где в дако-румынском, и притом лишь в выражении lumea ochilor.

Усваивая славянские слова, предки румын обрабатывали их согласно требованиям своей речи. Так, большой юс (-носовое открытое *о*) был трактован наравне с латинскими о + n: scump (скуп) — как munte, lung, cumpăr. Такие же формы, как mândru (мудр) отвечают более позднему среднеболгарскому произношению большого юса как *ън*, т. е. румынское ăn, откуда затем ân[51]. Все эти процессы должны были происходить до XI в., когда носовой в юсах перестал звучать.

На древность заимствований указывает и передача *ъ* как *и*, например, в sută, или ѣ как дифтонга еа в nevastă, где *еа*>а перед следующим *а*.

Таким образом, древнейший слой заимствований можно датировать еще концом VII—VIII в., *до* той поры, когда наметилось образование аромунской группы и начался отход ее на юг. Усвоение славянских слов обнимало известный период, так как некоторые из них, даже более давние, уже вошли в язык после того, как ряд старых фонетических процессов завершился. Так, в rana и hrana (питание) *а* перед *n* сохранилось (латинское lana>lână, manus,>mână), а *n* не превратилось еще в *r*, т. е. ротацизм, который Росетти считает явлением поздним, наступил после распада балкано-романского на диалекты (Rhotacism., 53).

Славянское (болгарское) влияние значительно усилилось, особенно когда территория болгарского государства стала расширяться на запад и на север, с начала IX столетия. Важным событием явилось принятие болгарами христианства при Борисе I, в 864 г., что облегчило связи с бывшими язычниками, но особенно важным было подчинение романского населения греко-болгарской церкви при царе Симеоне (893—927).

Ни в это время, ни раньше общение со славянами не привело к коренной перестройке языка. Вейганд говорит о румынском, как о языке славяно-романском. Позднее Денсушяну[52] утверждал, что «балкано-романский стал румынским... только со времени нашествия славян». И совсем недавно Мутафчиев заявлял, что считает возможным называть румынский румынским лишь на той ступени, когда он впитал в себя славянские элементы [53]. Но ведь тогда и испанский следует называть испанским

---

[51] Но ân напоминает латинское lână <lana, câmp <camp. Может быть, двоякое отражение параллельно и обусловлено заимствованием из разных источников: в одних областях юс давал *ъ*, проясненное в *а*, в других — *о*. Бифуркацию определило исходное произношение, в котором были элементы *а* и *о* (*а*). Возможно, что были колебания и в пределах одного диалекта.

[52] Histoire, I, стр. 240.

[53] Цит. раб., стр. 78, 293.

лишь после того, как он усвоил арабские элементы. Балкано-романскую группу отделяют от других романских языков не славянизмы, а те черты, которые развились в этом продолжателе общеимперского койнэ после его отрыва от западной половины империи, черты его основного словарного фонда и грамматического строя. В английском языке французского элемента не меньше, чем славянского элемента в румынском, но это не сделало его языком франко-германским.

Бо́льшая часть заимствованных болгарских слов носит среднеболгарский характер, а с другой стороны, уже в древнейших из них, общих всем разновидностям балкано-романского, имеются черты восточноболгарского наречия (например, рефлексы ѣ как *еа*, ъ как *о*). Черты эти могли быть усвоены в пору общения со вторым болгарским царством (конец XII — половина XIII в.). Но они могли быть усвоены и в Трансильвании, где славянские элементы осели давно, откуда они спускались затем к Дунаю и куда они также притекали позднее, когда за Дунаем организовалось первое болгарское царство. На далекий север славян привлекали месторождения соли в Марамуреше и Шарише. Венгерские источники, говорят о том, что когда мадьяры проникли в Трансильванию (X—XI вв.), они застали там славяно-романские воеводства со славянскими воеводами вроде Менуморута. Возможно, что язык болгар в Трансильвании принадлежал восточно-болгарскому типу.

Только таким ранним контактом со славянами можно объяснить проникновение в романскую среду славянского богослужения и соответственной славянской терминологии, вытеснившей старую латинскую. Не тем же ли путем проникали еще в X в. в мадьярский слова вроде kereszt «крест», szombat «суббота» и т. п. [54]

Вопросом о времени, к которому можно отнести наличие романского и мадьярского населения на север от Дуная и Савы, много занимался Н. Дрэгану. Им тщательно исследована ономастика и топонимика этих областей славянского характера [55]. По мнению автора, бо́льшая часть их носит древнеболгарский отпечаток, хотя среди них имеются и среднеболгарские (поздние) формы. Материал грамот, касающихся Трансильвании до 1200 г., дает очень мало. Дрэгану полагает, что мадьяры проникли в эту «область за большим лесом», Erdoelü (позднейшее Erdély > румынское Ardeal) не ранее 1074 г.[56] Грамоты, упоминающие влахов, начинаются только с 1222 г. Но это отнюдь не мешает, конечно, допустить их более раннюю наличность в области. Во всяком случае именной материал свидетельствует о значительном количестве мест, занятых поселенцами-румынами. Показания историков очень немногочисленны и не всегда надежны. К последней категории относится анонимный автор «Деяний венгров», некий нотарий короля Белы IV (?), отведенный Резлером. Но каково бы ни было происхождение этой хроники, кое-что в ней находит поддержку в открытой позднее Descriptio Europae Orientalis 1308 г., отражающей, однако, в отдельных местах традицию, восходящую к XII в.[57] И «Описание» упоминает о «пастбищах румын» в эпоху появления мадьяр. С этим связано и известное показание Начальной летописи об уграх, проследовавших мимо Киева на запад (в 898 г.). Автор и говорит, что угры, пришедшие с востока, задержавшись недолго на Руси, двинулись через высокие горы (Карпаты) и здесь столкнулись с волохами и словенами, которых подчинили себе волохи. Угры изгнали

[54] N. Drăganu, Românii în veacurile IX—XIV, 1933, стр. 592.
[55] Цит. работа.
[56] Там же, стр. 32, 422.
[57] См. работу J. Deer'a в Mitt. d. österr. Instit. f. Geschichtsforschung, XLV (Wien, 1931). Там же пересмотр вопроса об анониме Белы.

волохов, отобрали у них землю, которую и заселили вместе со словенами. Термин «волохове» не вполне ясен. Шахматов видел в них румын. Но они упоминаются рядом с франками, немцами, каролингами и т. д., и вполне возможно, что Летопись и ее источник имели в виду франков, т. е. население части бывшей римской империи, и что речь идет о северной Венгрии, куда мадьяры спустились с гор, положив начало своему государству. Для такой ранней поры трудно предположить, чтобы волохи держали в подчинении славян, в то время как об обратном свидетельствуют данные о славяно-романских воеводствах в Трансильвании. Но показания Летописи совпадают с двумя другими, приведенными выше, и свидетельствуют о наличии в северной Венгрии славянского населения, оставшегося там и после прихода мадьяр.

В качестве не хозяев, а простых насельников подлинные волохи, т. е. предки румын «северного потока или ветви» Филиппиде, могли, однако, в некотором количестве (вероятно, и мадьяры-то направились в эту сторону, потому что она была мало населена) находиться здесь совместно со славянами. Э. Петрович полагает, что этими славянами были предки словаков, так как палатализация зубных, характерная для запада и северо-запада дако-румынской области (frache вместо frate, gincolo вместо dincolo), из всех славян известна только словакам [58]. Правда, в румынском явление это засвидетельствовано только с XV в., но оно, по мнению Петровича, несомненно старше, что готовы принять и мы. Однако мы встретили его и в восточно-болгарском (гьень вместо день, кьебе вместо тебе и т. п.). Если видеть в нем очень старую черту, то этому не противоречило бы наше предположение, что славянский элемент в Трансильвании, который застали там пришедшие с юга романцы, был болгарским, в котором развивались черты, нашедшие себе затем более полное выражение в восточно-болгарском.

Распространение первой балкано-транскарпатской ветви Филиппиде на север привело к контакту с восточными славянами. Миклошич и Калужняцкий определили кульминацию проникновения румын в северные Карпаты XV и XVI вв [59]. Материалы, собранные Н. Дрэгану[60], говорят о продвижении румын в этом направлении не только в конце XII — начале XIII в., но уже в XI в. Были ли это одиночки или более или менее незначительные группы, сказать трудно. Среди множества местных румынских названий, собранных Й. Йорданом[61] и G. Kirsch'ем [62], имеется немало украинских, указывающих на движение населения: Ciorneiul (окрестности Романа), Dubrova, Dubroviţa, Dubrovăţul (Васлуй) и т. п. указывают на то, что в ряде мест мы имеем дело с названиями, данными более старыми насельниками, на которые легли затем новые, сохраняющие иногда южнославянскую форму; так, Солотина и Слатина, Сторожа, Сторожинец (Буковина) и Стража. В молдавском имеется ряд украинских лексических заимствований, но нередко встречаются и обратные явления [63]. 14-я карта у Пушкарю дает наглядное представление о широком распространении на романской территории такого украинского слова, как голубь. В форме hulub оно охватывает всю Буковину и Молдавию; латинские слова для обозначения голубя распределяются между Валахией (porumbel), Трансильванией (porumb); Банат,

[58] Transilvania, стр. 73, 149—155.
[59] Miklosich Über die Wanderung d. Rumunen в Denkschriften Венской Академии Наук истор.-филол. отд., XXX (1879); Historische Notiz, von Kaluzniacki, стр. 7, 40 и сл.
[60] Românii în veacurile IX—XIV, стр. 223, 403.
[61] Rumanische Toponomastik, I—II, 1924—1926.
[62] Siebenbürgen im Lichte der Sprache, 1926.
[63] Примеры у Пушкарю, Die rum. Spr., стр. 391 сл.

Истрия и Меглен имеют старославянское golumb. Романские элементы проникали не только в Покутье (центр Коломыя), но и в Подолию. Здесь они были ассимилированы, и только еще местные названия свидетельствуют о старом их населении.

В галицийских грамотах румыны упоминаются только с 1334 г. Но письменные документы, как всегда, опаздывают. Самое раннее письменное свидетельство о валахах на рубеже Галиции принадлежит византийскому историку Никите Хониату и относится к 1164 году.

Аналогичный процесс продвижения, денационализации и оставления памяти о себе в топонимике и словаре имел место и на польской территории, равно как и полонизмы в румынском [64]. Вопросу о румынах в Польше посвящена работа Вендкевича [65]; о влахах в Покутье в статье Нистора [66] и частью в его «Истории Бессарабии». Переходы в Галицию предпринимались, очевидно, в ту пору, когда происходило движение в Буковину и Молдавию и в связи с той же причиной, нажимом венгров, осваивавших северные части Трансильвании. Исследование Вендкевича вскрыло связь заимствований в польском из трансильванских наречий (ротацизм).

V

Приведенные выше данные позволяют установить довольно раннее присутствие в северной Трансильвании романского населения, хотя мы и лишены возможности более точного определения времени его появления здесь. Если мы застаем его в Галиции в XII в., и это уже факт экспансии, если мы знаем, что с конца XI в. мадьяры уже стали распространяться в Трансильвании, то именно с усилением этого процесса приходится ставить в связь передвижение романского и романо-славянского населения на новые места. Осуществление этих передвижений облегчалось наличием организаций, связывавших отдельные части передвигающихся, так называемых воеводств, которые застали здесь мадьяры. Предания об основании молдавского и валашского государств воспроизводят в основе своей действительные факты. Продвижение северной ветви балканских романцев, предполагаемое Филиппиде, вполне приемлемо как исторически, так и при учете лингвистических связей Молдавии и Буковины с северной Трансильванией. Нам кажется, что и второй поток Филиппиде проник сперва в область южных Карпат и оттуда уже спустился в будущую Валахию.

Основная причина — усилившийся нажим мадьяр — стала ощущаться, повидимому, сильнее в XIII в., когда Венгрия, как форпост католического правоверия и западноевропейских интересов, занялась особенно укреплением своих северных и восточных рубежей, на которых она соприкасалась со славянским миром. Предания об основании молдавского княжества и его основателе Драгоше относят эти события как раз к концу XIII — началу XIV в. и связывают их со стремлением венгров подчинить себе Марамуреш, который занимали романские и славянские поселенцы. Едва ли не таково же и происхождение княжества Валахии,

[64] Им посвящена работа H. Brüske, Die russischen u. polnischen Elemente im Rumänischen в Jahresberichte, Лейпц. Рум. ин-т, XXVI—XXX, 1—69, где сделана попытка и хронологизации материала Дополнения и замечания у Д. Шелудько в Balkan-Archiv, I, стр. 153—172.

[65] Wendkiewicz, Zur Charakteristik d. rum. Lehnwörter im West-slawischen в Mitteilungen d. rum. Inst., Wien, 1 (1914), стр. 262 и сл. Как в XVII в. в старой Руси, волохи служили наемниками в войсках (Длугош под 1352 г.); позже обосновавшиеся в качестве земледельцев селились в отдельных деревнях, пользовавшихся «волошским правом».

[66] I. Nistor, Die moldauischen Ansprüche auf Pokutien, в Arch. f. oesterr. Gesch., III, 1911.

основателем которого предание делает Раду Негру (1290—1310), имевшего, повидимому, некоторых предшественников, имена которых не вполне достоверны. Процесс образования княжеств выразился в постепенном объединении мелких феодальных ячеек-воеводств, о которых говорят и венгерские и византийские историки[67]. В XIV в. и в Молдавии и в Валахии начинают выделяться отчетливее фигуры отдельных правителей, положивших начало более прочной организации княжеств и их государственной территории. В Молдавии это был Богдан (1343—1365), в Валахии — Бесарабы. К концу XIV в. Валахия занимала уже почти все земли по течению рр. Жиу, Алюты, Арджеша, Дымбовицы и Яломицы (только земли на восток от Алюты и ближе к Дунаю долго оставались «диким лесом», Телеорман, а Бараганская степь была освоена лишь в XIX в.). Молдавия, подвигаясь с севера на юг, как об этом свидетельствует перемещение ее центров (Сучава, лежащая еще на краю Буковины, Роман, Ясы) овладела постепенно верхним и средним течением Серета и Прута; нижнее их течение в конце XIV в. еще не входило в его состав. Рубежом долгое время были Фокшаны. Этническим субстратом в Буковине и Молдавии являлись восточные славяне, как о том свидетельствуют данные топонимики. На старые местные названия вроде Солотина, Сторожа, Сторожинец и т. п. легли южнославянские, принесенные из Трансильвании как Слатина, Стража и т. п. Лежащий неподалеку от Фокшан город Рымник назывался первоначально Слам-Рымник, т. е. собственно Слан-Рымник, и это Слан (солон) было лишь впоследствии заменено румынской формой с тем же значением: Sarat (т. е. salatus «соленый»). Мы уже не говорим о заселенной главным образом из Буковины Бессарабии, топонимике которой М. В. Сергиевский посвятил специальное исследование[68].

Концентрация мелких феодальных владений в крупные государственные объединения создала условия и для развития в обеих ветвях дакороманского новых фонетических черт и для появления в них ряда новых элементов в словаре, частью как результат контакта с новыми соседями за Дунаем — с болгарами и сербами, на севере — с украинцами и поляками, на востоке (позднее)— с русскими. Трансильвания очутилась под властью Венгрии, которая укрепила эту свою восточную окраину колонистами-мадьярами (особенно секлерами) и немцами-саксами. В XV в. здесь образуется «княжество трех наций» (1437), в составе которого романское население не принимается в расчет и превращается в угнетаемое меньшинство.

С превращением Молдавии и Валахии в самостоятельные княжества происходит постепенная ликвидация двуязычия, которое, по мнению некоторых исследователей, продолжало держаться даже за пределами XV в. (П. Скок), но которое в широких кругах населения исчезло, несомненно, гораздо раньше. К. Иречек предполагал, что болгарский сохранялся в княжествах искусственно благодаря писцам канцелярии, но язык грамот, писанных в Молдавии и Валахии, его некорректность, нелитературность, замена романской топонимики болгарской говорят о другом. Во всяком случае, болгарским владели и пользовались довольно долго верхние слои общества, двор, знать, представители административного руководства. Некоторые особенности этих грамот XIII и следующих веков могут отражать черты этого живого языка, как допускал Милетич и еще раньше Венелин.

---

[67] Мы упоминали выше воеводу Менуморута в северо-западной Трансильвании; таким же воеводой был Гелу в Марамуреше; в северной части Олтении упоминается Сенеслав и он же на востоке от Алюты до Серета; между нижним Серетом и Днестром находилось воеводство Бырлад.

[68] «Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории», Изв. АН СССР, V (1946), стр. 333—350.

Среднеболгарские особенности могли проявиться в живой речи ранее, чем в языке этих грамот, не говоря, уже о памятниках литературных[69].

Поскольку памятники народной речи отсутствуют в эту раннюю пору (до XVI в.), изучение славянских грамот представляет интерес не только для слависта, но и для романиста, так как в них попадаются иногда, к сожалению, немногочисленные черточки местного романского языка, формы тем более драгоценные, что они могут быть древнее XIV—XV веков.

Славянскую письменность насаждала прежде всего, конечно, церковь. Епископские центры и монастыри явились главными очагами распространения литературы на славянском языке. Монастырские школы готовили кадры для канцелярий и для клира. Среди учеников преобладали сперва славяне, но скоро среди них стали попадаться и румынские имена. В этих условиях не удивительно, что, наряду с церковной литературой, начинает появляться и светская на славянском языке. В первую очередь — летописи и хроники. Так возникла летопись в молдавском монастыре в Бистрице, основанном Александром Добрым (1400—1432), покровительствовавшим литературе[70]. За Бистрицкой последовала летопись Путникского монастыря (одна редакция излагает события с 1359 по 1525 г., другая — с 1359 по 1552 г.). В начале XVI в. летописи сменяются хрониками: Макария, игумена Нямецкого монастыря, Евфимия, епископа Радауцского. Только в XVII в. появляются исторические работы на романском языке (Хроника Григория Уреке, *1590—*1646). Интересно, что все перечисленные выше памятники связаны с Молдавией. В период между XIV и XVI вв. она играет ведущую роль. Влияние ее школ распространяется и на смежную Трансильванию, с которой у нее были, как мы знаем, давние связи.

Народный язык как в княжествах, так и за Дунаем оставался долго исключительно орудием устного общения и если и был применяем в письменности, то в редких случаях, в переписке или деловых записях, как об этом позволяют догадываться дошедшие до нас данные. Все они относятся к XV в. Таковы вступительные строки письма боярина Драгомира Удрише к жителям города Брашова в южной Трансильвании (между 1482 и 1492 гг.). Письмо написано по-славянски, но его вступительная формула заключает уже румынские слова (*бунилоръ и честитемъ*); это — невольный ляпсус под пером боярина, человека, уже привыкшего говорить по-романски, но писать по-славянски. Другой факт — счетные записи города Сибиу, в которых под 30 ноября 1495 г. помечена уплата одному священнику-романцу некоторой суммы за написание писем по-романски. Все эти случаи использования народной речи связаны с городом и городской буржуазией.

Первые попытки пользоваться романским языком в письменности систематически принадлежат XVI в.; документы эти относятся к области деловых отношений. Они были извлечены Росетти из бистрицкого архива в Трансильвании, опубликованы им и изучены[71]. Охватывающие значительный период, с 1590 г. до конца XVIII в., они представляют собой ценные материалы для характеристики торговых и частно-правовых отношений Трансильвании, роста ее городов и хозяйственных связей их с монастырями и деревней, объединяющих северные области Молдавии и Трансильвании. Но они являются и важными памятниками языка этих областей, вскрывающими его характерные особенности, общие им в значительной мере издавна, и притом в период для истории румынского язы-

---

[69] См. Мутафчиев, цит. раб., стр. 304; С. Б. Бернштейн, Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, I, Москва, 1948.

[70] О ранних исторических работах см. I. Bogdan, Vechile cronice moldovenești pănă la Urechia, București, 1891.

[71] Lettres roumaines de la fin du XVI-e et du début du XVII-e siècle tirées des archives de Bistritza в Grai și suflet, 1926—1927.

ка очень ранний. Однако они представляют собой не только памятники живой местной речи, но и важные показатели того, какую она принимала форму, когда ею пользовались в своего рода «литературных» целях. Рассматривая эти письма, ходатайства, справки и т. п. с этой последней точки зрения, нельзя не отметить в них наличия чувства некоторой нормы, продиктованного потребностью поднять язык выше обиходной его формы, желанием «сублимировать» его ввиду серьезности задачи, которую он призван разрешить. Отсюда исключение из него некоторых сугубо местных черт и сближение с речью других областей Трансильвании, в частности ее южной половины, уже связанной в ту пору с Мунтенией, т. е. территорией, на которой во второй половине XVI столетия появились первые печатные книги на романском языке.

Таким образом, становится понятным, почему написание документов бистрицкого архива не отражает некоторых особенностей местной фонетики, которые воспринимались, очевидно, как слишком местные и шли наперекор «сублимации». Сюда относится характерная палатализация губных, явление более древнее, чем XVI в. Орфография, не отмечающая этой черты, позволяла придать языку видимость известного единства, отвечавшего уже нарождавшейся где-то в глубине сознания идее единства говорящего на нем романского народа. Это совпадает с началом подъема городской буржуазии. Потребность в повышении и укреплении экономических связей между областями, расширения рынка для обмена товарами была материальной базой, которая направляла мысль тех, кто был в ней заинтересован прежде всего.

Характерные же местные особенности, допущенные в тексте документов, сводятся к следующим [72].

1. Ротацизм (интервокальное *н*>*р*): буну-буру. Он неизвестен аромунам и мегленитам, но известен истро-румынам, албанскому (где он имеется в противоположность румынскому и в славянских словах). До XVI в. его область — северная Трансильвания, Буковина и северная Молдавия; но он был знаком ранее того и центральной области Трансильвании (Торда). Вопрос о ротацизме не может считаться разрешенным.

2. Аффриката *дз* (из латинского d + i, dj + гласный, греческое ζ, албанское z): *дзык* (dico), как в Палее, изданной в Орэштие (Банат, 1582), в ряде трансильванских рукописей и молдавских текстов; славянские написания s (зѣло). Аффриката dz (как и ts) была очень распространена у дакийцев и фракийцев. Она живет и теперь в народном языке Молдавии и Баната. Валашский произносит *з*.

3. Аффрикатам *ч* и *дж* (ц) отвечают в молдавском мягкие фрикативные *ш*ь и *ж*ь: *жьанэ* < gêna (ресница), *фаши* (facit). В написании *ч* и ц сохраняются.

4. Смягчение *f* перед *i* и йотом в *х*: *а хи*=*а фи*.

5. Безударные *е*>*i*: *динти* (dente), как в албанском, болгарском и отчасти новогреческом.

6. Произношение дифтонга *еа* под ударением в конце слова как *е*: *сте* (румынское литературное stea) или в 3-м лице единственного числа и 1-м лице множественного имперфекта *ундже*, — *ем*.

7. В молдавском *ă* звучало уже как звук средний между *ă* (глухим, обозначавшимся в славянском написании ъ, ь и, в конце слов, ȣ) и *î* (писавшимся *ы*, ъ и ь: *кыть*, *къть*, *кътъ*). То же в конце слова. Протоническое *а* (*э*) звучало в молдавском как *а*, обычно перед следующим тоническим *à*: *цара́н* вместо *цэра́н*, но и перед другими тоническими гласными: *граді́-*

[72] См. A. Rosetti, Recherches sur la phonétique du roumain au XVI siècle, Paris, 1926.

нэ, фак'ут, но в последнем случае рядом с *грэди́нэ* и *фэку́т*. Предположение, что это *а* есть сохранившееся старое латинское (высказанное М. В. Сергиевским), мало вероятно ввиду наличия параллельных форм и того факта, что в словах вроде *барба́т* вполне допустимо влияние последующего тонического *а* на предыдущее атонное.

VI

Таковы были первые шаги письменного развития восточнороманского языка. Как мы видели, они связаны с городом.

Официальные акты на романском языке появляются в княжествах только с начала XVII века.

Покорение южнославянских государств турками в конце XIV в. (Косовская битва 1389 г.) сыграло немалую роль в прекращении южнославянского влияния за Дунаем.

На смену ему пришло влияние западного славянства, чехов и словаков (последнее, словацкое, сказалось в языке уже и ранее, как утверждает Э. Петрович), в форме влияния гуситства, течения не только религиозного, но и социального. Во второй половине XV в. гуситское движение пришло в упадок у себя на родине и в Венгрии, которой принадлежала Трансильвания. Венгерский король Матвей Корвин (1458—1490) под давлением Рима вел с гуситством упорную борьбу (1467—1471) и в Чехии и в Венгрии. Спасаясь от преследований правительства, гуситы переходили в соседнюю Молдавию, где продолжали свою проповедь, но здесь их деятельность по переводу церковной литературы на местный язык наткнулась на сопротивление церковных властей, противников идеи перевода (как на другом полюсе католики), и успеха не имела. Успех пришел позже, когда политическая конъюнктура в Трансильвании изменилась. Тем не менее нельзя отрицать, что оригиналы некоторых переводов, сохранившихся в позднейших списках, изданных в XVI в., восходят к этой поре. Ротацизм и наличие в них некоторых мадьярских слов, имевших ограниченное распространение, указывают на северные районы Трансильвании, на область Марамуреша, но они вполне возможны и в северной части Молдавии. Однако эта переводная литература, первые шаги «вульгарного» языка, имела характер разрозненных попыток, только подготовивших, как и гуситы, путь более широкому и упорному движению XVI в., каким явилась реформация.

В эту пору в Трансильвании нашли себе отклик оба течения реформы — лютеранство и кальвинизм. В распространении их большую роль играл национальный состав страны. Саксы, немецкие колонисты, осевшие здесь в XIII в., оказались сторонниками лютеранства (проповедь И. Гонтера в 40-х годах XVI в.); среди венгров распространилось учение Кальвина. Если католичество являлось для венгров верой эксплуататоров, то лютеранизм являлся для них верой немецкой. В стороне оставались «православные» румыны, которые составляли большинство и которые, подготовленные к восприятию новых идей гуситством, не тяготели к вере «венгерской», т. е. вере угнетавших их дворян-помещиков, власть и влияние которых усилились особенно в правление Людовика II (1516—1527) под руководством Иоанна Заполья. Крестьянское восстание 1514 г., бывшее ответом на притеснения и вымогательства помещиков, оставалось у всех в памяти, тем более, что за жестоким подавлением его последовали не менее жестокие систематические меры против крестьянства. Таким образом, с венграми и их верой румынам было не по пути. Немецкая городская буржуазия, саксы, экономическое влияние которых и планы росли, использовали это положение и развернули широкую пропаганду реформы

среди румын, и в первую очередь среди городского населения. Государство в конце концов должно было принять реформационные тенденции и даже поощрять их, взяв над ними руководство, чтобы не подать повода румынам пойти на сближение с их единоплеменниками и единоверцами в княжествах. На сейме в Сибиу (1566) было провозглашено введение у румын реформации; им был дан свой епископ, который на Синоде 1567 г. отменил славянский язык в богослужении и церкви вообще. Тем самым были официально дозволены переводы священного писания и богослужебных книг на романский язык. Для городской буржуазии это было крупной победой, первым важным шагом на долгом и трудном пути национального объединения. «Реформа» оказалась, правда, преходящей; но приобретение языком серьезных прав на литературу и типографский станок уже нельзя было отменить, и все дальнейшие попытки ущемить это право, откуда бы они ни исходили, терпели неизбежное поражение.

Печатный станок для распространения славянской литературы был поставлен в Валахии около начала XVI в. сербским иноком Макарием. Новый станок был водружен на юге Трансильвании, в Бра́шове, полвека спустя (1557), учеником сербского печатника (Дмитрия Любавича) дьяконом из Валахии (Тырговиште) Кореси и его сотрудником Опря Логофетом, за счет брашовского горожанина-немца И. Бенкнера.

Первыми печатными книгами явились естественно Катехизис (лютеранский, 1559 г.; более раннее издание, вышедшее в Сибиу в 1544 г., пропало), Четвероевангелие (1561 г., основная книга верующего) и Псалтырь (1570, во всей протестантской Европе популярнейшее библейское произведение).

Совершенно естественно, что Кореси использовал для своих изданий уже имевшиеся готовые более ранние переводы — иначе не объяснить выпуск им в свет значительного количества книг за относительно небольшое время (он работал с 1559 по 1581 г.). Переводы эти, сделанные со славянского, воспроизводились иногда даже наряду с оригиналом (таковы, например, отрывки Четвероевангелия, хранящиеся в Ленинграде). Язык оригиналов носит следы места их происхождения, как о том свидетельствуют ротацизмы вроде mere вместо mine и т. п.

Первым литературным языком был язык северной Трансильвании. Но печатный станок рассчитывал на распространение своей продукции далеко за пределами того места, где он стоял. Он преследовал цели пропаганды и в то же время был предприятием коммерческим. Поэтому совершенно естественны изменения, внесенные Кореси в язык изданных им книг. К тому же он был валахом из Тырговиште, а некоторые из его сотрудников — уроженцами области Бра́шова. Помимо личных удобств, ориентация на язык Тырговиште-Бра́шов делала текст понятным на более широкой территории. Закрепленный рядом памятников язык типографии Кореси получил признание и стал той новой формой литературного языка, на которую приходилось ориентироваться, как на авторитет.

Однако в условиях раздельного политического существования княжеств и Трансильвании о полном объединении языка, о норме пока не могло быть и речи. Поэтому язык печатных произведений XVI и XVII вв. носит на себе в каждом отдельном случае следы местопроисхождения памятника. Известная Палея, изданная в Орэштие (1582), вышла из Баната, Новый завет, изданный в Болграде (Алба Юлия) в 1648 г., содержит трансильванизмы, Казания (проповеди) Варлаама (1643) — молдаванизмы (Варлаам был сыном крестьянина из Путны), которые встречаются позднее и у митрополита Досифея в его стихотворных переводах псалмов (1673), являющихся первым поэтическим опытом на народном языке.

По наблюдениям Гастера, местные черты гораздо заметнее в руко-

писных, нежели в печатных текстах[73]. При перепечатке молдавской книги в нее вносили исправления, между прочим устраняли молдаванизмы. Так случилось, например, с проповедями Варлаама, изданными сперва в Ясах и почти непосредственно в Дяле (в Валахии). Валашское наречие на этом этапе стало, очевидно, преобладать, хотя молдавские хронисты XVII в., с одной стороны, продолжают держаться архаики старых церковных писаний, с другой — близки живой речи своей родины. Появление полного перевода Библии, изданного в 1688 г. в Бухаресте и сделанного на основе валашского наречия, имело огромное значение для укрепления авторитета последнего уже в силу характера самого памятника.

Приведенное выше замечание Гастера свидетельствует лишний раз о том, что всякое литературное использование языка требует от пишущего на нем придания ему особой формы, которая уводила бы его от повседневности, заставляет отбрасывать все слишком местное, препятствующее написанному стать достоянием более широких кругов. Митрополит Трансильвании Симеон Штефан выразил эту мысль в своем предисловии к переводу Нового Завета, изданному в Алба Юлия в 1648 г. Он сравнил слово с монетой, которая хороша, когда она способна обращаться повсюду; также «хороши только те слова,— пишет он,— которые понимают все».

Таким образом, представители молдавской письменности, игравшей почти ведущую роль в XVII в.[74], включились в работу над созданием единого в своей основе литературного языка, который стал впоследствии и единым национальным языком румын. Сложная работа над шлифовкой и обогащением этого языка наполняет деятельность представителей литературы с конца XVII — и до начала XIX в. Очень много сделано было в этом направлении Дм. Кантемиром (1673—1723), отцом нашего сатирика, для усовершенствования языка научной прозы, но его произведения имели до начала XIX столетия гораздо меньшее влияние, чем они того заслуживали, по крайней мере в принципиальном отношении. Увлечение идеей романизма румынского языка на рубеже между XVIII и XIX вв. придало особое значение выступлениям и работам так называемой «Трансильванской школы», давшей много положительного для «защиты и иллюстрации» румынского языка, но оставившей после себя и зародыш будущих нездоровых, чрезмерных увлечений всем, что только связывало язык с его романскими собратьями: латино, галло- и итальяноманией, последствия которых ощущаются доныне.

В процессе объединения молдавский отказался от ряда своих особенностей. Областью, в которой он наиболее отличается от румынского, является[75] область лексики. Ею занимались, пожалуй, недостаточно, хотя такая работа могла бы принести большую пользу и общелитературному языку, перед которым открылся бы, таким образом, важный и интересный источник словарного обогащения. В этом отношении интересна работа Й. Йордана[76], вскрывающая не только новые слова или их формы, но и новые значения их. И в то же время Йордан показывает необходимость различать в Молдавии две зоны — северную и южную, которая носит на себе следы своего промежуточного положения[77]. В отношении словаря Молдавия располагает весьма значительным количеством слов, не известных Валахии, часть же общих слов распространена главным образом в южной Молдавии. Пользуясь известным словарем Тиктина, М. В. Сер-

[73] Chrest. roum., I, стр. CVIII—CIX.
[74] P a s c u, Istoriea literaturii române din secolul XVII, Iasi, 1922.
[75] И по признанию М. В. Сергиевского; см. его «Молдавские этюды» в Трудах Моск. ин-та истор., философ. и литер., т. V, М., 1939, стр. 201.
[76] Lexicul graiului din sudul Moldovei в Arhiva, 1921, стр. 186—202.
[77] Там же, стр. 87.

гиевский дополнил список Йордана[78], но должен был в то же время констатировать, что весьма многие «молдавские» слова (по Тиктину) вошли и в румынский словарный фонд, причем почти невозможно (на данном этапе) установить время их включения в последний. Большое значение для истории словаря имело бы соответствующее исследование молдавских памятников XVII в. и старых словарей. Но это дело пока еще не привлекло к себе в достаточной мере внимание исследователей[79].

VII

Работа над приданием единства литературному языку, над усовершенствованием его выразительных средств и его обогащением дала за XVII и XVIII вв. значительные результаты. В поисках единства основные разновидности румынского вносили каждая что-нибудь свое, но в основе продолжал лежать язык Валахии. Молдавский сохранялся в живом обиходе, окрашивал, в той или иной мере, в устах тех, для кого он был родным, произношение литературной речи, ее лексику, но, как это бывало повсюду, в чистом своем виде расценивался как народный «диалект», противополагаемый литературному стандарту. Закрепление фонетической формы последнего орфографией, а его строя грамматикой было предметом работы грамматиков уже в конце XVIII в. Но споры о языке, в особенности об источниках обогащения его лексики продолжались и в XIX в., когда рост литературы, науки и техники придал им особую актуальность. Объединение княжеств и образование единого румынского национального государства выдвинуло и вопрос о придании языку национального характера. В противовес сторонникам широких заимствований, продолжавших линию Элиаде Рэдулеску (1802--1872), выступили сторонники широкого использования наследия старины, и в особенности богатейшей сокровищницы народного языка. К. Негруцци (1808—1867) высмеивал в своем «Письме» приверженцев латинизмов, галлицизмов и итальянизмов, позднее А. Одобеску (1834—1895) и М. Эминеску (1850—1889) опирались на народную речь и широко применяли неологизмы. Эти принципы, наряду с обращением к живой, разговорной речи, даже к диалекту, нашли себе мощную поддержку среди писателей-реалистов, пользующихся в настоящее время, время строительства демократической Румынии, наибольшим авторитетом и влиянием.

В разгар работы над созданием общего литературного языка Бессарабия отошла по Парижскому миру 1812 г. к России, и тем самым история ее и ее языка потекла по новому руслу. Ускорялись темпы формирования молдавской нации и молдавского национального языка. Бессарабия превратилась сперва, согласно статуту 1818 г., в область, за которой сохранялись ее обычаи и язык, последний — настолько, что закон предусматривал ряд мер для поднятия среди молдаван образования и, между прочим,— открытие школ для народа с родным языком. Молдавским разрешалось пользоваться при составлении заявлений, прошений и других официальных документов. В 20-х годах XIX в. был действительно открыт ряд школ в различных пунктах области, между прочим в Кишиневе. В 1822 г. был издан молдавский букварь, переиздававшийся и позднее. Но политика эта продолжалась недолго. При Николае I область превратилась в обычную губернию со всеми последствиями, и началась ее русификация.

---

[78] Цит. раб., стр. 206 и сл

[79] М. В. Сергиевский, К вопросу о создании румынского литературного языка, Уч. зап. Ин-та яз. и лит., III; А. Т. Борщ, Молдавская лексикография, Кишинев, 1949

Пользованию родным языком в официальных документах был положен предел в 1842 г.; молдавский язык постепенно выводился из школ, как начальных, так и средних. В открытом в 1835 г. в Кишиневе семиклассном лицее местный язык преподавался факультативно, и это продолжалось до 1872 г. То же самое положение вещей существовало и в учрежденном в 1835 г. Дворянском пансионе. Общественная библиотека в Кишиневе, основанная в 1832 г., не обзаводилась книгами на молдавском языке[80]. Даже податливое и угодливое дворянство сочло необходимым обратить внимание на такое пренебрежительное отношение к естественным и справедливым национальным нуждам, и предводитель его — В. Стурдза остановился на этой теме в адресе, поданном губернатору в 1841 г., особо. Но русификация продолжала делать свое дело попрежнему, ломая права и потребности не только дворянства и буржуазии, с относительно легким сердцем мирившихся с новыми порядками, но и буржуазной интеллигенции, вынужденной капитулировать, так как для нее не оставалось в условиях того времени иного пути[81]. В 1865 г. И. Донич (или Дончев, как он себя называл) сетовал в своем «Начальном курсе румынского языка» (использовавшем латинский алфавит) на то, что желающих изучать его почти не находится, а через два года после издания этой книги молдавский язык был изъят из школ всех типов и заменен русским, между тем как за немцами, болгарами и греками право изучать свой родной язык сохранялось.

Но и в эти трудные годы и в этих тяжелых условиях находились все же теперь, как прежде, люди, поддерживавшие среди своих земляков интерес и любовь к родной речи и родной литературе, люди вроде педагога-гуманиста А. Хаждэу, одно время руководившего кишиневским лицеем. В первое время после присоединения Бессарабии работать в этом направлении было легче. После 1812 г. Прут не был рубежом, пресекавшим связи с Молдавией. Русские войска оставались в ней и несколько позже в связи с турецкой войной — с 1828 по 1834 г. Целый ряд просвещенных молдаван спасался на территории Бессарабии от турецких порядков, выжидая лучших времен. Среди них были и политические деятели и писатели, как например, К. Негруцци, который познакомился в Кишиневе с сосланным туда Пушкиным и явился затем одним из первых пропагандистов русской литературы у себя на родине вместе с бессарабцем И. Доничем. Из-за рубежа проникли тогда в Бессарабию книги и журналы, что поддерживало старые связи с литературным языком и литературными традициями. Но поддерживать их чем дальше, тем становилось труднее. С 1878 г. Прут закрылся как путь сообщения, и царский режим привел к тому, что те, кто могли поддерживать и продолжать в Бессарабии молдавскую традицию и культивировать литературный язык, стали уходить за рубеж.

Хранителем национальных начал и традиций остался народ.

Было бы, однако, исторической ошибкой не указать на те положительные стороны, какие имели для Бессарабии связи с Россией. Купленные, правда, дорогой ценой, они окупились сторицей, если учесть их конечные результаты. Отрыв Бессарабии имел своим последствием на первых же порах отрыв от тех отсталых восточных традиций, которые тормозили развитие Молдавии, как и других стран на Балканах, где Россия играла

---

[80] Их не оказалось в ней и в 1899 г., когда библиотека насчитывала до 20 тысяч названий.

[81] Учреждение в 1848 г. в Петербургском университете кафедры румынского языка преследовало исключительно практические цели: подготовку лиц, способных разбираться в документах. Кафедра просуществовала 10 лет. Балкано-романские штудии были восстановлены в университете только в конце XIX в. проф. П. А. Сырку, молдаванином по происхождению, славистом по специальности.

объективно прогрессивную роль. Наконец, в царской же России развилась, невзирая на гнет и мракобесие царизма, та прогрессивная мысль и революционное движение, к которым приобщилась постепенно и Бессарабия. Эта мысль и это движение помогли в конечном счете правильно поставить и разрешить и национальный вопрос, приняв положение о гармоническом сочетании принципа социалистической культуры и национальной формы ее воплощения. Старые национальные идеалы привели страну, как известно, к порабощению ее Румынией, буржуазной и помещичьей. Не будь 1812 г., она только теперь смогла бы заняться залечиванием ран боярско-капиталистического режима, притом в худшей его форме, как об этом позволяют судить годы румынской оккупации. Сейчас она объединилась с прилегающей к ней и этнически родственной ей полосой на левом берегу Днестра и является уже давно полноправным членом великого Советского Союза, обеспечившего защиту ее рубежей и помощь в построении новой жизни и новой культуры.

Новое положение сообщило ей новые права, но возложило на нее и новые обязанности, к числу которых принадлежит и разработка и совершенствование языка как орудия литературы, науки и других видов культурной работы.

Всюду, где возникала эта задача, она требовала значительной затраты сил и времени. Понятно, что процесс ее разрешения протекает нелегко и в Советской Молдавии. К тому же здесь имеются свои трудности. С одной стороны, задача облегчается тем, что строить приходится не на пустом месте; с другой — именно это последнее обстоятельство явилось затруднением, так как за время более чем векового существования языка в ином языковом и культурном окружении, когда сфера его применения была ограничена использованием его главным образом для практических целей, естественный ход его развития и совершенствования был нарушен. Язык требует обихода и работы над ним. Между тем «Краткий курс румынского языка» (как его называет автор) Йона Донича (Дончева), вышедший в 1865 г., был последним грамматическим пособием по его изучению. Следующая грамматика появилась только в 1918 г. (Ст. Чобану). Не многим лучше обстояло дело и в области литературы. Для времени Пушкина можно отметить молдаванина К. Негруцци, бессарабцев А. Донича и Костаки Стама́ти («лебедя Бессарабии», как его называли). Греческое восстание 1821 г. вынудило ряд запрутских молдаван искать убежища в Бессарабии. Таковы, например, прозаик А. Бельдиман, поэты К. Конаки и А. Хрисоверги. К 50—60-м годам относится деятельность Йона Сырбу, историка и отчасти поэта А. Наку.

Литература в Молдавии стала развиваться по-настоящему только в советское время, и сейчас она насчитывает уже значительное число представителей.

Только в эту же пору было организовано преподавание и научное изучение языка и литературы в специальном институте Молдавского филиала Академии Наук Союза.

Более чем полувековой пробел в жизни литературного языка и литературы не могли, конечно, пройти бесследно. Традиция, и без того не очень сильная, была нарушена. Вначале пробел хотели заполнить с помощью румынского языка, что было по существу не языковой реформой и противоречило советской национальной политике. Но, не говоря уже о политической стороне этого акта, и в языковом отношении такое решение вопроса было неправильным, так как использование румынского было некритическим и населению прививались не только часто чуждые ему словесные формы, но и непонятные иностранные заимствования из романских и неромансских языков, с которыми у него не было никакой связи. Ему при-

нивались элементы, которые и в зарубежном румынском засоряли язык, придавая ему излишне пестрый характер и уродуя его коренной облик.

Эти более чем неудачные эксперименты были, наконец, ликвидированы, и в республике принялись за нормализацию и кодификацию своего литературного языка. Исходя из упрощенно понятой демократизации, его стали максимально приближать к крестьянской диалектной речи. Но этим литературный язык увлекали на неверный путь, ибо даже народные песни серьезного (например, балладного жанра) не пользуются чистым диалектом, оставляя на долю последнего песни типа частушек и т. п. И. Крянге удалось дать в своих сказках замечательный образец художественной обработки крестьянской речи своего родного молдавского села Хумулешть, но подобный язык возможен только в пределах определенного литературного жанра. Он не может, конечно, претендовать на его применение как литературного языка вообще, хотя последний и может извлечь из него для себя много полезного. Так поступает, например, и Мих. Садовяну, для которого молдавская народная речь — один из источников обогащения стиля.

Единственно правильный путь — это использование того, что уже было достигнуто в прошлом писателями, авторитет которых в языке не заподозрен и не вызывает сомнений, как, например, К. Негруцци, А. Донич, К. Стама́ти и др. Это и подхвачено целым рядом советских писателей, таких, как Буков, Лупан, Истру, Деляну, Канна и др. Они, как и их предшественники, конечно, ни на минуту не сомневаются в том, что они молдаване, что понятны своим землякам, для которых они пишут, хотя и не считают нормой *аму* или *аяста*, *кятрэ* или *гине*.

Упреки сторонников такого взгляда в насильственной «румынизации» языка не имеют никакого основания. Мы уже отмечали выше, что история развития литературного языка в Молдавии и Валахии характеризуется, так сказать, сотрудничеством писателей обоих княжеств, стремлением создать известную норму, которая была бы общепринята, т. е. обслуживала бы максимально широкие круги читателей, не обращая их произведения в узкопровинциальные писания. Мы видели, что даже язык бистрицких документов XVI в. не может считаться памятником чистого диалекта. Если бы Гр. Уреке, Варлаам, М. Костин, Досифей, Д. Кантемир или И. Некульче, молдаване, стремились писать по-молдавски, то их хроники, проповеди, псалтыри, исторические и литературные произведения оказались бы памятниками областнической литературы и едва ли бы получили тот резонанс, который они имели. Тенденции их в языке не мешали им, однако, чувствовать себя при всем том молдаванами. Когда итальянцы в течение чуть ли не двух веков отрицали тосканизм литературного языка и уверяли, что пишут каждый на своем родном языке, то это значило только то, что тосканский стал общеитальянским, т. е. в основе своей их родным, и что небольшим естественным отклонениям в сторону диалекта они приписывали незаслуженно большое значение.

Молдавским могли считать свой язык и молдавские писатели, поскольку они обращались иногда к молдавской лексике. Молдавским могли считать свой язык Гр. Уреке, Досифей или И. Некульче, потому что их собственный текст звучал в их произношении с некоторыми естественными молдавскими оттенками[82]. Но существа дела это не меняло. Сталинское определение специфики языка не оставляет места сомнениям. Даже такой

---

[82] У Варлаама и Мирона Костина еще можно встретить формы *сэ хие*, *ва хи*, *хире*, но уже рядом с *фие*, а Григорий Уреке избегает их. Варлаам дает *ашеяшь*, которой нет у М. Костина и Г. Уреке. Упорно держится только написание *зыче*, *зыс*, *зы*, *зыд* и т. п., привычное для Варлаама, Г. Уреке, М. Костина, И. Некульче и для молдавского перевода «Описания Молдавии» Дм. Кантемира, сделанного в 1825 году.

сторонник самобытности молдавского, каким был М. В. Сергиевский, говоря об образовании литературного языка в Молдавии, так заканчивает свои наблюдения: «Таким образом складывается молдавская письменность в основном, на базе той, которая уже сложилась в областях Валахии и южной Трансильвании, с некоторыми отклонениями диалектального порядка»[83]. И далее, он отмечает лексические расхождения, в которых, конечно, никто не сомневается.

Как существуют в общем языке молдаванизмы, так могут существовать и мунтенизмы; например, некоторые фонетические особенности: в морфологии — употребление простого перфекта (аориста), в лексике — употребление особых слов или общих слов в особых значениях. Данте был прав, когда говорил, что его vulgare illustre — литературный язык, это язык, который существует везде и не имеет «своего гнезда» нигде («De vulgare eloquentia»).

Язык Советской Молдавии должен, следовательно, опираться прежде всего на народную традицию, на завоевания прошлого, исходить из них. И это безотносительно к тому в условиях какого строя язык создавался.

«Ни для кого не составляет тайну тот факт,— говорит И. В. Сталин,— что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.

То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, башкирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый, социалистический строй»[84].

Эта традиция не есть, конечно, только традиция летописцев и других писателей XVII в., как бы ни был ценен их язык. Эту традицию развивали писатели XVIII и XIX вв., должна развивать и молдавская современность. Но, как всегда и во всем, прошлое следует использовать критически, учитывая нужды настоящего и перспективы будущего. В прошлом есть много такого, что может быть взято буквально, когда это нужно. Пушкин обращался к архаике, когда этого требовала художественная форма. То же делал Негруцци, делает и Садовяну.

Но прошлое ценно и тем, что в нем есть просветы в будущее, тем, что в нем есть живого, прогрессивного, применимого к современности. Есть, например, связь с живой народной речью, к которой обращались и Негруцци, и Донич, и Эминеску, обращается и Садовяну. Есть и разумный, естественный контакт с зарубежными языками, от крайностей которого предостерегающим примером может служить Э. Рэдулеску. Язык развивается не только из своих внутренних ресурсов, как бы они ни были важны, но и путем заимствований. Когда это было необходимо в старину, дакороманский использовал языки славянские, греческий, турецкий, французский и немецкий. В настоящее время, благодаря своей ведущей политической и культурной роли, огромное значение приобрел русский, не только в жизни языков народов-товарищей, членов Советского Союза, связанных общими интересами и задачей построения новой жизни, но и в жизни языков в странах народной демократии и даже в странах капитализма.

Взаимоотношения между языками социалистических наций должны

---

[83] Труды Моск. ин-та истор., философ. и литер., V, 201.

[84] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 8.

теперь строиться, как это показал И. В. Сталин в своем гениальном прогнозе о языке будущего [35], иначе, чем они строились в эпоху наций буржуазных. Одним из этапов на этом пути явится сближение языков народов-товарищей, круг которых будет все больше и больше расширяться. Но максимальное развитие языка в национальном плане этим не отменяется, а наоборот, так как именно в целях будущего языкового синтеза важно, чтобы языки сотрудничающих наций предельно развернули каждый свои возможности в соревновании с языками-товарищами, а тем более родственными. Эти замечательные положения должны определить отношения к современному русскому языку и языка молдавского. Общаясь систематически с русским, он не должен забывать, что он — язык романского склада и что у него поэтому имеются свои законы внутреннего развития. Если удобно говорить *арифметикэ* или даже *арифметика*, то какое основание заставляет отвергать *аритметикэ*?

В связи с превращением Румынии в страну народной демократии и проведением в ней реформ, подготовляющих установление в ней социализма, ввиду развития и укрепления в ней учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и появления соответствующей литературы, следовало бы пересмотреть и отношение к ее языку. Старое отношение оправдывала господствовавшая в ней ранее буржуазно-боярская идеология. Сейчас нет оснований не использовать то положительное, что дает, например, ее художественная литература и язык в тех его частях, которые не засорены иностранными элементами, чем румыны немало грешили за последние сто лет. Ведь не одними только грехами исчерпываются достижения его за тот же период времени; ведь отношение к нему должно быть критическим. И такое использование его, учитывая его близость к молдавскому, не должно, казалось бы, встречать возражения.

Работа по развитию и совершенствованию языка в Молдавии — дело культурных кругов самого молдавского народа и в первую очередь его писателей, как хранителей его наследия и проводников по новым путям, пролагая которые, они должны прежде всего руководиться чувством родной речи в ее целом, чувством языка народа в его о с н о в а х, а не мелких о т к л о н е н и я х, «жаргонах», по выражению И. В. Сталина. Только при таких условиях не страшны никакие заимствования или контакты и будет найдена мера использования простой, повседневной речи, местного говора, которые могут послужить материалом для построения и отделки литературного языка. Примером того, как можно и нужно работать в этом направлении, может служить Пушкин, сумевший найти тип речи максимально гибкой, выразительной, применимой к самым разнообразным требованиям мысли и в то же время максимально простой и общепонятной. В современной румынской литературе большим мастером слова является такой представитель реальной школы, как молдаванин Мих. Садовяну, который умелым использованием родного диалекта расширил круг выразительных возможностей румынского языка.

Своими исследованиями языка прошлого и живой народной речи в различных ее местных, социальных и профессиональных проявлениях, а равно и ценных достижений родственного румынского языка, осуществленных в условиях идейного и социального перелома, молдавские языковеды могут оказать ценную помощь писателям Молдавии в их трудном, но благородном деле — работе над совершенствованием языка молодой социалистической молдавской нации.

---

[35] См. И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, особенно отд. 2 (стр. 335 и сл.) и 3 (стр. 341 и сл.).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ НОРВЕЖСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Образование норвежского национального языка протекает сложным и своеобразным путем. С одной стороны, еще недавно было очевидным, что норвежцы — это нация с языковой нормой, общей для двух наций (норвежской и датской). С другой стороны, в течение последних десятилетий стало бесспорным не только, что норвежский язык отличен от датского, но также, что в Норвегии в сущности целых две национальных нормы, которые отличны от национальных норм других скандинавских наций. Таким образом, Норвегия в очень короткий срок превратилась из нации с языковой нормой, общей для двух наций, в нацию с двумя национальными нормами, отличными от языковых норм других наций.

Каким образом это могло произойти и так ли это в действительности? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть основные моменты истории норвежского языка и норвежского народа в свете учения И. В. Сталина о нациях и национальных языках.

«Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д.— не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период подымающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»[1]. В этих словах раскрыта вся сущность процесса образования национального языка.

Древненорвежское государство возникло еще в IX в., приблизительно одновременно с датским и шведским государствами, в результате перерастания союза родственных племен в варварское государство. Таким образом, норвежская народность сложилась на основе не только общего происхождения, но также и политической общности. Повидимому, она сложилась еще в «эпоху викингов» (IX—XI вв.). Уже в так называемом «Рассказе Охтхере» (т. е. записи, сделанной уэссекским королем Альфредом в конце IX в.) встречаются слова «норвежец» (др.-англ. norðmann) и «Норвегия» (др.-англ. Norðmannaland, буквально «страна норвежцев»). «Урмане» (т. е. «норвежцы») упоминаются также в древнерусской «Повести временных лет» под 862 годом.

Еще в древности язык норвежской народности был применен в письменности. Древнейшие норвежские рукописи относятся к XII в. Язык этих рукописей, т. е. древненорвежский письменный язык, как и другие средневековые письменные языки, возникшие на основе народно-разговорного языка, не был единообразен. В разных норвежских центрах письменности он имел разную диалектальную основу. Менялись и сами норвежские центры

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

письменности. Так, основным политическим и культурным центром Норвегии в XI и XII вв. был Берген (в Вестланне, т. е. западной Норвегии), с середины XII в.— Нидарос, т. е. Тронхейм (в Трённелаге), в XIII в. Берген и Нидарос попеременно, с конца XIII в.— Осло (в Эстланне, т. е. юго-восточной Норвегии).

Несомненно, еще менее единообразным был разговорный язык норвежской народности. Однако норвежская языковая общность тем не менее несомненно сознавалась говорящими как общность. Это подтверждается тем, что в древних памятниках говорится неднократно о «норвежском языке» (norrǫnt mál или norrǫn tunga) как языке, общем для всей Норвегии и ее колоний (Исландии и т. д.). Характерно, впрочем, что и различия между языками отдельных скандинавских народностей, повидимому, не осознавались в древности как существенные, поскольку в древнеисландской литературе «датским языком» называется иногда скандинавская речь вообще, подобно тому, как в Англии «данами» назывались в эпоху викингов скандинавы вообще.

До второй половины XIV в. Норвегия шла по тому же пути социального развития, что и другие скандинавские страны, т. е. по пути феодализации. Во второй половине XIV в. в Норвегии наступил общий экономический упадок, причины которого еще до конца не раскрыты, и страна как бы остановилась в своем развитии. В силу этого с конца XIV в. Норвегия попала в экономическую и политическую зависимость от Дании и прекратила свое существование как самостоятельное государство на четыреста с лишком лет (до 1814 г.). Она превратилась в отсталую датскую колонию, лишенную своего собственного культурного центра, своей литературы, своей письменной традиции. Феодальная зависимость приняла в ней форму зависимости более или менее свободных крестьян от иноземных феодалов. Таким образом, в Норвегии, говоря словами И. В. Сталина, «...единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности» [2].

Литературная деятельность прекратилась в Норвегии еще с конца XIV в. в силу общего экономического и политического упадка. Почти единственными памятниками норвежского языка в XIV—XV вв. являются административные и юридические документы. С XV в. в Норвегии начал применяться датский письменный язык, сложившийся к той эпохе на основе говоров Зеландии — острова, на котором в ту эпоху находился политический и культурный центр датского феодального государства. Уже к XVI в. датский письменный язык стал в Норвегии языком администрации, поскольку страной управляло датское чиновничество. В XVI в. датский письменный язык завоевал в Норвегии новые позиции. На датский язык были переведены старые норвежские законы. Таким образом, датский письменный язык стал в Норвегии и языком законодательства. К концу XVI в. датский письменный язык стал в Норвегии и языком судопроизводства. В результате реформации датский язык заменил в Норвегии латынь как язык церкви и школы, поскольку реформация была навязана норвежскому народу датской церковной администрацией с целью укрепления датской власти в стране. Введение книгопечатания и распространение датских книг в Норвегии (в частности, библии, т. е. книги, которая имела в ту эпоху наибольшее распространение) сделало датский язык в Норвегии языком книги вообще. Таким образом, датский письменный язык совершенно вытеснил норвежский во всех областях социальной жизни,

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М. 1951, стр. 43.

и которых письменный язык в ту эпоху применялся. Распространение датского письменного языка в Норвегии росло в последующие века по мере распространения грамотности и достигло своего апогея в XIX веке.

Однако существенно иметь в виду, что оттеснение норвежского письменного языка датским и распространение датского языка как языка книжного не означало какого-либо изменения в распространении норвежского народно-разговорного языка, который продолжал свое существование в форме ряда родственных говоров, хотя и не находил отражения в письменности. Таким образом, в Норвегии образовался разрыв между письменным языком — датским — и народно-разговорным — норвежским.

Вместе с тем письменный язык стал в Дании и Норвегии общим. Правда, в произведениях норвежских авторов XVI—XVIII вв. встречаются норвежские диалектальные слова или формы, особенно, когда они пишут о том, что специфично для Норвегии. Несмотря, однако, на эти норвегизмы (которые осознавались как провинциализмы и поэтому избегались), язык, на котором они писали, был датским литературным языком. Таким был язык всех норвежских авторов с XVI по XIX в., и таким был также язык крупнейшего классика датской литературы, норвежца родом, Людвига Хольберга.

Распространению датского письменного языка в Норвегии, несомненно, способствовало близкое родство между датским и норвежским языками. В сущности, наиболее существенные различия между ними имели место в фонетике, причем нередко эти различия не находили никакого отражения в письме, поскольку датская орфография уже в XV в. отставала от произношения. Различия эти сводились к следующему: в датских говорах произошли озвончение и спирантизация глухих смычных в положении после гласного (так называемый «датский перебой согласных»), тогда как в норвежских говорах сохранились глухие смычные; в датских говорах произошла вокализация v и g в положении после гласного, тогда как в норвежских говорах она не имела места; в датских говорах музыкальное ударение уступало место так называемому «толчку», тогда как в норвежских говорах сохранилось музыкальное ударение; с другой стороны, в норвежских говорах g, k, sk перед гласными переднего ряда превратились в щелевые, тогда как в датских говорах они оставались смычными; в норвежских говорах, в отличие от датских, установилось так называемое «слоговое равновесие», и т. д.

Таким образом, датский письменный язык представлял для норвежца в сущности не больше трудности, чем древненорвежский письменный язык, который тоже уже в XV в. отставал в своей орфографии от народно-разговорного языка. Норвежцы, несомненно, могли читать датский текст, сохраняя свои норвежские диалектальные особенности. Именно поэтому распространение датского письменного языка в Норвегии осуществилось без каких-либо сознательных усилий со стороны датского правительства и не встретило в Норвегии никакого сопротивления. Характерно, например, что норвежские крестьяне, восставшие в 1536 г. против засилья датского чиновничества, пользуются в своем манифесте датским, а не норвежским языком.

С другой стороны, именно в силу близкого родства между датским и норвежским языками взаимодействие между ними, которое имело место в норвежских городах, привело в конечном счете к образованию своего рода смешанного городского говора, с лексикой и морфологией, равняющимися по датскому письменному языку, но с фонетикой и строем предложения, равняющимися по норвежскому народно-разговорному языку. Этому смешанному городскому говору суждено было впоследствии сыграть важнейшую роль в образовании норвежской национальной нормы.

Поэтому история его должна была бы занять центральное место в истории норвежского национального языка. Однако история его, естественно, очень темна, как и история всякого бесписьменного говора.

Повидимому, в XVI в. в норвежских городах господствовали местные норвежские говоры. Эти говоры, и особенно говор Осло (в 1624 г. вновь заложенного и получившего название Кристиания), и вступили во взаимодействие с датским письменным языком. Предполагается, что зародышем смешанного городского говора было чтение датского текста с подстановкой норвежских фонетических особенностей, которое могло иметь место еще в XVI в. Такой язык чтения должен был первоначально иметь очень узкое применение и распространение. В XVIII в. в норвежских городах, повидимому, уже говорили на смешанном говоре, основанном на датском письменном языке, но с норвежской фонетикой.

Сфера распространения этого городского говора, несомненно, менялась в течение его истории. Распространению его способствовал рост норвежских городов и, в частности, рост Осло. С другой стороны, менялся, вероятно, и его состав, т. е. соотношение в нем датских и норвежских элементов, в зависимости от сферы его распространения и общей языковой ситуации. Так, с середины XIX в. норвежские элементы стали в нем усиливаться, в связи с резким увеличением городского населения и общим изменением языковой ситуации. Этот городской говор, повидимому, всегда находился в более или менее тесном взаимодействии с говорами юго-восточной Норвегии, т. е. говорами той области, в которой расположен крупнейший норвежский город — Осло — и которая уже с XIV в. стала экономически наиболее важной областью страны.

Этот смешанный городской говор является ответвлением датского языка, поскольку по своему словарному составу и грамматическому строю он всего ближе к датскому литературному языку. В то же время он близок и к норвежскому языку, поскольку по своей фонетике (а, как указывалось выше, наиболее существенные различия между датским языком и норвежскими говорами имеют место именно в фонетике) он явно примыкает к норвежским говорам. Есть в нем также и элементы норвежской диалектальной лексики и грамматики.

История норвежского национального языка не может быть отделена от истории норвежской нации. Как известно, «...нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации»[3]. В Дании капиталистические отношения начали развиваться раньше, чем в Норвегии. Поэтому датчане сложились в нацию раньше, чем норвежцы, и норвежцы оказались включенными в датское национальное государство. «...Проснувшиеся к самостоятельной жизни оттеснённые нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоёв командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..»[4]

До пробуждения к самостоятельной национальной жизни Норвегия была отсталой датской колонией. В ней не было ни своего культурного центра, ни своей литературы и науки. Столица Дании была в то же время культурным центром для Норвегии. Норвежцы могли получать университетское образование только в Копенгагене. Первая книгопечатня открылась в Норвегии (да и то по инициативе датского священника) только

---

[3] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.
[4] Там же, стр. 304.

в 1643 г. До этого в Норвегии имели распространение исключительно книги, напечатанные в Копенгагене. Национальное движение возникло в Норвегии в XVIII в. Оно проявилось в том, что норвежская национальная буржуазия, сложившаяся к этому времени, стала требовать от датского правительства учреждения норвежской торговой палаты, норвежского банка, норвежского университета и т. д.

В 1814 г. произошло отделение Норвегии от Дании и передача ее Швеции. Норвегия превратилась в почти независимое самоуправляющееся национальное государство со своим парламентом и сравнительно демократической конституцией. Еще несколько раньше (в 1811 г.) в Кристиании (Осло) был основан университет, и таким образом в Норвегии возник свой культурный центр. Норвежская национальная буржуазия начала освобождаться от культурного влияния Дании и бороться за свое национальное самоутверждение.

Образование нации сопровождается превращением языка народности в язык нации, а превращение языка народности в язык нации заключается в том, что в стране начинаются процессы, характерные для языка нации, и в первую очередь — процесс выработки общенациональной языковой нормы, распространения этой нормы по территории страны за счет оттеснения местных диалектов и перемалывания их в этой единой общенациональной норме. В результате образования норвежской нации в Норвегии и начался этот процесс, но он был осложнен тем обстоятельством, что выработка письменной и устной национальной нормы шла различными путями.

На роль национальной письменной нормы в Норвегии естественно могла претендовать только датская письменная норма, поскольку, как указывалось, датский письменный язык уже давно вытеснил в Норвегии туземный письменный язык.

Интересно отметить, что позиции датской письменной нормы в Норвегии стали заметно усиливаться с момента сложения норвежской нации. Этому способствовало улучшение преподавания в школе, распространение грамотности, усиление влияния печатного слова. Норвежская национальная буржуазия не выдвигала никаких языковых требований. Она была готова удовлетвориться датским литературным языком как национальной нормой, тем более, что датский литературный язык был разработан не только писателями датчанами, но и таким выдающимся писателем-норвежцем, как Людвиг Хольберг. Распространение датской письменной нормы в Норвегии продолжалось и в XIX в., когда оно достигло своего апогея.

Между тем датская у с т н а я норма не получила никакого распространения в Норвегии. Известно, правда, что в норвежском театре в Христиании (основанном в 1827 г.) до середины XIX в. играли датские артисты и господствовало датское произношение. Однако вне театральной сцены датская устная норма не получила распространения в Норвегии даже в городах.

Перелом в истории норвежского национального языка именно и произошел в результате того, что в норвежском обществе назрела потребность в у с т н о й национальной норме, а вовсе не в результате усиления антидатских настроений в норвежском обществе, как утверждают норвежские исследователи вопроса. Антидатские настроения сами по себе не оказали и не могли оказать никакого влияния на распространение датской письменной нормы в Норвегии, поскольку эта норма уже давно имела в Норвегии твердую почву. Но совершенно иначе обстояло дело с датской устной нормой, которая не имела в Норвегии никакой почвы, даже в городах, где господствовал смешанный городской говор, о котором была речь выше. Поэтому именно потребность в устной национальной норме и должна была

вызвать в норвежском обществе осознание разрыва между народно-разговорным языком — норвежским — и письменным языком — датским. В свою очередь, осознание этого разрыва вызвало потребность в его преодолении.

В сущности, в таком же положении оказывались и другие «опоздавшие» нации, у которых язык командующей нации успел занять положение письменного, литературного языка. Образование национального языка и заключалось у таких наций в постепенном вытеснении языка командующей нации с его позиций языком туземным. Так было, например, в Финляндии, где шведский язык был недавно оттеснен финским с его положения единственного литературного языка в стране. Но особенностью норвежского языкового развития является то, что в Норвегии язык командующей нации настолько близко родствен туземному языку, что, с одной стороны, как уже указывалось, возможно было образование смешанного городского разговорного языка, а с другой стороны, возможно было использование датского литературного языка как норвежской национальной письменной нормы.

Борьба за устранение разрыва между письменным и народно-разговорным языком началась в Норвегии в первой половине XIX в. и продолжается до сих пор. История этой борьбы является в тоже время историей борьбы за норвежскую национальную норму не только устную, но и письменную. Борьба эта шла с середины XIX в. в двух различных направлениях, настолько различных, что с течением времени стало возможным говорить о наличии в Норвегии двух литературных языков, отличных от датского. Эти два языка — это так называемые риксмол (riksmål) и ланд-смол (landsmål), т. е. буквально «государственный язык» и «народный язык»,— названия, впрочем, такие же условные, как и недавно ставшие официальными «книжный язык» (bokmål) и «новонорвежский» (nynorsk). Каждое из этих направлений заслуживает подробного рассмотрения.

Сущность первого из них заключалась в стремлении положить в основу национальной нормы, как письменной, так и устной, тот смешанный городской говор, который образовался в результате взаимодействия датского письменного языка с норвежскими городскими говорами, и таким образом преодолеть разрыв между письменным и народно-разговорным языками. Деятельность сторонников этого направления сводилась поэтому в основном к попыткам легализовать норвежское городское (т. е. преимущественно ослоское) произношение, отразить это произношение в письме, а также ввести в литературный язык специфически норвежские слова, формы или обороты, употребительные в городском разговорном языке. Эту деятельность принято называть «норвегизацией» литературного языка. Ее результатом и является та форма норвежской национальной нормы, которая в 1890 г., по предложению Бьёрнстьерне Бьёрнсона, получила название «риксмола».

Пионером этого направления был поэт Хенрик Вергеланн (1808—1845), который еще в 30-х годах XIX в. выступал против различия между «вульгарным» и «культурным» языками и пытался «норвегизировать» литературный язык путем его обогащения специфически норвежскими словами и формами и приближения его орфографии к норвежскому городскому произношению. Для Вергеланна норвегизация литературного языка была вместе с тем борьбой против различия между «культурным» и «вульгарным» языками, т. е. борьбой за демократизацию литературного языка, за приближение его к народно-разговорной основе. Однако Вергеланну не всегда удавалось осуществить свои принципы на практике. Язык его главных произведений в сущности не отличается от языка его идейного против-

ника, сторонника датской литературной и языковой традиции, поэта Ю. С. Вельхавена.

Переломным моментом в истории этого направления был выход в свет в 1841—1844 гг. собрания норвежских народных сказок в обработке Петера Кристиана Асбьёрнсена и Ёргена Му. В этих сказках Асбьёрнсен и Му следовали датской морфологии и даже данизировали норвежские диалектальные слова, которые они вводили в ограниченном количестве, но в синтаксисе сохраняли особенности норвежской народной речи. Таким образом, Асбьёрнсену и Му впервые в истории норвежской литературы удалось приблизиться к народно-разговорному стилю речи, оставаясь в рамках литературного языка. Поэтому язык этих сказок оказал огромное влияние на дальнейшее развитие литературного языка в Норвегии. Своей популярностью эти сказки как бы открыли путь для притока народно-разговорных элементов в литературный язык. Вместе с тем характерно, что бóльшая часть сказок, обработанных Асбьёрнсеном и Му, была собрана ими в Эстланне, т. е. районе, говоры которого всего ближе к говору Осло.

Крупнейшим деятелем направления, о котором идет речь, был учитель Кнуд Кнудсен (1812—1895), который в продолжение полувека вел борьбу за орфографическую реформу языка, за легализацию норвежского городского произношения и за введение в литературный язык слов и форм из городского разговорного языка, т. е. за «норвегизацию» литературного языка.

Важнейшими этапами в истории этого направления были борьба за норвежское произношение на сцене и в школе, которая завершилась в 80-х годах XIX в., и борьба за отражение этого произношения в письме, которая только в XX в. привела, наконец, к орфографическим реформам (1907, 1917 и 1938 гг.). В результате этих реформ, которые в известной мере касались и морфологии, поскольку они легализировали три рода у существительных (вместо двух), определенные окончания множественного числа, прошедшего времени и т. д., норвежский литературный язык (т. е. риксмол) и в своей письменной форме стал отличаться от датского не меньше, чем от шведского. Впрочем, следует отметить, что еще и сейчас основные отличия датского от риксмола — в его фонетике, тогда как основные отличия шведского от риксмола — в его лексике и морфологии. До орфографических реформ, т. е. собственно до первой орфографической реформы (1907 г.), которая в соответствии с общенорвежским произношением заменила b, d, g на p, t, k, риксмол в своей письменной форме в сущности не отличался от датского письменного языка.

Все наиболее значительные произведения норвежской литературы написаны на риксмоле. Риксмол — обычный язык норвежской литературы и науки. Тем не менее риксмол — это только одно из направлений, в котором происходит становление норвежской национальной языковой нормы. Существует еще и другое направление, в котором происходит это становление, и соответственно другая форма норвежского литературного языка — так называемый «лансмол».

Сущность этого второго направления заключалась в стремлении положить в основу норвежской национальной языковой нормы всю совокупность норвежских местных говоров, синтезируя их путем отбора, и таким путем преодолеть разрыв между письменным и народно-разговорным языком. Вместе с тем сущность этого направления заключалась в стремлении свести до минимума роль смешанного городского говора в образовании национальной нормы, поскольку этот говор не давал для нее достаточно широкой основы.

В самом деле, хотя принятие смешанного городского говора, т. е. говора культурного, политического и экономического центра страны, в качестве

основы национальной языковой нормы как будто и является наиболее естественным путем развития такой нормы, в Норвегии оно все же само по себе не приводило к ликвидации разрыва между письменным и народно-разговорным языком, поскольку расхождение между этим говором или основанной на нем нормой и остальными норвежскими говорами или диалектами, не легшими в основу этой нормы, было все же слишком велико.

В Норвегии, как стране, которая до сравнительно совсем недавнего времени, была чисто крестьянской страной с преобладанием мелкотоварного уклада и незначительным городским населением, притом стране, покрытой горами, образующими резкие естественные границы между отдельными районами, диалектальная раздробленность очень сильна и устойчива. В сущности, каждая долина в Норвегии имеет свой говор. При этом, поскольку для Норвегии было характерно отсутствие сколько-нибудь значительных перемещений населения на протяжении ее истории, диалектальные границы в Норвегии, повидимому, претерпели сравнительно мало изменений со времени образования норвежского государства. Характерно, что нередко в диалектальных границах современной Норвегии прощупывается древнее расселение по племенам. Так, например, основная диалектальная граница в пределах страны — граница, отделяющая восточнонорвежские говоры от западнонорвежских по признаку наличия или отсутствия в них так называемых «равновесия гласных» и «толстого» l — явно совпадает с древней восточной границей племенного союза гулатингслаг.

Значительная перетасовка населения, вызванная широкой внутренней колонизацией, имела место только на юго-востоке Норвегии (в Эстланне), поскольку именно там всего больше годной для обработки земли, которая постепенно осваивалась по мере роста народонаселения. Характерно, что именно на юго-востоке Норвегии диалектальная раздробленность сравнительно слабее. Напротив, она всего сильнее в изрезанном высокими горами и глубокими фьордами Вестланне (западной Норвегии), где годной для обработки земли ничтожное количество.

Расхождения между отдельными местными норвежскими диалектами, несмотря на то, что все они норвежские, т. е. все они осознаются как диалекты одного языка, значительны. Как известно, местные диалекты, в отличие от классовых жаргонов, «...обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд» [5]. Некоторые из норвежских местных диалектов (восточные) имеют общие черты с шведской национальной нормой, другие (западные) имеют общие черты с исландской национальной нормой, третьи (южные) имеют общие черты с датской национальной нормой. Синтезировать эти диалекты в норвежскую общенациональную норму — задача очень трудная.

Идею создания национальной письменной нормы на основе синтеза диалектов высказал еще в 30-х годах XIX в. норвежский филолог П. А. Мунк (1810—1863). Мунк считал, что такая норма должна быть возможно более близкой к древненорвежской. Первоначально он даже считал, что следует просто восстановить древненорвежские грамматические формы. На эту мысль его навело новогреческое языковое движение с его ориентацией на древнегреческий язык. Издавая норвежские народные баллады, Мунк воспроизводил их в древненорвежской орфографии, восстанавливая давно утраченные окончания и звуки. Вместе с тем характерно, что Мунк был принципиальным противником норвегизации литературного языка и считал, что она приводит только к его вульгаризации.

Первая попытка синтеза диалектальных форм была сделана знаменитым норвежским языковедом-самоучкой Иваром Осеном (1813—1896),

---

[5] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1951, стр. 43.

который вместе с тем был и первым исследователем норвежских местных диалектов. Правда, еще в середине XVIII в., в связи с возникновением национального движения, в Норвегии пробудился интерес к родной стране, и ее истории и к ее местным диалектам. Однако интерес к туземным диалектам ограничивался до Осена тем, что провинциальные любители собирали местные диалектальные слова. В литературе диалект использовался только для комического эффекта, поскольку он осознавался как испорченный литературный язык.

В 1853 г. Осен издал «Образчики народного языка в Норвегии», т. е. антологию текстов на разных норвежских диалектах (всего на 31 диалекте, из которых пять было восточнонорвежских и 26 — западнонорвежских). В приложении к этой антологии Осен опубликовал несколько текстов на нормализованном языке, в котором он стремился дать синтез диалектальных форм. Нормализованный язык этих текстов и был первым образчиком той письменной нормы, которая получила название «лансмола».

Осен считается поэтому создателем лансмола. Само собой разумеется, однако, что норма, предложенная Осеном, осталась бы курьезом, чисто книжным экспериментом, известным только ограниченному кругу специалистов и не имеющим никакого практического значения, если бы она в какой-то мере не выражала назревшую потребность. Значение Осена преувеличивают не только его сторонники, которые считают его единоличным создателем норвежской общенациональной нормы, но также и его противники, которые объясняют то, что им кажется неприемлемым в лансмоле, личными качествами Осена, его односторонностью, его слепой привязанностью к косному крестьянскому быту и т. д.

Не случайно лансмол Осена не долго оставался единичным экспериментом. Уже в конце 50-х годов он стал применяться в литературе. В 50—60-х годах на лансмоле писал свои произведения и издавал свой журнал выдающийся норвежский писатель Осмунн Винье (1818—1876), который оказал значительное влияние на развитие норвежской литературы. В 70-х годах лансмол получил поддержку в крестьянских массах некоторых областей страны, особенно в Вестланне (западной Норвегии), где диалекты наиболее отличны от смешанного городского говора, на котором основан риксмол, и наименее втянуты в центростремительные процессы, характерные для языка нации, т. е. наиболее устойчивы.

Вестланн был родиной и самого Осена (точнее, приход Эрста, фюльке Мёре, около города Олесунна). Поэтому естественно, что родной говор Осена и послужил основой для создания общенорвежской нормы. Его лансмол, естественно, не мог быть арифметическим средним множества говоров. Каким-то из них он должен был отдать предпочтение. И он действительно отдавал предпочтение некоторым из них, именно западнонорвежским говорам, т. е. говорам, наиболее близким к его родному говору. Теоретическим обоснованием этого предпочтения было то, что именно в западнонорвежских говорах он находил наиболее «исконные» и наиболее «совершенные» формы, т. е. формы с наименее редуцированными окончаниями и, следовательно, наиболее близкие к древненорвежскому письменному языку. Таким образом, Осен как патриот и романтик представлял себе, что он восстанавливает язык, утраченный его народом.

В 70-х годах лансмол стал одним из пунктов программы так называемой «левой партии» (venstre partiet), которая пользовалась поддержкой крестьянских масс. Благодаря тому, что в 1884 г. эта партия пришла к власти, норвежский стуртинг принял ряд постановлений, обеспечивших за лансмолом положение государственного языка наравне с риксмолом. В ряде общин (главным образом, конечно, Вестланне) лансмол был принят в качестве основного языка в начальной школе, которая пользуется в Нор-

вегии языковой автономией. Положение в начальной школе собственно и является основной опорой лансмола. В начальной школе всякий норвежец получает с ним знакомство. В литературе он нашел значительно меньшее применение, чем риксмол, а в науке — почти никакого.

С 50-х годов прошлого века между сторонниками риксмола и сторонниками лансмола идет ожесточенная борьба. В этой борьбе в большей или меньшей мере принимали участие все крупнейшие деятели норвежской литературы и норвежского языкознания. Борьба эта не ограничивалась полемикой. Нередко она принимала формы практических мероприятий, которые способствовали распространению той или иной формы языка (организация сторонников лансмола и риксмола в общества, разъяснительные кампании, требования языкового плебисцита, издание текстов на риксмоле и лансмоле, издание словарей риксмола и лансмола, учреждение кафедр риксмола и лансмола в университете и т. д.).

Практические результаты этой борьбы трудно поддаются учету. В течение последних десятилетий XIX в. наступающей стороной были в основном сторонники лансмола, которые пользовались поддержкой влиятельной политической партии. В XX в. сторонники риксмола стали более организованно сопротивляться наступлению, вследствие чего борьба как бы приняла форму затяжной позиционной войны. Вместе с тем в XX в. появилась и третья языковая партия — партия примиренцев, т. е. сторонников сближения риксмола и лансмола как средства разрешения языковой проблемы. Появление этой третьей языковой партии собственно и было вызвано тем, что борьба между риксмолом и лансмолом явно не приводила и не могла привести в ближайшем будущем к победе ни той, ни другой стороны.

О перипетиях борьбы между сторонниками риксмола и лансмола можно было бы рассказать очень много. Однако, что касается теоретической стороны этой борьбы, то она в сущности не представляет принципиального интереса. В полемике между собой как сторонники риксмола, так и сторонники лансмола бесконечно повторяли все те же доводы, причем как доводы сторонников риксмола, так и доводы сторонников лансмола были обычно одинаково несостоятельны.

Основным доводом против лансмола всегда было то, что это язык искусственный, язык, который существует только в письме, только на бумаге и который поэтому не может стать национальной нормой. Лансмол действительно был бы немыслим без сознательной нормативной деятельности его сторонников, и в этом смысле он язык искусственный. Однако, выдвигая это в качестве довода против лансмола, сторонники риксмола забывали, что образование национальной нормы всегда сопровождается такой деятельностью, что без сознательной унификации и нормализации немыслимо формирование национальной нормы вообще. Они забывали также, что и образование риксмола сопровождалось нормативной деятельностью его сторонников и что в этом смысле риксмол — тоже искусственная норма.

Вместе с тем лансмол действительно единообразен только в своей письменной форме. У него есть более или менее единообразная орфография, но у него нет единообразной фонетики. Говорящие на лансмоле всегда сохраняют свое диалектальное произношение. Однако и в риксмоле написание значительно более единообразно, чем произношение. Таким образом, и в этом отношении никакого принципиального различия между риксмолом и лансмолом в сущности нет.

Основным доводом, который сторонники лансмола выдвигали против риксмола, всегда было то, что риксмол — это язык в сущности датский, т. е. иностранный по происхождению, и что он поэтому не может быть

норвежской национальной нормой. Конечно, и этот довод несостоятелен. Даже если бы риксмол и датский язык были совершенно тождественны (какими они были в их письменной форме до недавних норвежских орфографических реформ), это не исключало бы для них возможности быть языком двух разных наций. «Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках, но это ещё не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке! Англичане и северо-американцы говорят на одном языке, и всё-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах»[6]. Таково исчерпывающее решение вопроса.

Если бы датский язык в Норвегии был таким же общенародным языком, каким английский всегда был в США или каким английский, в силу исторических условий, стал в Ирландии, то он бы стал национальной нормой в Норвегии, как бы ни противились этому норвежские националисты. Вопрос о национальном языке — это, несомненно, для каждой данной нации вопрос не теоретический, а чисто практический. Дело не в том, какая форма языка «более норвежская» с исторической точки зрения, а в том, какая форма языка действительно имеет общенародную почву как орудие общения.

Наиболее существенное в борьбе риксмола и лансмола — это то, что в ходе взаимной борьбы они постоянно влияли друг на друга и тем самым заставляли друг друга развиваться дальше в направлении ликвидации разрыва между письменным и народно-разговорным языками.

В самом деле и лансмол и риксмол претерпели сильные изменения на протяжении своей истории, и эти изменения были взаимно обусловлены. Так, лансмол Осена и его эпохи равнялся в основном по диалектам Вестланна (западной Норвегии). В своем дальнейшем развитии лансмол все больше учитывал и диалекты Эстланна (т. е. юго-восточной Норвегии), тем самым приближаясь к риксмолу. Это может иллюстрировать следующий пример: по орфографической реформе 1917 г. инфинитивы на -e, которые являются правилом в риксмоле (kaste «бросать», lese «читать») и которые чередуются с инфинитивами на -a по особому закону в говорах Эстланна (kasta и lesa), были легализированы в лансмоле наряду с инфинитивами на -a, которые являются правилом в большинстве говоров Вестланна (kasta, lesa) и которые раньше были правилом в лансмоле.

Первоначальный лансмол, и особенно лансмол бергенских последователей Осена, отдавал предпочтение формам, наиболее близким к древненорвежским, независимо от их распространения. Такая подмена современной диалектальной речи древненорвежским письменным языком в общем была закономерна для своей эпохи, поскольку древненорвежская письменная норма, хотя и не соответствовала диалектальной речи, конечно, все же была в некоторых отношениях ближе к ней, чем датская письменная норма (т. е. норма риксмола того времени). Не случайно поэтому издатели норвежской народной поэзии середины XIX в. (Мунк, Ландстад) воспроизводили эту поэзию в древненорвежской орфографии.

В своем дальнейшем развитии лансмол, однако, все больше отходил от древненорвежской письменной нормы. Так, например, введенное Осеном окончание -i в единственном числе существительных слабого склонения женского рода с суффигированным определенным артиклем (например, bygdi «район») было постепенно вытеснено окончанием -a (bygða). Первое окончание всего ближе к древненорвежскому (bygðin), но оно представлено всего реже в диалектах (только в некоторых говорах наиболее гористых

[6] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 294.

внутренних областей Норвегии — у верхней части Согне-Фьорда и в Телемерке). Наряду с этим окончанием в норвежских диалектах эта форма имеет также окончания -ei, -e, æ, -å, -o, но наибольшее распространение имеет окончание -a(bygda), которое характерно для всей восточной Норвегии и которое получает все большее применение и в риксмоле, вытесняя характерное для датского языка окончание общего рода -en (bygden).

Орфография Осена была в основном этимологична. В ряде случаев она отражала не современное диалектальное, а древненорвежское произношение. Так, например, он писал huset «дом», korn «зерно», ord «слово», хотя звуки t, r, d уже давно не произносились в этих словах в норвежских диалектах. В дальнейшем этимологическое написание сохранилось в лансмоле в основном только в тех случаях, когда оно совпадает с написанием в риксмоле, тоже этимологическим (как во всех трех приведенных словах).

В отношении лексики Осен и в еще большей степени его бергенские последователи были крайними пуристами. Они устраняли все слова иностранного происхождения, в том числе и старые заимствования и кальки, которые давно вошли в народно-разговорный язык, а также так называемые «культурные» слова, общие для всех европейских языков. Материалом для замены служила им в основном диалектальная лексика. Кое-что, однако, они брали и из древненорвежского или древнеисландского. Так, например, Осен ввел слова landslyd «нация» вместо обычного в датском и риксмоле слова nation, huslyd или varnad «семья» вместо familie, döme «пример» вместо eksempel, gangverk «машина» вместо maskine, utkoma «результат» вместо resultat, freistnadleg «экспериментальный» вместо eksperimental и даже Nordholva, Sudholva и Vesterholva вместо Europa, Afrika и Amerika. Он стремился также устранить все слова, совпадающие с датскими словами. Так, например, он ввел слова upplysnad «просвещение», fortelnad «рассказ», verknad «действие» вместо датских oplysning, fortælling, virkning, на том основании, что суффикс -ing или -ning свойствен датскому языку (хотя он свойствен также и норвежским диалектам в неменьшей степени, ср. норвежские диалектальные upplysning, forteljing, verkning), тогда как суффикс -nad сохранился только в норвежских диалектах (хотя и не обязательно в данных словах). Таким образом, он шел на отдаление от датского языка даже ценой одновременного отдаления от норвежской народной речи. В дальнейшем своем развитии лансмол, хотя и остается пуристичным (в чем и заключается основное отличие его лексики от лексики риксмола), но все же больше считается с лексикой, действительно наличной в народной речи.

Таким образом, лансмол отнюдь не представляет собой чего-то единообразного и установившегося. Напротив, в лансмоле непрерывно происходит процесс отбора, но в другом направлении, чем в риксмоле. Уже у Осена лансмол разных периодов неодинаков. У первых последователей Осена расхождения достигают значительных размеров. Так, лансмол Винье — крупнейшего из норвежских авторов, писавших на лансмоле,— сильно отличается от лансмола Осена. По морфологии и фонетике его лансмол приближается то к телемаркскому, то к эстланскому диалекту, тогда как по синтаксису его лансмол основан на разговорном языке Осло. Например, окончание единственного числа существительных сильного склонения женского рода с суффигированным определенным артиклем было у Винье сначала -i (soli), как у Осена, потом оно стало -e (sole) как в ряде внутренних районов Норвегии, еще позже оно стало -a (sola), как в Эстланне и в современном риксмоле. При этом Винье то изгоняет все иностранные слова, заменяя fortepiano «фортепиано» на hardblaut, krinoline «кринолин» на sprikestakk, fallit «банкротство» на busliten и т. п.

то ратует за применение в лансмоле таких слов, как civilisation «цивилизация», autoritet «авторитет», kultur «культура», ideal «идеал» и т. д.

С другой стороны, у некоторых бергенских последователей Осена лансмол представляет собой дословный перевод с датского на древненорвежский, с некоторыми отступлениями от древненорвежской орфографии, но с полным сохранением датского книжного синтаксиса. Обычно, однако, лансмол каждого автора приближается к родному диалекту данного автора, притом не только в фонетике (что неизбежно, поскольку у лансмола нет единообразного произношения, нет произносительного стандарта), но также и в морфологии. Поэтому колебания в формах слов у разных авторов велики. Так, в лансмоле XIX в. для множественного числа с суффигированным определенным артиклем от слова kona «жена» встречаются формы konorna, konorne, konone, konurne, konunne, konune, konene, а от слова barn «ребенок» — формы borni, borne, borna, bonni, bonne, bonna, boni, bone, bona, barna.

В сущности не менее изменчив был и риксмол. При этом направление, в котором он развивался, т. е. приближение к городскому разговорному языку, было вместе с тем и приближением к лансмолу. Городской разговорный язык был как бы той передаточной инстанцией, которая отбирала из диалектов то, что было в них общенорвежского, т. е., что было свойственно всем норвежским диалектам (как «слоговое равновесие», сохранение глухих смычных и т. д.), и передавала эти общенорвежские черты риксмолу, «норвегизируя» его. Поэтому все те формы, слова или обороты, которые вошли в риксмол в результате его «норвегизации», обычно еще раньше вошли в лансмол как общенорвежские диалектальные черты. Так, получающие все большее распространение в риксмоле дифтонги вместо монофтонгов (stein «камень» вместо sten, hauk «ястреб» вместо hɸk), формы женского рода вместо форм общего рода (boka «книга» вместо boken, lita «маленькая» вместо liten), формы множественного числа среднего рода с суффигированным определенным артиклем на -a (beina «ноги» вместо benene) и т. п. всегда были правилом в лансмоле.

Еще до орфографических реформ XX в. риксмол не был единообразен. Так, риксмол сказок Асбьёрнсена и Му по своему народно-разговорному синтаксису и стилю был образцом для лансмола, как это признавал сам Осен. Напротив, риксмол многих писателей XIX в. (в частности раннего Ибсена) был совершенно неотличим от датского письменного языка. В результате орфографических реформ XX в. (особенно реформы 1917 и 1938 гг., которые ставили себе целью сближение риксмола с лансмолом и которые оставляли большую свободу в выборе форм) риксмол стал значительно менее единообразен. Возможными стали больше или меньше «норвегизированные» его разновидности. В некоторых случаях, особенно в школьных учебниках, риксмол становится почти неотличим от лансмола. Это в свою очередь вызывает противодействие сторонников традиционного риксмола, которые называют язык таких учебников «колбасным языком» (pɸlsemål), поскольку он представляет собой как бы фарш из риксмола и лансмола, и высказывают опасение, не три ли теперь языка в Норвегии вместо двух.

Конечно, для утверждения, что в современной Норвегии три языка, не больше оснований, чем для утверждения, что в ней два языка. Очевидно, что нельзя считать риксмол и лансмол двумя национальными языками. «Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках» [7]. Риксмол и лансмол это только разновидности национальной нормы, процесс становления которой, ни в ее письменной, ни в ее устной форме, в Нор-

[7] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 294.

вегии еще не завершился. Риксмол и лансмол это как бы две стороны одного процесса, характерного для всякого национального языка, именно — процесса выработки национальной нормы.

Лансмол — проявление центробежной тенденции этого процесса. Напротив, риксмол — проявление центростремительной тенденции того же процесса. В силу специфических исторических условий, о которых речь была выше, эти тенденции оказались в Норвегии поляризованы в две разные формы литературного языка. Лансмол обеспечивает возможно более широкую диалектальную, т. е. народно-разговорную, основу национальной нормы, тогда как риксмол обеспечивает за этой нормой центральное положение в стране. Но сам по себе и риксмол, несмотря на его более центральное положение, не является еще национальной нормой, так как и он немыслим без лансмола, из которого он черпает все, что может стать элементами национальной нормы. Взаимодействуя друг с другом и образуя противоречивое единство, эти две формы норвежского литературного языка развиваются в направлении будущей единой национальной нормы.

Перспективы дальнейшего развития норвежского языка могут быть намечены только в самых общих чертах. Несомненно, что в условиях капитализма, когда сохраняется различие между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, национальная норма не может охватить все общество, не может полностью оттеснить местные диалекты. Но поскольку будут существовать норвежские местные диалекты, значительно отличающиеся от городского разговорного языка, постольку будет существовать и почва для двух разновидностей национальной нормы, т. е. риксмола и лансмола. Вероятно, все же риксмол и лансмол будут в дальнейшем все больше сближаться. Но даже если бы в дальнейшем и не произошло их слияния, а одна из этих форм норвежского литературного языка — скорее все же лансмол — отмерла бы, все равно нельзя было бы игнорировать роль, которую эта отмершая форма сыграла в процессе становления норвежской национальной нормы в силу влияния оказанного ею на другую форму в ходе борьбы с ней.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

О ПОДГОТОВКЕ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ КАДРОВ

Вопрос о подготовке языковедческих кадров, воспитанных в духе сталинского учения о языке и способных творчески разрешать новые грандиозные задачи по внедрению марксизма в языкознание, по развитию марксистского теоретического, исторического и сравнительно-исторического языкознания, в настоящее время приобретает в нашей стране важное государственное значение. 26 ноября 1951 г. по инициативе ректора Московского государственного университета акад. И. Г. Петровского в Москве состоялось совещание, посвященное обсуждению структуры филологического факультета и научного профиля лингвистов, специализирующихся в изучении разных языков. В ниже помещаемых статьях действительного члена Академии Наук Грузинской ССР А. С. Чикобава, члена-корр. АН СССР Н. И. Конрада и доц. Н. С. Поспелова развивается ряд соображений по этим вопросам. Редакция надеется, что эти статьи найдут широкий отклик в среде деятелей языкознания.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

А. С. ЧИКОБАВА

О ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Вопрос о воспитании новых языковедческих кадров надо признать весьма актуальным. Наличных кадров мало. Это не случайно: это одно из тяжелых последствий господства антимарксистского так называемого «нового учения» о языке и органически с ним связанного аракчеевского режима.

Основная задача, поставленная И. В. Сталиным перед советскими языковедами,— «внедрить марксизм в языкознание», поднять науку о языке на уровень, подобающий социалистической, марксистской науке,— настоятельно требует для своего решения новых кадров.

Общелингвистические дисциплины («введение в языкознание», «история лингвистических учений», «общее языкознание»), которые преподаются во многих сотнях наших высших учебных заведений (университетов, педагогических и учительских институтов) нельзя вести на высоком уровне без подготовки новых кадров.

На филологических факультетах изучаются десятки языков народов Советского Союза, народов зарубежных стран, языков современных и древних. Без основательной общелингвистической подготовки, построенной на правильной методологической основе, преподаватели языков вряд ли смогут преодолеть узкий техницизм, поставить изучение данных языков надлежащим образом.

Нужных кадров пока мало. Их надо подготовить. Это одна из самых ответственных и неотложных задач.

Где и как это организовать?

В деле подготовки языковедов основную тяжесть должны взять на себя университеты и языковедческие академические институты. Чтобы с честью выполнить эту задачу, естественно, потребуется в ближайшие годы большое напряжение сил.

В этой связи следует считать весьма своевременным обсуждение вопроса о структуре филологического факультета Московского университета имени Ломоносова. Обсуждение состоялось на совещании 26 ноября 1951 г. и было проведено с участием директора Института языкознания АН СССР акад. В. В. Виноградова. Совещанием руководил ректор Московского университета акад. И. Г. Петровский.

Участники данного совещания — в числе их и автор этих строк — высказывались в том смысле, что вполне естественно видеть на филологическом факультете Московского университета максимум возможного по языкам и литературам как народов Советского Союза, так и зарубежных стран, в частности, стран Ближнего и Дальнего Востока: это соответствует принципу университетского образования; этого требует положение Московского университета — университета столицы социалистической страны Советов.

На филологическом факультете должны быть представлены три специальности: языки, литературы (соответственно языкам) и языкознание.

Здесь неуместно разбирать подробно вопросы об удельном весе языков

и литератур (он не может решаться единообразно): в одних случаях и язык и литература требуют одинакового места; в других язык займет ведущее место, литература же (даже вместе с фольклором) потребует относительно меньше места (так, к примеру, будет в младописьменных языках).

Мы коснемся лишь взаимоотношения изучения языков и языкознания в учебном плане филологического факультета, при общей установке готовить кадры языковедов.

Готовить специалиста по общему языкознанию можно лишь на базе изучения конкретных языков: раз навсегда надо отрешиться от попыток готовить специалиста по общей лингвистике, если студент никогда никаким языком специально не занимался, никаким конкретным языковым материалом не владеет (теоретически), истории никакого языка не изучал (иначе мы можем получить «общее пустословие», но не «общее языкознание»). Годы господства марризма в этом отношении весьма поучительны — опыт в этом отношении более чем достаточный. Продолжать экспериментировать дальше в этом направлении, значило бы не различать, выражаясь мягко, развязного пустозвонства от научной теории, в данном случае языковедческой.

Конкретной базой при подготовке специалиста по общему языкознанию могут служить различные языки: языки славянские (у нас конкретно: русский, украинский, белорусский), языки балтийские, языки германские, языки романские, язык древнегреческий, язык армянский, языки угро-финские, языки иберийско-кавказские, языки алтайские или тюркские (азербайджанский, узбекский, казахский, туркменский, киргизский), языки семитические,— вообще, любой язык, историческое развитие которого можно проследить в продолжение хотя бы нескольких веков или документально-исторически, или путем сравнительно-историческим.

Нельзя научно понять основу ни одного языка, не зная его истории. Это — принцип фундаментального значения. Все попытки игнорировать этот принцип (а такие попытки делались за последние двадцать пять лет и у нас, и за рубежом) привели к поучительным неудачам, тем самым лишний раз подтвердив научную ценность принципа историзма. Но и принцип историзма останется пустым звуком для лица, не изучавшего истории какого-либо языка.

Таким образом, подготовка специалиста по общему языкознанию требует изучения конкретных языков и минимум — истории хотя бы одного языка.

Конкретным языком, научное и практическое знание которого здесь требуется, в первую очередь будет родной язык. Но чтобы лучше понять родной язык, глубоко вникнуть в его основу, надо «выйти за его пределы», т. е. изучить хотя бы один из родственных языков. Кроме того, очень важно познакомиться с каким-либо языком иного грамматического строя, чем родной язык [1].

Знание конкретного языкового материала для языковеда необходимо, но далеко не достаточно. Научное осмысление этих материалов требует изучения общелингвистических дисциплин. Таковы: «введение в языкознание», «история языкознания», «общее языкознание». «Введение в языкознание» — предмет обязательный для всех студентов первого курса филологического факультета университетов (или факуль-

[1] Изучение таких языков, как китайский, корейский, японский, индийские языки, дравидские языки, баскский язык, некоторые иберийско-кавказские языки, представляет исключительный интерес для расширения общелингвистического кругозора.

тетов языка и литературы педагогических институтов), независимо от того, пойдут ли они в дальнейшем по специальности «языка», «литературы» или «языкознания».

«История языкознания» и «общее языкознание», согласно учебным планам, изучаются лишь специализирующимися по «языку» и «языкознанию».

«Введение в языкознание» ставит целью дать возможность студенту усвоить и понять основные положения науки о языке и привить ему навыки лингвистического мышления (на простейшем материале). «Общее языкознание» должно представлять собой систематический курс, в котором главные проблемы языкознания (предмет языкознания, специальные методы языкознания, строение языкознания, т. е. состав разделов и их взаимоотношения, место языкознания в системе наук) анализируются в плане и позитивном и негативном, т. е. даются на фоне критического анализа основных направлений, наличных в изучении данной проблемы.

Ядро дисциплин языковедческого цикла, таким образом, составляют «языки» и «общелингвистические дисциплины».

Методологической базой марксистской языковедческой подготовки являются «Основы марксизма-ленинизма», «Диалектический и исторический материализм» и «История философии».

Для лингвиста философские дисциплины имеют особенно важное значение. Это обусловлено особенностями изучаемого объекта: «„Язык есть непосредственная действительность мысли" (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке»[2].

Не имеющему представления об основных направлениях философии лингвисту вряд ли удастся должным образом разобраться в различных идеалистических теориях философии языка, которые, к сожалению, оказывают немалое влияние на теоретические построения зарубежных лингвистов.

Цикл собственно языковедческих дисциплин нуждается в ряде вспомогательных дисциплин. Одни из них — теория и история литературы, история соответствующего народа, история материальной культуры, этнография — образуют круг собственно исторических дисциплин. Необходимость их вряд ли требует пояснения: «Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[3].

Другой ряд вспомогательных дисциплин образуют «логика» и «психология» («общая психология», специальный курс: «психология мышления»).

Итак, подготовка специалиста языковеда требует изучения:

а) цикла основных, собственно языковедческих дисциплин (конкретные языки, их история, общелингвистические дисциплины);

б) цикла философских дисциплин («основы марксизма-ленинизма», «диалектический и исторический материализм», «история философии», «логика», «психология», «психология мышления»);

в) цикла исторических (в широком смысле слова) дисциплин («история», «история материальной культуры», «этнография», «история литературы»);

Учебный план лингвистического отделения филологического факультета должен обеспечить изучение трех вышеуказанных циклов научных дисциплин. При такой подготовке студента-языковеда мы получим

---

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 39.
[3] Там же, стр. 22.

тот контингент аспирантов, которые смогут за три года пребывания в аспирантуре — разумеется, при наличии способностей и воли к труду — стать хорошо подготовленными специалистами-языковедами.

Студент, учившийся даже на отделении языка филологического факультета университета, но вообще не изучавший вышеуказанных предметов (большинства их), конечно, за три года работы в аспирантуре не сможет стать специалистом-языковедом [4]. Нечего удивляться поэтому, если так мало аспирантов, кончая аспирантуру, имеет написанную квалификационную работу: аспирантский минимум сдан, кандидатская же диссертация не написана. Зачастую она пишется с большим опозданием. Немало случаев, когда она вовсе не пишется, да и аспирантский минимум не сдается (и аспирант отчисляется).

Основа успешной работы в аспирантуре закладывается в высшей школе, в студенческие годы. Нельзя получить специалистов надлежащей квалификации через аспирантуру, если высшая школа не обеспечит этого.

А осуществим ли учебный план с такими циклами дисциплин? Такой учебный план труден, но вполне осуществим: отделение иберийско-кавказских языков филологического факультета Тбилисского государственного университета им. Сталина, организованное в 1934 г. по инициативе кафедры кавказских языков, работает именно по этому плану.

Из языков здесь студент изучает (на грузинском отделении): грузинский язык (новогрузинский литературный язык с диалектологией), древнегрузинский литературный язык, историю грузинского языка; из родственных иберийско-кавказских языков: занский (мегрельско-чанский) язык, сванский, абхазский, аварский, удинский (лакский или лезгинский — по выбору). Кроме того: древнеармянский и арабский языки. При этом грузинский язык изучается в продолжение шести семестров, остальные языки — по три и по два семестра (ближайший родственный грузинскому — занский — лишь в течение одного семестра).

На том же отделении, где слушателями являются, например, кабардинцы, стержневым языком является русский язык: современный литературный русский язык, русская диалектология, старославянский язык, историческая грамматика русского языка, украинский язык (факультативно). Из иберийско-кавказских языков: кабардинский, абхазский, грузинский, аварский или удинский (по выбору). Из семитических языков — арабский (два семестра). Здесь основным языком, на материале которого изучается история языка, является русский. Иберийско-кавказским языкам отводится меньше места.

«Введение в сравнительно-историческую грамматику иберийско- кавказских языков» (на IV курсе) некоторым образом подытоживает знания по соответственным языкам и их истории (на обоих отделениях).

Правда, на этом отделении студентов бывает мало (от 5 до 12!), но отсева почти не наблюдается; а из окончивших — больше половины поступают в аспирантуру и успешно кончают ее, причем из 23 аспирантов, окончивших это отделение, лишь один не написал диссертации.

* * *

В деле подготовки языковеда существенную помощь может оказать студенческий лингвистический кружок, если его работу поставить надлежащим образом: умело сочетать рефераты с самостоятельными темами, которые должны быть и конкретными, и интересными, и в то же время

[4] Еще труднее получится с окончившими Педагогический институт: здесь требуется по меньшей мере четыре года, чтобы аспирант смог справиться со своей задачей.

соответствовать силам студента, быть по плечу студенту, делающему первые шаги в области самостоятельного научного мышления [5].

Специалисты «языка» или «литературы» обычно «самоопределяются» на третьем курсе: первые два курса работают по общему учебному плану. Поскольку «общее языкознание» базируется на «языках», получается, что специализация может начинаться лишь с третьего курса. При таком условии окажется затруднительным дать все нужные языковеду предметы в продолжение оставшихся трех лет (точнее, пяти семестров: последний — десятый семестр отводится для дипломной работы).

Думается, что специальности «литература», «язык», «языкознание» можно без ущерба для дела выделить со второго курса: два первых семестра, когда студент изучает, к примеру, такие предметы, как «история русской литературы», «старославянский язык» (или «современный русский язык») и «введение в языкознание», дают студенту достаточно материала, чтобы он мог «самоопределиться» к началу третьего семестра (т. е. со второго курса), конечно, предварительно ознакомившись с учебными планами соответствующих специальностей[6].

Найдутся и такие студенты, которым будет трудно сделать выбор на втором курсе (некоторым это будет нелегко и на четвертом курсе!). Но от этого беды не будет: они останутся на отделении «литературы» (или «языка»).

* * *

Последний вопрос. Как быть с теми студентами, которые пошли по лингвистической специальности, но не имеют данных, необходимых для научной работы? Такие студенты безусловно будут. Что им делать? Они, наравне с окончившими по специальности языка или литературы, могут стать квалифицированными преподавателями языка и литературы в средней школе (если уже не лекторами в учительских институтах или ассистентами и лаборантами в соответствующих кабинетах университетов); учебный план лингвистической специальности (отделения) должен обеспечить соответствующую подготовку.

* * *

Вопрос о кадрах, новых кадрах советских языковедов — большой вопрос. Наши университеты должны готовить и специалистов общего языкознания и специалистов по языкам, не только по языкам, представленным в Советском Союзе, но и за рубежом. В нашей стране должны воспитываться специалисты по всяким языкам, и по мертвым, и по живым, и по древнеписьменным, и по младописьменным, и по крупным, и по мелким: этого требует высокий уровень общелингвистической мысли, основа беспрепятственного мощного развития которой заложена классическим трудом И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Наша молодежь, если ее учить терпеливо и с любовью, но без всяких поблажек, может выдвинуть из своих рядов немало талантливых специалистов, которые обеспечат дальнейшее развитие обновленной, благодаря труду И. В. Сталина, науки о языке.

Языковедческих кадров мало. Их будет много. Таков закон развития новой жизни социалистической страны. Долг специалистов старшего поколения не жалеть времени, не щадить сил для подготовки новых кадров советских языковедов.

---

[5] Вопрос об организации работы студенческих лингвистических кружков здесь может быть лишь затронут, он требует подробного освещения.

[6] Отделение иберийско-кавказских языков (т. е. лингвистическое отделение), грузинское, комплектуется со второго курса.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

Н. С. ПОСПЕЛОВ

О СТРУКТУРЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПОДГОТОВКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАДРОВ В ОБЛАСТИ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Советское языкознание, раскрепощенное от пут «теории» Марра, призвано, по указанию И. В. Сталина, «занять первое место в мировом языкознании». Осуществление этой грандиозной задачи требует не только максимальных творческих усилий со стороны немногочисленных наличных кадров советских языковедов, но и мощного притока новых, свежих лингвистических сил. Для этого необходимо, прежде всего, правильное разрешение вопроса о наиболее рациональных и актуальных способах подготовки языковедческих кадров на филологических факультетах государственных университетов и факультетах языка и литературы педагогических институтов. Разрешение этого вопроса обусловлено, в свою очередь, правильным решением вопроса о существе высшего филологического образования, о структуре филологических факультетов, об общем учебном плане преподавания лингвистических и литературоведческих дисциплин. Все более или менее сходятся в установлении объема собственно филологического образования, ограничивая его изучением языка и литературы. Но необходимо при этом подчеркнуть, что подлинно филологическое изучение языка и литературы может быть только «историческим», неразрывно связанным с историей народа, которому принадлежат изучаемые филологическими науками язык и литература. Однако изучение истории, как особой научной дисциплины, выходит за пределы филологии в собственном смысле этого слова, хотя, конечно, изучение истории, как вспомогательной дисциплины, необходимо для студентов-филологов.

Как в системе филологического образования сочетать параллельное научное изучение языка и литературы, как обеспечить хорошо подготовленными кадрами и лингвистические специальности — это и по сей час остается задачей, очень далекой от своего теоретического разрешения и практического осуществления. Чтобы в этом убедиться, достаточно будет сослаться на опыт любого из государственных университетов и прежде всего на опыт Московского университета. Старейший университет Союза, носящий имя великого Ломоносова, Московский университет в настоящее время выпускает ничтожное количество лингвистов. Общее количество дипломных работ по лингвистике из года в год не растет, а сокращается.

Несмотря на очевидный подъем интереса студенчества филологического факультета к лингвистическим проблемам (о чем, например, свидетельствует работа лингвистической секции научно-студенческого общества), студенты филологического факультета, в своем подавляющем большин-

стве, предпочитают специализироваться не по языкознанию, а по литературоведению. Несмотря на наличие опытных руководителей на языковедческих кафедрах факультета и разветвленной сети спецсеминариев и специальных курсов, только очень немногие студенты отваживаются идти в лингвисты. Отчего это происходит? По нашему мнению, главная причина вопиющего недобора лингвистов на филологическом факультете Московского университета коренится в неправильной структуре филологических факультетов и неправильном построении учебного плана в отношении подготовки лингвистических кадров.

По существовавшему до 1951—1952 гг. учебному плану студенты филологического факультета только на третьем курсе начинали слушать курс современного русского языка, т. е. научно разбираться в структуре того языка, на котором они говорят и думают и научное познание которого прежде всего привлекает в университет будущих лингвистов. Ведь еще в нынешнем году по переходному учебному плану огромный состав третьего курса впервые приступает к слушанию научного курса современного русского языка. Правда, на первом году университетского обучения все студенты русских отделений слушают «Введение в языкознание» и «Старославянский язык». Курс «Введение в языкознание», конечно, дает студентам широкую ориентацию в основных вопросах языкознания. Однако этот курс вовсе не ставит себе задачей научный анализ системы того или другого конкретного языка. А погружение в сложную фонетику и технические трудности старославянского языка может привлечь только относительно немногих студентов, еще до поступления в университет получивших вкус к изучению истории языка. Небольшая горсточка будущих студентов-русистов обычно выделяется в процессе изучения русской диалектологии и прохождения полевой диалектологической практики. Но изучение диалектологии студентами, не слушавшими курса современного русского языка, неизбежно получает теоретически суженный, узко практический характер. Правда, кафедрой русского языка Московского университета уже в течение двух лет проводятся семинарии по грамматике современного русского языка для студентов второго курса. Руководители этих семинариев в своих отчетах свидетельствуют о глубоком интересе участников этих семинариев к проблемам грамматики и к лингвистическому анализу языкового материала. Но проведение этих семинариев встречает большие трудности, вследствие отсутствия у студентов, не слушавших научного курса современного русского языка, теоретической подготовки и фактических знаний. Вполне естественно, что и специальные семинарии третьего и четвертого курсов по русскому языку оказываются худосочными, часто «карликовыми», так как к третьему курсу подавляющее большинство студентов русского отделения «уходит» в литературоведение. И это объясняется не только господствующим положением литературоведения в современной университетской системе филологического образования, но и спецификой художественной литературы и языка как предметов научного исследования.

После опубликования гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию мы уже не можем ни в теоретическом, ни в педагогически-практическом плане рассматривать язык и литературу как общественные явления одного порядка, стоящие на одной линии. Литература — явление надстроечного порядка, это форма общественной идеологии. Язык не является идеологической надстройкой и развивается по своим собственным внутренним законам. Но ведь именно общенародный язык и его изучение является естественной базой филологического образования; в противном случае изучение литературы окажется (как часто порой и оказывается) делом

поверхностным и малопродуктивным. Ведь «национальный язык есть форма национальной культуры» и литература может рассматриваться только как одно из высших ее проявлений, осуществимых только средствами национального языка. Поэтому, как разъясняет акад. В. В. Виноградов, «в художественной литературе общенародный, национальный язык, со всем богатством и разнообразием своего словарного состава, используется как средство и как форма художественного творчества» и «все элементы, все качества общенародного языка, в том числе и его грамматический строй, его словарь, система его значений, его семантика... служат средством художественно-обобщенного типизированного воспроизведения и освещения общественной действительности»[1]. С другой стороны, языкознание и литературоведение имеют общее в самом первичном объекте своего научного изучения. Ведь основным предметом изучения и лексикологии, и морфологии, и даже синтаксиса является слово, которое оказывается в то же время и «первоэлементом» литературы. Языкознание изучает слово во всем многообразии его лексических значений, морфологических изменений и синтаксических сочетаний, как средство построения предложений в речи, и, наконец, в его грамматическом значении, которое абстрагируется от частного и конкретного, как то «общее, что́ лежит в основе изменений слов и сочетании слов в предложениях». Художественная литература использует и применяет слова общенародного языка во всей многокрасочности их индивидуальных значений, создавая из слов и предложений художественные произведения, как мощные средства идеологического воздействия на широкие массы. И поэтому глубокое научное изучение исторических основ и внутреннего развития языка должно быть фундаментом филологического образования.

Для будущих языковедов-русистов и квалифицированных преподавателей русского языка изучение современного русского языка должно стоять в центре всего их обучения. Совершенно прав акад. В. В. Виноградов, подчеркивая, что «центральным предметом русского языковедческого цикла является курс современного русского языка», что он «должен служить естественной, твердой базой для более глубокого, действенного освоения других дисциплин русского языковедческого цикла», что «от этого курса, как от центра, как от солнца системы лингвистического обучения, должны идти излучения по радиусам во все стороны — в сторону старославянского языка и исторической грамматики русского языка, в сторону русской диалектологии и в сторону истории русского литературного языка»[2]. Последовательное проведение принципа историзма в изучении русского языка, как и любого другого конкретного языка, возможно только на основе внимательного изучения современного состояния языка; только путем анализа современного языка с его сложившимся в течение веков, устойчивым и в то же время закономерно развивающимся грамматическим строем и основным словарным фондом возможно перейти к уяснению основных периодов в историческом развитии языка, его фонетики, лексики, грамматического строя. Наконец, плодотворное изучение лексики, фонетики и грамматики любого языка, изучаемого студентами, говорящими и думающими на русском языке, невозможно без основательного, не только практического, но и теоретического усвоения лексики, фонетики и грамматики современного русского языка. Вот почему вместе с курсом «Введение в языкозна-

[1] В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, Изд-во «Правда», М., 1951, стр. 25.

[2] В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во МГУ, 1950, стр. 190.

ние» этот курс должен быть для всех отделений филологического факультета курсом не вспомогательного, а основного значения. На первом году университетского обучения студенты всех отделений филологического факультета должны слушать полноценный научный курс современного русского языка, активно участвовать в развернутых практических занятиях по этому курсу и завершать свое изучение русского языка курсовой работой по лексике, грамматике или фонетике современного русского языка.

Однако для решительного подъема филологического образования еще недостаточно положить в его основу общую теорию языкознания и изучение научного курса современного русского языка. Чтобы обеспечить в системе филологического образования глубокое и основательное изучение общего языкознания, родного языка и каждого отдельного языка как предмета научной специальности, необходимо в корне изменить самую структуру филологических факультетов.

Основным пороком структуры филологических факультетов является то, что она не обеспечивает рациональной подготовки ни лингвистов, ни литературоведов. Научный профиль отделений филологического факультета оказывается в настоящее время очень неопределенным. Например, в Московском университете, кроме имеющего особые задачи отделения журналистики, существует шесть отделений: отделение русского языка и литературы, отделение логики, психологии и русского языка, славянское отделение, романо-германское отделение, классическое и восточное отделения. Можно подумать, что филологический факультет усиленно занимается подготовкой научных работников и квалифицированных преподавателей по русскому языку, так как два крупнейших по составу отделения заняты такой подготовкой. Но, как показывают статистические данные, отделения русского языка и литературы готовит преимущественно литературоведов и преподавателей русской литературы по трем профилям: литературы XIX в., советской литературы и фольклора. И только небольшая кучка студентов этого отделения по собственному почину специализируется по русскому языку. Отделение логики, психологии и русского языка готовит главным образом психологов и является своеобразной колонией философского факультета. Славянское и восточное отделения колеблются между языком и литературой, отдавая преимущество то одному, то другому научному профилю. Романо-германское отделение представляет собой целый конгломерат научных специальностей, объединяя будущих, пока крайне немногочисленных, специалистов английского, немецкого, французского и испанского языков с литературоведами, изучающими английскую, американскую, немецкую, французскую литературу. Таким образом, в Московском университете ни одно из отделений филологического факультета не имеет строго определенного научного профиля. В структуре филологического факультета Ленинградского университета наблюдается еще бо̀льшая пестрота и неопределенность. Там имеется 17 отделений на филологическом факультете и, кроме этого, два особых факультета с филологическим уклоном: восточный факультет и факультет народов севера. При этом наряду с крупными отделениями: русского языка и литературы, логики, психологии и русского языка, журналистики, переводческим — неопределенными по своему научному профилю — существует около десятка мелких отделений: английское, итальянское, испанское, норвежское, датское, французское, шведское, классическое и кавказское — тоже не разграничивающих изучение языка и изучение литературы. От неопределенности научного профиля отделений, несомненно, страдает организация подготовки специалистов-филологов — и лингвистов и литературоведов, и особенно страдает от этого

подготовка лингвистов, которые в настоящее время являются едва ли не самыми дефицитными научными кадрами.

Совершенно прав проф. А. С. Чикобава, утверждая, что «в целях подготовки специалистов-языковедов следовало бы на филологических факультетах ряда университетов создать лингвистические отделения с соответствующим учебным планом»[3]. Но и этого недостаточно. Действительным выходом из создавшегося ненормального положения может быть только новая структура филологических факультетов, соответствующая делению ученых советов на лингвистическую и литературоведческую секции, т. е. отчетливое разграничение отделений филологических факультетов по реальным научным профилям. Там, где в пределах единой научной специальности филолога еще не разграничиваются отчетливо язык и литература, как, например, в области китайской, японской, иранской, арабской филологии, необходимо организовать отделения общефилологического характера. Поэтому восточное отделение в Московском университете в настоящее время было бы нецелесообразно разбивать на два отделения — восточных языков и восточных литератур. Но в тех случаях, когда дифференцированное научное изучение тех или иных языков или тех или иных литератур получает общесоюзное или общереспубликанское значение, необходимо выделять лингвистические и литературоведческие отделения.

Таким образом, в дальнейшем могли бы быть выделены в отдельных университетах отделения русского языка, а также украинского и белорусского языков, южно-и западнославянских языков, германских языков, романских языков, финно-угорских языков, языков народов севера, кавказских языков. В ближайшие же годы не только в периферийных, но и в центральных университетах Союза было бы более целесообразно, под общим методологическим руководством кафедры общего языкознания и при участии кафедры сравнительного индоевропейского языкознания, объединить все языковедческие кафедры — например, кафедры русского и других славянских языков, кафедры романского и германского языкознания, кафедры финно-угорского языкознания, кафедры армянского и грузинского языков, а также кафедры древних классических языков (санскрита, греческого и латинского языков). Точно так же под общим методологическим руководством кафедры теории литературы могли бы быть объединены все кафедры литературоведческого цикла с выделением в их составе кафедры славянских литератур и кафедры древнегреческой и римской литературы.

В университетах национальных республик и областей, естественно, структура филологических факультетов должна быть иной: там основными отделениями оказываются отделение местной национальной филологии и отделение русского языка и литературы; однако и там необходимо стремиться к отчетливому разграничению внутри отделений двух циклов: языкознания и литературоведения — и постепенно переходить к структуре отделений по основным научным профилям будущих специалистов-филологов.

Отделения филологического факультета в университетах, как и любого другого факультета, должны быть прежде всего направляющими центрами научной и научно-педагогической работы, а не только учебно-административными членениями факультета, возникшими по тем или иным основаниям. Во главе каждого отделения должна стоять научная секция ученого совета — лингвистическая, литературоведческая и в виде

---

[3] Арп. Чикобава, Новый путь советского языкознания, «Большевик», М., 1951, № 12, стр. 37.

исключения общефилологическая (например, восточная секция или секция определенной национальной филологии). В отличие от кафедр, возглавляющих научную и педагогическую работу по той или иной научной специальности, отделения представляют ведущие научные профили факультета, а секции — его основные научные коллективы. Разработка общих вопросов языкознания на основе сталинского учения о языке, сравнительный анализ родственных языков, историческое изучение отдельных языков и внутренних законов их развития и составляют тот широкий, но вполне определенный, твердый научный профиль, в определяющих границах которого только и возможно плодотворное изучение того или иного языка и общего языкознания. Ведь филология в современном ее понимании является не механическим сплавом «словесных» наук, а органическим объединением лингвистического и литературного образования на основе сталинского учения о языке. В общей установке филологического исследования литературоведение должно оплодотвориться изучением языка художественных произведений, не только как явлением индивидуального стиля писателя, но и как своеобразным выражением общенародного языка.

Научные профили факультетов не могут быть тайной для поступающих в университеты. Поступая в университет, абитуриент средней школы должен знать, что́ он будет изучать, в каком круге научного изучения он будет готовить себя к своей будущей научной, производственной или педагогической деятельности. Поступающие на математическое, механическое или астрономическое отделение механико-математического факультета знают, куда они идут и чем будут заниматься в университете, знают свой будущий научный профиль. Почему же поступающие на филологический факультет только при переходе на третий курс должны решать, кем они будут — лингвистами или литературоведами? Мы их хотим сделать филологами вообще, «словесниками», но в наше время настоящий филолог может быть только или лингвистом, или литературоведом по своему научному профилю. Почему, как это показывает практика Московского и Ленинградского университетов, студенты всячески стараются перейти с отделения логики, психологии и русского языка на отделение языка и литературы? Вовсе не потому, что отделение логики и психологии не может обеспечить им в будущем штатной нагрузки преподавателя средней школы, а потому, что оно не дает им твердого профиля научной работы. Ведь поступая в университет, студент не желает быть второсортным психологом или второсортным лингвистом. Почему же мы и теперь, после выхода в свет гениальных работ товарища Сталина, осуществивших переворот в языкознании, не решаемся обратиться «во весь голос» к молодежи, ищущей настоящего университетского образования, с призывом изучать языкознание? Почему мы должны предлагать им неполное изучение языка в принудительном ассортименте с логикой и психологией или же в нерасчлененном сочетании с изучением литературоведения? Нам могут возразить, что в университетах всегда была, существует и в настоящее время научная специализация и с третьего курса студенты русского отделения разбиваются на литературоведов и лингвистов. Но, во-первых, почему специализация начинается только с третьего курса и почему не желают замечать, что это в сущности не специализация, а запоздалый выбор научного профиля? Почему студенты-романисты и германисты специализируются с первого курса как будущие специалисты французского, испанского, немецкого или английского языка, а студенты-русисты могут избрать русский язык своей специальностью только на третьем курсе, после двухгодичного неопределенного состояния «студентов-словесников»? Нам скажут: такова

традиция. Но если традиция не оправдывается существом дела, от нее нужно отказаться.

Отделения факультета должны определять научный профиль студента, а связь его научного обучения с той или иной кафедрой должна устанавливать его будущую специальность. Поступая на языковедческое отделение, сознательно выбирая себе именно это отделение, определяя себя еще на пороге высшей школы как будущего филолога-лингвиста, студент-филолог языковедческого отделения уже на первом году обучения должен начать изучение того языка, который станет его будущей научной и основной педагогической специальностью.

Но, конечно, лингвисты-филологи не могут быть узкими специалистами. И каждый из них за время своего пребывания в университете должен не только слушать литературные курсы, но и участвовать в специальных семинариях по вопросам литературы, чтобы наряду со своей основной научно-исследовательской специальностью получить вторую, соответствующую ей научно-педагогическую специальность. Ведь будущий специалист по языку должен быть хорошо подготовлен и как преподаватель литературы в средней школе, и наоборот, будущий специалист по литературе должен быть подготовлен и как преподаватель языка (в том же объеме). Поэтому и литературоведы должны принимать участие в лингвистических семинариях. Такое «филологическое» пополнение своей специальности может только расширить научный кругозор и лингвистов и литературоведов.

Университеты должны готовить полноценных специалистов по языку или по литературоведению и преподавателей языка и литературы с твердой научной базой — лингвистической или литературоведческой.

Пора перестать филологическим факультетам готовить «учителей словесности» и только из излишков такой подготовки в виде некоего «дара судьбы» набирать через аспирантуру кадры научных работников. Университеты должны готовить полноценных научных специалистов-филологов на протяжении всех лет обучения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

Н. И. КОНРАД

ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В НАШИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Если присмотреться к тому, как мы готовили востоковедные кадры в последние два-три десятилетия, то сразу же бросится в глаза один несомненный факт: мы добились того, что из наших вузов стали выходить люди, хорошо знающие изучаемый ими восточный язык, достаточно удовлетворительно владеющие им практически. В связи с обязанностями председателя Государственной экзаменационной комиссии в Московском институте востоковедения я имел возможность в течение ряда лет наблюдать, с каким знанием языка выходили студенты, оканчивающие этот институт. Мне всегда приходилось с большим удовлетворением устанавливать, что на экзамене подавляющее большинство оканчивающих достаточно свободно говорили на изучаемом языке, с легкостью выполняли обязанности переводчиков с восточного языка на русский и обратно, без особых затруднений пересказывали на восточном языке содержание только что прочитанной статьи из русского журнала или газеты, умели излагать по-русски содержание тут же просмотренной заметки из журнала или газеты на изучаемом ими восточном языке. Короче говоря, они оказывались владеющими восточным языком в той степени, которая давала им возможность приступить к любой практической работе, связанной с этим языком, а при условии более или менее длительной языковой практики в стране изучаемого языка — и возможность вполне овладеть этим языком. При этом такая хорошая практическая подготовка по языку обычно соединялась с хорошим знанием изучаемой страны — ее политического строя, экономических условий, ее новейшей истории, а такое знание создавало наилучшую основу для настоящего понимания языка, для сознательного и умелого владения им.

Испытываемое мной в этих случаях удовлетворение было тем более полным, что мне по собственному опыту было хорошо известно, с чем в этом отношении выходили студенты-востоковеды в досоветские времена. Главным очагом подготовки востоковедов был в то время факультет восточных языков Петербургского университета. Я сам вышел из этого факультета и могу сказать, что все мы, оканчивавшие его, приобретали практическое знание изучаемых языков только в самой стране во время практиковавшихся тогда летних каникулярных учебных факультетских командировок, главным же образом — по окончании курса в результате достаточно длительного пребывания в стране, кому это выпадало на долю — либо в связи со служебной работой, либо по ходу подготовки к научной деятельности. Иначе говоря, практическое знание языка доставалось собственными усилиями, факультет же этих практических знаний не давал и не стремился давать. Правда, существовали

так называемые лекторские занятия, т. е. занятия разговорным языком с «лекторами», как тогда именовались в университетской иерархической системе не имевшие научной квалификации преподаватели разговорного языка, обучавшие студентов родному для себя языку, но эти занятия, кстати говоря, весьма ограниченные по числу часов, всегда находились где-то на задворках учебного плана и никто — ни факультет, ни студенты не придавали им серьезного значения. И сами «лекторы» бывали искренне изумлены, если среди явившихся к ним в аудиторию оказывался какой-нибудь чудак, действительно желавший научиться у них говорить на их языке. Поэтому тот факт, что требование практического знания языка давно стало у нас обычным и обязательным элементом учебной подготовки студентов-востоковедов, должен считаться одним из важных достижений нашего вузовского востоковедения именно в советское время.

Другим, столь же важным, достижением нашей вузовской подготовки по этой линии является указанное выше обязательное соединение знания современного языка данной страны Востока с хорошим знанием самой этой страны — в ее современном состоянии. По собственному языковому опыту, по опыту преподавателя могу сказать, что такое знание обеспечивает должное направление в приобретении лексического запаса, в усвоении фразеологических оборотов, в выборе выражений, обуславливает обдуманное и уверенное пользование данным языком. Необходимо эти достижения нашей вузовской подготовки неукоснительно сохранять и всемерно их развивать.

Следует добавить, что практическое знание языка необходимо не только для служебной деятельности; оно необходимо и для тех, кто в дальнейшем становится научно-исследовательским работником. Трудно сейчас себе представить, например, арабиста, занимающегося исследованиями в области новоарабского языка и не могущего при этом обратиться к собственному живому знанию этого языка. Трудно себе представить китаиста-лингвиста, с легкостью читающего тексты конфуцианских классиков и с трудом разбирающегося в работах Мао Цзэ-дуна. Собственный языковой опыт необходим, ибо бывают случаи, когда лишь он может выступить «высшим судьей» в определении того, что́ в языке возможно и что́ невозможно.

Как было уже сказано, это знание у нас в общем приобретается, и требуется только решительный поворот в сторону резкого увеличения числа и длительности учебных командировок в страны изучаемого языка: только таким путем можно укрепить и расширить, сделать подлинно живым знание языка, приобретаемое в учебном заведении; этим путем укрепляется и расширяется, делается подлинно живым и знание самой страны.

Но есть одна сторона востоковедной подготовки, которая в последнее время сильно отстает,— это подготовка филологическая.

Филологическая подготовка требует изучения языка не только в его современном состоянии, но и во всей его истории; она требует изучения не только того восточного языка, который выбран в качестве основной специальности, но наряду с ним и других восточных языков, так или иначе с ним связанных; она требует построения этого изучения на широкой исторической основе, на основе обстоятельного изучения истории народа,— носителя данного языка, истории его культуры.

Понятие изучения языка на основе его истории, в связи с историей самого народа, с историей его культуры, должно быть распространено на современное состояние языка. История присутствует и действует в языке в настоящий момент в такой же степени, в какой она действовала в нем

и пять тысяч лет назад, только это действие сейчас видно исследователю гораздо яснее, отчетливее и ярче, чем в давнопрошедшие времена. Считать филологией только изучение старых языковых памятников, как это было в прошлом нашего востоковедения, в наше время уже недопустимо. Надлежит раздвинуть рамки филологии и понять, что изучение любого современного, напечатанного в типографии языкового документа может быть такой же филологической работой, не менее «почтенной» и научно значительной. Современный язык, современный текст должен войти в орбиту филологической науки во всеоружии своих прав на научное филологическое исследование.

Научная основа, на которой должна строиться работа филолога, дана в сталинском учении о языке: в этом учении содержатся все важнейшие положения и для построения советской филологической науки.

Положение первое: изучая какой-либо языковой памятник прошлого или языковой документ настоящего, мы должны всегда помнить, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[1]. Только при этом следует избегать опаснейшей ошибки, о возможности которой предупредил И. В. Сталин: ошибки отождествления, смешения языка с культурой. «...Культура и язык,— говорит И. В. Сталин,— две разные вещи» [2].

Положение второе: изучая какой-либо языковой памятник, мы должны помнить, что язык связан со всей многогранной и разнообразной деятельностью человека, что он «...связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки» [3].

Умение видеть при изучении языкового памятника и именно при помощи этого языкового памятника всю разнообразную деятельность общества — необходимое условие для плодотворной филологической работы.

Положение третье: изучая какой-либо языковой памятник, мы должны помнить, что «люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения» [4]. Но в то же время не следует забывать и того, что на каком бы диалекте, на каком бы жаргоне этот памятник ни был написан, эти диалекты и жаргоны представляют лишь ответвления общего языка — языка народности на одном этапе, языка нации — на другом [5]. Выражаясь образно, нельзя допускать, чтобы мы из-за деревьев не видели леса.

Излишне говорить, что старая русская востоковедная филология не имела такой прочной научно-теоретической основы. Она руководствовалась достаточно неопределенным, расплывчатым в своем содержании культурно-историческим принципом. Во время господства «учения» Марра на месте культурно-исторического принципа стал водворяться якобы марксистский, на деле же — вульгарно-социологический принцип. Ныне мы получили возможность строить филологическое изучение языковых памятников на таких принципах, которые обеспечивают подлинную научность наших выводов.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 22.
[2] Там же, стр. 20.
[3] Там же, стр. 11.
[4] Там же, стр. 13.
[5] См. там же, стр. 14.

Само собою разумеется, что построение филологического исследования на таком научном фундаменте требует теоретической разработки новых основ филологической науки и практического опыта самой работы, а это значит — и довольно длительного времени. Поэтому искать такую филологию в наших востоковедных учебных заведениях в настоящий момент преждевременно, тем более, что, как это было сказано выше, общее положение с филологией еще оставляет желать много лучшего: в одних востоковедных учебных заведениях ее вообще нет, в других ее позиции сильно ослаблены.

В самом деле, востоковедные филологические работы — научная публикация памятников языка различных народов и эпох, комментированные переводы и исследования этих памятников, как литературных, так и исторических,— составляющие славу нашего отечественного востоковедения, в период застоя советского языкознания стали, к сожалению, появляться значительно реже. Это значит, что востоковедная филология за эти же годы значительно отстала от общего роста советского востоковедения. Это значит, что перестал появляться тот тип востоковеда-филолога широкого профиля, которым по праву гордилось наше востоковедение в прошлом.

Сохранять такое положение и дальше недопустимо. Востоковедную филологическую науку надлежит снова поднять на новой научной основе; надлежит перестроить на этой основе и востоковедное филологическое образование. Это требуется нашей действительностью, нашим культурным строительством, это нужно нашей науке. Впрочем, эти два требования у нас невозможно обособить: интересы и запросы науки у нас неразрывно переплетаются с задачами жизни.

Не трудно привести несколько фактов, указывающих на необходимость развития у нас восточной филологии.

Те братские отношения, которые установились между всеми народами Советского Союза, вызывают огромное внимание каждого из этих народов к культуре всех других. На этой почве идет интенсивный процесс проникновения в культурную жизнь народов Советского Востока русской культуры, русской литературы, как классической, так и новой, советской. Не менее интенсивно идет и проникновение в культуру русского народа всего того ценного, что создается братскими народами Советского Востока. Лучшие произведения их литератур переводятся на русский язык, становятся близкими и нам, русским. Это относится не только к тому, что создается этими народами в настоящее время; наше внимание простирается и на культурное наследие этих народов, иногда — даже очень отдаленное. Нам становятся близки имена их великих поэтов прошлого, ряд которых заслуживает подлинно мировой славы. Достаточно лишь вспомнить, как дороги всем нам стали имена Руставели, Низами, Навои, как прочно вошло в нашу общую литературную сокровищницу и многое другое из драгоценного наследия прошлого народов Советского Востока. Но поднять это наследие можно лишь при помощи филологической науки. Вот поистине широчайшая арена для ее деятельности!

В самом деле. В связи с особенностями письменной фиксации и распространения литературного произведения на Востоке исследователь обычно имеет дело с рукописями, с различными списками, и первое, что требуется, это — установить самый текст. Огромная кропотливая и ответственнейшая работа, требующая подлинного филологического мастерства! Но — это только первый шаг: далее идет работа по истолкованию памятника, по раскрытию его подлинного содержания, его исторического «лица», системы его идей, его художественной стороны. Тут нужен

исследователь, который был бы и языковедом, и литературоведом, и историком. Такой исследователь и называется филологом.

Нужны ли нам такие филологи? Нелепо задавать такой вопрос: мы все хорошо знаем, как велико литературное достояние народов Советского Востока и как мало оно еще изучено. А дело ведь не ограничивается одной художественной литературой. Сколько еще предстоит поднять памятников истории, философии, науки! В 1952 г. все передовое человечество, и прежде всего народы Советского Союза, будут торжественно и благодарно отмечать память Ибн-Сины, или Авиценны, как привыкли называть его на Западе. В 1952 г. исполнится тысячелетие со дня его смерти. Неужели мы не обязаны к этой годовщине показать этого великого ученого среднеазиатского средневековья хотя бы в его важнейших творениях? И основную работу тут могут выполнить именно филологи-востоковеды.

Мне кажется, что приводить еще примеры нет надобности. Ясно, что филологи-востоковеды нам нужны, что их работа имеет под собой прочную почву, что она может получить такой размах, такое общественное значение, какого никогда еще не имела раньше. При этом повторяю: надо быть во всеоружии филологической науки не только для того, чтобы достойно представить у нас Навои, но и для того, чтобы по-настоящему показать и Джамбула: различие тут только в аспектах филологической работы, в ее приемах, но не в ее сути.

Дело, однако, не ограничивается лишь одним Советским Востоком. Народы Советского Союза с неменьшим вниманием и уважением относятся к культурному достоянию и прочих народов Востока. Возьмем, например, Китай.

Мы все наблюдаем сейчас, с каким вниманием, с каким интересом относятся у нас к китайской литературе, к произведениям современных китайских писателей. В последнее время появился целый поток переводов. И именно эти переводы лишний раз показали, как нужна филологическая наука и тут.

Нечего и говорить: есть произведения, переведенные у нас вполне удовлетворительно. Но больше таких, которые переведены далеко не удовлетворительно. Нельзя думать, что за перевод даже современного китайского романа можно браться, лишь зная кое-как современный китайский язык, что можно переводить, поминутно обращаясь к словарю. Необходимо уметь оценивать язык писателя в свете общего развития китайского языка новейшего времени; необходимо уметь видеть специфические языковые, стилистические приемы писателя на базе общего знания стилистики китайского языка; необходимо понимать «дух эпохи», отраженный в данном произведении, что дается только хорошим знанием жизни народа, его культуры, со всеми ее традициями и со всем тем новым, что в нее внесено современностью. Короче говоря, для того чтобы иметь право взяться за перевод, нужно иметь соответствующую филологическую подготовку. Но ее, как сказано выше, наше востоковедное образование дает очень слабо.

На этом общем фоне недостатка по-настоящему образованных китаистов-филологов у нас появляются «переводы с китайского», особенно — стихотворные, подписанные фамилиями людей, которые никогда никакого отношения не то что к китайской филологии, но вообще к китайскому языку, литературе и истории не имели. Механика подобных «переводов» нам известна: изготовляется некий суррогат перевода, именуемый «подстрочником», изготовляется при этом какими-то лицами, к которым можно отнести выражение, характеризующее в японских мифах японских богов: «они существуют, но их фигуры скрыты» — в данном случае, может быть, не от бухгалтеров издательств, но во всяком случае от про-

чих смертных. Этот переводческий суррогат или полуфабрикат поступает далее в отделочную мастерскую какого-нибудь литератора, поэта, который и превращает его в фабрикат. При этом случается, что и производитель подстрочника понимает в тексте немногим более того, что ему подсказывает словарь, что же касается «переводчика», то ему оригинал и вообще недоступен.

Бывают примеры, что таким способом «переводят» и памятники поэзии прошлого, т. е. то, что особенно требует специальной подготовки. Для того чтобы оценить такие факты по достоинству, представим себе на минуту такой случай: предположим, что кто-нибудь, с грехом пополам знающий современный итальянский язык и даже умеющий бегло читать современную итальянскую газету, берет «Божественную комедию» и изготовляет «подстрочник»; что затем появляется некий поэт, не имеющий ни малейшего представления об итальянском языке, знающий Италию только по газетным сведениям и, конечно, ясно не представляющий себе ни Данте, ни его эпохи, и этот поэт перекладывает подстрочник в стихи в меру своих сил и способностей и по своему вкусу. Разумеется, с Данте у нас этого произойти не может. Почему же это может произойти с Навои? Или с Ли Бо?

Конечно, надо быть благодарным тем подлинным культурным мастерам своего дела, которые дали нам переводы Навои хоть и через посредство подстрочников. Они заслуживают полного уважения за свой огромный и талантливый труд. Хорошо известно, что эти мастера прилагали все меры к тому, чтобы понять оригинал, его дух, понять самого автора. Но таких мастеров мало. И — главное — это не может считаться путем настоящего продвижения в нашу культуру сокровищ литератур народов Востока.

Нужны переводчики и комментаторы-филологи. И нужно их не мало. Ведь в сущности сокровищница культуры Востока для нас сейчас только по-настоящему приоткрывается. Когда же она откроется совсем, мы увидим, что она поистине неисчерпаема. Китайская литература в письменных памятниках насчитывает уже две с половиной тысячи лет непрерывного развития. А сколько тысячелетий существует литература народов Индии?

Нужны филологи-востоковеды, образованные, культурные, талантливые, с настоящим и чутким советским отношением к подлинно ценному в культуре народов Востока — и в области художественного творчества, и в области историографии, и в области науки. Нужно готовить таких филологов на той научной базе, о которой говорилось выше.

Как же практически организовать такое филологическое востоковедное образование?

Во-первых, оно должно быть организовано в общей системе филологического образования, очагом которого являются филологические факультеты наших университетов. Время специальных «восточных факультетов» прошло. Сейчас нет никаких научных оснований отделять востоковедную филологию от филологической науки вообще. При этом дело здесь не только в общности, в единстве основ самой науки, не только в единстве методологии, но и в самом материале исследования. Можем ли мы в наши дни, вообще в новейшую эпоху изучать историю литературы, например, Японии, без соответствующего и притом серьезного знания русской литературы? Разве возможно по-настоящему раскрыть многие явления турецкой литературы нового времени без привлечения материала французской литературы?

И такое положение наблюдается не только по отношению к новому и новейшему времени. Историческая наука все яснее и яснее обнаружива-

ет наличие глубоких связей между Востоком и Западом даже в те эпохи, когда народы Востока и Запада как будто бы жили совершенно обособленной жизнью. Например, стало известно, что связи Римской империи с древней Ханьской империей в Китае были значительнее, чем думали раньше; мы знаем о деятельном продвижении арабов и в Индию, и в островной мир Индийского океана, и даже в танский Китай; мы знаем, как упорно продвигались в Индию византийские купцы. А вся Средняя Азия была искони ареной самых разнообразных соприкосновений западного и восточного мира в лице различных народов Китая, Индии, Ближнего Востока, Кавказа, Восточной Европы, Северо-Восточной Африки. Повторяю, востоковедов-филологов сближает с филологами-западниками не только общность научных основ, общность методологии, но и соприкосновение самого материала исследования. Поэтому нам всем необходимо «сидеть за одним столом».

Во-вторых, в основу востоковедного филологического образования должно лечь серьезное изучение «классических» для народов Востока языков: санскрита — для новоиндийских языков, классического китайского литературного языка — для языка китайского, корейского, японского и аннамского, классического литературного арабского — для языков ново-арабских, тюркских, иранских и некоторых индийских. Изучение этих классических языков — не просто школа филологического исследования, не просто необходимый элемент изучения истории указанных других восточных языков. Мы хорошо знаем жизненную силу этих классических языков для современного состояния новых восточных языков. Достаточно лишь указать хотя бы на тот замечательный факт, что корневой состав этих классических языков дал возможность народам Востока в новое время создать у себя свою собственную научную и техническую терминологию, оказавшуюся необходимой этим народам в связи с усвоением ими основ передовой науки и образования. А эта терминология, все время расширяющая сферу своего обращения, привела в движение целые массы словарного состава этих языков. «Классические языки» для этих народов — не мертвый груз, а живой материал для языкового творчества. Поэтому на филологическом факультете во всем своем значении должны быть представлены кафедры «классических» языков: греческого, латинского, санскрита, классического арабского и классического китайского.

В-третьих, филологическое востоковедное образование должно быть построено на изучении по меньшей мере двух языков: языка, избираемого специальностью, и какого-либо другого восточного языка. Присоединение этого второго языка может обуславливаться разными причинами: структурной близостью к основному языку, большим значением в истории основного языка, важной ролью в культурных связях и т. д. Но, конечно, основной специальностью должен быть один язык.

В-четвертых, язык, который выбирается как специальность, должен изучаться во всей своей истории. Поэтому курсы истории данного языка и его исторической грамматики должны занять основное место в учебном плане.

В-пятых, должен со всей полнотой быть представлен современный язык, который служит предметом не только научного, но и практического усвоения. В этой области должна поддерживаться та высокая степень практического знания современного языка, которой наши востоковедные учебные заведения в целом достигли. В связи с этим изучение современного языка должно быть обставлено рядом и лекционных курсов и особенно практических занятий.

В шестых, все изучение должно вестись на языковых памятниках

и языковых документах — как относящихся к прошлому, так и современных. Из этого вытекает необходимость самого широкого развития специальных семинариев, занятия в которых не только дают соответствующие знания, но и создают навыки подлинной научной-филологической исследовательской работы.

Филология, как известно, ближайшим образом соприкасается с языкознанием и литературоведением. Поэтому филологическая подготовка может дать не только филолога в точном смысле слова, но и филолога-лингвиста и филолога-литературоведа. Более того, при современной дифференциации знаний большей частью получается именно последнее. Языкознание и литературоведение в наше время — науки, вполне самостоятельные, имеющие свою специфику. И все же, мне кажется, что резко обособлять эти две области знания не следует. Нужно только создать полную возможность для студента стать, если он захочет, лингвистом или литературоведом. Поэтому структура филологического факультета мне представляется такой: факультет делится на отделения — по области филологии, т. е. имеет, например, отделение славянской филологии, отделения романской, германской, угро-финской, арабской, иранской, тюркской, китайской, японской, индийской филологий; отделение состоит, как правило, из двух кафедр: кафедры языка и кафедры литературы. Единство отделения при наличии некоторых общих курсов должно поддерживать ту степень единства научных знаний, которая возможна и необходима; наличие же отдельных кафедр внутри отделения и развитие специальных курсов и семинаров по каждой кафедре обеспечат возможность специализации.

Разумеется, на некоторых отделениях возможны не одна языковая или литературоведческая кафедра, а две и даже больше. Это необходимо, например, на отделении славянской филологии, где нужна специальная кафедра русского языка и специальная кафедра истории русской литературы и возможны кафедры других славянских языков и литератур.

С другой стороны, возможно, что на некоторых отделениях провести деление на две кафедры по тем или иным причинам трудно. Это особенно относится к некоторым отделениям восточной филологии. В таких случаях придется на время удовлетвориться одной общей кафедрой — языка и литературы.

Что же будет объединять языковедов и литературоведов в составе отделения такой-то филологии? Наличие трех общих курсов: истории народа, истории языка и истории литературы. Эти курсы равно необходимы и для лингвистов и для литературоведов.

Что будет объединять в составе факультета все отделения? Наличие четырех общих для всех отделений курсов: философии, общего языкознания, теории литературы и всемирной истории. При надлежащем развитии дела эти четыре области знания могут быть даже представлены особыми самостоятельными кафедрами, подчиненными непосредственно факультету.

На такой почве и могут, как мне кажется, с новой силой и в новом значении пойти вперед и востоковедная филологическая наука и востоковедное филологическое образование.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Академик И. И. Мещанинов, **Члены предложения и части речи.** Издательство Академии Наук СССР, Москва — Ленинград, 1945; стр. 1—321, тираж 4300 экз.

Творческое освоение и развитие сталинского учения о языке органически связано с освобождением советской лингвистики от ошибок антимарксистской «теории» акад. Н. Я. Марра и его «учеников», а также с разоблачением и преодолением всех буржуазно-идеалистических концепций в области языкознания. В своих ошибочных взглядах на язык и законы его истории Н. Я. Марр и его последователи в ряде пунктов прямо смыкались с идеалистическими теориями зарубежного буржуазного языкознания (ср. влияние Кассирера, Леви-Брюля, Шухардта на Марра и т. п.). И. В. Сталин нанес сокрушительный, уничтожающий удар по всем основным положениям «нового учения» о языке, которые в качестве той или иной закваски обнаруживаются в разных разветвлениях этого учения. Тем самым И. В. Сталин дал нам острое оружие для борьбы со всеми разновидностями марризма, в том числе и такими, в которых общие идеи акад. Н. Я. Марра показывались в перелицованном, замаскированном виде, нередко в сопровождении довольно случайно подобранных цитат или случайно набранных мыслей из самых разнообразных языковедческих сочинений — отечественных и зарубежных — очень пестрой идеологической окраски.

«Новое учение» о языке лишено внутреннего единства. В течение своего больше чем двадцатипятилетнего существования оно испытывало большие колебания и даже потрясения. В борьбе за жизнь и аракчеевское господство оно цеплялось за разные буржуазно-идеалистические теории, хотя и продолжало пользоваться общими принципами марризма: принципом единства глоттогонического процесса, принципом стадиального развития языка и мышления, пониманием языка как надстройки, продолжало культивировать навыки отрыва мышления от языка, подмены языка субъективно-идеалистической семантикой, продолжало внедрять в советское языкознание антиисторическое презрение к законам развития отдельных конкретных языков.

Для характеристики идеологических шатаний «нового учения» о языке в 40-е годы очень показательна работа акад. И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» (1945), некоторыми своими сторонами примыкающая к предшествующей книге этого ученого «Общее языкознание» (1940).

Книга акад. И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» получила широкое распространение далеко за пределами научно-профессиональных языковедческих кругов. Она во многом определила у нас направление и ход грамматических рассуждений по разным национальным языкам в течение целых пяти лет — с 1945 г. до лингвистической дискуссии в 1950 г. Эта книга изучалась преподавателями языков в средней школе, она рекламировалась в методических журналах «Русский язык в школе», «Иностранные языки в школе» и др. Влияние этой работы проникло в школьную практику. Ущерб, нанесенный этой книгой развитию нашей отечественной грамматики, изучению грамматического строя языков народов Советского Союза, очень велик.

В книге «Члены предложения и части речи» акад. И. И. Мещанинов ставит своей целью проследить «единый процесс языкового развития» (стр. 4) в сфере членов предложения и частей речи посредством их, как он выражается, «иностадиальных сравнений» (стр. 319). Перед нами — попытка построения типологической грамматики языков разных систем, открыто противопоставленная сравнительно-исторической грамматике родственных языков. Только такая универсальная грамматика разнотипных языков объявляется «потребной исследователю» (стр. 319).

В качестве методологического образца стадиально-типологических построений выдвигаются работы акад. Н. Я. Марра, который, по словам акад. Мещанинова, «дал возможность сравнивать в историческом разрезе совершенно, казалось бы, друг от друга отличающиеся языковые структуры, рассматриваемые как этапы общего процесса развития речи, названные им стадиями» (стр. 5). В основу грамматических рассуждений кладется мысль того же Марра о том, что «выделение членов предложения

повело к образованию частей речи» (стр. 6). Однако задача И. И. Мещанинова в книге «Члены предложения и части речи» состояла не в том, чтобы показать стадиальные смены и взрывы в образовании и развитии членов предложения, а из них частей речи, а в том, чтобы, выкорчевав, так сказать, на поверхность разностадиальные типы предложения, о которых говорилось в предшествующей работе автора — в «Общем языкознании», и разместив их в одной плоскости, сопоставить их между собой при помощи так называемых «понятийных категорий».

Таким образом, в книге «Члены предложения и части речи» априорная схема стадиального развития конструкций предложения остается как бы за кулисами, но она присутствует в скрытом виде. Как известно, в учебном пособии И. И. Мещанинова «Общее языкознание» в качестве исходного пункта стадиального движения взято слово-предложение инкорпорированных языков, из него выводится предложение с двумя инкорпорированными комплексами (как, например, в гиляцком). Дальнейшее движение этой синтаксической структуры происходит у И. И. Мещанинова по двум путям: с одной стороны, отсюда будто бы развиваются местоименный и притяжательный (посессивный) строй предложения, с другой стороны — строй эргативный который на следующей стадии — согласно стадиальной догме — должен всюду трансформироваться посредством «взрыва» в строй номинативный, присущий, например, индоевропейским, финно-угорским и тюркским языкам. Задача такого сравнительно-стадиального синтаксиса по словам И. И. Мещанинова,— «показать процесс расчленения слова-предложения на его составные, еще инкорпорированные, части, разбивку этих последних на грамматически оформленные слова, связанные между собой синтаксическими показателями, т. е. показателями синтаксических отношений»; а затем — думает И. И. Мещанинов — «удастся, будем надеяться, установить причины этих изменений, сводящихся к изменению норм сознания, а в конечном итоге — к изменению общественной практики»[1].

В книге «Члены предложения и части речи» эта априорно-стадиальная схема развития конструкций предложения, не считающаяся с фактами истории отдельных конкретных языков и групп родственных языков,— налицо. Все изложение опирается на нее. Анализ способов выражения синтаксических отношений начинается здесь с «инкорпорирования полного». В нем, по словам И. И. Мещанинова, «отражается далеко не примитивное восприятие окружающей действительности» (стр. 23). Инкорпорированная конструкция — «это *уже* предложение, а не лексическое построение» (стр. 24). И тут характерно марровское выведение грамматического строя из лексических элементов. Далее идет «инкорпорирование частичное». Предложение этого типа, по словам И. И. Мещанинова, «выступает уже не единым комплексом», а «сочетанием ряда комплексов» (стр. 27). Легко заметить отражения прежней стадиальной схемы развития конструкций предложения и в последующем анализе синтетизма, согласования (ср. особенно стр. 43—48), замыкания (стр. 55—56), примыкания (стр. 68—70), сепаратизации (стр. 79—84).

Следовательно, перед нами — отрезки, куски, как бы обрывки той стадиально-синтаксической цепи, которая была изобретена и продемонстрирована в «Общем языкознании». Поэтому неправильны толки, будто бы в работе И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» содержится отказ или отход от марровского принципа стадиальности в развитии речи.

Марровская «теория стадиальности» обнаруживается в книге «Члены предложения и части речи» еще и в том, что тут И. И. Мещанинов, как и позднее в брошюре «Новое учение о языке на современном этапе развития» (1948), допускает перевоплощение языка из одного типа в другой, признает революционную ломку, «взрыв» языка, например, в процессе образования письменности. «Литературные языки, в особенности вновь возникающие у бесписьменных до того народов,— заявляет И. И. Мещанинов, — значительнейшим образом видоизменяют строй речи, в особенности синтаксис. Они вводят новые нормы построения предложения, оформления входящих в его состав слов...» (стр. 19).

Правда, в «Членах предложения и частях речи» видны колебания, видна неуверенность автора, который, по его собственному, более позднему сообщению, старался «перейти к работам чисто описательного характера в надежде накопить новый материал и вернуться к вопросам стадиального строя предложения»[2].

При признании единства языкотворческого процесса отказ от «теории стадиальности» привел бы к превращению так называемой сравнительной грамматики разносистемных языков в универсальную «идеологическую грамматику», т. е. к полному и притом антиисторическому отождествлению языка и мышления и, в силу априоризма, к разрыву мышления и языка, при очень своеобразном доморощенном понимании «мышления» или «норм сознания» Несомненно, что книга «Члены предложения и части речи» отражает колебания автора между двумя видами идеалистических построе-

---

[1] И. И. Мещанинов, Общее языкознание, 1940, стр. 103 и 110.
[2] «Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка», т. VIII, 1949, вып. 5, стр. 487—488.

ний — стадиально-типологическим и априорно-«понятийным». Впрочем, оба эти вида антиисторических упражнений в области так называемой «философской грамматики» не так далеки друг от друга, как кажется некоторым по первому впечатлению.

И. И. Мещанинов, воспользовавшись традиционно-синтаксическими понятиями согласования, управления и примыкания, но придав им еще более неопределенный, абстрактный, разноречивый смысл и присоединив к ним понятия инкорпорирования, синтетизма, замыкания, сепаратизации и локализации, увидел в этих «синтаксических приемах» универсальные, всеобщие, свободные от исторического развития способы выражения синтаксических отношений во всех языках мира.

Так, легко, с полным пренебрежением к истории отдельных языков и групп родственных языков, к законам их развития, к сравнительно-историческим грамматикам родственных языков, ко всем другим элементам грамматического строя в их развитии и прежде всего к морфологическим процессам — был найден мнимый ключ к соотносительной характеристике разнотипных языковых структур. Сам И. И Мещанинов так пишет об этом (на стр. 105), примешивая к своим рассуждениям и отголоски принципа стадиальности:

«Присутствие одних синтаксических приемов, выделение некоторых из них как ведущих и отсутствие других приемов могут служить основанием для характеристики целых языковых структур. Так, например, прием инкорпорирования характерен для гиляцкого языка, почему и весь строй этого языка может быть назван инкорпорирующим. Локализация и примыкание морфологически неоформленных слов служат основанием для выделения аморфных языков. Во многих языках из числа северных, американских, индейских, африканских, яфетических и др. большую роль в построении предложения играет синтетизм. В зависимости от большей или меньшей степени развития синтетизма, от того, проявляется ли тенденция его к взаимной связи слов предложения распределением по ним соответствующих показателей или к сосредоточению этих показателей в отдельных словах предложения, присваивается языковым структурам наименование синтетических и агглютинативных. Сосредоточение же за такими показателями синтаксической значимости не за каждым из них, взятым в отдельности, а в их неразрывной связи с оформляемым ими словом, ведет к выделению флективных языков... Усиление самостоятельного значения слов в предложении с постепенным отпадением флективного оформления и усилением в связи с этим приема примыкания для синтаксически связанных внутри предложения слов и локализации для главных членов предложения, при широком использовании служебных частиц (предлогов и пр.) — ведет к переходу на аналитический строй.

Каждая отдельная языковая система делает основной упор на использование тех или иных синтаксических приемов. Наиболее из них характерными и основными являются... инкорпорирование, полное и частичное, интонация и синтагма (интонация и синтагма, несомненно, попали в этот ряд случайно, по недоразумению. — *В. В.*), синтетизм, согласование, замыкание, примыкание, управление, сепаратизация и локализация (местоположение).

При помощи этих синтаксических приемов проводится построение самого предложения» (стр. 105).

Таким образом, антиисторизм так называемого «нового учения» о языке в книге И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» возводится в принцип грамматического исследования всех языков мира, в принцип построения сравнительно-типологической грамматики. Такая постановка вопроса о задачах и сущности грамматики, прямо противоположная учению И. В. Сталина о грамматике как показателе огромных успехов народного мышления, о развитии и совершенствовании грамматического строя языка, опиралась у И. И. Мещанинова на типичное для «учеников» Марра отрицание языка как целого и внутренних законов его развития, на неправильное понимание структуры языка, на ошибочное смешение грамматики с очень своеобразно представляемой семантикой.

В самом деле, иллюстрации из разнотипных языков приводятся И. И. Мещаниновым без всякого внимания к историческому развитию этих языков, к разным грамматическим системам в их исторических изменениях, к связи и взаимодействию разных сторон грамматического строя. Вот — типический пример:

На стр. 74 И. И. Мещанинов цитирует мнение А. Мейе о том, что строй предложения в «индоевропейском праязыке» определялся в основном приемом примыкания. Любопытно, что А. Мейе подчеркивает резкие отличия «индоевропейского предложения» в этом отношении от развившейся позднее структуры предложения в отдельных языках индоевропейской семьи, например в латинском. Он так и пишет: «В индоевропейском не было «управления» одного слова другим, как, например, в латинском» [3]. Но И. И. Мещанинов сразу же переносит этот принцип на все индоевропейские языки в их современном состоянии, игнорируя соображения по этому вопросу А. А. Потебни,

---

[3] А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, русский перевод под редакцией и с примечаниями Р. Шор, ср. 362—363.

Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. А. Шахматова и др. Он по этому случаю даже слегка полемизирует с Мейе, ссылаясь на русские примеры: *я сдаю экзамен* и *я боюсь экзамена*. По словам И. И. Мещанинова, «отнесение всего за счет примыкания, признаваемого наиболее характерным для индоевропейского синтаксиса, ставит этот прием в наименее ясное положение» (стр. 75).

Точно так же, без всякого исторического и грамматического обоснования — признаки языка одного грамматического строя переносятся на другой, от него далекий. Это особенно ярко сказывается, например, в изложении явлений сепаратизации, между прочим, сепаратизации форм винительного падежа прямого дополнения в русском языке. Под «сепаратизацию» подводятся самые разнородные синтаксические связи: — и *читать роман, пить вино, думать свои думы*, и *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду* (во фразе: «в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда какие-то прелестные птички»), и *на врага* (в словосочетании: «принимать участие в атаке на врага»). Объяснение последнего примера настолько характерно невероятной путаницей синтаксических понятий, что нельзя не привести относящиеся сюда соображения автора — в его собственном изложении: «... В предложении «принимать участие в атаке на врага» (почему это словосочетание названо предложением, — непонятно.— *В. В.*) на самостоятельное место выделяется лишь последнее косвенное дополнение — *на врага*, тогда как прямое дополнение — *участие* — не выделяется на самостоятельное место, так как смыкается с семантикой глагола (ср. *участвовать*). Слово *участвовать* (принимать участие) уточняется в своей лексической семантике, передавая в предложении одно содержание сказуемого совокупно со словом *в атаке*. *Принимать участие в атаке* представляет собой содержание действия, что и требуется предикативным содержанием данного членения предложения (и тут неясно, о каком членении и о членении какого предложения идет речь.— *В. В.*). Сказуемое, по своему содержанию, уже закончено, поэтому указание на того, кто именно атакуется, добавляется уже смысловой стороной всего предложения и поэтому выделяется из состава группируемых сказуемых слов на самостоятельное место косвенного дополнения. Этот пример сепаратизации членов предложения с определенным их размещением в составе всего синтаксического построения не выделяет, как мы видим, прямого дополнения на свою особую позицию» (стр 87—88). Любопытно, что, наряду с этими случаями, И. И. Мещанинов к сепаратизированным формам относит в русском языке и именительный падеж в роли подлежащего.

Полное пренебрежение к истории тех языков, из которых извлекается акад. И. И. Мещаниновым иллюстративный материал, приводит автора к грубейшим ошибкам в самых элементарных грамматических вопросах. Вот пример. Об образовании русских деепричастий И. И. Мещанинов пишет: «Деепричастие сопоставляется с глаголом не только единством основы, но и близостью форм. Так, например, в русском языке оформление несовершенного вида деепричастия проводится в. параллель к 3-му лицу множественного числа настоящего времени глагола, ср. *говоря — т, смотря — т, терпя — т* и др.» (стр. 261). Уже не говоря о различии ударений деепричастий и форм 3 л. множ. числа в двух последних глаголах, всякий филолог, мало-мальски знакомый с сравнительно-исторической грамматикой славянских и, шире, индоевропейских языков, знает, что категория деепричастия в славянских языках образована на основе форм причастия. Кроме того, непосредственное знакомство с современным русским языком приводит к выводу об отсутствии близости форм у деепричастий и 3 лица множественного числа настоящего времени в таких, например, случаях: *кляня — клянут, щебеча — щебечут, рисуя — рисуют, признавая — признают* и мн. др. под.

Отрицание языка как целого, отрицание структуры языка в сталинском ее понимании, отсутствие правильного марксистского понимания связи и взаимодействия разных элементов грамматического строя ярко сказывается у И. И. Мещанинова в освещении роли и места синтаксиса в структуре языка и в отнесении словарного состава к грамматике. Синтаксис в работе И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» (как и в других его работах) рассматривается как идеологическое ядро языка, как прямое воплощение «действующих норм сознания». Ссылаясь на Марра, И. И. Мещанинов усматривает в синтаксическом строе языка «основные устои как синтаксической, так и лексической стороны речи» (стр. 5). Синтаксис в понимании И. И. Мещанинова (так же как и проф. С. Д. Кацнельсона) организует лексику и определяет формирование лексических группировок. Синтаксический строй, по учению И. И. Мещанинова, развивается не путем освобождения от частного и конкретного на основе абстрагирования. Напротив, он погружен в частное и конкретное, насыщен им и всецело обусловлен им. «Синтаксический прием,— замечает И. И. Мещанинов,— может получить свое отражение в лексической форме». «Синтаксическая функция может перейти в лексическую» (стр. 15). «Выступая в предложении,—говорит И. И. Мещанинов,— слово используется в нем, отвечая его лексическому содержанию» (стр. 4). «Лексические группировки должны рассматриваться в неразрывной связи с членами предложения» (стр. 5). Так синтаксис съедает морфологию и подчиняет себе лексику. Морфология же смешивается то с лексикологией, то с синтаксисом. «В морфологии, т. е. в учении о построении слова,— пишет И. И. Мещанинов,— выделяется как лекси-

ческая его сторона, так и синтаксическая» (стр. 16). В другом месте И. И. Мещанинов выражается еще неопределеннее: «Учение о слове, как бы его ни именовать, морфологией или лексикой...» (стр. 11). Противопоставление морфологических показателей синтаксическим, по мнению И. И. Мещанинова, совершенно условно (стр. 112). «Синтаксис,— по словам И. И. Мещанинова,— проникает все отделы грамматики, в том числе и лексику и даже фонетику». «Сама фонема,— учит И. И. Мещанинов,— выделяется в языке по ее значимости, как различителя лексической семантики слова и как уточнителя синтаксического его значения» (стр. 10).

Вместе с тем все в языке, согласно концепции И. И. Мещанинова, твердо стоящего на позициях акад. Н. Я. Марра, поглощено семантикой. «Задание, даваемое содержанием высказывания», превалирует над всем. «Семантика слова в известной степени обуславливает его синтаксическую роль в предложении» (стр. 4). С другой стороны, «каждое даже полноценное слово приобретает в предложении долю синтаксической семантики» (стр. 10). Лексическая и синтаксическая семантика взаимно проникают одна другую, они неразрывны. «Лексическая семантика слова приобретает в предложении свой особый оттенок, присущий ему в данном предложении» (стр. 10). По мнению И. И. Мещанинова, грамматика рассматривает не только и даже не столько правила изменения слов и правила сочетания слов в предложениях, сколько самое «содержание высказывания». «В грамматике,— заявляет И. И. Мещанинов,— рассматривается не только то, что формально выражено, но и то, что должно быть выражено. Поэтому формальная сторона рассматривается как результат передачи теми или иными синтаксическими приемами определенного содержания законченного высказывания или его части. Содержание и форма являются, таким образом, взаимосвязанными сторонами одного грамматического целого, причем форма находится в зависимости от содержания. Отсюда можно было бы придти к заключению, что в грамматике рассматривается содержание высказывания и его грамматическое выражение в предложении» (стр. 168). Таким образом, грамматика — в понимании И. И. Мещанинова — не только не отвлекается, не абстрагируется от конкретности содержания, от конкретных слов и конкретных предложений, но — в первую очередь — рассматривает именно это конкретное «содержание высказывания». Растворяя и нивелируя грамматические и лексические значения слов, семантика уничтожает грамматику и, вместе с тем, придает ей всеобщий, универсальный, космополитический характер. В «Членах предложения и частях речи» ярко проявляется то злоупотребление семантикой и та переоценка ее значения, которые, как показал И. В. Сталин,— завлекли последователей «нового учения» о языке в болото идеализма. Относя члены предложения к синтаксической стороне речи, а части речи — к лексическому составу языка, И. И. Мещанинов пишет: «Оба они имеют свое семантическое назначение и свои формальные отличия. Семантическое их назначение оказывается общим их признаком, свойственным всем языкам, в которых существуют данного рода членения предложения и словарного запаса языка» (стр. 11). Но эти общие, универсальные семантические признаки, не знающие национально-языковых и исторических различий, «получают,— по словам И. И. Мещанинова,— в разных языках разное свое формальное выявление» (стр. 11). А так как, по И. И. Мещанинову, в отличие от универсальных, общих для всех языков, внеисторических семантических признаков членов предложения и частей речи, «грамматические категории являются теми признаками, которыми они (т. е. члены предложения и части речи) характеризуются в каждом конкретном языке» (стр. 11), то, следовательно, грамматика может быть возведена в ранг семантики только посредством отказа от исторического анализа самих грамматических категорий. И тут нисколько не помогает делу предупреждение, что «монизм глоттогонического процесса, выявляя общее во всех языках, вовсе не устраняет специфических особенностей каждого языка в отдельности» (стр. 12).

Погруженные в туман этой мировой, универсальной, глоттогонической семантики, оторванной от реальной истории языков и народов, а также от реальной истории мышления, «нормы сознания» в представлении И. И. Мещанинова раздваиваются. Свободные от «природной языковой материи», они вмещают в себя — наряду с логическими категориями — еще особую систему «понятийных категорий» в роли связующего звена между языком и мышлением.

Эти «общие начала», общие смысловые «понятийные» категории лишь «скрыты и затуманены внешними формальными расхождениями». «На этой почве,— пишет акад. И. И. Мещанинов в том же году, когда вышла в свет его книга «Члены предложения и части речи»,— вскрывалась та движущая основа, которая объединяет внешнее многообразие языковых форм». Ведь разные грамматические формы в языках разных систем, «даже весьма далекие друг от друга, могут оказаться выразителями одного и того же назначения и носителями одного и того же содержания. На этой почве укреплялось положение об едином глоттогоническом (языкотворческом) процессе» [4]. Таким обра-

[4] И. И. Мещанинов, Н. Я. Марр, «Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка», т. IV, 1945, вып. 3-4, стр. 107.

зом, учение об едином глоттогоническом процессе (в стадиальном развитии и стадиальной смене синтаксического строя) получает мнимую опору в идеалистической гипотезе, что «понятийные категории» — как связующее звено между единством человеческого мышления и многообразием языков человечества— одни и те же для всех языков мира и, в сущности, для всех эпох развития отдельных конкретных языков.

В работе «Члены предложения и части речи» акад. И. И. Мещанинов учит, что «понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся... грамматическими понятиями» (стр. 196). Следовательно, различаются внеязыковые «понятия, существующие в данной общественной среде», и языковые понятийные категории. Так утверждается существование «оголенных мыслей», свободных от природной звуковой материи, не находящих выражения «в самом языке». Мышление отрывается от языка. Вместе с тем, по утверждению И. И. Мещанинова, сами понятийные категории «без их выявления в языке»... «остаются в области сознания» (стр. 198), т. е. наличествуют лишь как «категории сознания», не осуществившие, не реализовавшие еще своей потенции воплощения в языке. Тут характерно признание двух типов мышления —внеязыкового, или доязыкового, и мышления языкового, типичное для многих идеалистических концепций языка (ср. мнения по этому вопросу Вандриеса, Курриловича, Бенвениста и др.).

При сопоставлении разных систем языков «решающим выступает,— говорит акад. И. И. Мещанинов в своей позднейшей работе «Новое учение о языке на современном этапе развития»,— общность содержания, общность того понятия, которое передается различными языками. При сходстве норм сознания на определенном этапе развития общественной среды и в языке создаются под их воздействием выдержанные системы понятийных категорий, образующих группировки слов по их формальным и семантическим признакам, и их объединения в предложении в синтаксические группы (именуемые иногда «синтагмами»), зависимые значения одних слов от других (выражение аттрибутивности и т. д.)... Формальное их выражение по языкам может быть совершенно различным, вводя многообразие внешних форм для передачи объединяющего их единства» [5].

Таким образом, «понятийные категории» выделяются не путем анализа «материи и формы» того или иного конкретного языка, они привносятся в него извне, они как бы накладываются на систему любого языка. «Понятийное» осмысление форм и конструкций — в силу отсутствия исторического подхода к их изучению — в работах И. И. Мещанинова — иллюзорно. Да и число «понятийных категорий», которые ложились в основу сопоставления языков у И. И. Мещанинова и его учеников, было ничтожно, и создаваемая с их помощью схема стадиального языкового развития поражала крайним примитивизмом. Семантика, основанная на понятийных категориях, приводила И. И. Мещанинова и его последователей к метафизической схоластике.

Необходимо отметить еще одну черту в работе И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи». Может показаться, что здесь сделан шаг к примирению марризма с нашей отечественной традицией в области языкознания и с достижениями зарубежной лингвистической науки. Правда, уже сразу представляется странной пестрота и разношерстность используемой литературы. В «Членах предложения и частях речи» И. И. Мещанинова — много чужого. Но это чужое берется на вооружение «нового учения» о языке, включается в его арсенал, используется в его интересах. Это обращение к лингвистическим трудам не-марровского толка не исключает их искажения, их переосмысления на особый, «марристский» лад.

Например, говоря о главных членах предложения — подлежащем и сказуемом, И. И. Мещанинов признает их «всегда самостоятельными» (стр. 167). В них, по мнению И. И. Мещанинова, находят свое выражение понятийные категории субъекта и предиката. Понятийные категории субъекта и предиката — «необходимые элементы» предложения во всех языках мира, и это, по мнению И. И. Мещанинова, доказывает единство глоттогонического процесса. «За счет единства глоттогонического процесса»,— утверждает И. И. Мещанинов,— относили это «общее для всех языков явление» и Г. Пауль, и А. А. Шахматов, и О. Есперсен (стр. 168, примечание 1). Так совершенно неожиданно в число сторонников теории «единства глоттогонического процесса» попадает ряд ученых и отечественных и зарубежных — для укрепления позиций «нового учения» о языке.

Вот еще однородный и не менее характерный пример из другой, более поздней работы И. И. Мещанинова «К истории отечественного языкознания» (1949). Здесь И. И. Мещанинов так характеризует роль акад. А. А. Шахматова в истории русского языкознания: «А. А. Шахматов, придерживаясь младограмматической праязыковой теории, пошел против общепринятой схемы узкого морфологического анализа. Все же

[5] Акад. И. И. Мещанинов, Новое учение о языке на современном этапе развития, «Русский язык в школе», 1948, № 6, стр. 3.

язык и мышление остались у Шахматова разобщенными, а психология у него, так же как и у Бодуэна де Куртенэ, оказалась на месте вспомогательной для языковедения науки. Шахматов чувствовал, что это неверно. Он искал связующего звена между мышлением человека и его речью и усмотрел такое звено во «внутренней речи», передающей в формальной стороне языка выражаемые им понятия. Но этому исключительно удачному замечанию уделяется в капитальном труде Шахматова всего лишь три строчки («Очерк современного русского литературного языка», посмертное издание, 1941). В итоге Шахматов остался верен основным концепциям психологического направления»[6].

Общеизвестно, что акад. А. А. Шахматов, прежде всего, был историком русского языка, русской культуры и древнерусской литературы. История русского языка им рассматривалась в тесной связи с историей русского народа. Известно также, что А. А. Шахматов заложил прочные основы исторической фонетики и исторической морфологии русского языка. Пусть эти работы выдающегося представителя дореволюционной русской филологии во многом для нас теперь неприемлемы, но нельзя поставить на них крест, нельзя считать их истлевшими. Известно также, что А. А. Шахматов впервые после М. В. Ломоносова и А. Х. Востокова (если не относить сюда же популярного учебного пособия проф. В. А. Богородицкого «Общий курс русской грамматики») дал систематическое и до сих пор еще самое полное описание грамматического строя (главным образом синтаксиса, отчасти и морфологии) современного русского языка.

Что же ставит акад. И. И. Мещанинов в заслугу акад. А. А. Шахматову, порицая его за «теорию праязыка», за разрыв языка и мышления, за психологизм. Оказывается, Шахматов «пошел против общепринятой схемы узкого морфологического анализа». Но Шахматов вовсе не отрицал морфологии, как И. И. Мещанинов. Об этом свидетельствует курс исторической морфологии русского языка («История форм»), принадлежащий А. А. Шахматову и положенный в основу исследований по русской морфологии акад. С. П. Обнорского и других советских языковедов.

Другая заслуга А. А. Шахматова перед советским языкознанием, по мнению акад. И. И. Мещанинова, заключается в исключительно удачном замечании, занимающем лишь три строчки в «Очерке современного русского языка», в замечании о «внутренней речи», как связующем звене между мышлением человека и его речью. Но ведь такое связующее звено между мышлением и языком искал сам И. И. Мещанинов и нашел его в так называемых «понятийных категориях». «Понятийные категории», по словам акад. И. И. Мещанинова, служат тем соединяющим, связующим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковый материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, с категориями логики и психологии»[7]. Эти «понятийные категории», как уже говорилось, легли у И. И. Мещанинова и его последователей в основу сопоставления грамматического строя языков разных систем независимо от их исторического развития. А. А. Шахматову совсем не для этого понадобилась «внутренняя речь», о которой говорилось тогда во всех трудах по психологии языка. Но самое странное то, что мы напрасно стали бы, вслед за И. И. Мещаниновым, искать этого «исключительно удачного замечания» в «Очерке современного русского литературного языка» А. А. Шахматова. Его там нет. Зато вопросу о внутренней речи посвящена почти целая страница в шахматовском «Синтаксисе русского языка» — в связи с изложением субъективно-идеалистической теории психологической коммуникации как внутренней основы предложения.

И. В. Сталин так сказал о пренебрежительном отношении Н. Я. Марра и его сторонников к лингвистическому наследству:

«Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период»[8].

Задача советского языкознания состоит в том, чтобы создать не фальсифицированную, а подлинную научную историю лингвистических учений, дать верную оценку достижениям дореволюционных и советских, а также зарубежных лингвистов, взять от прошлого все то ценное, поучительное, точное и истинное, что может быть и должно быть использовано для дальнейшего развития советского языкознания.

Научные, марксистские идеи о языке и его историческом развитии, выдвинутые и обоснованные И. В. Сталиным, не оставляют камня на камне от вульгарно-материалистических и идеалистических вымыслов Марра и его учеников. Труды И. В. Сталина ломают сложившиеся в так называемом новом учении о языке, в его разных разветвлениях ошибочные, антимарксистские представления о языке, о трансформации языко-

---

[6] Акад. И. И. Мещанинов, К истории отечественного языкознания, Учпедгиз, 1949, стр. 25.

[7] И. И. Мещанинов, Понятийные категории в языке, Труды Военного института иностранных языков, 1945, № 1, стр. 15.

[8] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 34.

вых структур, о принципах сопоставления иносистемных языков, отрывающих историю языков от истории народов, о понятийных категориях и т. п. Они открывают советскому языкознанию широкую перспективу подлинно научного развития.

В работе И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи»— при ее внимательном разборе в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию — легко обнаруживаются все основные пороки «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра: положение о единстве языкотворческого процесса, как исходный пункт всего грамматического построения, принцип стадиальности в развитии языка и мышления, убеждение в том, что перевоплощение языка из одного типа в другой происходит путем «взрыва», отрыв мышления от языка, особенно наглядно сказавшийся в «учении» о понятийных категориях, злоупотребление семантикой, смешение грамматики и лексики, отрицание морфологии, антиисторизм и пренебрежительное отношение к сравнительно-историческому изучению родственных языков.

Мы должны со всей остротой и прямотой вскрывать ошибки теории Марра и его «учеников» и освобождать от них советское языкознание. Такова задача, поставленная перед нами И. В. Сталиным. Расчистка лингвистической почвы помогает и еще более поможет нам углубить развитие и убыстрить рост марксистского языкознания.

Критикуя работы И. И. Мещанинова — одного из виднейших учеников Марра, мы стремимся к одной большой цели — устранить тормозы, препятствия и преграды для развития сталинского учения о языке и помочь самому И. И. Мещанинову вступить на тот путь лингвистического исследования, на который всех нас направляет наш великий вождь и учитель — И. В. Сталин.

В. В. Виноградов

СБОРНИК «ВОПРОСЫ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА»*

В своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин четко сформулировал задачи, стоящие перед советскими языковедами. «Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание,—говорит И. В. Сталин,—таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание» [1].

Выпущенный Институтом истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР сборник «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина» как раз и является отчетом о проделанной молдавскими языковедами работе по реализации сталинских указаний. Об этом ясно говорится в предисловии сборника: «Авторы статей критикуют пагубные последствия так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра в Молдавии и пытаются внедрить в молдавское языкознание сталинское учение о языке на конкретном молдавском материале» (стр. 3).

Прежде чем говорить о содержании отдельных статей, следует отметить, что планировка всего сборника вызывает некоторые сомнения. Вряд ли можно что-нибудь возразить с точки зрения проблематики сборника против помещения в нем статей И. Д. Чебана «Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», И. К. Вартичана «К вопросу о грамматическом строе молдавского языка», Н. Г. Корлэтяну «О некоторых вопросах словарного состава и основного словарного фонда молдавского языка» и двух проспектов монографий вузовских учебников (А. Т. Борщ «Краткие очерки истории молдавского языка» и Н. Г. Корлэтяну «Словарный состав и основной словарный фонд молдавского языка»).

Вместе с тем возникает вопрос: если в сборнике помещены статья Ф. И. Кожухарь «К вопросу об употреблении времен изъявительного наклонения в центральных говорах молдавского языка», посвященная частному вопросу молдавской грамматики, и статья М. А. Шлыковой «Вопросы перестройки курса методики русского языка в педвузах и педучилищах Молдавии», касающаяся хотя и очень важной, но не имеющей прямого отношения к молдавскому языкознанию проблемы, то почему в сборнике не отражена работа молдавских лингвистов над вопросами применения сравнительно-исторического метода в изучении молдавского языка, не поставлена проблема взаимо-

---

* Сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», Гос. изд-во Министерства просвещения МССР «Шкоала советикэ», Кишинев, 1951, отв. ред. И. Д. Чебан.

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 34.

действия молдавского языка со славянскими языками, в частности вопрос о благотворном и мощном влиянии русского языка, не затронуты ни вопросы специфики звукового строя молдавского языка, ни вопросы изучения языка и стиля писателя, ни проблемы методики преподавания молдавского языка в школе и вузе? Если принять во внимание, что и в статьях, опубликованных в сборнике, как, впрочем, и в других периодических изданиях, все эти вопросы или вовсе не затрагиваются или решаются без должного научного обоснования, то можно смело утверждать, что до сих пор никто из молдавских языковедов серьезно и научно не занимается ни вопросами сравнительно-исторического изучения молдавского языка, ни проблемой славяно-молдавских и русско-молдавских языковых отношений, ни вопросами методики преподавания молдавского языка и т. д. Странно, что в сборнике не отражена работа над изучением молдавских диалектов. Статья Ф. И. Кожухарь лишь использует материалы диалектологических записей, но не отражает результатов работы молдавских диалектологов. Очевидно, молдавские диалектологи после пяти лет работы не могут похвастаться ощутимыми результатами своих исследований.

После этих замечаний, касающихся сборника в целом, перейдем к анализу отдельных статей. Первая часть статьи И. Д. Чебана «Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина» посвящена критике марристских ошибок языковедов Молдавии и самого автора, который в течение многих лет является руководителем молдавских лингвистов.

Подробно останавливаясь на ошибках других молдавских языковедов и историков, И. Д. Чебан скромно ограничивает свои марристские «увлечения» периодом, непосредственно предшествующим дискуссии (1949 — начало 1950 г.), когда он «опубликовал несколько статей в газетах и журналах, где ссылался на Марра и пытался применить его «теорию» к вопросам молдавского языка» (стр. 6). Но ведь дело не только в ссылках и цитатах. Известно, что работа И. Д. Чебана «Страницы из прошлого Молдавии» (1946), а также школьный учебник «Морфологии молдавского языка» (1939—1946), которые И. Д. Чебан считает «золотым фондом» своих работ, свободных от марризма, в действительности построены на пресловутой марристской идее скрещенности молдавского языка.

В остальных разделах статьи излагается «положительная» программа работы коллектива молдавских языковедов. Читатель ожидает найти здесь подробное изложение того, как планируется и как организуется в Институте истории, языка и литературы научное изучение грамматического строя, словарного состава и основного словарного фонда, истории молдавского языка, его диалектов и т. д. Но все это напрасно. О большинстве вопросов вообще не упоминается. Причин этой «забывчивости» автора, очевидно, две. Во-первых, И. Д. Чебан обнаруживает неосведомленность в ряде вопросов общего языкознания и сталинского учения о языке.

Забывая сталинское указание о том, что только «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики» [2], И. Д. Чебан отождествляет язык с его словарным составом, точнее с общественно-политической и научно-технической терминологией, смешивает понятия литературной нормы и общенародного языка. Только этим смешением понятий можно объяснить по меньшей мере странное утверждение И. Д. Чебана, что «общенародный язык молдавской социалистической нации... б у р н о (разрядка наша.— *Р. П.*) стал развиваться после Великой Октябрьской социалистической революции» (стр. 24).

Второй причиной того, что И. Д. Чебан старательно обходит основные проблемы теории молдавского языка, подменяя их бессодержательными догматическими спорами об употреблении отдельных слов, о реформе орфографии, об улучшении школьных учебников, является отсутствие серьезного и глубокого научного планирования разработки проблем истории, грамматического строя, диалектологии молдавского языка в институте, руководимом И. Д. Чебаном.

Таким образом, помимо воли самого автора, указанная статья является не столько отчетом о работе по внедрению марксизма в молдавское языкознание, сколько свидетельством того, что молдавские языковеды до сих пор не сумели преодолеть элементов застоя и теоретической путаницы, характеризовавших период господства так называемого «нового учения» о языке.

Статья И. К. Вартичана «К вопросу о грамматическом строе молдавского языка в свете учения И. В. Сталина о языке» посвящена проблеме специфики грамматического строя. Однако эти важные вопросы решаются И. К. Вартичаном не на основе предварительного глубокого изучения материала, а путем бездоказательных утверждений. Вследствие этого в статье на каждом шагу встречаются методологические и фактические ошибки. Остановимся на некоторых из них.

Так, сравнивая употребление времен или трактовку отдельных фонем в румынском и молдавском языках (стр. 43—44, 45) с целью показать специфику молдавского языка, И. К. Вартичан, забывая указание И. В. Сталина о том, что общенациональный

---

[2] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

язык является высшей формой, «...которой подчинены диалекты, как низшие формы» [3], подменяет факты общенародного молдавского языка данными отдельных диалектов (кстати говоря, эти явления характерны и для румынских диалектов) и смешивает тем самым понятия языка и диалекта.

В конце своей статьи И. К. Вартичан пытается опровергнуть положение о «непроницаемости» морфологической структуры языка, выдвинутое Л. А. Булаховским и Б. А.Серебренниковым. Однако в подтверждение своего тезиса о проницаемости морфологии И.К. Вартичан приводит примеры заимствования в молдавском языке славянских словообразовательных суффиксов и славянских синтаксических моделей (стр. 59). Но ведь словообразование, синтаксические модели и словоизменительная морфология, которые имеют в виду Л. А. Булаховский и Б. А. Серебренников, являются совершенно различными сферами грамматики. Единственный пример, который можно было бы привести в защиту положения К. И. Вартичана,— это заимствование славянских флексий звательного падежа *о, ле* (*сорэ — соро, ом — омуле*). Но ведь известно, что эти флексии стоят несколько в стороне от системы падежных окончаний и относятся скорее к словообразовательным морфемам.

«При сходстве форм будущего первого...,— говорит И. К. Вартичан,— мы обнаруживаем разницу в формах будущего второго: в румынском языке voiu fi cântat и т. д., в молдавском *ам сэ кынт* и т. д...» (стр. 44). Это утверждение построено на недоразумении. Во-первых, обе формы известны как румынскому, так и молдавскому языкам. Во-вторых, для выявления специфики грамматического строя языков нельзя сравнивать формы, обладающие различным значением и употреблением. Форма voiu fi cântat имеет значение Futurum exactum, форма *ам сэ кынт* соответствует простому будущему. Неубедительна и ссылка на редкое употребление в говорах Бричанского района давнопрошедшего времени. Данные одного диалекта не могут служить доказательством употребления или неупотребления той или иной формы в общенародном языке.

Таким образом, в результате пренебрежения к общетеоретическим установкам и поверхностного знакомства с языковым материалом основная задача статьи — выявление специфических черт грамматического строя молдавского языка — остается невыполненной. Это тем более досадно, что И. К. Вартичан умеет глубоко анализировать языковый материал — его перу принадлежит богатое по охвату языковых фактов и интересное по своим выводам исследование языка «Казания» Варлаама — первой печатной молдавской книги. К сожалению, эта работа И. К. Вартичана почему-то не опубликована.

Ф. И. Кожухарь в своей статье «К вопросу об употреблении времен изъявительного наклонения в центральных говорах молдавского языка» впервые в молдавском языкознании стремится исследовать особенности грамматического строя центрального кишиневского диалекта. Несомненная ценность работы в том, что Ф. И. Кожухарь привлекает большой диалектологический материал, собранный в основном ею самой во время диалектологических экспедиций 1946—1950 гг. Это выгодно отличает работу Ф. И. Кожухарь от статей, разобранных выше. Однако настоящего лингвистического анализа этого интересного материала нет. Автор или ограничивается общеизвестными положениями о многозначности настоящего времени, о происхождении молдавского имперфекта и плюсквамперфекта из соответствующих латинских форм или делает выводы, которые не оправдываются ни молдавскими, ни общероманскими языковыми фактами. Примером может служить утверждение автора об отсутствии в молдавском языке романского принципа согласования времен (стр. 90, 93). Это утверждение подкрепляется двумя примерами с нарушением формального согласования (например, на стр. 90: *сора ме..., о вэдзут кум сы выдештй јары заводу*—моя сестра видела, как строится завод), но в аналогичных случаях и другие романские языки не идут по пути формального согласования времени (ср. фр. ma soeur a vu comment on construit l'usine или исп. mi hermana ha visto como se construye la fabrica) [4]. Употребление настоящего времени в придаточном предложении здесь вполне закономерно, поскольку действие придаточного продолжается и в момент высказывания. Характерно, что в большинстве диалектных примеров, приводимых Ф. И. Кожухарь в другой связи, романское согласование времен сохраняется.

Совершенно излишне сложны и неубедительны объяснения происхождения палатализации конечного согласного во 2-м лице единственного числа настоящего времени глагола и появления звука *ј* во 2-м лице единственного числа имперфекта. Романистами уже давно установлены пути развития в восточнороманских языках і краткого

---

[3] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 15.

[4] Характерно, что нарушения формального согласования времен во французском и испанском языках настолько велики, что некоторые грамматисты вообще ставят под сомнение его существование не только в живой разговорной речи, но и в литературном языке. Ср., например, F. Brunot, La pensée et la langue, Париж, 1936, стр. 780 и сл., или R. Lenz, Oracion y sus partes, Мадрид, 1935, стр. 193 и 394.

вместо латинской и западнороманской флексии s (ср. молд., рум. *лупь*, ит. lupi, но фр. loups, исп. lobos или молд., рум. *кынць*, ит. canti, но фр. chantes, исп. cantas и т. д.).

Непонятно, почему Ф. И. Кожухарь говорит лишь о первом, втором и четвертом спряжениях в молдавском и латинском языках, опуская третье (лат. ducere — молд. *а дуче*) и оставляя без внимания балкано-романские парадигмы на *-ез* (*лукрез*) и *-еск* (*читеск*).

Наконец, нельзя не указать на небрежную и неунифицированную запись диалектных текстов.

Обращаясь к упоминавшейся уже статье Н. Г. Корлэтяну и к проспекту его будущей монографии «Словарный состав и основной словарный фонд молдавского языка», следует указать на обилие привлеченного языкового материала, свидетельствующее о серьезном намерении автора разрешить наиболее важные проблемы основного словарного фонда и словарного состава молдавского языка. Автор обнаруживает хорошее знание современного молдавского языка и его истории. Но сразу же обнаруживаются и слабые стороны статьи и проспекта. Статья и проспект представляют собой описание общих закономерностей, характерных для словарного состава и фонда любого языка, молдавские примеры легко могли бы быть заменены примерами из другого языка. Ни в статье, ни в проспекте не раскрыта, а по существу и не ставится, проблема своеобразия молдавской лексики. Н. Г. Корлэтяну не пользуется для своего анализа сравнительно-историческим методом, подменяя его формальным и ничего не говорящим сопоставлением молдавских слов с формами других романских и латинского языков (ср. стр. 65—69). Между тем широкое применение сравнительно-исторического метода помогло бы вскрыть в молдавской лексике пласты общероманских, восточнороманских и балкано-романских слов. Сравнительно-исторический метод является важным средством выявления особого характера латинского фонда молдавского языка. Ведь известно, например, что целый ряд латинских слов сохраняется лишь в румынском и молдавском языках (например, *а ити*, *сат* и др.), другие же слова имеют в этих языках иное, чем в остальных романских языках, значение. Например, некоторые латинские специальные военные термины стали в молдавском и румынском языках словами основного словарного фонда: veteranus > *бэтрын*, antaneus (первый в шеренге воинов) > *интый* и т. д.

С помощью сравнительно-исторического метода устанавливаются черты сходства в лексике дако-романских и испанского языков. В проспекте монографии даже не затронут вопрос об общебалканской лексике, которую нельзя просто свести к фракоиллиро-дакийскому субстрату. Неясно, как Н. Г. Корлэтяну представляет себе историю проникновения в молдавскую лексику славянских слов. Нет даже упоминания о структурном взаимодействии русизмов со старыми южнославянскими заимствованиями. Вообще сталинское положение о необходимости изучения истории языка в связи с историей народа в применении к молдавскому материалу ни в статье, ни в проспекте никак не раскрыто.

Н. Г. Корлэтяну приводит большой материал по молдавскому словообразованию и идиоматике, однако нигде не делает даже попытки вскрыть какие-либо закономерности.

Встречаются и прямые теоретические ошибки. Так, Н. Г. Корлэтяну утверждает, «что основной словарный фонд, состоящий из так называемых корневых слов (разрядка наша.— *Р. П.*), служит для образования новых слов...» и т. д. (стр. 70), забывая указание И. В. Сталина о том, что корневые слова составляют лишь ядро основного словарного фонда.

Статья М. А. Шлыковой «Вопросы перестройки курса методики русского языка в педвузах и педучилищах Молдавии» содержит много ценных наблюдений и представляет поэтому некоторый интерес, особенно для преподавателей русского языка в национальной школе. В этом плане следует указать на разделы, посвященные анализу ошибок, сопоставлению приемов словообразования в молдавском и русском языках, а также замечания по поводу управления глаголов в обоих языках.

К сожалению, статья производит впечатление сырого материала, не подвергнувшегося композиционной и стилистической (см. ниже) обработке. Этим, вероятно, и можно объяснить такие промахи и недоделки в статье, как смешение понятий буквы и звука. Так, говоря о своеобразии русского звучания, М. А. Шлыкова в качестве иллюстрации отмечает: «В молдавском языке *э* в начале слова не употребляется: *епокэ*, *експлоатаре*, *екзамен*, даже в собственных именах: *Енгельс*. Кроме того, молдавское *э* — звук, отличный от русского *э*: Молдавский *э* — задненебный закрытый звук» (стр. 106). Но ведь в начале слова в молдавском языке не употребляется не русский звук *э*, который может совпадать с произношением молдавской фонемы *е*, а молдавская буква *э*. Таким образом, М. А. Шлыкова путает понятия буквы и звука. Смешение этих понятий обнаруживается и в других примерах, иллюстрирующих своеобразие звукового строя русского языка. Непонятно, почему М. А. Шлыкова приводит на стр. 113 русские примеры с необычной для русского синтаксиса постпозицией притяжательного местоимения (мама моя, бабушка моя и т. п.). Подобных недочетов в статье М. А. Шлыковой много.

Наконец, в сборнике опубликован проспект монографии «Краткие очерки истории молдавского языка». Совершенно прав автор проспекта А. Т. Борщ, указывающий, что «вопрос о создании теоретического курса истории молдавского языка уже давно назрел» (стр. 121). Но велика и ответственность автора этой первой сводной работы по истории молдавского языка. Настоящий проспект должен был наметить точные композиционные контуры работы и ясные методологические основы разрешения важнейших проблем истории молдавского языка. Поэтому вряд ли можно оправдать «общий и приблизительный характер данного проспекта», что признает сам А. Т. Борщ (см. стр. 123). Ставка автора на «доработку» и «конкретизацию деталей» в ходе дальнейшей работы проявилась, к сожалению, не только в частных вопросах, но и в решении общих проблем истории молдавского языка. Примером может служить разрешение в проспекте важнейшей проблемы происхождения молдавского языка. С одной стороны, А. Т. Борщ указывает, что «молдавский язык, как и все романские языки, возник не путем спонтанного развития местных языков придунайских народов, а из вторгшейся извне и победившей местные языки латыни» (стр. 126). С другой стороны, А. Т. Борщ тут же предается тягостным сомнениям: «поэтому,—пишет он,—еще раз встает вопрос — существовал ли готовый, уже сложившийся молдавский язык в период родовой и племенной организации у придунайских народов...» (там же). Очевидно, А. Т. Борщ считает возможным образование молдавского языка в «период родовой и племенной организации на территории нынешней Молдавии», т. е. до завоевания римлянами в 107 г. н. э. Дакии, в результате которого была начисто разрушена родовая и племенная организация местного населения. Пальма первенства в создании этой совершенно антиисторической теории принадлежит по праву А. Т. Борщу.

В проспекте можно найти и отголоски марристской теории образования молдавского языка в результате скрещивания латыни с местными языками. Об этом свидетельствует такая фраза: «период II—X вв. н. э. на территории Придунайских земель, это по существу период нескольких языковых пластов: местных языков, победившей латыни и рождавшегося молдавского языка» (стр. 125).

Предаваясь своим сомнениям по поводу времени возникновения молдавского языка, А. Т. Борщ забывает изложить и дать критику действительно существующим теориям происхождения молдавского народа и языка (теория Реслера, теория слияния задунайского романизованного населения с сохранившимися к северу от Дуная романо-дануби́тами). А. Т. Борщ ограничивается лишь ссылкой на теорию Филиппиде.

В проспекте много общих фраз об изучении молдавского языка в сравнении с другими романскими языками и латынью, тем не менее разделы, посвященные исторической фонетике и исторической грамматике молдавского языка, вообще отсутствуют. Вместо них в проспекте предусмотрено краткое описание фонетических и грамматических особенностей Воронецкого кодекса, плюс упоминание еще о трех документах XVI в. Автор вообще забывает о существовании истро-румынских, македоно-румынских и аромунских говоров, а ведь без использования материала этих диалектов в сравнительно-историческом плане невозможно воссоздать даже в самых общих чертах историю молдавского языка до XVI в. Все эти серьезные промахи свидетельствуют о том, что автор проспекта весьма неясно представляет себе проблематику ранних периодов истории молдавского языка.

Что касается более поздних периодов, то здесь автор делает ставку на описание внешних событий. Из чрезвычайно общих и туманных определений типа «Общая характеристика грамматического строя, основного словарного фонда, словарного состава и фонетической системы молдавского языка» (стр. 142, глава X «Молдавский язык советской эпохи») нельзя понять, как в учебнике будут раскрываться общие процессы развития структуры молдавского языка. Единственный вывод, который можно сделать, познакомившись с этими главами, тот, что А. Т. Борщ не усвоил сталинского положения об устойчивости структуры языка. Характерно, что в разделах, посвященных XIX, началу XX в. и периоду после 1917 г., каждый раз особо поднимается вопрос о структурных особенностях молдавского языка в эти короткие промежутки времени. В IX главе А. Т. Борщ вообще вводит такой раздел: «Общая характеристика состояния молдавского языка к концу первой четверти XX в.» (стр. 139) (разрядка наша. — *Р. П.*).

Что же касается общего построения проспекта, то он отражает, с одной стороны противопоставление, а с другой стороны—смешение (именно смешение, а не взаимодействие) так называемой внешней и внутренней истории языка и приемов так называемого синхронного и диахронного изучения языка. Введение и первые две главы, например, посвящены современному состоянию молдавского языка, в то же время во второй главе «Территориальное распространение молдавского языка» автор неожиданно дает сверхкраткий очерк истории молдавского языка только от XIV в. до XIX столетия (стр. 131). Сам же «Краткий очерк» начинается с III главы, а в главе X снова излагается современное состояние молдавского языка.

Развитию строя языка в каждой из глав автор посвящает несколько общих фраз, вроде уже упоминавшейся, причем это общее положение иногда повторяется в одной и той же главе в разных редакциях по нескольку раз. Так, например, в гл. X общая

характеристика лексики и грамматического строя повторяется почти слово в слово трижды (см. стр. 140, 141, 142). В целом ряде случаев расположение материала с точки зрения хронологии вызывает недоумение. Так, IX глава «Молдавский язык XIX и начала XX столетий» содержит раздел: «Мадьярские элементы в молдавском языке, начиная с IX—X вв.» (стр. 139).

Проспект «Кратких очерков истории молдавского языка» А. Т. Борща наглядно свидетельствует о недостаточно широком и глубоком знакомстве автора с основными положениями сталинского учения о языке, а также о недостаточной осведомленности его в фактическом материале. Вряд ли вообще можно считать проспект серьезным и основательным фундаментом для написания такого ответственного исследования как история молдавского языка.

Чувствуется, что сборник создавался в атмосфере спешки и не был подвергнут всестороннему предварительному обсуждению и серьезной редакторской правке. Красноречивым свидетельством этому служат также и многочисленные опечатки (особенно в иностранном тексте), и постоянные стилистические ошибки, и шероховатости в изложении, переходящие иногда в бессмысленный набор слов. Приведу несколько примеров.

В статье М. А. Шлыковой (Вопросы перестройки курса методики русского языка в педвузах и педучилищах Молдавии) есть фраза, смысл которой уловить вообще невозможно: «Флексиями первого лица мн. числа могут быть ons (nowas marehon), ein wir Tragen, my (myczytamy) (польский) ем — им, в русском ем — эм, им в молдавском, но никогда не зубные *з*, *с*, *ц* и пр.» (стр. 100).

Ср. также стр. 27: «Конечно, и после 1940 г. на фронте языка не наступила тишина» (И. Д. Чебан, Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина).

Стр. 37: «...ни в одном из положений так называемого «нового» учения» о языке Марра нет ни грамма марксизма» (И. К. Вартичан, К вопросу о грамматическом строе молдавского языка в свете учения И. В. Сталина о языке).

Стр. 40: «Одной из ошибок смыкающейся с космополитизмом...— это взятие под сомнение существования разницы между молдавским и румынским языками» (там же).

Стр. 100: «... умение слышать и наблюдать речь живых людей» (М. А. Шлыкова, Вопросы перестройки курса методики русского языка...).

Среди особенностей русского произношения и графики М. А. Шлыкова указывает на «Способы обозначения мягкого знака согласных...» (стр. 105).

Стр. 127: «Конечно, не все в молдавском языке объясняется этими языками и латынью, легшей в его основу и ставшей его стержнем, скелетом» (А. Т. Борщ, Краткие очерки истории молдавского языка).

В статьях есть библиографические неточности. Так, И. К. Вартичан, ссылаясь на «Грамматику румынского языка», выпущенную Издательством иностранной литературы (Москва, 1950), считает автором ее проф. С. Б. Бернштейна, который в действительности является лишь переводчиком. Автор этой книги — румынский лингвист Й. Йордан. На несуществующие работы по молдавскому языку проф. С. Б. Бернштейна ссылается в своем проспекте и Н. Г. Корлэтяну (стр. 149).

Что же касается сборника в целом, то многочисленные теоретические ошибки его авторов говорят о том, что молдавские языковеды еще не освободились от марристских ошибок и недостаточно глубоко усвоили основы сталинского учения о языке. А это, в свою очередь, и является основной причиной недопустимого отставания молдавского языкознания в деле углубленного научного изучения самого молдавского языка.

Р. Г. Пиотровский

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1952

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

СОВЕЩАНИЕ ПО МЕТОДОЛОГИИ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СВЕТЕ СТАЛИНСКОГО УЧЕНИЯ О НАЦИИ И ЯЗЫКЕ

С 29 октября по 3 ноября 1951 г. в Москве происходило совещание институтов Языкознания, Этнографии, Истории и Истории материальной культуры АН СССР по вопросам методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке.

Кроме научных сотрудников названных институтов АН СССР, в совещании приняли активное участие научные работники некоторых научных учреждений союзных и автономных республик, а также профессора и преподаватели высших учебных заведений Москвы и Ленинграда.

На 11 заседаниях совещания было заслушано 25 докладов и сообщений по различным вопросам, связанным как с общими методологическими проблемами исследования происхождения и развития народов и языков, так и с вопросами происхождения отдельных народов и языков (славянских, иранских, тюркских, угро-финских и др.); особое внимание было уделено размежеванию и координации работы по разным дисциплинам, изучающим эти проблемы.

Открывая совещание, акад. В. В. Виноградов указал на огромное значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», положившего начало новой эпохе в развитии науки о языке и открывшего величайшие перспективы перед всеми общественными науками.

В сталинском учении о языке получили глубокое и точное определение все те общественные явления и категории, с которыми связан язык в своем развитии.

Под влиянием ошибочных, антимарксистских концепций Н. Я. Марра и его «учеников» — археологов, историков и этнографов — в области этногенетических исследований сложилось совершенно неправильное представление о полном тождестве языка и культуры.

Антиисторизм марристских лингвистических, археологических и этнографических построений, связанных с проблемой происхождения и развития языков и народов, усугублялся тем, что у Н. Я. Марра и его «учеников» отсутствовало марксистское представление об истории таких общностей, как племя, народность, нация. Вместо племен, народностей, наций в их представлении на исторической арене скачкообразно вращались, как белка в колесе, конгломераты «стадиально-классовых общественных слоев», посредством взрывов меняявшие свою культуру, свой язык и свои названия.

«Новое учение» о языке завело в тупик и разработку важнейшего комплекса общеисторических проблем, связанных с происхождением, развитием народов. Оно привело к искажению великого сталинского учения об образовании и развитии наций и их корнях в прошлом, в докапиталистическую эпоху,— учения, являющегося ключом к разрешению всей историко-этнологической проблематики.

Работы И. В. Сталина поставили перед лингвистической и исторической наукой задачу быстрейшего преодоления допущенных в свое время ошибок и глубокой творческой разработки проблем этногенеза, в первую очередь методологии этногенетических исследований, вопроса о соотношении лингвистических и этнических общностей и вопросов о происхождении широких языковых общностей, языковых семей и групп языков.

Одной из задач настоящего совещания, указал акад. В. В. Виноградов, является установление творческого сотрудничества лингвистов, археологов, этнографов, историков и антропологов в разработке как общих проблем этногенеза, так и вопросов, связанных с разработкой отдельных проблем.

Заканчивая свое выступление, акад. В. В. Виноградов напомнил присутствующим высказывание И. В. Сталина о том, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики», и подчеркнул, что принцип творческих дискуссий — основной принцип развития советской науки, руководимой великим гением человечества — Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

С докладом на тему «Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза» выступил чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов. Докладчик подробно остановился на огромном значении для советской науки гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию, открывших новые пути науке в области изучения языка, исследования происхождения племен и наций.

А. Д. Удальцов указал на ошибки своих археологических исследований, имевшие место в прошлом. Первоочередная задача советских археологов в настоящее время заключается в том, сказал он, чтобы возможно скорее окончательно освободиться от антимарксистских измышлений Н. Я. Марра и глубоко овладеть основами марксизма-ленинизма.

В свете учения И. В. Сталина необходимо установить границы археологических исследований, определить, что именно может дать археология для решения проблем этногенеза.

На основании материальных остатков прошлого археология стремится восстановить быт народа в далеком прошлом, она определяет историю территориальных изменений в жизни народа, характер и направление движения населения на определенных территориях. Археология много дает и для понимания духовной культуры на основании открываемых ею памятников искусства, наконец, археология, не решая сама языковых вопросов, может в ряде случаев сказать содействие языкознанию, предоставляя ему материал, способствующий разрешению таких вопросов.

Н. Н. Чебоксаров прочитал составленный им совместно с С. А. Токаревым доклад на тему «Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания».

Труды И. В. Сталина по языкознанию, сказал докладчик, поставили перед этнографами ответственные задачи, связанные как с ликвидацией влияния порочного учения Н. Я. Марра и его последователей, так и с разработкой ряда важнейших теоретических и конкретных исторических проблем.

Исходя из положений об исторической смене типов этнических общностей, намеченных в работах И. В. Сталина, советские этнографы прежде всего должны решить вопрос о сущности так называемого «этноса» — основного объекта изучения этнографии как науки. Для историка-марксиста понятие «этноса», или проще — народа, может иметь смысл только как общее обозначение для всех типов этнических общностей, от наиболее древних до современных. Вне родов, племен, народностей и наций не существует никаких особых «этносов», сохраняющих будто бы свою абстрактную «специфику» на протяжении всей истории человечества.

Для решения вопросов этногенеза наибольший интерес представляет изучение именно тех культурных явлений, которые связаны со специфическими особенностями исторического развития в разных природных условиях или же с этнической традицией. Используя данные этнографии при изучении этногенетических процессов, необходимо всегда четко отграничивать сходство между народами, обусловленное общностью их происхождения, от таких аналогий, которые объясняются общеисторическими закономерностями, характерными для всего человечества, или же таких, которые являются результатом позднейших влияний.

Большой научный интерес представляет вопрос о соотношении языков и культур.

Разработка намеченных вопросов будет продуктивной только в том случае, указывает Н. Н. Чебоксаров, если этнографы будут работать в тесном контакте с учеными других гуманитарных дисциплин, в первую очередь, лингвистами.

На заседании 30 октября был заслушан доклад Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и Т. А. Трофимовой на тему «Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза».

Использование антропологического материала, как исторического источника, сказал Г. Ф. Дебец, должно основываться на теоретической разработке соотношения антропологических типов с языковыми, культурными и этническими группировками. Смешение антропологических типов всегда является следствием исторических процессов, кроме того, антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка.

Соотношение языковых групп и антропологических типов в силу различного происхождения языковой общности в разных случаях различно. Докладчики считают, что теоретически возможно различать два пути формирования языковой общности: а) образование общности вследствие распадения языка-основы, б) образование общности в результате длительных древних связей на определенной территории в условиях первобытно-общинного строя (гипотеза «первобытной лингвистической непрерывности» С. П. Толстова, «теория контакта» Д. В. Бубриха).

Общность первого типа исторически складывается либо в процессе языковой ассимиляции, либо в результате распадения языка народа, расселяющегося в процессе освоения территории.

Значительная разнородность антропологических типов, входящих в состав народов лингвистически более или менее близких, почти всегда указывает на то, что формирование этой общности происходило в результате ассимиляции. Так, повидимому, обстоит

дело с распространением тюркских языков в западных областях их распространения.

В тех случаях, когда формирование языковой общности связано с расселением групп по первоначально не освоенной территории, антропологический тип оказывается достаточно однородным. Примерами такого распространения являются эскимосы и полинезийцы.

Далее Г. Ф. Дебец останавливается на роли данных антропологии в определении тех «субстратов» или «суперстратов», которые принимали активное участие в образовании отдельных народов. Докладчик указывает на необходимость комплексного подхода к изучению проблем этногенеза.

Доклад «О методе установления языкового родства», составленный П. С. Кузнецовым, А. А. Реформатским и Б. А. Серебренниковым, прочитал П. С. Кузнецов.

Докладчик указал основные этапы развития сравнительного языковедения, начиная с его возникновения и кончая современным его состоянием в буржуазных странах, где сравнительно-историческое языковедение, по существу, вытесняется идеалистическим структурализмом и синхронными схемами современных языковых систем.

Ближайшей задачей советской науки о языке, подчеркивает докладчик, имеющей твердую методологическую базу в основополагающих трудах И. В. Сталина, является усовершенствование сравнительно-исторического метода в направлении подлинного историзма.

Материальное родство языков состоит в материальном, звуковом соответствии значимых элементов языка, корней и грамматических формативов. В связи с этим легче всего устанавливаются родственные отношения языков флективного и агглютинирующего строя, а труднее всего языков корнеизолирующих вследствие отсутствия в них словоизменительных флексий.

Звуковые соответствия родственных языков являются результатом разных эволюций одного и того же исходного материала. Эти соответствия обычно проходят по всем словам родственных языков и проявляются в лексике основного словарного фонда в тех случаях, когда данные звуки находились в одинаковых условиях.

От родственных по корням слов в родственных языках необходимо отличать заимствования, проникшие в различные эпохи из других языков: прежде всего слова (их корни), а также словообразовательные элементы; система словоизменительных элементов (глагольные и падежные флексии), как правило, не заимствуется.

При установлении языкового родства племен, народностей и наций решающими являются лингвистические данные. Несовпадение материальной культуры, нравов, обычаев и т. п. вполне возможно, если учесть специфические законы развития языка, в частности, усвоение его другим народом. Данные истории, археологии и этнографии при решении этой проблемы имеют вспомогательное значение и лишь дополняют данные лингвистические.

Доклад «Проблема образования и развития языковых семей», составленный Б. В. Горнунгом, В. Д. Левиным и В. Н. Сидоровым, прочитал В. Д. Левин (см. статью этих авторов в настоящем номере журнала).

Далее было заслушано выступление В. В. Бунака на тему: «Этнические группы и антропологические типы, их взаимоотношения в процессе формирования (в связи с проблемами этногенеза)». Если на ранних ступенях развития человечества, сказал В. В. Бунак, этногенез и расогенез почти совпадают, то на поздних ступенях развития эти отношения очень усложняются. Тем не менее, каждый антропологический тип отражает когда-то существовавшую этническую общность и может быть приурочен к какой-либо территории и к какой-либо эпохе.

С докладом на тему «Языкознание и этнолого-археологические науки» выступил Г. Д. Санжеев. Он отметил большое значение этнологических и археологических данных в решении вопросов образования языковых групп. Современная лингвистическая карта мира сложилась в своих основных чертах еще в период доклассового общества. Изменения, которые произошли позже — образование, например, романской или монгольской группы языков — происходили уже в рамках существующих семей языков. Нет никаких оснований предполагать, что в эти ранние эпохи отсутствовали условия для такого сближения разных племен и родов, в ходе которого могли бы образоваться новые группы языков.

Выступление Ю. Д. Дешериева было посвящено теме: «Этапы развития скрещивания языков». Рассматривая влияние таких языков, как грузинский, азербайджанский, на небольшие бесписьменные языки — бапбийский, кистинский, хиналугский и некоторые другие, докладчик показывает, что проникновение языковых явлений из одного языка в другой ограничивается главным образом лексическими и фонетическими заимствованиями. Морфологическая же система языка оказывает наибольшее сопротивление внешним влияниям.

Процесс взаимодействия языков, приводящий в конечном счете к победе одного языка и поражению другого, может быть представлен в виде следующих этапов: 1) период первичного одноязычия: в исконный язык лишь проникают влияния другого

языка; 2) период двуязычия; 3) период отмирания исконного родного языка и установление нового одноязычия.

Доклад В. С. Расторгуевой был посвящен проблеме устойчивости морфологической системы языка.

Анализ материалов крайних северных таджикских говоров Касансая и Чуста, говорит В. С. Расторгуева, показывает, что морфологическая система этих говоров в основе своей, в своем существе осталась прежней, несмотря на длительное соседство с узбекским языком и массовое двуязычие. Все формы слов, существовавшие ранее, а также все основные морфологические средства сохранились, что свидетельствует об исключительной устойчивости таджикского языка и его сопротивляемости влиянию другого языка (в данном случае — узбекского).

Но, сохранив свою основу, морфологическая система говоров (главным образом глагольная система) все же не осталась абсолютно неизменной. Возникли новые формы, новые значения и употребления отдельных форм. Интересно отметить, что эти формы целиком включаются в грамматическую систему данного говора, и дальнейшее их развитие идет в полном соответствии с фонетическими, морфологическими и синтаксическими закономерностями своего языка.

На заседании 31 октября развернулись прения по заслушанным докладам.

Чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман подчеркнул исключительно важную роль совещания по методологии этногенетических исследований и сделал несколько частных замечаний по докладам В. Д. Левина и А. Д. Удальцова.

А. И. Попов возражал против употребления самого термина «этногенез», введенного в оборот Н. Я. Марром. Далее, он отметил, что основными для решения проблем происхождения народов являются данные языковые; данные этнографии, антропологии и археологии являются вспомогательными.

Чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунский сказал, что в прошлом он всегда признавал законными разработку сравнительной грамматики и установленное ею родство языков. Свои же прежние построения, в которых он пытался эклектически соединить сравнительную грамматику с учением Н. Я. Марра о стадиальности, он считает глубоко ошибочными.

Далее В. М. Жирмунский говорил о наличии в прошлом единого языка-основы, как реального языка, обладающего своим грамматическим строем, словарным составом и фонетической системой. Язык-основа это не синхронная неподвижность, а система, исторически становящаяся. Понятие языка-основы применимо только к древнейшему периоду и неприменимо к поздней исторически сложившейся языковой общности.

Н. С. Поспелов считает, что при установлении языкового родства недостаточно указания на материальное родство языков, состоящее в звуковых соответствиях значимых элементов языка (корней и грамматических формативов), так как в этом случае понятие грамматического строя подменяется понятием морфологического формператива.

Кроме того, ограничение грамматической сферы языка-основы системой словоизменительных формативов делает невозможным доказательство наличия подобного языка для корнеизолирующих языков, не имеющих этих формативов.

При установлении родства языков Н. С. Поспелов предлагает прежде всего учитывать близость определенных категориальных значений, так как в противном случае будет учитываться только морфологическая структура слова без учета грамматической его природы.

И. К. Кусикьян указал на общие недостатки всех докладов — отсутствие между докладами взаимной связи и абстрактный их характер.

А. Н. Бернштам признал, что в ряде своих работ он некритически следовал за Н. Я. Марром. Главными ошибками исследователей, работавших по вопросам происхождения среднеазиатских народов, было принятие марровской «теории стадиальной трансформации языков» и смешение процессов этногенеза и глоттогенеза. А. Н. Бернштам считает, что в руководящих докладах данного совещания также наблюдается тенденция к смешению происхождения народа с происхождением языка. Он упрекает языковедов в агностицизме при разрешении вопросов, касающихся древних периодов развития языков, а также вопросов, касающихся происхождения языков и происхождения крупных языковых групп.

Последователи Н. Я. Марра, отрицая теорию праязыка, говорит М. М. Гухман, считали недопустимой и самую идею происхождения родственных языков из одного источника или языка-основы.

Рассматривая вслед за Н. Я. Марром языковое родство как нечто вторичное, М. М. Гухман, по ее собственному признанию, выдвигала раньше положение о том, что языковое родство является результатом конкретных исторических связей и схождений. Ошибочность этих построений и декларативных утверждений сейчас очевидна. Никакие схождения и исторические связи не объясняют и не могут объяснить, например в германских языках, общности части основного словарного фонда, общности падежных формативов и спряжений. Теория «первобытной лингвистической непрерывности»

является не чем иным, как новым вариантом учения о возникновении языкового родства в результате схождений и конкретных исторических связей.

Далее, М. М. Гухман останавливается на двух моментах, недостаточно, по ее мнению, освещенных в лингвистических докладах:

1) центральной проблемой при исследовании родственных языков должна быть проблема развития языка. Задачей сравнительной грамматики является восстановление языка-основы в его истории, выявление внутренних законов его развития;

2) большее место должно быть отведено изучению основного словарного фонда, исследование которого может дать богатейший материал для ряда конкретных исторических наблюдений.

В заключение своего выступления М. М. Гухман коротко остановилась на теории субстрата в применении к германским языкам, которую она считает несостоятельной.

Р. Д. Мучаплинский рассказал участникам совещания о работах антропологической секции Музея истории Азербайджанской ССР, давшей ценные материалы для освещения некоторых вопросов происхождения народов Азербайджана.

М. Г. Абдушелишвили осветил работы по изучению антропологического состава насления, проводимые антропологическим кабинетом Института экспериментальной морфологии Академии Наук Грузинской ССР.

Представление о тибетско-китайской семье языков, как об общности, еще не окончательно установленной, по мнению Б. К. Пашкова, сложилось в результате неудовлетворительности литературы об тибетско-китайской группе языков, почти полностью принадлежащей сторонникам «нового учения» о языке. Более правильным, по сравнению с высказанной на совещании В. Д. Левиным точкой зрения, является утверждение проф. А. С. Чикобава, относящего китайско-тибетские языки к семьям, установленным наукой.

В. В. Бунак остановился на вопросе о родовых языках и высказал предположение, что на ранних ступенях развития человечества контактировали не только родственные, но и неродственные языки. Он указал на недостаточное внимание языковедов к ранним периодам истории таких языков, как американские, австралийские, некоторые африканские, папуасские и т. п., на недооценку роли миграции в распространении языков.

Л. И. Жирков выразил удовлетворение тем, как было изложено докладчиками состояние сравнительно-исторического метода. Однако он отметил, что представление о сравнительно-историческом методе, как о методе универсальном, равно применимом к изучению языков любой языковой группы, несостоятельно. Применение сравнительно-исторического метода при сопоставлении языков может быть плодотворно лишь в тех случаях, когда хорошо изучен грамматический строй языка (как, например, строй индоевропейских языков); применение же сравнительно-исторического метода, лишенное твердой грамматической базы, превращается в формальное, не дающее результатов сопоставление.

В конце заседания Н. Н. Чебоксаров в своем заключительном слове возражал А. И. Попову, отрицавшему значение этнографического и особенно антропологического материала для разрешения вопросов о происхождении народов. В дополнение к сказанному в докладе Н. Н. Чебоксаров привел материалы, иллюстрирующие правильность положения И. В. Сталина о скрещивании языков и по отношению к первобытному обществу. И в первобытном обществе при скрещивании новые языки не образуются, а один язык поглощается другим (скрещивание малайско-полинезийских языков с папуасскими привело к победе первых, а не к образованию каких-либо новых языков, качественно отличных от тех и других).

В своем заключительном слове П. С. Кузнецов, возражая Н. С. Поспелову, указывает, что нельзя говорить о категориях и их родстве вне связи с материальными морфологическими элементами, их выражающими, так как без материального родства этих элементов не может быть установлено и родство категорий. Кроме того, только сущность категории вне связи с выражающими ее формативами не является критерием родства языков. Выдвижение на первое место категории ведет к типологическому, а не к конкретно-историческому исследованию. Путь, указанный Н. С. Поспеловым, легко может привести к установлению понятийных категорий.

Отвечая А. Н. Бернштаму, П. С. Кузнецов указывает, что обращение лингвистов к языкам более поздним, чем родовые или племенные, объясняется не агностицизмом, а отсутствием необходимых данных, позволяющих говорить о родстве этих языков.

В. Д. Левин подробно останавливается в своем заключительном слоге на замечаниях В. В. Бунака, касающихся роли миграций для распространения языков и вопросов скрещивания языков в период верхнего палеолита.

Необходимо указать, говорит В. Д. Левин, что ни одна из современных нам языковых семей не восходит к эпохе верхнего палеолита, следовательно, вопрос о процессах скрещивания языков в тот период может быть разрешен только принципиально.

Самый факт схождения генетически различных языков, на который указывает В. В. Бунак, не вызывает ни сомнений, ни возражений. Основное — результат схождений. Лингвисты считают, что и в более ранние периоды контактирование разных язы-

ков должно было приводить к поглощению одного языка другим, а не к созданию нового третьего языка. Те товарищи, которые полагают, что скрещивание в доклассовом обществе будто бы носило принципиально иной характер, жестоко ошибаются. Признание иного результата скрещивания характеризует точку зрения марристов. Теория «первобытной лингвистической непрерывности» С. П. Толстова, допускающая создание непрерывности в результате длительного контактирования родовых языков, разнородных по своему образованию, является ошибочной.

В. С. Расторгуева в заключительном слове полемизирует с Н. С. Поспеловым, возражая против основного его тезиса о том, что при установлении родства надо, в первую очередь, обращать внимание на близость грамматических категорий. В докладе было показано, что общность категорий не всегда может рассматриваться в качестве основного критерия установления родства.

На вечернем заседании 31 октября были заслушаны доклады Б. В. Горнунга и П. Н. Третьякова.

Б. В. Горнунг в докладе «О некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков» отмечает основные недостатки реконструкций, производившихся представителями младограмматического направления. Основываясь на гениальных трудах И. В. Сталина, советские языковеды должны преодолеть эти недостатки.

Но из этого не следует, что марксистское историческое языкознание должно отказаться как от попыток реконструкции «древнейшего состояния» индоевропейских языков, так и от попыток определения характера индоевропейской языковой общности на разных этапах ее развития. Эти работы должны продолжаться и продолжаются.

Наиболее вероятными гипотезами в определении характера индоевропейской языковой общности являются следующие: 1) составляющие эту общность диалекты были территориально соприкасающимися, хотя они и могли обладать собственными чертами грамматического строя и основного словарного фонда, в них нераздельно могли происходить общие явления; 2) время образования индоевропейской языковой общности — эпоха выделения скотоводческих племен с патриархальным строем из примитивно-земледельческих племен с матриархальным строем; археологически — это конец неолита и начало эпохи бронзы; хронологически — не позже начала третьего тысячелетия до н. э.; 3) территория — относительно замкнутая область южной части средней или юго-восточной Европы; 4) социальная организация — племенной союз родственных племен, с возможным включением и неродственных племен, ранее усвоивших язык господствующей части племенного союза.

В заключение Б. В. Горнунг особо останавливается на отношении хетто-лувийской группы языков к другим группам индоевропейских языков.

С докладом на тему: «Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян» выступил П. Н. Третьяков.

Новейшие археологические данные, указал докладчик, говорят о том, что племена восточных славян, упомянутые в начальной летописи, ведут свою историю не с VI—VII вв., как предполагалось, а с более раннего времени.

Археология свидетельствует, что славяне представлены уже культурой «полей погребения» в среднем Поднепровье и на Днестре. Так как славянской культуре близка культура «полей погребения» пшеворской культуры Повисленья и предшествующей ей лужицкой культуры, то можно предположить, что на данной территории предков славян можно было найти уже во 2-м тысячелетии до нашей эры в виде трех групп: лужицкой, верхнеднепровской и связанной со скифским миром днестровско-среднеднепровской. Предков славян следует искать среди скотоводческой группы племен шнуровой керамики по Висле, Одеру, верховьям и среднему течению Днепра.

А. Н. Трофимова в своем докладе, озаглавленном «Палеоантропологические материалы к разработке проблемы этногенеза славян» отметила разнообразие антропологических типов, распространенных среди славянства в прошлом и настоящем. Часть этих типов является общей как для славян, так и для соседних племен — иллирийских, фракийских, кельтских, балтийских, финских. Большая часть антропологических типов, установленных у славян раннего средневековья, прослеживается и у древнейшего населения на тех же территориях.

По докладам Б. В. Горнунга и П. Н. Третьякова выступил А. В. Арциховский, признавший, что и он, будучи противником «нового учения» о языке, иногда под влиянием марристских идей все же допускал неточные формулировки при разрешении вопросов о происхождении славян.

По вопросу о распадении индоевропейской языковой общности А. В. Арциховский высказал мнение, что, судя по археологическим данным, эпоху этой общности надо отодвинуть на одно тысячелетие назад по сравнению с той датировкой, которую дал Б. В. Горнунг (первая половина 3-го тысячелетия до н. э.). Он возражал также и П. Н. Третьякову по вопросу о расселении славян: близость между собой славянских языков объясняется сплочением славян в процессе борьбы с Византией и германцами.

На заседании 1-го ноября А. Н. Насонов в своем докладе «О некоторых

вопросах образования древнерусской народности» указал, что в состав древнерусской народности вошли две основные группы восточнославянского населения — северная, среди которой наиболее значительным было племя кривичей, и южная — потомки антов. В IX в. в области среднего Подпеновья существовало, повидимому, государство, носившее имя «Русской земли», которое и явилось территориальным и политическим ядром Киевского государства. С образованием Киевского государства усилилось сближение северной части восточного славянства с южной. В пределы отдельных феодальных «земель» Киевского государства входили и неславянские племена, которые ассимилировались славянами. Так образовалась древнерусская народность, к которой восходят все три братских народности — великорусская, украинская и белорусская.

В докладе П. И. Кушнера «К вопросу об этногенезе литовцев» развивалось положение о том, что происхождение литовцев связано с проникновением в Прибалтику в начале 2-го тысячелетия до н. э. каких-то племен или отдельных родов, двигавшихся из северного Причерноморья. Следующим вторжением, повлекшим за собой крупные изменения в этническом составе населения Прибалтики, является вторжение немецких рыцарей в средние века. Докладчик отметил тысячелетние литовско-славянские культурные связи и многовековое соседство литовцев со славянами.

Б. В. Миллер в докладе «К вопросу о классификации иранских языков» указал на обширность территории, занимаемой этими языками в настоящее время, и особенно в древности, что исключает всякую возможность предположения о существовании некогда на всем этом пространстве единого народа, создавшего единый иранский язык. Распространение иранской языковой группы явилось результатом расселения древнего ирано-язычного коллектива и иранизации иных племен и народностей. В настоящее время отдельные иранские языки очень разошлись, что затрудняет выявление основных черт иранского языка-основы. Несомненно только то, что иранский язык-основа — это уже язык, отличный фонетически, морфологически и в известной степени лексически от индийского. Территорией складывания иранского языка-основы была Средняя Азия, точнее район Хорезма.

До сих пор классификация иранских языков (по горизонтали: северная, средняя и южная часть, по вертикали: восточная и западная) производилась на основе только фонетических признаков, что недостаточно. Основными классификационными признаками Б. В. Миллер предлагает считать не только фонетические признаки, но и признаки морфологические, синтаксические и лексические.

В. И. Абаев, выступивший по докладу Б. В. Миллера, указал на ошибки Н. Я. Марра в области этногенеза осетин, но ничего не сказал о своих собственных ошибках в этой же области, явившихся следствием развития В. И. Абаевым положений Марра по вопросам к истории осетинского языка и народа. Разрешение вопроса о том, как осетины попали в центр Кавказа и оказались среди неиранского населения, связано, прежде всего, с исследованиями В. Ф. Миллера, который показал, что язык осетин — продолжение языка скифов и сарматов. По Н. Я. Марру, из «скифской протоплазмы» вылупились языки славянские, иранские, чувашский и т. д. путем «стадиальных трансформаций». На самом деле, древние свидетельства указывают на родство скифов с мидийцами и парфянами, безусловно иранскими народами.

По докладу П. И. Кушнера выступил Б. В. Горнунг с рядом конкретных критических замечаний. Между прочим он указал, что формирование балтийской группы языков и историческое сложение литовской и латышской народностей отделены друг от друга периодом в $2^1/_2$—3 тыс. лет.

В. Н. Сидоров отметил, что доклад П. Н. Третьякова вызывает много недоумений. Мало обоснована трактовка П. Н. Третьяковым его карт, которые он считает «документом». Известно, что сам П. Н. Третьяков трактовал свои схемы сначала в духе теорий Н. Я. Марра; теперь же он трактует их как-то иначе. Из доклада не ясно, как могли независимо друг от друга образоваться северная и южная группы восточных славян: у докладчика получается, что две группы родственных языков возникают из разных местных основ. Неясно также, как происходило выделение славян из более обширной группы племен.

В. Н. Сидоров указывает также и на существенное расхождение П. Н. Третьякова со лингвистами в определении времени консолидации славян. П. Н. Третьяков считает, что консолидация начинается с середины 1-го тысячелетия н. э.; лингвисты же считают, что в это время происходило уже расхождение славянских языков, а их языковое единство относится к более раннему времени.

Далее с докладом на тему «Заселение севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху» выступил А. Я. Брюсов. В противоположность мнению буржуазных археологов о том, что мезолитическая и неолитическая культуры проникают на север территории Советского Союза с запада, имеющиеся у нас данные, говорит докладчик, позволяют предполагать, что север Европейской части СССР был заселен в мезолите с востока, из среднего Зауралья. В 3—2 тысячелетии до н. э. север заселяется снова из волжско-окского водораздела неолитическим населением, видимо, предками финно-язычных племен.

Большеземельская тундра была заселена позднее — во 2-й половине 2-го тысячелетия до н. э. В это же время на Оку с юга проникают степняки.

С. В. Иванов в своем докладе «Материалы изобразительного искусства и проблема культурно-исторических связей хантов и манси» доказывал важное значение данных сравнительного изучения орнамента для установления культурно-исторических связей между народами и, в известной мере, для решения некоторых вопросов этногенеза. Так, для всех основных четырех типов орнаментов обских угров восточной границей их распространения является Енисей. Западные границы распространения типов орнаментов обских угров уходят к народам европейской части Советского Союза. Орнамент обских угров свидетельствует о культурной общности в прошлом народов Урала с народами северного Алтая и народов Хакассии с народами Поволжья.

Выступивший вновь в прениях А. И. Попов выразил сомнение по ряду выдвинутых в докладе П. Н. Третьякова положений. Он сомневается в том, что славяне в 1-м тысячелетии до н. э. занимали всю, намеченную для них П. Н. Третьяковым, территорию и, в частности, были уже на Днепре. А. И. Попов полагает, что славяне стали контактировать с финскими и угорским племенами позже индо-иранских, балтийских и даже германских племен.

Б. А. Серебренников, высказываясь по докладу А. Я. Брюсова, приводит топонимические данные, которые помогают разъяснить сложную проблему заселения севера европейской части СССР. Названия рек и населенных пунктов многих районов европейской части СССР имеют на конце элементы «ма», «га», «кша» (ша) (все эти элементы, кроме «ма», ранее были обозначением реки). Эти названия распространены от Печоры до Финляндии, они также захватывают и Волжско-Окское междуречье. Буржуазные националисты выдвинули миф о том, что коми-зыряне заселяли территории до Котласа, однако на территории коми таких названий нет. Зато аналогичные названия можно встретить на Двине и на Мезени. Отсюда следует, что население в дославянский период в районе Волжско-Окского междуречья было однородно, отсюда пошла колонизация на север и на северо-восток. На каком же языке говорило население на этой территории? Возможно, что это был общефинский язык, существовавший и в то время, когда угро-финский распался. Очевидно, к этой группе языков принадлежал и язык муромы. Приведенные топонимические данные могут подтвердить гипотезу А. Я. Брюсова о родстве населения Севера и Волжско-Окского междуречья.

В. И. Лыткин в своем выступлении высказал мнение о том, что если есть язык-основа, то должен быть и народ-основа. Так как культура изменяется гораздо быстрее, чем язык, то этнографы и археологи представляют обычно слишком малые данные для решения этого вопроса; бессильна в вопросах этногенеза Восточной Европы и антропология. Данные языкознания более надежны (например, исследования лексики угро-финских языков).

В. И. Лыткин, возражая П. Н. Третьякову, отрицает существование славян в бассейне Волги во втором тысячелетии до н. э., так как в марийском и удмуртском языках нет заимствований из славянского языка-основы.

Тов. Соловьев в связи с докладом П. Н. Третьякова поднял вопрос об антах, об их исчезновении и высказал предположение, что россы восприняли культуру и язык, который был создан антами до VI в.

На заседании 2 ноября с докладом «К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы» выступил Н. Н. Чебоксаров, который отметил, что доклады языковедов, прочитанные на данном совещании, заставили его значительно пересмотреть свои взгляды. Н. Н. Чебоксаров отказался от тех своих работ, в которых он некритически использовал положения «нового учения» о языке, с одной стороны, а с другой — вообще недооценивал данные языка для решения проблем этногенеза.

Языку-основе должен был соответствовать и народ-основа — такого общее положение Н. Н. Чебоксарова. Роль этнографии и антропологии, так же как и археологии, в разрешении проблемы происхождения больших групп родственных народов и заключается в том, чтобы помочь лингвистам в поисках той этнической общности, которая говорила на языке-основе, а также в том, чтобы раскрыть ту конкретную историческую обстановку, в которой эта общность складывалась и развивалась.

При решении вопросов этногенеза антропологи должны изжить влияние марристских концепций, и, следовательно, отказаться от примитивного понимания взаимоотношений между антропологическими типами и этнической общностью. Этнографические данные должны рассматриваться вместе с археологическими, так как они взаимно дополняют друг друга. Для проблемы этногенеза имеет большое значение разработанное советскими этнографами учение о хозяйственно-культурном типе и историко-этнографических областях. Так например, для угро-финских народов, согласно историко-этнографическим указаниям, характерна культурная неоднородность. Но можно утверждать, что все угро-финские народы в развитии рыболовства и его типе связаны с западной Сибирью, а в отношении развития характерного лесного земледелия — с восточной Европой, в частности со славянами и литовцами. Наконец, угро-финские народы имели культурные связи с степными народами, первоначально ирано-

язычными, а затем и тюрко-язычными. Угро-финская общность существовала до распространения земледелия. Приуралье и Южный Урал являются наиболее вероятным районом обитания угро-финского народа-основы, занимавшегося, вероятно, главным образом, рыболовством.

С докладом на тему «К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы» выступил В. Н. Чернецов. Изложив мнение Д. В. Бубриха, подтвердившего общность между финно-угорскими и самоедскими языками, докладчик указал, что старые авторы первоначально искали место происхождения финно-угорских племен к востоку от Урала; затем — в областях к западу от Урала, к северу от Кавказа и по средней Волге. Схемы, ими созданные, были основаны лишь на лингвистических данных без учета археологических и этнографических материалов и поэтому страдают большой искусственностью. Учитывая, что в пределах финно-угорской языковой общности прослеживаются общие охотничьи и рыболовецкие термины, можно отнести время образования этой общности к неолиту. Территорию распространения различных групп гребенчатой керамики можно в общем сопоставить с распространением финно-угорской общности.

В прениях на утреннем заседании 2-го ноября В. М. Бахта в резкой форме, не приводя никакого фактического материала, возражал против распространения положения И. В. Сталина о скрещивании языков на доклассовое общество и на период перехода к классовому обществу. По его мнению, поглощение одного языка другим в это время если и имело место, то далеко не всегда и далеко не везде, а существовали какие-то иные формы скрещивания языков. Обвиняя всех языковедов в начетничестве, В. М. Бахта своим выступлением показал яркий образец примитивизма и начетничества.

В. В. Бунак, останавливаясь на вопросе образования языковых семей, также выразил сомнение в том, что положение о победе одних языков над другими при скрещении можно распространять на начальные стадии развития человечества.

А. Н. Бернштам отметил, что необходимо бороться с укрепившимся мнением о том, что каждый народ обязательно происходит от древних предков, живших на этой же территории. Попытки изоляции от иноэтнических элементов, попытки найти чистое «генеалогическое древо» воспитывают лишь ультранационалистические концепции.

А. И. Попов упрекал Б. А. Серебренникова в неисторическом, по его мнению, подходе к анализу топонимических данных, часть которых, судя по документам, например, по писцовым книгам, имела раньше совсем другой характер, чем тот, который они приобрели впоследствии под влиянием русского языка.

А. И. Козаченко поставил вопрос об организации постоянной комиссии по вопросам этногенетических исследований, которая бы координировала работу институтов Академии Наук СССР в этой области. Затем А. И. Козаченко сделал несколько критических замечаний по докладу А. Н. Насонова.

В своем заключительном слове Н. Н. Чебоксаров остановился на выступлении В. М. Бахта по вопросу о характере скрещивания языков в первобытную эпоху истории человечества. Н. Н. Чебоксаров указал, что высказывания И. В. Сталина по этому вопросу не оставляют места сомнению в том, что в результате скрещивания на разных ступенях развития человечества тоже происходило поглощение одних языков другими, что подтверждается и фактами.

Вечером 2-го ноября с докладами выступили Н. А. Баскаков и Г. М. Василевич.

В своем докладе «К вопросу о классификации тюркских языков» Н. А. Баскаков указывает, что тюркская общность языков выделилась из общности тюрко-монгольской, а эта последняя — из алтайской, включавшей и языки тунгусско-манчжурские. Процесс формирования тюркских языков зависел от развития тюркских племен, народностей и наций, причем длительность существования того или иного союза родственных племен определяла и устойчивость их языка. Особо следует оговорить смешанные и скрещенные племена и народности, в языках которых обнаруживаются субстраты иных языков.

Н. А. Баскаков считает, что классификация тюркских языков должна исходить из периодизации развития тюркских народов и их языков, с учетом специфики каждой возникающей общности; что эта классификация должна учитывать совокупность всех признаков, указывающих на сходства и различия языков в их основном словарном фонде и грамматическом строе.

С докладом на тему «К вопросу о начале становления тунгусских языков» выступила Г. М. Василевич, предложившая новую классификацию тунгусско-маньчжурских языков, а именно деление на тунгусские и маньчжурские языки, с подразделением тунгусских языков на подгруппы: сибирскую (язык эвенков, эвенов и негидальцев) и нижне-амурскую (языки нанайцев, улчей, аранов, арачей и удэгейцев). Г. М. Василевич изложила свою концепцию расселения тунгусских групп по северной Сибири из района оз. Байкал. Выделяя в тунгусских языках разные пласты по древности их образования, Г. М. Василевич пытается проследить по данным языка также историю развития хозяйства и культуры тунгусских народов.

Б. О. Долгих в своем сообщении «О некоторых этногенетических процессах в Северной Азии» на примерах из истории якутов, эвенков, эскимосов и других народов показал, что на разных ступенях развития патриархально-родового строя, начиная от самых ранних форм, когда еще не все формы патриархального рода были налицо (чукчи, эскимосы) и до перехода его к ранне-классовым общественным отношениям (якуты) при скрещивании народов и языков действуют одни и те же закономерности, установленные И. В. Сталиным. При скрещивании языков этих народов побеждал один из скрещивающихся языков. Побежденные же языки лишь обогащали словарный фонд победившего языка, влияли на его фонетику, что способствовало в некоторых случаях появлению новых диалектов.

М. Г. Левин указал в ответ на одно из возражений А. И. Попова, что значение антропологического и этнографического материалов не в установлении родства языков, а в установлении тех исторических процессов, с которыми связано распространение населения, говорившего на тех или иных языках. Это свое положение М. Г. Левин иллюстрировал антропологическими и этнографическими данными о народах Амура.

Выступление В. А. Аврорина было посвящено резкой критике доклада Г. М. Василевич, в котором он отметил ряд методологических ошибок. В частности в вопросах происхождения тунгусских языков, по мнению В. А. Аврорина, Г. М. Василевич сбивается на марровское толкование результатов скрещивания языков.

И. И. Потехин указал, что в выступлениях ряда ораторов, в частности А. И. Попова, звучало преувеличение значения языкознания в исследованиях по происхождению народов и недооценка роли этнографии и археологии. Эта точка зрения может привести к отрыву изучения истории языка от истории народов.

Г. Д. Санжеев квалифицирует как наивный этнографизм попытки Г. М. Василевич восстановить, руководствуясь методами сравнительного языкознания, не только язык-основу тунгусско-маньчжурской группы, но и быт тунгусов в ранние периоды их существования. Подобного рода построения, не подкрепленные данными антропологии и археологии, являются преждевременными. Лингвистов совершенно напрасно упрекают в недооценке материалов археологии, антропологии и этнографии. В тезисах лингвистических докладов говорится, что язык — важнейший признак, но не единственный. Лингвистов очень интересуют данные названных наук, проливающие свет на ранние периоды жизни народа.

Б. А. Серебренников возражает А. И. Попову, охарактеризовавшему приведенные им топонимические данные как «марроидные упражнения». А. И. Попов не владеет методами лингвистического исследования. Указанные элементы топонимических названий та, ма, кша (ша),— говорит Б. А. Серебренников,— не бессмысленны, они некогда означали «река». Указанные же А. И. Поповым переделки названий рек русским населением данными топонимики не подтверждаются.

Г. М. Василевич в своем заключительном слове отвечала на возражения В. А. Аврорина и Г. Д. Санжеева.

Утреннее заседание 3 ноября началось с выступления Л. И. Лаврова на тему «Вопросы происхождения народов северо-западного Кавказа». Докладчик развил гипотезу о происхождении народов северо-западного Кавказа от древних киммерийцев, сохранившихся здесь и в Крыму после того, как они были вытеснены скифами из причерноморских степей. В своем докладе Л. И. Лавров допустил некоторые неточности в формулировках по вопросам скрещивания и распространения языков на ранних этапах развития человеческого общества, создавших впечатление, что докладчик придерживается марровской теории развития языков от множества к единству и марровской теории скрещивания.

Доклад Д. А. Ольдерогге «Об этногенезе народов центрального Судана» был посвящен проблеме происхождения народа хауса. Автор развил интересную гипотезу о том, что хауса являются потомками древнего населения Сахары и в подтверждение своего положения провел ряд параллелей между языком хауса и языком древних египтян.

Несколько странно прозвучал доклад Н. А. Бутинова о «Происхождении австралийцев и меланезийцев». По существу, о происхождении этих народов докладчиком сказано было очень мало и в самой общей форме. Главный тезис доклада заключался в том, что названные народы развивались на своей территории на основе «первобытной лингвистической непрерывности». Но в доказательство этой теории сколько-нибудь научно-проверенных фактов докладчик не привел.

Прения по докладу открылись выступлением Е. И. Крупнова, который положительно оценил доклад Л. И. Лаврова, считая, что в нем была убедительно доказана древность населения Северо-западного Кавказа.

П. С. Кузнецов в своем выступлении еще раз подчеркнул, что многообразие языков — результат распадения языка-основы, поэтому защиту теории «лингвистической непрерывности» в докладе Н. А. Бутинова следует признать неправильной, к тому же Н. А. Бутинов не привел ни одного аргумента в пользу родства упомянутых в его докладе языков. Археологи упрекали здесь лингвистов, что они не занимаются

древними родовыми языками, но лингвисты и не могут ими заниматься ввиду отсутствия материала; данные для решения этих проблем — у антропологов.

Г. Д. Санжеев отмечает, что теория «первобытной лингвистической непрерывности» не может быть принята языковедами и защита ее некоторыми археологами и этнографами, например Н. А. Бутиновым, вызвана неправильным представлением как о характере языка-основы, так и о характере самой «лингвистической непрерывности».

В. Д. Левин резко возразил против положений, которые выдвинули Н. А. Бутинов и В. М. Бахта. Если считать, что процессы развития языка и в частности скрещивания происходили в доклассовом обществе иначе, нежели в классовом, то тем самым Н. Я. Марр будет реабилитирован, так как его «теория скрещивания» касается именно этих «сумерек доистории». Теория «первобытной лингвистической непрерывности» — это путь к сохранению положений «нового учения» о языке. Сторонники этих взглядов готовы механически перенести учение И. В. Сталина о судьбе языков в будущем бесклассовом обществе на доклассовое общество. Однако из работ И. В. Сталина ясно видно, что образование классов не внесло никаких изменений во внутреннюю структуру языка. И в доклассовом обществе шла борьба (но не классовая), и в нем одни роды могли поглощать другие. Преувеличение интегральных моментов в доклассовом обществе также являются отголоском «нового учения». Процессы дифференциации здесь несомненно преобладали.

Д. А. Ольдерогге указал, что доклад Н. А. Бутинова вызывает только недоумение у этнографов и ярко показывает, к чему может привести некритическое отношение к теории «первобытной лингвистической непрерывности», которую надо признать в корне ошибочной.

Т. А. Трофимова обращает внимание на важность изучения начальных этапов становления и развития языков, в частности этапа развития от родовых языков к племенным.

Вечером 3 ноября Л. И. Лавров в своем заключительном слове полемизировал с Г. Д. Санжеевым. Н. А. Бутинов, признав недостаточность своего фактического материала, заявил, однако, что «еще неизвестно, кто прав» в вопросе о «первобытной лингвистической непрерывности».

Подводя итоги работы совещания, заместитель директора Института этнографии М. Г. Левин указал, что, декларируя необходимость увязки данных языка с данными исторических дисциплин, Н. Я. Марр и его последователи на самом деле отрицали возможность комплексного разрешения проблемы этногенеза. Н. Я. Марр и его последователи третировали этнографическую работу и огульно охаивали антропологические исследования. На этом совещании не раз говорилось о соотносительной ценности лингвистических, этнографических и антропологических материалов. Бесспорно, однако, что этнографические и антропологические данные для решения вопроса о родстве языков ничего не могут дать.

Серьезным пробелом совещания М. Г. Левин считает отсутствие дискуссии по вопросу о внутренних законах развития языка, очень важному и для этнографической проблематики. Не получило также должного освещения и положение И. В. Сталина о развитии «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»[1]. Почти не обсуждались на совещании вопросы о ранних этапах развития языков.

Нам необходимо, говорит М. Г. Левин, общими усилиями разработать вопросы происхождения народов нашей страны, которые сейчас, когда пишутся и переиздаются учебники истории для высшей школы, приобретают особую актуальность.

От Института истории материальной культуры выступил с подведением итогов директор Института А. Д. Удальцов. Он выразил удовлетворение дискуссией, прошедшей в значительной степени под знаком критики и самокритики. В ходе совещания было достигнуто единство мнений по некоторым основным вопросам, получившим свое освещение в трудах И. В. Сталина.

Ближайшими задачами, стоящими перед советскими археологами, говорит А. Д. Удальцов, являются археологическое обследование Белоруссии и отчасти Украины в связи с проблемами происхождения славянства; проблема заселения севера в неолите; проблема происхождения индоевропейцев, в частности установление их основной территории. Здесь надо обратить особое внимание на культуры эпохи бронзы в пределах Восточной Европы.

От Института языкознания выступил заместитель директора Б. А. Серебренников, отметивший, что только совместные усилия лингвистов, антропологов, археологов, этнографов и историков могут привести к выяснению сложнейших путей распространения языков и образования различного рода этнических общностей. Без привлечения данных археологии, антропологии, истории и этнографии нельзя ничего сказать о том, где первоначально возник народ, говоривший на интересующем нас языке, всегда ли он говорил на этом языке, с какими другими народами он мог соприкасаться и взаимодействовать на протяжении своего исторического развития.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 12.

Институт языкознания с удовлетворением констатирует, что обосновываемая им гипотеза о реальности исторического существования языка-основы не вызвала никаких возражений и была принята преобладающим большинством археологов, антропологов и этнографов. Язык-основа какой-либо языковой семьи — это не библейский праязык, это не первоначальный толчок и первооснова всех языков мира; это язык, легший в основу исторически засвидетельствованной группы родственных языков. Каждый язык-основа входил в определенную цепь сменяющих друг друга языков-основ в результате их распадения. Начало этого процесса теряется в глубокой древности и не засвидетельствовано.

Утверждение гипотезы о реальности существования языков-основ и их распадения, подкрепленное выводами из гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, наносит сокрушительный удар марровской теории скрещения.

Институт языкознания с удовлетворением отмечает признание на совещании несостоятельности теории «первобытной лингвистической непрерывности», направленной против гипотезы существования языка-основы. Доклад Н. А. Бутинова, выступившего с апологией этой теории, и выступление В. М. Бахта обнаружили невероятную путаницу взглядов и еще лучше подтвердили ошибочность этой теории, сочетаемой в этих выступлениях с вульгарно-социологической трактовкой отдельных сталинских положений.

Целый ряд интересных, содержательных докладов историков, антропологов и археологов окончательно убедил лингвистов в необходимости более внимательного отношения к результатам исследований ученых, работающих в области смежных наук, помогающих лингвистам изучать сложное и многогранное явление — человеческий язык.

У лингвистов нет в настоящее время никаких принципиальных разногласий с большинством археологов, историков, антропологов и этнографов.

Совещание по вопросам этногенеза, конечно, не разрешило всех вопросов. Очень мало на совещании говорилось о таких проблемах, как связь явлений языка с историей общества, о внутренних законах развития языка.

Лингвисты надеются, что это совещание будет началом тесного повседневного сотрудничества ученых разных специальностей. Необходимо и в дальнейшем практиковать подобные совещания: в спорах и дискуссиях, в обстановке борьбы мнений, свободной и творческой целеустремленной критики, несомненно, будет укрепляться научное сотрудничество лингвистов, археологов, историков, этнографов и антропологов, необходимое для создания подлинно марксистской науки о происхождении языков и народов.

Участники совещания с огромным воодушевлением приняли приветственное письмо лучшему другу советских ученых великому Сталину.

В. А. Плотникова

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

13—17 августа 1951 г. в городе Горно-Алтайске состоялась научная конференция по вопросам алтайского языка и литературы. В работе конференции, организованной по решению горно-алтайских областных организаций, принимали участие ученые-лингвисты и литературоведы Алтая, преподаватели Горно-Алтайского учительского института, учителя средних школ и представители партийных и советских организаций и учреждений Горно-Алтайской автономной области и Алтайского края, а также ученые, приглашенные из Москвы, Ленинграда и Новосибирска.

Конференцию открыл председатель Областного Совета депутатов трудящихся Горно-Алтайской Автономной области И. И. Тухтубаев. В своей вступительной речи он сказал, что трудящиеся алтайцы достигли больших успехов в развитии своего народного хозяйства и культуры только благодаря Советской власти, благодаря руководству большевистской партии и лично товарища Сталина, благодаря помощи великого русского народа. Он отметил также роль в развитии алтайской культуры алтайского языка, на котором ведется ныне преподавание в школе, печатаются учебники, научная, общественно-политическая и художественная литература, издается 12 газет.

После выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, указал т. Тухтубаев, изучение алтайского языка должно развиваться на основах сталинского учения о языке. Вот почему нам необходимо успешно разрешить все задачи поставленные перед конференцией.

Конференция с большой торжественностью и подъемом избрала в свой почетный президиум членов Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

С большим теоретическим докладом на тему «Учение И. В. Сталина о языке» выступил приехавший из Москвы проф. Г. Д. Санжеев. Отметив порочность антимарксистской теории акад. Н. Я. Марра, докладчик подробно остановился на основных положениях сталинского учения о языке и тех задачах алтайского языкознания, которые стоят сейчас перед алтайскими лингвистами.

После доклада проф. Г. Д. Санжеева конференция приступила к слушанию и обсуждению докладов, посвященных конкретным вопросам алтайского языкознания.

С докладом на тему «О состоянии грамматики алтайского литературного языка» выступила канд. филол. наук Т. М. Тощакова.

Доклад Т. М. Тощаковой был одним из основных докладов на конференции и осветил основные проблемы алтайского языка, относящиеся к его грамматическому строю. В докладе было отмечено то благотворное влияние на развитие алтайского литературного языка, которое оказал русский язык, обогативший алтайскую лексику значительным количеством слов — научных и общественно-политических терминов.

Говоря о развитии алтайского литературного языка, Т. М. Тощакова указала, что в результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики алтайская культура и язык в своем прогрессирующем развитии получили новое социалистическое направление. Алтайский язык из отсталого языка с нетерминированной лексикой превращается в развитый литературный язык, на котором имеется своя, алтайская учебная, научная и художественная литература и переводы на алтайский язык произведений классиков марксизма-ленинизма и классиков русской и советской литературы.

Согласно учению И. В. Сталина, языки развиваются на основе какого-либо одного диалекта. Таким диалектом, легшим в основу алтайского литературного языка, является, по словам Т. М. Тощаковой, алтайский диалект, который и дал начало формированию и развитию современного алтайского литературного языка. На основе норм этого диалекта разработана орфография и созданы основы нормативной грамматики литературного языка.

Тот «литературный» язык, на котором миссионеры издавали церковную литературу, основанный на телеутском диалекте, носителем которого была малочисленная группа населения, не получил широкого развития и после Великой Октябрьской социалистической революции уступил место новому литературному языку на основе более массового алтайского диалекта центральных районов Алтая.

Алтайский литературный язык явился результатом консолидации двух основных групп диалектов: южной, к которой относится алтайский диалект и близкие к нему теленгитский и телеутский диалекты, и северной, имеющей большие отличия от литературного языка и состоящей из трех диалектов: туба и близких между собой кумандинского и челканского.

Если объединение диалектов южной группы не вызвало каких-либо особых трудностей, то значительные различия между литературным языком и северными диалектами требуют еще некоторых усилий для усвоения норм литературного языка в школе и в разговорной практике представителей северных диалектов.

Одним из крупнейших достижений в культуре алтайского народа докладчик считает разработку алтайского алфавита на русской графике и основ алтайского правописания, которые сыграли весьма важную роль в поднятии грамотности населения и приобщении его к культуре и науке.

Значительные успехи имеет алтайское языкознание и в разработке основ грамматики алтайского языка.

Однако, наряду с успехами, докладчик подчеркивает также и недостаточную еще изученность алтайского языка. Особенно это заметно в области разработки вопросов грамматического строя алтайского языка и, в частности, его морфологии; не установилась еще в должной мере и орфография алтайского языка. В докладе были приведены конкретные примеры слабой разработки грамматики и орфографии алтайского литературного языка. Укажем только на основные — например, на слабую разработку системы спряжения алтайского глагола, неправильную классификацию форм глагола, на отсутствие ряда грамматических норм, а также на недостатки орфографии, например, на непоследовательное отражение в письме законов сингармонизма по лабиальному ряду. До сих пор вместо правильного *бöрÿ* — «волк», *бöрÿк* — «шапка» встречаются неправильные написания *бöри*, *бöрик* и т. п. Непоследовательно отражаются в письме долгие гласные в алтайском языке — например. *кару* — «милый, дорогой» и *каруу* — «ответ, ответственность» иногда пишутся одинаково и пр.

В прениях по докладу Т. М. Тощаковой выступили заведующий кафедрой языка и литературы Алтайского учительского института канд. филол. наук С. С. Сурazаков, депутат Верховного Совета СССР преподаватель родного языка Алтайского педучилища Е. С. Тюхтенева, главный редактор Алтайского национального издательства т. Мултуева, заведующая Шебалинской средней школой т. Тарсамаева, управляющий национальным издательством т. Чапыев и др.

С большим, развернутым сообщением о задачах разработки грамматики алтай-

ского языка выступил научный сотрудник Института языкознания Академии Наук СССР Ф. Г. Исхаков.

В своих решениях по докладу Т. М. Тощаковой конференция не только утвердила ряд теоретических положений и правил языка, но также наметила и практические мероприятия для дальнейшего развития алтайского литературного языка и уточнения его орфографических правил.

Конференция высказалась, например, за установление следующих норм алтайского правописания:

а) последовательно отражать лабиализацию узких гласных во втором слоге слов, после *о*, *ö*, *у*, *ӱ* первого слога;

б) отражать в письме долготу гласных, например, в словах типа *каруу* — «ответ, ответственность», но не писать долгих гласных в установившихся уже грамматических формах, например в *баштачы* — «начинающий» и т. п.;

в) в отношении правописания заимствованных через русский язык слов конференция рекомендовала максимальное сохранение русских орфографических норм не только в словах, вновь заимствованных, но и в некоторых старых заимствованиях, например, в таких словах как «ворота», «почта», «юбка», «платье» и пр. Те же русские слова, которые усвоены алтайцами, сохраняют в своем фонетическом оформлении эти особенности и на письме, например, *сенек* — «сени», *карамыс* — «коромысло», *салам* — «солома», *доско* — «доска», *огурчын* — «огурец» и пр.

Кроме того, конференция утвердила правила оформления в письме аффиксов словоизменения, присоединяющихся к заимствованным словам, а также установила единообразие в оформлении спорных грамматических форм имен и глаголов.

В числе практических мероприятий по докладу Т. М. Тощаковой конференция признала целесообразным провести следующие: а) разработку и опубликование полного свода орфографических правил алтайского языка и орфографического словаря; б) подготовку более полного учебника по алтайской грамматике для средней школы и программ по родному языку и литературному чтению; в) подготовку к изданию алтайско-русского и русско-алтайского словаря; г) организацию диалектологической экспедиции для сбора материалов по диалектам алтайского языка; д) ходатайствовать перед центральными организациями и Академией Наук СССР об организации подготовки кадров по алтайскому языку через аспирантуру Академии Наук СССР, Академии педагогических наук и через аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

Конференция особо рекомендовала издание сборников, посвященных разработке вопросов алтайского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке, обращая внимание на следующие основные вопросы грамматики алтайского языка: проблему частей речи алтайского языка, категорий залога, вида, времени и наклонения алтайского глагола, категорий имен действия, причастий и деепричастий, проблему сложного предложения в алтайском языке, и пр.

Доклад на тему «О состоянии и мерах улучшения литературного перевода» сделал Е. М. Чаныев. Литературный перевод, сказал докладчик, является одним из важнейших участков идеологической работы большевистской партии и Советского государства в деле политического воспитания трудящихся и мобилизации их на активное участие в строительстве коммунизма.

За последние годы изданы в переводе на алтайский язык труды товарища Сталина: «Краткий курс истории ВКП(б)», «Марксизм и национальный вопрос», «О Великой Отечественной войне Советского Союза», «О Ленине», произведение М. И. Калинина «О коммунистическом воспитании», брошюры в помощь слушателям политшкол и другие книги. Все эти сочинения переведены на алтайский язык с достаточной правильностью, с точной передачей содержания и стиля оригиналов.

Однако наряду с удачными переводами на алтайский язык имеется еще и много недостатков в переводческой работе. Так, например, значительное количество ошибок встречается в переводе учебника по истории для IV класса, в переводах массовых песен, в переводе учебника географии и др. Особенно много ошибок встречается в переводах радиоинформации.

Близким по тематике был следующий доклад Ч. И. Енчинова на тему «О развитии терминологии алтайского языка». Тов. Енчинов дал подробный анализ современной алтайской терминологии, тех достижений и недостатков, которые имеются в работе по составлению терминологических словарей по всем отраслям знания.

Докладчик в положительной части своего доклада наметил также и основные пути развития алтайской терминологии.

Основным источником для развития алтайского языка является прежде всего богатство своего языка и его диалектов. В качестве терминов могут быть использованы: а) старые слова в новом принятом для них значении, например, *мöрöй* — «соревнование» (старое значение «состязание в игре, силе»); б) слова с более расширенным значением, например, *öзӱм* — «развитие» (старое значение «рост»); в) слова, созданные путем калькирования, перевода с русского, например, *бешјиллык* — «пятилетка»; г) термины описательные: *ишкӱчиле јаткан* — «трудящийся»; д) термины, созданные путем

словосложения, например, *амыр-эмчу* — «мир», *ада-энэ* — «родители» и пр.; е) термины, созданные путем синтаксических сочетаний, например, *трудкӱн* — «трудодень» и т. п.

Вторым основным источником терминологии является русский язык, благодаря которому алтайский язык обогатился огромным количеством общественно-политических и научно-технических терминов. К терминологии, заимствованной через русский язык, относятся термины русские по своему происхождению, например, *большевик*, *совет*, *совхоз*, *общество*, *государство* и некоторые международные, слова, например, *пролетарий*, *партия*, *социализм*, *коммунизм*, *революция*, *география*, *геология* и пр.

Во многих случаях вместе с терминами в алтайский язык входят и прилагательные, например, *коммунистический партия*, *политический литературалар* и пр.

Выступавшие в прениях по докладам о переводах и терминологии языковеды, литературоведы, переводчики, газетные работники и представители партийных и государственных учреждений, в том числе слушатель Новосибирской партийной школы т. Кычаков, инструктор Шебалинского райкома ВКП(б) т. Шонкоров, заведующая ОблОНО, депутат Верховного Совета РСФСР Кайгородова, работник радиовещания В. Л. Кучияк и др., указали на необходимость составления русско-алтайского переводческого словаря и общего терминологического словаря по всем отраслям науки, подчеркнули нужду в организации переводческих семинаров для переводчиков с русского на алтайский язык, предложили целый ряд конкретных мероприятий, связанных с расширением систематической работы над созданием дифференцированной и точной терминологии, выдвинули идею создания научного центра для руководства работой переводчиков и повышения их квалификации.

Доклад заведующего кафедрой языка и литературы Алтайского учительского института канд. филол. наук С. С. Суразакова «О состоянии алтайской современной литературы и перспективах ее развития» был посвящен молодой алтайской литературе.

«Алтайская современная литература,— говорил докладчик,— зародившаяся после Великой Октябрьской социалистической революции, в своем развитии за годы Советской власти достигла значительных успехов».

Лучшие произведения алтайских писателей получили высокую оценку: поэма «Зажглась золотая заря» В. Кучияка и Дьабы Юдакова, песня «Есть в Москве человек» Этебесовой, драма «Чейнеш» П. В. Кучияка, героические сказания и сказки Н. У. Улагашева, стихотворения Ч. И. Енчинова «Аргымак», «Шонкор» и др.

В классическом труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» определены для советской литературы, а в том числе и алтайской, конкретные пути ее дальнейшего развития.

За время, истекшее после исторических решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, в алтайскую художественную литературу влились молодые силы: А. Сарусева, В. Кучияк, В. Адаров, Л. Кокышев, Э. Палкин и др.

Выступившие по докладу С. С. Суразакова и вся конференция в целом, анализируя развитие алтайской художественной литературы, отметили в ней и наличие серьезных недостатков. Объединения писателей и издательства слабо проводят в жизнь постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, в результате чего алтайские прозаики и поэты нередко печатают низкие по идейному уровню и недоработанные произведения, например, Ч. И. Енчипов — стихотворение «Улу Октябрь», Е. Чапыев — рассказ «Кожонду Дьалан», Ч. Чунижеков — рассказ «Чечектин Сакыганы бутти» и другие произведения молодых авторов.

Были в алтайской литературе произведения, в которых допущены ошибки и искажения советской действительности, создававшие неправильные представления о жизни советского Горного Алтая, об алтайцах-колхозниках, советских воинах и т. д. К таким ошибочным произведениям относятся: пьеса Ч. И. Енчинова «Эркин-баатыр», изданная в 1944 г., его же поэма «Советский воин», пьеса «Ай-Тапа» и др.

Алтайские писатели, по мнению докладчика, еще не вполне овладели методом социалистического реализма, искусством образного воспроизведения нашей советской действительности, недостаточно глубоко освоили образцы классической русской и современной советской литературы, порой используют устаревшие формы устной народной поэзии, механически перенося их в современную художественную литературу.

В алтайской литературе до сего времени не нашли должного отражения важнейшие темы современности: советский патриотизм, дружба народов СССР, движение новаторов производства, работа укрупненных колхозов, связь колхозного производства с промышленным производством и с жизнью всей страны, роль партийного руководства в социалистическом строительстве и пр. До сего времени не уделяется достаточного внимания созданию оригинальной детской художественной литературы.

«Все это,— говорит С. С. Суразаков,— свидетельствует о том, что алтайские поэты и прозаики отстают от жизни и не удовлетворяют возросших запросов читателей».

Одной из основных причин отставания алтайской художественной литературы, в особенности прозы, является крайне неудовлетворительная организация среди писателей работы по повышению идейно-теоретического уровня и художественного мастерства, отсутствие в среде литераторов большевистской критики и самокритики. Появ-

ляющиеся в печати художественные произведения не получают своевременной принципиальной критической оценки, в области слабо налажена работа по собиранию устного народного творчества.

Союз советских писателей и его Новосибирское отделение, Алтайское краевое литературное объединение не оказывают необходимой помощи поэтам и прозаикам Горного Алтая.

После выступлений Заведующего отделом литературы народов СССР Союза советских писателей т. Басаргина, писателя А. Л. Коптелова, методиста Облпедкабинета Г. И. Чевалкова и др. конференция приняла решение по докладу С. С. Суразакова, в котором, признавая указанные выше недостатки, наметила также и основные мероприятия по изжитию этих недостатков.

В решении указывается на необходимость развертывания критики и самокритики при обсуждении каждого произведения и оказания со стороны писательских организаций действенной помощи писателям в устранении недостатков их произведений и в совершенствовании их литературного мастерства.

Конференция считает неотложной задачей литературных организаций области и края, а также редакций газет и журналов — широкое обсуждение произведений в печати и на читательских конференциях.

Конференция рекомендовала в ближайшее время издать антологию алтайской литературы, собрание сочинений П. В. Кучияка, сборники алтайского героического эпоса, алтайских песен, сказок, легенд, загадок, пословиц и поговорок, а также вузовский учебник по алтайской литературе и программы для средних школ, педучилищ и Учительского института по алтайской литературе.

Конференция признала желательным организацию в ближайшие годы отделения Союза советских писателей в Горно-Алтайской автономной области.

На конференции, кроме специальных докладов по алтайскому языку и литературе, был с большим интересом заслушан доклад доктора истор. наук лауреата Сталинской премии проф. Л. П. Потапова «Об образовании алтайской социалистической нации».

В результате работы конференции и созданных ею специальных комиссий: а) по грамматике алтайского языка (руководитель — канд. филол. наук Т. М. Тощакова), б) по литературному переводу и терминологии (руководители — Ч. И. Енчинов и Е. М. Чапыев), в) по алтайской литературе (руководитель — канд. филол. наук С. С Суразаков) — были приняты решения по каждому докладу.

Работа конференции и ее решения явились для алтайских языковедов и литературоведов началом большой и серьезной перестройки работы по алтайскому языку и литературе в свете указаний товарища Сталина, содержащихся в его классическом труде «Марксизм и вопросы языкознания».

Н. А. Баскаков

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ АКАД. И. И. МЕЩАНИНОВА «ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТИ РЕЧИ» НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР, ПРОВЕДЕННОМ В ЛЕНИНГРАДЕ 19—20 НОЯБРЯ 1951 ГОДА

В своем вступительном слове акад. В. В. Виноградов наметил те основные вопросы, которые поднимаются при критическом рассмотрении книги акад. И. И. Мещанинова. Он подчеркнул, что критика этой книги ведется в общем плане освобождения советской лингвистики от антимарксистской теории акад. Марра и его «учеников», в соответствии в задачами, поставленными И. В. Сталиным (см. публикуемую в данном номере журнала рецензию акад. В. В. Виноградова).

С докладами, посвященными критическому разбору книги акад. И. И. Мещанинова[1], выступили доктор филол. наук Е. М. Галкина-Федорук и канд. филол. наук В. А. Аврорин.

Е. М. Галкина-Федорук, напомнив слова И. В. Сталина о том, что «теоретическую неразбериху внесли в языкознание Н. Я. Марр и его ближайшие соратники»[2], указала, что обсуждаемая книга является ярким примером подобной «теоретической неразберихи». Никогда не подвергавшаяся сколько-нибудь серьезному

---

[1] И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, Изд-во АН СССР, М.— Л., 1945.

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 42.

критическому разбору [3], эта книга активно внедрялась в теорию и практику языкознания. Научная общественность в течение полутора лет напрасно ждала, что акад. И. И. Мещанинов сам раскроет теоретические пороки своей книги; в настоящее время критика этой книги является неотложным делом, так как ее идеи оказывали вредное влияние не только на сторонников Марра, но и на широкие круги языковедов.

Разбираемая книга представляет собой один из этапов развития марровской теории стадиальности, разработкой которой И. И. Мещанинов занимался на протяжении всей своей деятельности (см. его предшествующие работы, в частности «Новое учение о языке»). В данной книге представлена стадиальность, намечаемая по узко формальной совокупности синтаксических отношений, устанавливаемых на основе пресловутой семантики предложения, о которой И. В. Сталин сказал: «...Переоценка семантики и злоупотребление последней привели Н. Я. Марра к идеализму» [4]. Наряду с злоупотреблением семантикой игнорировались собственно языковые факты, показывающие, что одни и те же понятия выражаются в одних языках лексическими средствами, в других морфологическими или синтаксическими. Так стиралась грань между грамматикой и лексикой, исчезала морфология как таковая. Упразднение морфологии — одна из характерных черт концепции Мещанинова. Показательно такое заявление в его более поздней работе: «Сказуемое — это одно, а глагол это другое. Первое из них относится к области синтаксиса, а второй — к области лексики» [5].

Докладчик подробно рассмотрел и подверг критике тот метод, при помощи которого И. И. Мещанинов намечает способы выражения синтаксических отношений (инкорпорирование, синтетизм, согласование, замыкание, сепаратизация, локализация и др.). Ни один из этих способов не исследован И. И. Мещаниновым сколько-нибудь удовлетворительно на материале какого-либо определенного языка. В связи с этим намеченные им понятия оказываются неприменимыми к ряду языков; так, например, понятие «замыкания», широко используемое акад. И. И. Мещаниновым для определения синтаксического качества и своеобразия строя предложения в разных языках, в том числе и в русском, не может считаться сколько-нибудь характерным для синтаксических отношений русского языка, где оно более связано с различиями словорасположения и должно быть рассмотрено в стилистическом синтаксисе. Совершенно неправомерно объединение всех форм сочетаний слов (и аттрибутивной и предикативной связи) термином «согласование».

Характеристика понятия «локализация» также свидетельствует о том, насколько поверхностно и без учета данных конкретных языков строит И. И. Мещанинов свои категории, хотя потом и применяет их к языкам всех систем. Для русского языка понятие локализации совпадает с понятием порядка слов. Рассматривая этот способ синтаксических отношений в русском языке, И. И. Мещанинов считает, однако, достаточным опереться только на случаи инверсии определения по отношению к определяемому, ни в какой степени не привлекая другие обширные материалы по словорасположению в русском языке.

Не описав синтаксической или морфологической системы ни одного языка, не показав реального взаимодействия различных синтаксических приемов, И. И. Мещанинов строит на шатком основании отдельных синтаксических признаков целые языковые структуры. Стремление создать какую-то систему стадий на основе разрозненных примеров из отдельных языков является фактически отрицанием существования языка как целого в его конкретной истории, ведет к полному антиисторизму и космополитизму.

В книге нет четко обоснованной теории предложения: не определена сущность предложения, налицо смешение, отождествление понятий «суждение» и «предложение», непонимание того, что предложение есть материальная оболочка суждения, реализующегося в предложении разными средствами. Смешаны также понятия «подлежащее» и «субъект», «сказуемое» и «предикат».

В основе понимания членов предложения и частей речи у И. И. Мещанинова лежат понятийные категории, которые он некритически заимствует у зарубежных лингвистов идеалистического направления (например, у Есперсена) и ставит на службу теории стадиальности. То определение, которое дает понятийным категориям И. И. Мещанинов, также является идеалистическим: в нем имеется допущение таких категорий сознания, которые будто бы в чистом виде, свободном от языковой материи, существуют в сознании. «Понятийные категории, о которых идет речь, оказываются, при таких условиях, также и категориями сознания, в том или ином виде выражающимися в языке.

---

[3] См. апологетическую и бессодержательную рецензию на эту книгу проф. Н. Ф. Яковлева, опубликованную в «Известиях АН СССР, Отделение литературы и языка», т. V, вып. 5, 1946.

[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

[5] И. И. Мещанинов, Глагол, М.—Л., 1949, стр. 6.

В то же время они же оказываются и языковыми категориями, поскольку выявляются именно в языке. Без их выявления в языке они остаются в области сознания» [6].

Идеалистическая сущность этого определения становится совершенно ясной в свете таких марксистских положений, ясно и точно сформулированных И. В. Сталиным: «Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи»—не существует... Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с „природной материей" языка, о мышлении без языка» [7].

Так И. И. Мещанинов отгораживает, отрывает язык и мышление друг от друга, вносит путаницу в соотношение этих рядов, извращая ленинскую теорию отражения.

И. И. Мещанинов трактует понятийные категории как соединяющий элемент, который связывает, в конечном итоге, языковый материал с общим строем человеческого мышления. Здесь тот же идеалистический разрыв языка и мышления. Процесс мышления, протекающий в словесном оформлении, получает еще особый компонент — понятийные категории.

Члены предложения и части речи освещаются в книге И. И. Мещанинова только с точки зрения семантики, которая и поглощает грамматическую сторону анализа. Докладчик привел ряд примеров, иллюстрирующих это положение. Такова, например, ничего не дающая для грамматики попытка различить характер дополнения в предложениях «профессор читает лекцию» и «профессор читает роман» (во втором случае дополнение оказывается, по И. И. Мещанинову, более самостоятельным, так как оно менее конкретизирует семантику глагола «читать», чем в первом); такова же попытка увидеть разный субъект в предложении «я читаю» (активный субъект), «я болею» (пассивный субъект). Такой подход ни в какой степени не обогащает понимание структуры предложения, отвлекает внимание в сторону вопросов, не имеющих отношения к грамматике.

Части речи И. И. Мещанинов выделяет также только с точки зрения своеобразной синтаксической семантики, считая при этом, что своим выделением они обязаны исторически постоянному употреблению того или другого слова в одной и той же синтаксической функции. Синтаксические признаки в своей совокупности дали определенные семантические группировки, которые закрепились за отдельными частями речи, как лексическими группами.

Докладчик полемизировал также и с пониманием модальности и категории состояния в книге И. И. Мещанинова.

В итоге докладчик пришел к выводу, что разбираемая книга во всех своих теоретических положениях представляет вопиющее противоречие сталинскому учению о языке. Эклектически соединяя идеалистические и вульгарно-материалистические идеи, игнорируя конкретный живой материал языков, опираясь на порочные теории стадиальности, единства глоттогонического процесса и «понятийных категорий», И. И. Мещанинов пришел к абсолютному антиисторизму.

Канд. филол. наук В. А. Аврорин посвятил свой доклад выяснению вопроса о том, сохранен ли стадиальный подход к явлениям языкового строя в разбираемой книге. В. А. Аврорин подчеркнул, что И. И. Мещанинов, признавший порочность своих более ранних работ, не выступал с разбором данной книги, видимо считая, что эта его работа выгодно отличается от предшествующих.

В свое время ультра-марристы обвиняли И. И. Мещанинова в связи с выходом книги «Члены предложения и части речи» в отходе от установок Марра и от марровской стадиальности и в увлечении описанием формальных языковых структур.

Их утверждения были совершенно неосновательны: стадиальный подход к явлениям языка сохранен им полностью. Весь материал расположен по стадиальной схеме: полное и частичное инкорпорирование, затем уже способы синтаксической связи между отдельно выраженными членами предложения. Не случаен и порядок расположения этих способов — синтетизм, согласование, замыкание, сепаратизация, локализация — так сказать, по принципу убывающей инкорпоративности. Способы эти объявлены универсальными приемами и отыскиваются в самых различных по грамматическому строю языках лишь потому, что каждый из этих способов встречается и в языках инкорпорирующих. Таким образом, все языки могут быть рассмотрены как находящиеся на различных ступенях стадиальной лестницы. Следы инкорпорирования И.И. Мещанинов видит и в сказуемом с субъектно-объектными показателями и в местоименном спряжении глагола, например, в казахском языке, а также, хоть и с некоторыми оговорками, во французском. Синтаксический прием примыкания, широко распространенного в тюркских и других языках, И. И. Мещанинов также сближает с инкорпорированием.

В книге много противоречий: так, автор нередко предостерегает против того, чтобы категории и факты одного языка механически распространять на другие языки, но при этом сам систематически переносит особенности инкорпорирующих языков и

---

[6] И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, стр. 197—198.
[7] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

языков, имеющих эргативную конструкцию предложения, на те языки, которые, по мнению автора, уже прошли данные этапы развития. При этом перенос фактов индоевропейских языков, например, на палеоазиатские автор считает недопустимым, так как палеоазиатские языки не проходили в своем развитии стадии индоевропейских языков, а обратный перенос вполне допустимым и приемлемым, хотя основания для подобного утверждения у автора совершенно априорные. Наиболее древним строем предложения И. И. Мещанинов также априорно признал поссессивный, а языки, где этот строй представлен (хотя бы и далеко не исключительно), наиболее отсталыми (см. такие бесписьменные языки, как эскимосские, самоедские, многие индейские языки Америки). Неправомерность этого построения прекрасно опровергнута практикой. Ряд подобных языков получил у нас письменность, успешно развивается и совершенствуется, сохраняя при этом и упомянутые поссессивные обороты, вовсе не знаменующие их отсталость.

Стадиальное расположение материала приводит, вопреки реальной истории языков, не к изображению процесса постепенного усложнения предложения, а к представлению о расщеплении первичного единого, неделимого звукового комплекса на отдельные его части. В свою очередь, расщепление слова-предложения ставится в прямую зависимость от идеалистически трактуемого процесса мышления, как прямолинейного дифференцирования первичной диффузности.

Взрыв в процессе стадиального развития языков И. И. Мещанинов усматривал в акте введения письменности в бесписьменных языках. При этом, вопреки реальным фактам, все бесписьменные языки, с точки зрения И. И. Мещанинова, объединяются общими чертами в грамматике, отличающими их от письменных языков, находящихся по отношению к ним на принципиально иной стадии. Состояние младописьменных языков изображается как состояние коренной ломки и перестройки всего грамматического строя, что также противоречит фактическому положению вещей: в действительности в младописьменных языках идет стирание диалектных различий, развиваются стили языка, обогащается словарный состав, совершенствуется грамматика, но все это — при сохранении всех присущих данному языку основных черт его грамматического строя.

Понятийные категории выступили у И. И. Мещанинова в результате невозможности провести классификацию по морфологическому признаку, а также в связи с тем, что и синтаксический материал плохо укладывался в прокрустово ложе принятой схемы. Отсюда обращение к мышлению, законы которого являются общими и не зависят от того, на каком языке говорит тот или иной народ. Однако просто перенести проблему стадиальности в область мышления было невозможно. Это надо было сделать, не изымая ее из языка, путем включения мышления в язык. Так происходило отождествление языка с мышлением. В качестве прокладки между тем и другим у Н. Я. Марра появилась в свое время так называемая «идеология речи», а у И. И. Мещанинова «понятийные категории». По Мещанинову, в каждом языке имеется определенное количество формально выраженных (т. е. выраженных средствами языка) мыслительных категорий, наряду с которыми существуют мыслительные категории, не имеющие формального выражения в данном языке, но все же в нем существующие. Здесь мы имеем дело с незримым существованием «чистых понятийных категорий» в некоторых языках; реальность их существования доказывается тем, что в других языках они могут получить свое формальное выражение.

Такое идеалистическое построение необходимо И. И. Мещанинову в целях универсализации грамматического строя, при которой в каждом языке оказывается сумма ирреальных понятийных категорий, произвольно перенесенных из других языков в виде освобожденных от «природной материи» идей.

Поскольку в каждом отдельном языке обнаруживаются благодаря этому те же самые понятийные категории, что и в любом другом, антиисторический и космополитический характер этой теории не вызывает сомнения.

Докладчик привел примеры грубых ошибок анекдотического характера, возникших в книге при пользовании понятийными категориями как базой иностадиальных сравнений при игнорировании реальной истории языков. Так, например, инкорпорирование было приписано чукотскому языку, в котором фактически главные члены предложения всегда выражаются раздельно; типично агглютинативный эскимосский язык был также отнесен к числу инкорпорирующих. При переносе на русский язык особенностей тюркских языков И. И. Мещанинов обнаруживал местоимения в современных окончаниях русского глагола, а в формах *говоря-т*, *терпя-т* — деепричастия, оформленные окончанием *-т*.

Для того чтобы с большей легкостью отыскивать следы инкорпорирования в различных языках, И. И. Мещанинов настойчиво подчеркивал понятие синтаксических групп. В обычной группировке второстепенных членов предложения вокруг главных он стремился устранить момент самостоятельности этих второстепенных членов, сгруппировать их в замкнутые, нерасторжимые единства.

Еще в начале доклада В. А. Аврорин упомянул, что в недалеком прошлом он разделял теоретические установки обсуждаемой книги и общелингвистические взгляды ее автора. Однако в докладе он не привел из своих работ ни одного примера, иллюстри-

рующего это положение, ограничив задачу своего выступления только разбором ошибок И. И. Мещанинова, подчеркнув, что он стремится помочь И. И. Мещанинову разобраться в существе имеющихся в его книге ошибок.

Акад. И. И. Мещанинов дважды выступил на заседании Ученого совета. В первом выступлении он согласился с тем, что морфология фактически отсутствует в рассматриваемой книге; «словоизменительная морфология» вся растворилась в синтаксисе по марровской схеме — морфология на службе синтаксиса, а части речи как таковые превратились в группы лексического характера, объединяемые по тому значению, которое слово получает при использовании его в предложении. И. И. Мещанинов также признал, что все построение книги в целом противоречит гениальным указаниям И. В. Сталина: лексика стала разделом грамматики, а грамматика осталась без морфологии; фактически такое построение было вызвано стремлением найти новую опору для стадиальности. Это же стремление приводило и к «подтасовкам» в материале: показанный в работе переход от полного инкорпорирования к частичному никуда не годен по качеству материала, неправильно истолкованного, взятого из неродственных языков, без учета внутренних законов их развития; ни в одном из этих языков инкорпорирование не является единственным средством передачи синтаксических отношений, а существует наряду с другими синтаксическими конструкциями.

Отметил И. И. Мещанинов и антиисторизм своих построений, объективное совпадение со схемами синхронистической лингвистики соссюровского типа.

При всем этом И. И. Мещанинов пытался подчеркнуть положительные стороны книги. Так, по мнению И. И. Мещанинова, может остаться в силе членение предложения с выделением зависимых членов предложения и самостоятельных, хотя весь анализ фактического материала требует значительных исправлений (И. И. Мещанинов привел ряд примеров, требующих исправлений, и признался, что «неосторожно» привлекал научный материал).

Широко проведенное в книге сравнение разносистемных языков на основе универсальных синтаксических, весьма случайно подобранных приемов И. И. Мещанинов квалифицировал как работу, имеющую ценность для построения сравнительного синтаксиса и генеалогической классификации языков.

Главу о понятийных категориях он расценил как не имеющую прямого отношения к работе в целом, поскольку данная глава была вставлена уже после окончания книги и якобы не согласована по содержанию с остальными главами книги.

Ученый секретарь Президиума Академии Наук СССР проф. В. П. Сухотин указал на необходимость продолжения углубленной критики работ, являющихся марровским наследием. Задача, поставленная И. В. Сталиным,— освобождение от ошибок Марра — не решена, об этом свидетельствует и то, что такая книга, как «Члены предложения и части речи», обращенная к проблемам современной грамматики, имевшая огромное влияние на научную работу в этой области, на подготовку кадров, на нашу школу, не была еще до сих пор проанализирована должным образом.

Данная книга порочна по методу исследования, в ней царит полный априоризм, факты подбираются, подгоняются к заранее принятой схеме, получают совершенно произвольное толкование, редкие, единичные для того или иного языка факты выдаются за типичные.

Книга представляет ряд грубейших ошибок и извращений: в ней представлен отрыв языка от мышления, полный антиисторизм, космополитизм в понимании языковых категорий и структуры языка. Конкретный языковый материал здесь не исследуется, а сделанные извлечения разносистемного материала, поставленные искусственно в один ряд, теряют всякую цену.

Анализ книги, данный в докладах, ярко показал, что не может быть речи о каких-то доработках и уточнениях, о частичном использовании этой книги, как полагает автор книги, выступивший в объективистском тоне. Вопиющую недоброкачественность всего материала, на котором построена книга, И. И. Мещанинов склонен рассматривать как что-то второстепенное, как детали изложения, не видя того, что выводы, построенные на подобном материале, не имеют никакой ценности.

К ряду критических положений, выдвинутых в докладах, И. И. Мещанинов вообще не проявил в своем выступлении никакого отношения. О непонимании совершенных ошибок говорит и современная тематика работ И. И. Мещанинова, в частности подготовленная им работа «О внутренних законах развития палеоазиатских языков». В свете учения И. В. Сталина невозможно говорить о внутренних законах развития целой группы языков, родство которых между собой справедливо подвергается сомнению. Характерно, что работа, посвященная сравнительному изучению самих этих языков, еще только запланирована И. И. Мещаниновым.

Данное заседание ставит своей целью оказать И. И. Мещанинову творческую помощь; оно только в том случае достигнет своей цели, если автор книги осознает всю глубину выдвинутых критических положений и ответит на них должным образом.

Доктор филол. наук В. Н. Ярцева охарактеризовала использование материала в разбираемой книге. По мнению И. И. Мещанинова, в английском языке предлоги превратились в падежные префиксы, а личные местоимения—в элементы, дающие новый

тип спряжения с личными местоименными приставками. Автору книги такое понимание языкового материала было нужно, чтобы показать определенный этап в стадиальном развитии английского языка.

Такое использование материала совершенно неправомерно, здесь не учтено лексическое значение, присущее предлогам наряду с их формальной функцией, грубо смешаны морфологические и синтаксические категории. При таком подходе в языке обнаруживается бесчисленное количество падежей, а система склонения оказывается разрушенной.

По мнению В. Н. Ярцевой, И. И. Мещанинов неправ в оценке роли понятийных категорий в его книге; фактически это — основа, на которой строится сравнение языкового материала, поскольку в книге И. И. Мещанинова оно проводится не с целью выявления своеобразия и сходства сравниваемых родственных языков, а с целью выявления в разносистемных языках вневрeменного, общего, единых понятийных категорий в присущем им выражении. Такое сравнение не удовлетворяет нас, оно искажает облик каждого языка и не дает картины его развития. Этот же примат понятийных категорий приводит к смешению лексики и грамматики: одни и те же понятийные категории могут быть выражены в одних языках лексически, в других грамматически, однако они все равно ставятся в одну плоскость сравнения.

Старший научный сотрудник О. П. Суник подчеркнул, что книга построена на основе сравнительно-типологического метода. По материалу книга — обзор отдельных примеров, почерпнутых из описаний этих языков или из устных сообщений носителей и исследователей этих языков. Структура этих языков оставалась автору книги неизвестной. Все сравнение строилось с ярко выраженной переоценкой семантики, с пренебрежением к звуковой форме.

Проведенная в книге систематизация синтаксических приемов (синтетизм, замыкание, сепаратизация и т. д.) порочна, так как внешне стройный перечень этих приемов включает разнородные явления различных языков; здесь синтаксис смешан с морфологией, грамматика с лексикой, все дано на одной плоскости, в одном плане.

Понимание понятийных категорий, на которых строится вся книга, представляет смешение категорий мышления, логики, сознания, идеологии и должно быть отброшено.

Критика книги важна и неотложна. Книга привлекала к себе в недавнем прошлом многих языковедов кажущимся отходом от марризма, соблазняя мнимой и пустой простотой, крайним схематизмом в изложении синтаксических приемов. В подобную схему каждому легко было уложить поверхностно изученный материал, не исследуя его. Универсализм понятийных категорий привлекал всех склонных к праздному теоретизированию. Многим импонировало кажущееся богатство иллюстративного материала из малоизученных языков Союза.

Между тем фактически данная книга может лишь служить тяжелым уроком того, как нельзя и не нужно заниматься исследованием грамматического строя языков.

О. П. Суник указал при этом, что он сам допускал серьезные ошибки в работе и имеет опыт их преодоления; конкретных примеров своего освобождения от ошибок «нового учения» о языке О. П. Суник не привел.

Член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский отметил, что до дискуссии ему казалось правильным то, что И. И. Мещанинов занимается преимущественно развитием учения о единстве глоттогонического процесса и о стадиальности. В. М. Жирмунский указал, что в своих ошибочных работах по сравнительному литературоведению и сравнительному языкознанию он также следовал этому учению, и привел примеры того, как он установил в свое время инкорпорацию в немецком языке вопреки всем общим показаниям строя этого языка. Идеалистическая сущность этого учения, представляющего собой искажение учения Маркса об общественно-экономических формациях, стала ясна лишь после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина.

Синтаксическая стадиальность, представленная в разбираемой книге, обладает всеми пороками стадиальности морфологической: она так же выстраивает языки по рангам, восходящим к индоевропейскому номинативному строю как к высшему рангу, и не может объяснить, почему вместе с развитием мышления и тем более общества, языки посессивного или эргативного строя не переходят в номинативный, а продолжают, как это показал И. В. Сталин, развиваться и совершенствоваться по своим внутренним законам.

Книга всегда оставляла недоуменный вопрос: если по существу неизменные, всегда тождественные себе мыслительные категории отражаются в различных лишь с формальной точки зрения грамматико-синтаксических формах, то в чем же тогда заключается стадиальное развитие языка и мышления? Глоттогонический процесс в этой третьей и последней трансформации марровского учения превратился в некую универсальную, вневрeменную языкотворческую семантику.

Заместитель директора Института языкознания Б. А. Серебренников дал в своем выступлении подробный обзор развития теории стадиальности у Марра. Отчаявшись в построении стадий на основе формальной стороны различных языков, Марр перенес свое внимание на поиски стадий в развитии мышления (тотемистическая,

космическая, технологическая стадии). И. И. Мещанинов после смерти Марра пытался прослеживать стадии в материальной стороне языка, но потерпев те же неудачи, что и его учитель, вновь обратился к помощи мышления и нашел спасение в эсперсеновских понятийных категориях.

И. И. Мещанинову следует поэтому прежде всего выступить с глубокой критикой теории стадиальности, на которой строится вся книга, а не заниматься уточнением и дополнением отдельных положений.

Теория стадий Марра — Мещанинова лишена смысла и основания, так как одинаковый уровень развития производства не может быть связан с специфической языковой структурой и не может выразиться в форме материального родства корнеслова. Нельзя найти основания этой теории и в общности типологии: количество основных приемов выражения синтаксической связи в языках мира сравнительно невелико, и совпадение одинаковых приемов ни о чем не свидетельствует. Типологическое сравнение материально неродственных языков, расположенных в разных точках земного шара, представленное в книге И. И. Мещанинова, ничего не может дать для установления родства языков.

Должны быть отброшены и понятийные категории, являющиеся стержнем всех построений И. И. Мещанинова. Понятийные категории строятся на наивном, не свойственном лингвисту представлении об универсализме понятий, фактически весьма многообразных и качественно не одинаковых. Так, в частности, в понятийных категориях смешаны лексические и грамматические понятия, природа которых отнюдь не одинакова.

У И. И. Мещанинова получается так, что если какое-то грамматическое понятие не находит отражения в грамматике языка, то оно находится в области чистого сознания. Это уже идеалистическое положение, ярко свидетельствующее о том, что теория понятийных категорий неприемлема для советского языкознания.

Проф. В. И. Ц и н ц и у с говорила о том вреде, который нанесла книга И. И. Мещанинова делу изучения и углубленного исследования языков. По отношению к малоизученным языкам Союза считалось необходимым применять схему, предложенную в данной книге. Проф. Цинциус пыталась применять ее при изучении синтаксиса языков тунгусо-манчжурской группы и убедилась, что это невозможно, так как автор книги прошел мимо многих конкретных, очень важных особенностей тех языков, на основании которых от строил свою схему. Между тем, дело подлинного изучения материала тормозилось. Результатом этого является, например, то, что работники по северным языкам не в состоянии еще и в настоящее время прочесть курсы исторической и сравнительной грамматики и диалектологии этих языков. В. И. Цинциус указала, что выступающие на данном заседании ученики И. И. Мещанинова — В. А. Аврорин, О. П. Суник,— не показали в своих выступлениях, как они использовали ошибочные и порочные положения разбираемой книги в своих работах, которые фактически строились на ее методологии. Критика и самокритика и вообще, видимо, находятся не на должном уровне в секторе северных языков, об этом свидетельствует хотя бы работа И. И. Мещанинова над темой «О внутренних законах развития палеоазиатских языков». Эта работа, как говорилось здесь, неудачна и по замыслу и по выполнению. Почему же коллектив данной группы не поставил вопроса об этом своевременно?

Старший научный сотрудник Н. С. П о с п е л о в подчеркнул, что в работе И. И. Мещанинова предложение не возникает из сочетания слов и не формируется сочетанием слов, а «смысл самого высказывания устанавливает между словами предложения синтаксические связи, благодаря чему слова входят друг с другом в синтаксические отношения, что и получает свое выражение в синтаксических приемах» [8]. Тем самым в работе отрицается грамматическая, да и лексическая природа слова. Слово тонет в общей семантике предложения. При обсуждении уже подчеркивалось, что в книге нет морфологии, поскольку ее автора интересует лишь то, как априорно принятые понятийные категории отражаются в частях речи. Но в книге нет и синтаксического анализа и синтаксиса как такового. В своем анализе, якобы синтаксическом, автор исходит не из понятия слова, не из сочетания слов в предложении, а из неопределенного понятия семантики предложения.

В прениях выступили также проф. Р. А. Б у д а г о в, О. К. Ш в е д е - В а с и л ь е в а, ученый секретарь Института языкознания Б. В. Г о р н у н г, проф. А. В. Д е с н и ц к а я, канд. филол. наук Ю. Д. Д е ш е р и е в, А. И. М о и с е е в, П. Я. С к о р и к, поддерживавшие и развивавшие положения докладчиков и лиц, выступивших в прениях. Проф. Р. А. Б у д а г о в на ряде ярких иллюстраций показал также неясность формулировок книги и всего ее стиля, что связано, по мнению Р. А. Будагова, с неясностью, противоречивостью научной концепции книги. Проф. А. В. Д е с н и ц к а я говорила о вреде, принесенном этой книгой, воспитывавшей в языковедах подход к языку вне его истории, и остановилась в этой связи на своей статье «Архаичные черты в индоевропейском словосложении» [9], где имеются поиски пережитков инкор-

[8] И. И. М е щ а н и н о в, Члены предложения и части речи, стр. 106.
[9] Сб. «Язык и мышление», XI, Изд.-во АН СССР 1948.

порации в архаичных типах индоевропейских композитов. На эти поиски толкала автора статьи идея об универсальном пути развития строя языков, поэтому древний тип индоевропейского словосложения с еще не выработанной падежной флексией без всякого основания был истолкован как факт инкорпорации.

Акад. И. И. Мещанинов выступил второй раз в ходе обсуждения книги. Он заявил, что обсуждение помогло ему глубоко осознать, что в данной книге он не отошел от установок Марра, что вся обсуждаемая работа целиком построена на основе теории стадий и в силу этого дефектна. Синтаксическая стадиальность привела к утверждению, извращающему историческую перспективу развития языка, о том, что члены предложения исторически древнее частей речи. Попытка построить универсальную грамматику разносистемных языков на основе типологических сопоставлений также оказалась порочной. Типологическое сравнение выступило здесь как самоцель и сняло всякую возможность историзма; историческое развитие языков при данном подходе полностью игнорировалось. Марровская концепция развития языка в форме революционных взрывов и непонимание специфики законов внутреннего развития языка характерны для книги в целом.

Роль понятийных категорий действительно является ведущей во всем изложении материала; в понимании понятийных категорий смешаны мышление и мировоззрение, грамматические понятия и грамматические формы, лексика и грамматика.

Справедлив упрек, что в книге имеется отрицание слова как такового, «слова в словаре»; это естественно вытекает из преувеличения роли синтаксической семантики, построенной на основе понятийных категорий.

В заключение И. И. Мещанинов признал, что его работа оказала вредное влияние на преподавательскую и исследовательскую работу и совершенно не отвечает теоретическим положениям учения И. В. Сталина о языке.

Подводя итоги работы расширенного заседания Ученого совета, акад. В. В. Виноградов напомнил, что принцип критики и самокритики, являющийся основным принципом развития советской науки, был извращен в период господства «нового учения» о языке. Критическое рассмотрение книги акад. И. И. Мещанинова на данном заседании велось на основе того непревзойденного образца критики, который дал И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания», согласно которому критика должна вскрывать как методологическую основу каждой работы, так и оценку конкретного материала, положенного в основу тех или иных построений. В разобранной книге И. И. Мещанинова нас не удовлетворяют как общие принципы, так и тот конкретный материал, на котором эти принципы основаны. И. И. Мещанинов согласился с тем, что встреченная им единодушная критика была правильна, что основные положения его книги являются антимарксистскими, марровскими, он признал, что материал, положенный в основу работы, не добыт им самостоятельно, собран случайно. Следует при этом подчеркнуть, что методология этой книги является типичной для всей научной деятельности И. И. Мещанинова и что он никогда от нее не отступал. В дискуссионной статье «За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра», написанной в 1950 г., т. е. 5 лет спустя после книги «Члены предложения и части речи», он призывал углублять теорию стадиально-языкового развития с присущими ей взрывами на основе понимания языка как надстройки; органическим дополнением и обоснованием теории стадиальности явилось идеалистическое учение о понятийных категориях.

Проведенная критика показала полное единодушие в оценке книги И. И. Мещанинова, а также единодушие в понимании основных задач советского языкознания и основных категорий марксистского языкознания. Еще многие вопросы требуют своего углубленного рассмотрения во время творческих дискуссий. Такова в частности проблема семасиологии в общей системе языкознания и связанное с ней выяснение задач грамматики, соотношение морфологии и синтаксиса в пределах грамматики, проблема описания грамматического строя и его исторического изучения.

В. Г. Орлова

СОВМЕСТНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР, ПОСВЯЩЕННАЯ ВОПРОСАМ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С 3 по 7 декабря 1951 г. в Кишиневе проходила совместная научная сессия Института языкознания Академии Наук СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии. Сессия была посвящена вопросам молдавского языкознания.

В работе сессии принимали участие ученые-филологи Москвы, Ленинграда, Кишинева, Киева, писатели Молдавии и широкие круги интеллигенции Кишинева и других городов МССР. На сессии присутствовали секретарь ЦК КП(б) Молдавии Л. И. Брежнев председатель Совета Министров МССР Т. Я. Рудь, председатель Президиума Верховного Совета МССР И. С. Кодица, секретари КП(б) Молдавии Б. А. Горбань, А. М. Лазарев, А. А. Мельник, Д. С. Гладкий, Д. Г. Ткач и др.

Сессию открыл председатель Президиума Молдавского филиала Академии Наук СССР, член-корр. АН СССР П. А. Баранов.

В своем вступительном слове П. А. Баранов подробно остановился на огромном значении, которое имел гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития всех отраслей науки и особенно для лингвистики. П. А. Баранов призвал присутствующих принять активное участие в работе сессии, которая должна проходить в атмосфере свободного обмена мнений и критики. Лишь при этом условии сессия сможет выполнить свои конкретные задачи, которые непосредственно подчинены, подчеркнул П. А. Баранов, общим задачам, поставленным товарищем Сталиным перед советскими языковедами, т. е. ликвидации аракчеевского режима в языкознании, отказу от ошибок Н. Я. Марра, внедрению марксизма в языкознание.

С глубоким вниманием присутствующие прослушали доклад директора Института языкознания АН СССР акад. В. В. Виноградова «Основные задачи советской науки о языке в свете работ И. В. Сталина по языкознанию».

«Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания", положивший начало новой эпохе в развитии науки о языке,— сказал акад. В. В. Виноградов, — открыл величайшие перспективы для творческой работы во всех областях обществоведения». Что же касается языкознания, то здесь работы И. В. Сталина, подчеркивает акад. В. В. Виноградов, раскрывают принципиально новые возможности и пути в сфере изучения общественной сущности языка. Языку возвращена роль базы всех филологических дисциплин, и вместе с тем в новом свете объяснены связи и взаимодействия языкознания с другими обществоведческими дисциплинами. Впервые в языкознании с предельной и убеждающей точностью описан самый объект исследования — язык, как особое общественное явление, с присущими ему функциями и закономерностями».

Таким образом, указывает акад. В. В. Виноградов, И. В. Сталин создал стройную теорию общего марксистского языкознания, охватывающую основные его вопросы, и дал языковедам мира гениальную программу разработки теоретического, а также исторического и сравнительно-исторического языкознания на основе творческого марксизма.

Вместе с тем, продолжает акад. В. В. Виноградов, в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания разъяснены не только сущность и структура языка, но и внутреннее содержание таких объектов исторического исследования, как народ и культура в их развитии.

Как известно, эти исторические понятия или недостаточно точно определялись или искажались в нашей исторической и филологической науке. Особенно широко идея тождества языка и культуры (в самых разнообразных смыслах этого последнего слова) пропагандировалась Н. Я. Марром и его учениками.

По мнению Н. Я. Марра, язык и культура подчинены одним и тем же закономерностям исторической смены. С взаимодействием культур ставилось в непосредственную связь скрещивание языков и, как результат его, образование нового по своему качеству языка. Внушенная «новым учением» о языке Марра «теория» трансформации молдавского языка из романского в славянский имела широкое хождение среди молдавских языковедов и историков.

Все это, отмечает акад. В. В. Виноградов, мешает не только научному изучению современного молдавского языка, но и наносит вред разработке вопросов истории, а также происхождения молдавского языка и народа.

И. В. Сталин, говорит акад. В. В. Виноградов, дальше развивает и углубляет положение Энгельса о том, что историзм — основа марксистского изучения языка. Поэтому структура конкретного языка, например молдавского языка, его качественное своеобразие, его индивидуальные черты могут быть поняты лишь тогда, когда прослеживают его возникновение и развитие. И. В. Сталин указывает на то, что перспективы исторического изучения языка становятся еще шире и законы его развития раскрываются еще глубже, если язык исследуется как один из членов группы (семьи) родственных языков с помощью сравнительно-исторического метода. Так, изучение молдавского языка в системе других романских языков, в частности восточнороманских, в плане сравнительно-исторического романского языкознания — помогло бы молдавским лингвистам глубже понять структуру современного молдавского языка, его особенности, его отношение к румынскому языку, границы и формы освоения им мощных воздействий современного русского языка. Это особенно важно и потому, что, подчиняясь в своем развитии внутренним законам, национальный язык не должен замыкаться в свою национальную скорлупу и отрываться от связи с другими языками.

В своем развитии он неизбежно обогащается не только из собственных своих ресурсов, но и путем усвоения элементов, особенно элементов словарных, других язы-

ков. Однако важно и целесообразно, чтобы эти усваиваемые и усвоенные элементы представляли собой культурную ценность для всего народа.

Для исследований, например, по истории русского или молдавского языков в связи с историей народов чрезвычайно важно собрать и издать лексикологические материалы, извлеченные не только из памятников письменности древнейших времен, но и из диалектов, сохраняющих иногда очень архаические отложения родовых и племенных языков. На этом пути открываются очень богатые возможности изучения истории народа и истории языка очень далекого прошлого.

Затем акад. В. В. Виноградов дает перечень вопросов истории языка, вызванных к жизни работами И. В. Сталина по вопросам языкознания. Это — происхождение отдельных языков и народов, возникновение, развитие и распадение языковых семей, развитие от родовых языков к племенным, от племенных к языкам народностей и затем к национальным языкам, различия в этих процессах применительно к истории развития разных языков, обусловленные различиями общественно-политических, социально-экономических и культурно-исторических условий развития разных народов, закономерности образования и развития диалектов на разных этапах истории народного языка, пережитки элементов родовых и племенных языков в структуре современных диалектов, процессы растворения и перемалывания народных говоров в национальном языке, принципы периодизации истории языка, функциональные различия, а также различия в словарном составе между языками народности и национальным языком, конкретно-исторические изменения в языке, связанные с формированием нации и национального языка в разных исторических условиях, исторические закономерности развития языка устной народной словесности и его стилей, роль языка устной народной поэзии в образовании языка народности и национального языка, условия и формы возникновения литературных языков, взаимоотношения и взаимодействия между народным языком и языком литературным в период до создания национального языка, изменения в литературном языке, в его стилевой структуре и сферах его общественного употребления, вызванные процессом образования нации и национального языка, влияние языка художественной литературы на развитие национального общелитературного языка, роль великих художников слова в общем процессе совершенствования народного языка, индивидуальное и общенародное в языке писателя, рост и совершенствование приемов словесно-художественного выражения и их связь и взаимодействие с общим совершенствованием грамматического строя общенародного языка и развитием, обогащением его словарного состава, закономерности развития языков социалистических наций.

Раскрывая сталинское определение классового диалекта, акад. В. В. Виноградов характеризует социальные жаргоны как лексико-семантическую накипь и нарост на общенародном языке. При этом специфические слова и выражения, создаваемые классом, равно как и различия в смысловой стороне общенародных элементов словарного состава, характеризующие быт, вкусы, культуру и мировоззрение эксплуататорских классов, не могут оказать хоть сколько-нибудь серьезное влияние на процесс развития общенародного языка и не могут вызвать в нем какие-либо серьезные потрясения и изменения.

Определение И. В. Сталиным сущности классового жаргона должно, говорит акад. В. В. Виноградов, лечь в основу анализа процессов развития молдавского национального языка в первые десятилетия XX в., особенно смущающих молдавских языковедов.

Переходя к проблемам диалектологии, акад. В. В. Виноградов напоминает, что И. В. Сталин точно и резко отграничил классовые жаргоны от народных территориальных говоров, указывая на различие их по происхождению, истории, структуре, а также по роли в развитии общенародного языка.

И. В. Сталин выдвинул вопрос о народно-диалектной основе складывания национальных языков. О возвышении и расширении народно-областной речи до национального языка «благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией», писали, как известно, Маркс и Энгельс.

Поэтому, продолжает акад. В. В. Виноградов, признав питательной почвой для развития общенародного молдавского языка говоры центральной части Молдавской республики, молдавские филологи и писатели должны отдаться свободному, широкому и научно организованному изучению народных говоров молдавского языка.

Затем акад. В. В. Виноградов подробно останавливается на проблеме взаимодействия и соотношения структурных элементов языка — грамматического строя и основного словарного фонда языка. Теперь, после появления работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, продолжает акад. В. В. Виноградов, стало невозможным ни обедненное и извращенное представление о грамматическом строе языка (например, сведение его к одному какому-нибудь типу конструкции предложения), ни типичное для «нового учения» о языке искажение связи, взаимодействия и соотношения грамматики и лексики, ни отождествление структуры языка, его «сущности» с словарным составом его, что, к сожалению, встречается в трудах молдавских языковедов до самого последнего времени.

Устойчивостью грамматического строя и основного словарного фонда объясняется общая устойчивость языка и колоссальная сопротивляемость его насильственной ассимиляции.

Есть языки, словарный состав которых состоит больше чем наполовину из заимствованных слов (например, современный персидский). Язык от этого не теряет самобытности, если его жизненные центры — грамматический строй и основной словарный фонд — сохранены, если его «основа» общенародна и не поколеблена давлением со стороны чужих языков. Заимствованный лексический материал в этом случае обрабатывается согласно правилам и нормам системы языка, осваивающего или уже национализировавшего этот материал.

Остановившись на проблеме зависимости закономерностей развития языка от законов развития общества и коснувшись проблемы смешивания языков в период до победы социализма во всемирном масштабе, акад. В. В. Виноградов определяет сущность закономерностей развития языков. Внутренние законы развития языка, говорит акад. В. В. Виноградов, складываются, с одной стороны, из закономерностей общего порядка, вытекающих из общественной природы языка и его структуры, с другой стороны — из закономерностей, свойственных отдельным семьям (группам) родственных языков и отдельным языкам в их историческом развитии. Акад. В. В. Виноградов подчеркивает, что изучение внутренних законов развития языков выделяется И. В. Сталиным как основная задача языкознания, так как специфические особенности развития, отличающие язык от других общественных явлений, более всего важны для лингвистики как самостоятельной науки.

Далее акад. В. В. Виноградов перешел к вопросам культуры и нормализации национальных языков, подчеркивая в этом плане необходимость разработки вопросов стилистики. В этой сфере интересы писателя сближаются и переплетаются с интересами филолога. Так же остро ощущается нужда в упорядочении орфографии и кодификации терминологии.

В заключительной части своего доклада акад. В. В. Виноградов остановился на проблеме основных общих закономерностей развития языков социалистических наций. Задача языковедов, говорит акад. В. В. Виноградов, состоит в том, чтобы изучать и сопоставлять закономерности развития современных национальных языков народов Советского Союза, открывать в этих закономерностях общее, наблюдать, в каких сторонах структуры разных национальных языков, кроме общественно-политической и научно-технической терминологии, кроме словарного состава, обнаруживается влияние русского языка.

Что касается русских лексических заимствований, то здесь, указывает акад. В. В. Виноградов, особое внимание языковедов должны привлечь два момента: во-первых, проблема образования в языках народов Советского Союза под влиянием русского языка международного словарного фонда социалистической культуры; во-вторых, проблема фонетического, грамматического, а также орфографического освоения разными национальными языками Советского Союза интернациональной терминологии в русском обличье, русской общественно-политической лексики, в особенности лексики социалистической.

«Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания, — сказал акад. В. В. Виноградов,— вносят яркий свет во все области лингвистической теории и практики. Они направляют по новому, подлинно научному пути и разработку основных проблем молдавского языкознания».

Выступая затем в прениях, акад. В. В. Виноградов подверг суровой критике работу Института истории, языка и литературы Молдавского филиала и в частности дал анализ методологических и фактических ошибок, допущенных И. Д. Чебаном, И. К. Вартичаном, А. Т. Борщом и др. в статьях, опубликованных ими в сборнике «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина». Эти ошибки, указал акад. В. В. Виноградов, свидетельствуют о том, что основы сталинского учения о языке недостаточно освоены молдавскими языковедами. Говоря о необходимости изучения языка писателей, акад. В. В. Виноградов указал, что следует, с одной стороны, тщательно анализировать вклад писателя в общенациональную сокровищницу языка, а с другой стороны, ставить вопрос об индивидуальных чертах стиля данного писателя.

Призывая к интенсивной разработке основ молдавского языкознания, акад. В. В. Виноградов предостерегал против некритического использования данных западноевропейского буржуазного языкознания, в частности работ некоторых румынских языковедов, еще не освободившихся от влияния структурализма и других направлений буржуазно-идеалистической науки о языке. В. В. Виноградов указал на необходимость создания в самый короткий срок научной описательной грамматики молдавского языка.

Интересный доклад заместителя директора Института языкознания АН СССР канд. филол. наук Б. А. Серебренникова был посвящен проблеме сравнительно-исторического метода применительно к молдавскому языку.

Молдавский язык, как и любой другой язык, говорит Б. А. Серебренников, представляет собой результат последовательного развития и распадения ряда языковых

общностей. Наиболее древней, досягаемой при современном состоянии науки языковой общностью, является индоевропейская языковая общность. В результате ее распада образовалась италийская языковая общность, из которой впоследствии выделяется латинский язык, явившийся в свою очередь языком-основой современных романских языков. Сохранение лексики и грамматического строя латинского языка в письменных памятниках имеет особое значение для романской филологии. Общие черты молдавского и румынского языков, а также балкано- и истро-румынских говоров говорят об историческом существовании дако-романской общности, возникшей в результате победы восточной (балканской) латыни над местным фрако-иллирийским субстратом, а позднее над славянскими языками. Влияние местного субстрата отразилось лишь в некоторых особых грамматических моделях румынского и молдавского языков и в проникновении небольшого количества фрако-иллирийских слов. Славянское влияние выразилось в значительных лексических заимствованиях и в усвоении отдельных словообразовательных элементов. Напротив, основной словарный фонд и грамматический строй молдавского и румынского языков сохраняют ярко выраженный романский характер. Таким образом, результаты взаимодействия балканской латыни с фрако-иллирийскими и славянскими языками служат наглядной иллюстрацией сталинского тезиса о характере скрещивания языков.

Молдавский и румынский языки, а также истро- и балкано-румынские диалекты, продолжает Б. А. Серебренников, являются в свою очередь результатом распада дако-романского языка-основы. Исторические смены различных языковых общностей отразились и в словаре и в грамматическом строе молдавского языка. Поэтому настоящее научное изучение молдавского языка немыслимо без прослеживания этих исторических напластований, а также без изучения связи истории языка и истории народа. Оно невозможно, заключает Б. А. Серебренников, без знания сравнительной грамматики романских языков и требует поэтому введения в языковых вузах Молдавии преподавания латинского и романских и, в особенности румынского, языков.

Ввиду болезни акад. В. Ф. Ш и ш м а р е в а его доклад «Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР» (помещен, с некоторыми сокращениями в настоящем номере журнала) был зачитан аспирантом Института мировой литературы им. А. М. Горького Ю. А. К о ж е в н и к о в ы м.

В своем докладе акад. В. Ф. Шишмарев подверг подробному анализу различные теории образования молдавского и румынского языков. Привлекая данные истории и языка (в особенности румыно- и молдаво-албанские связи), акад. В. Ф. Шишмарев выдвигает мысль об образовании балкано-романской народности и языка к югу от Дуная, в центральной части Балканского полуострова. Затем, указывает акад. В. Ф. Шишмарев, в результате проникновения славян (в особенности с конца VI в.) произошло распадение этого народа на несколько групп, которые перемещались в различных направлениях. Одна из этих ветвей распространилась на север и заняла Трансильванию, Молдавию и Валахию. Здесь акад. В. Ф. Шимарев полемизирует с М. В. Сергиевским, высказывавшим мысль о раннем распадении дако-романской ветви на самостоятельные молдавский и румынский языки. Акад. В. Ф. Шишмарев, привлекая лингвистические и исторические свидетельства, показывает, что начало распадения дако-романской народности и языка следует относить лишь к XIV в. Произошло оно в связи с образованием княжеств Валахии и Молдавии.

Акад. В. Ф. Шишмарев касается также вопроса о славянских элементах в молдавском и румынском языках. Славянские элементы, характерные для дако-романских языков, указывает В. Ф. Шишмарев, принадлежат разным слоям. Ранний слой (до XII в.)включает слова пастушеского и земледельческого словаря. Заимствования после XII в. говорят о широком славяно-романском двуязычии на территории Валахии и Молдавии, продолжавшемся вплоть до XVI века.

Затем акад. В. Ф. Шишмарев подробно останавливается на истории возникновения письменности на молдавском языке. Обращение к народному (романскому) языку в письменности, говорит акад. В. Ф. Шишмарев, связано с религиозно-социальным брожением, исходной точкой которого явились города Семигрядья и которое было связано с гуситством и влиянием западного славянства. В связи с этим акад. В.Ф. Шишмарев говорит о борьбе между отдельными молдавскими и валашскими говорами за обладание престижем в области литературной нормы.

Остановившись на своеобразии формирования румынского национального языка, акад. В.Ф. Шишмарев переходит к истории развития молдавского я ыка на территории Бессарабии в XIX и начале XX в. Присоединение Бессарабии к России сыграло свою положительную роль — оно привело к разрыву Молдавии со старыми полувосточными традициями и приобщило молдавский народ к более высокой русской культуре.

Последняя часть доклада акад В. Ф. Шишмарева была посвящена вопросам развития современного молдавского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Подчеркнув, что только Советская власть дала возможность молдавскому языку стать предметом обучения и изучения, акад. В. Ф. Шишмарев подчеркивает, что, поскольку в течение многих десятилетий молдавский язык «рос дичком без настоящей литературной школы», превращение его из орудия бытового общения «в ору-

ние культуры — дело не легкое». Акад. В. Ф. Шишмарев указывает, что молдавская литературная норма должна опираться на современный живой язык наиболее авторитетной в культурно-политическом отношении области (Кишинев и ближайшие к нему населенные пункты), речь которой наиболее понятна для других частей страны. Одновременно необходимо учитывать и традиции старой молдавской литературы. Важным ресурсом обогащения языка являются другие говоры республики.

Вместе с тем акад. В. Ф. Шишмарев призвал к разумному и критическому использованию для нужд молдавской литературной нормы положительных элементов структуры румынского языка, развитие которого в условиях народной демократии получило новое направление и который в свою очередь, несомненно, использует данные молдавского языка, развивающегося в условиях социализма.

«Если живой молдавский язык,— говорит в заключение акад. В. Ф. Шишмарев,— испытал и продолжает испытывать на себе влияние языков братских народов, украинского и в особенности русского, то связь с ними, естественно, будет поддерживать и молдавский письменный язык, служащий, на своем участке, вместе с ними одному общему делу — построению коммунизма».

Доктор филол. наук Р. А. Будагов в своем докладе «Молдавский язык среди романских языков» поставил чрезвычайно важный вопрос — вопрос об изучении отношения молдавского языка к другим романским языкам и выявлении его внутренней специфики. Иллюстрируя свои положения материалом молдавского и румынского словообразования и лексики, взятым в сравнении с данными других романских языков, проф. Р. А. Будагов показывает, что хотя многие специфические особенности молдавского языка оказываются общими с особенностями румынского языка, тем не менее молдавский язык обнаруживает и свои фонетические, лексические и грамматические особенности, которые отличают его от языка румынского. Проф. Р. А. Будагов отмечает, что большое значение для выявления специфики молдавского языка имеет мощное влияние русского языка, проявляющееся не только в лексике, но и в словообразовании.

Доклад канд. филол. наук Р. Г. Пиотровского был посвящен вопросу славяно-молдавских языковых отношений в связи с проблемой национальной специфики молдавского языка. Первый этап славяно-молдавских отношений (VI—XV вв.) включает взаимодействие молдавского и румынского языков, тогда бывших по существу двумя диалектными разветвлениями единой дако-романской речи, со старо- и среднеболгарским языком. Это раннее славянское влияние, роднящее молдавский язык с румынским, является одним из элементов специфики обоих языков, отличающих их от других романских языков.

Второй этап славяно-молдавских отношений, говорит Р. Г. Пиотровский, связан с влиянием на молдавский язык восточнославянских языков (особенно русского), восходящим еще к XV в. Влияние русского языка, усиливающееся в XIX в., принимает совершенно новые формы после Великой Октябрьской социалистической революции. Мощное влияние русского языка также служит одним из компонентов специфики молдавского языка, отличая при этом его не только от западнороманских языков, но также и от румынского языка.

В заключение докладчик останавливается на проблеме соотношения русских заимствований с древними южнославянскими элементами в молдавском языке.

Доктор филол. наук С. Б. Бернштейн в своем докладе «Славянские элементы в молдавском языке», с одной стороны, разоблачал антиславянские тенденции некоторых буржуазных румынских ученых, отрицающих славянское влияние на румынский и молдавский языки, а с другой стороны, подверг острой критике «теории» о смешанном характере молдавского языка, выдвигавшиеся молдавскими сторонниками Н. Я. Марра. Проф. Бернштейн подчеркивает, что решение вопроса о славяно-молдавских языковых взаимоотношениях возможно лишь на основе учения товарища Сталина о внутренних законах развития языка и в связи с проблемой проницаемых и непроницаемых сфер языка.

Выступая в прениях, проф. Бернштейн указал на отставание молдаванистики от общего темпа развития советского языкознания. Причины этого отставания, сказал проф. Бернштейн, заключаются в отсутствии критики и самокритики в рядах молдавских языковедов, а также в плохой организации и планировании научной работы в области изучения молдавского языка. В заключение проф. Бернштейн остановился на вопросе о различии румынского и молдавского языков. Вопрос этот, указал проф. Бернштейн, следует решать исходя не только из лингвистических данных, но и с учетом конкретных исторических условий.

С докладом о современном состоянии научной разработки молдавского языка и его истории выступил директор Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР И. Д. Чебан. Но вместо того, чтобы дать развернутую критику своих собственных марристских ошибок и вскрыть причины застоя в молдавском языкознании, И. Д. Чебан занялся догматической полемикой по частным вопросам орфографии и словоупотребления.

Из доклада стало ясно, что интересы молдавских языковедов не направлены на разрешение основных задач, поставленных И. В. Сталиным, но нацелены на мелкие,

непринципиальные вопросы, которые решаются без достаточного теоретического обоснования. Ни в докладе, ни в последующих своих выступлениях И. Д. Чебан не смог дать ясную картину планирования научно-исследовательской работы возглавляемого им института. Под давлением резкой критики выступавших в прениях И. Д. Чебан в своем заключительном слове вынужден был признать свои ошибки. «Эта сессия, как и подготовка ее в Москве и Ленинграде, была для меня большой лингвистической школой»,— сказал И. Д. Чебан.

Заведующий сектором языка и литературы Института истории, языка и литературы Молдавского филиала канд. филол. наук Н. Г. Корлэтяну выступил с докладом «Задачи исследования основного словарного фонда и словарного состава молдавского языка». Н. Г. Корлэтяну указывает на необходимость проследить законы исторического развития основного словарного фонда и определить лексические наслоения, происшедшие в разные периоды развития молдавского языка. Изучение формирования основного словарного фонда, равно как и исследование истории развития словарного состава молдавского языка необходимо проводить в связи с историей молдавского народа. Н. Г. Корлэтяну говорит также о необходимости внимательного изучения внутренних закономерностей молдавского словообразования. Изучая пути обогащения словарного состава современного молдавского языка, необходимо всегда считаться с мощным влиянием русского языка. В заключение своего доклада Н. Г. Корлэтяну говорит о необходимости создания нового русско-молдавского словаря, толкового словаря молдавского языка, синонимического, идиоматического, историко-этимологического и нового орфографического словарей.

В своем докладе «Некоторые закономерности развития грамматического строя молдавского языка» канд. филол. наук И. К. Вартичан поставил перед собой задачу вскрыть специфику грамматического строя молдавского языка. Однако наряду с правильными положениями о своеобразии развития молдавского и румынского артикля, особом образовании некоторых глагольных форм И. К. Вартичан допустил фактические ошибки, отрицая в частности существование в молдавском языке правила согласования времен. Недоумение слушателей вызвало утверждение И. К. Вартичана о том, что совершенствование и обогащение грамматического строя молдавского языка происходит «...за счет структурных — морфологических ...особенностей славянских языков». Характерно, что для иллюстрации этого положения, противоречащего сталинскому учению об устойчивости грамматического строя по отношению к иноязычным влияниям, И. К. Вартичан не смог привести ни одного примера из области молдавской словоизменительной морфологии, весь использованный им материал относился к словообразованию.

Перечисленные доклады вызвали оживленные прения, протекавшие в атмосфере свободной критики и борьбы мнений. Среди выступавших — члены правительства МССР, языковеды, историки, литературоведы Москвы, Киева, Кишинева, писатели и критики Молдавии, учителя, студенты вузов Кишинева. Всего в прениях участвовало около 50 человек.

В выступавшими были подвергнуты критике, а также развиты и дополнены некоторые актуальные вопросы и положения, затронутые в отдельных докладах. Одновременно выступавшие резко критиковали работу Института истории, языка и литературы и его директора И. Д. Чебана за слабое развертывание и плохое планирование научно-исследовательской работы в области молдавского языкознания.

Ученый секретарь Президиума АН СССР доктор филол. наук В. П. Сухотин выступил с развернутой критикой доклада И. Д. Чебана, в котором были, как метко выразился В. П. Сухотин, «обойдены основные вопросы разработки теории молдавского языка». Вопросы лексики, грамматического строя, словоупотребления и орфографии, проблемы соотношения литературного языка и народных говоров не являются предметом научного исследования в Молдавии. По этим вопросам ведутся лишь бессодержательные споры. «Мне представляется,— сказал В. П. Сухотин,— что у известной части молдавских языковедов царит исключительная неразбериха, путаница в элементарных вопросах науки, а также непреодоленные до конца марровские ошибки».

Указав на то, что в Молдавии имеются неплохие кадры языковедов, В. П. Сухотин подчеркнул, что необходимо сплотить эти кадры, организовать их научно-исследовательскую работу вокруг основных задач молдавского языкознания.

Большое внимание присутствующих вызвало обсуждение вопросов, связанных с ролью писателей в нормализации языка, а также проблемы изучения классического наследия.

Директор музея А. С. Пушкина в Кишиневе Б. А. Трубецкой призвал молдавских писателей изучать работу великого русского поэта А. С. Пушкина над языком и стилем своих произведений.

Литературовед В. К. Панфил говорила о роли писателей XIX в. К. Негруцци, К. Стамати, И. Крянга и др. в создании молдавского литературного языка. Председатель Союза писателей МССР А. П. Лупан указал, что молдавские языковеды не уделяют достаточного внимания изучению языка классического наследия и современной молдавской литературы. Некоторые молдавские лингвисты, в том числе

И. Д. Чебан, не понимают сущности литературной нормы, закрепленной традицией. Только этим можно объяснить их проекты коренной реформы орфографии, ориентирующей общенародный молдавский язык на отдельный местный говор.

Выступившие на совещании коснулись также проблем изучения истории молдавского языка в связи с историей молдавского народа. Проф. Л. В. Черепнин (Институт истории АН СССР) указал на необходимость изучения молдавского летописания. Зав. сектором истории Молдавского института истории, языка и литературы канд. истор. наук Н. А. Мохов подчеркнул, что важная проблема этногенеза молдавского народа может быть решена лишь совместными усилиями историков и языковедов.

С критическими замечаниями по докладу акад. В. Ф. Шишмарева выступили канд. истор. наук В. М. Сенкевич и докторант Института истории АН СССР Ф. А. Грекул.

Вопросам разработки молдавской терминологии были посвящены выступления канд. филол. наук А. В. Юстратовой, Г. С. Кику (Учпедгиз), Н. Н. Романенко и др.

Вопросов организации учебного процесса в лингвистических вузах Молдавии и методики преподавания языковых дисциплин касались в своих выступлениях С. Г. Мельницкая, М. А. Шлыкова, П. Е. Руссу, С. С. Чиботару и др.

Проф. С. Б. Бернштейн, канд. истор. наук И. И. Мещерюк и преподаватель средней школы Д. Н. Танасоглo указали на необходимость организации научного изучения языков национальных меньшинств, живущих на территории Молдавии.

Министр просвещения МССР А. Н. Крачун в своем развернутом выступлении говорила о своеобразиях звукового строя молдавского языка, отличающих его от румынского языка. Вместе с тем А. Н. Крачун высказалась против коренной перестройки современной молдавской орфографии. Перейдя к вопросу об обогащении словарного состава молдавского языка за счет заимствований из русского языка, А. Н. Крачун указала на необходимость разумного заимствования русизмов, которые должны ассимилироваться молдавским языком, подчиняясь его грамматическим и фонетическим закономерностям. Ссылаясь на опыт историков, А. Н. Крачун замечает, что залогом успехов молдавских лингвистов является хорошо организованная коллективная работа.

По окончании прений выступил секретарь ЦК КП(б) Молдавии А. М. Лазарев.

Настоящая сессия, сказал А. М. Лазарев, является историческим событием в развитии науки Советской Молдавии. Языковеды Москвы и Ленинграда оказали неоценимую помощь языковедам Молдавии. Мы от всей души благодарим вас, сказал А. М. Лазарев, обращаясь к акад. В. В. Виноградову и проф. В. П. Сухотину, за руководство и действенную помощь науке нашей республики.

Переходя к анализу работы молдавских языковедов, А. М. Лазарев указал, что недостатки и ошибки в работе молдавских языковедов объясняются прежде всего тем, что они недостаточно глубоко изучили основополагающие труды И. В. Сталина, неумело, а подчас просто неправильно претворяли в жизнь гениальные указания вождя. Вторая ошибка молдавских языковедов состоит в том, что они подменили разработку основных проблем грамматического строя и словарного состава молдавского языка бессодержательными спорами по частным и непринципиальным вопросам. Наконец, среди молдавских языковедов отсутствовало творческое содружество и настоящая большевистская критика и самокритика в решении принципиальных вопросов. Это привело к тому, что научные силы были распылены, а отдельные языковеды замыкались в разработке частных вопросов. При этом очень часто, говорит М. А. Лазарев, принципиальная критика была подменена заушательским охаиванием отдельных научных работников. В качестве примера такой критики «вразнос», граничащей с дискредитацией отдельных языковедов, А. М. Лазарев приводит выступления на сессии Г. Ф. Богача, А. П. Евдошенко, Ф. А. Грекула. Выступления этих товарищей были единодушно осуждены всеми присутствовавшими на сессии.

Говоря о специфике молдавского языка, А. М. Лазарев напоминает о том большом влиянии, которое оказал в свое время молдавский язык на формирование литературного румынского языка. Значительную часть своего выступления А. М. Лазарев посвятил вопросу изучения территориальных молдавских диалектов. Изучение диалектов поможет определить, на какой из диалектов должна ориентироваться литературная норма. Затем А. М. Лазарев подверг критике работу терминологической комиссии, которая не выполнила возложенного на нее государственного задания.

В заключение А. М. Лазарев указал, что сессия помогла лингвистам Молдавии осознать свои промахи и недоработки, и выразил уверенность, что молдавские языковеды приложат все усилия к тому, чтобы преодолеть допущенные ими ошибки и оправдать доверие советского народа, большевистской партии и товарища Сталина.

Сессия приняла развернутую резолюцию, посвященную вопросам молдавского языкознания. Указывая на отставание молдавского языкознания от общего темпа развития советской науки о языке, сессия наметила ряд конкретных мероприятий, способствующих преодолению элементов застоя и путаницы в научной работе молдав-

ских лингвистов. Необходимо глубокое изучение молдавскими языковедами гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и преодоление пережитков антинаучной марровской теории в научно-исследовательской работе.

Необходимо нацелить внимание языковедов на исследование основного словарного фонда, словарного состава и грамматического строя молдавского языка, а также на всестороннее изучение диалектов и на подготовку диалектологического атласа.

В резолюции указывается на необходимость изучения языка и стиля произведений молдавской классической литературы и произведений современных молдавских писателей. Большое значение придается сравнительно-историческому изучению молдавского языка.

В резолюции остро и конкретно поставлена проблема улучшения школьного преподавания молдавского и русского языков и создания соответствующих методических пособий. Предлагается широко практиковать творческие дискуссии по основным вопросам молдавского языкознания. Сессия указала также на необходимость организации коллективных исследований и потребовала усиления подготовки научных кадров через аспирантуру и докторантуру.

Ученый секретарь Президиума АН СССР доктор филол. наук В. П. Сухотин, закрывая сессию, охарактеризовал ее как начало упорной и серьезной перестройки работы молдавских лингвистов в свете гениальных сталинских указаний.

С огромным подъемом было принято приветственное письмо И. В. Сталину.

Р. Г. Пиотровский

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР В 1951 ГОДУ

В 1951 г. в заседаниях Ученого совета Института языкознания АН СССР было защищено четыре докторских и девять кандидатских диссертаций.

22 февраля 1951 г. состоялась защита С. П. Горским диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тема диссертации — «Очерки по истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период)».

Работа С. П. Горского представляет собой исторический обзор возникновения и развития чувашского литературного языка до Великой Октябрьской социалистической революции. В развитии чувашского литературного языка автор устанавливает следующие четыре периода (которым соответствуют четыре главы диссертации): 1) 1730—1861 гг. — от возникновения чувашской письменности до отмены крепостного права; 2) 1861—1904 гг.— от отмены крепостного права до первой русской революции; 3) 1905—1907 гг.— период первой русской революции; 4) 1908—1917 гг.— от первой русской революции до Великой Октябрьской социалистической революции.

Первая глава посвящена вопросу происхождения чувашской письменности и включает характеристику начального периода развития чувашского литературного языка. Автор анализирует содержание первой грамматики чувашского языка, изданной Российской Академией Наук в 1769 г., переизданной затем в 1775 г., и других чувашских грамматик данного периода, описывает чувашские словари и буквари, а также дает свою оценку первых чувашских переводов. С. П. Горский подчеркивает и иллюстрирует фактическими данными то положение, что происхождением письменности чувашский народ обязан передовой русской науке и русским ученым. Вторая глава содержит оценку деятельности и характеристику работ по чувашскому языку Н. И. Золотницкого и И. Я. Яковлева, а также анализ языка баллады «Арсюри» чувашского писателя М. Ф. Федорова. В третьей главе исследуются вопросы чувашской терминологии, заимствованной из русского языка в период 1905—1907 гг., дается характеристика языка и стиля газетно-публицистической речи этого периода; основная часть этой главы посвящена анализу языка, главным образом синтаксиса, поэтических произведений чувашского писателя К. В. Иванова и определению его роли в истории развития чувашского литературного языка. Четвертая глава содержит описание научной деятельности Н. И. Ашмарина в области изучения чувашского языка и его диалектов.

Официальные оппоненты: акад. В. А. Гордлевский, член-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс, проф. В. М. Насилов и доктор филол. наук Н. А. Баскаков, давшие в целом положительную оценку труда С. П. Горского и отметившие его бесспорную актуальность, указали на ряд существенных недостатков диссертации, заключающихся в нарушениях композиционной стройности, в некоторой неравномерности изложения материала, в нечеткости ряда формулировок.

Большим пробелом в обсуждаемой диссертации явилось, по мнению Е. Э. Бертельса, то, что автор совсем не коснулся вопроса о взаимоотношении чувашского языка с соседними тюркскими языками.

Проф. В. М. Насилов отметил, что в работе диссертанта неполно освещен вопрос о языке чувашского фольклора, недостаточно систематизированной представляется характеристика основного словарного фонда чувашского языка, слабо разработан вопрос о синтаксических функциях падежей.

Указав, что в работе С. П. Горского в основном правильно разработана схема периодизации развития чувашского литературного языка, Н. А. Баскаков высказал мнение, что в диссертации не следовало бы выделять в качестве особого периода отрезок времени с 1905 по 1907 г. Н.А. Баскаков обратил внимание на неправильность утверждения автора, что чувашский литературный язык дооктябрьского периода представлял собой совокупность всех местных диалектов народно-разговорного языка, формировавшегося стихийно на базе взаимодействия диалектов между собой (как известно, каждый литературный язык базируется на основе какого-либо одного диалекта). Оппонент указал также на имеющуюся в работе С. П. Горского недооценку роли Н. И. Ашмарина в изучении чувашского языка.

* * *

10 мая 1951 г. Ученый совет института обсудил представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук диссертацию С. А. Копорского на тему — «Из истории развития лексики русской художественной литературы 60—70-х годов XIX века (словарный состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова)».

Основная задача данного исследования — показать на конкретном материале, словарном составе сочинений писателей-демократов Н. Успенского, Слепцова и Решетникова, как использовался ими общенародный язык, его стили, народные говоры и жаргоны в качестве одного из средств художественной литературы для выражения общественных и эстетических взглядов демократических направлений 60—70-х годов.

Диссертация С. А. Копорского начинается с обширного введения, в котором излагаются взгляды Чернышевского, Добролюбова и Писарева на язык и науку о языке, дается общая характеристика творчества Н. Успенского, Слепцова и Решетникова, а также содержится анализ типов речи, употребляемых в сочинениях писателей-демократов. Далее, в десяти главах исследования, дается анализ тех сторон словарного состава сочинений писателей-демократов, которые, по мнению автора, являются наиболее типичными для их слога. В первых шести главах содержится описание собранного автором словарного материала, распределенного по частям речи; глава седьмая характеризует естественно-научную терминологию в произведениях писателей-демократов; в восьмой главе приводятся диалектизмы, вводимые писателями-демократами в свои произведения, и показывается их социально-стилистическая функция; девятая глава диссертации посвящена характеристике речи действующих лиц в произведениях Н. Успенского, Слепцова и Решетникова; десятая глава, заключительная, содержит выводы, к которым пришел автор в результате своего исследования.

Выступивший в качестве официального оппонента акад. С. П. Обнорский указал, что диссертация С. А. Копорского — первый обстоятельный труд в области лексики русского литературного языка, поражающий, прежде всего, обилием привлеченного к исследованию материала. Несмотря на имеющиеся в работе отдельные недосмотры, а также некоторые спорные положения, она в целом вполне может служить основанием для присуждения ее автору ученой степени доктора филологических наук.

Официальный оппонент доктор филол. наук Р. И Аванесов также дал высокую оценку работы С. А. Копорского. Литературный язык 60—70-х годов XIX в. автор представил на широком фоне истории русского литературного языка предшествующих эпох, а частично также и последующей эпохи; он собрал и проанализировал обширный фактический материал и сделал большое количество ценных наблюдений над ранее неизвестным или мало известным материалом; диссертация в целом является ценным вкладом в изучение истории русского литературного языка. Вместе с тем проф. Р. И. Аванесов указал на ряд недостатков диссертации, наиболее существенные из которых — ее эмпиризм, отсутствие в ней раздела, выясняющего основные понятия лексикологии, в частности понятия основного словарного фонда и словарного состава языка; перегруженность работы фонетическим, морфологическим и синтаксическим материалом, некоторая нечеткость как в изложении материала, так и в терминологии. Р. И. Аванесов указал, что в работе лексикологического характера, какой является диссертация С. А. Копорского, мало оправданным оказалось распределение слов по грамматическим классам; оппонент отметил, что в исследовании С. А. Копорского следовало бы более расчлененно представить такие качественно различные проблемы, как проблемы лексикологии в собственном смысле, проблемы стилистики и проблемы поэтики; неверным, по мнению Р. И. Аванесова, явилось проведенное в диссертации противопоставление авторской речи, с одной стороны, и речи диалогической, с другой. Термин «демократический реализм», употребленный С. А. Копорским в применении к творчеству Слепцова, Решетникова и Н. Успенского, Р. И. Аванесов признал неудачным.

Официальный оппонент доктор филол. наук А. И. Ефимов указал на правильность методологической позиции С. А. Копорского, положившего в основу своего исследования учение И. В. Сталина о языке как общественном явлении, а также его учение о закономерностях развития словарного состава русского языка. К литературному языку автор подошел как к языку народному, обработанному мастерами и развивающемуся в тесном взаимодействии с языком общенародным. Вместе с тем автор дал четкое представление об индивидуальном своеобразии языка и слога изучаемых им писателей. В исследовании С. А. Копорского попутно с основными вопросами поставлены и разрешены также некоторые частные вопросы, представляющие несомненный интерес для истории русского литературного языка, например вопрос об отношении языка художественной литературы к общенародному языку, вопрос об отношении диалектной лексики к лексике художественной литературы и некоторые другие. К недостаткам работы оппонент отнес перегруженность фактическим материалом некоторых ее разделов, перевес в ряде случаев литературоведческого анализа над лингвистическим, неточность отдельных формулировок. По мнению А. И. Ефимова, автор уделил мало внимания фразеологическому составу языка писателей-демократов. Оппонент высказал мнение, что С. А. Копорскому следовало бы провести в своей работе более четкие границы, определяющие индивидуальное своеобразие языка и слога каждого из изучаемых писателей; при анализе фамилий-прозвищ целесообразно было бы подчеркнуть, как писатели-демократы намеренно усиливали их экспрессивно-характеристическую функцию.

Официальный оппонент доктор филол. наук П. С. Кузнецов, присоединившись к положительной оценке диссертации С. А. Копорского другими оппонентами и к их мнению о том, что рассматриваемая работа представляет собой весьма ценный вклад в изучение истории русского литературного языка, высказал ряд критических замечаний как общего, так и частного порядка. Так, по мнению проф. П. С. Кузнецова, не совсем оправдано принятое автором расположение лексического материала по частям речи; анализ отдельных слов, употребляемых Н. Успенским, Слепцовым и Решетниковым, во многих случаях оказался неполным; в ряде случаев сопоставления материала произведений рассматриваемых в работе писателей-демократов с материалом, извлекаемым из произведений других писателей той же поры, явно недостаточно; употребляемому в работе применительно к диалогической речи понятию «фраза» не дано точного определения; в ряде случаев грамматический анализ предложений подменен логическим; некоторые положения диссертации изложены не совсем ясно или являются спорными.

* * *

Докторская диссертация Э. И. Каратаевой «Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия (из истории образования сложного предложения в национальном русском литературном языке)» обсуждалась в заседании Ученого совета института 2 июля 1951 г.

В своем исследовании Э. И. Каратаева проследила процесс образования союзного сложно-подчиненного предложения в русском литературном языке второй половины XVII в.— эпохи, когда уже начинал складываться национальный русский язык.

Работа состоит из краткого введения, шести основных глав и заключения. Во введении дана общая характеристика русского литературного языка второй половины XVII столетия, указывается, в чем состоит цель работы, определяется роль сложно-подчиненного предложения в русском литературном языке. В первой главе рассматриваются существовавшие во второй половине XVII столетия конструкции сложных предложений, переходные от сочинительных к подчинительным. Во второй главе определяется роль соотносительных слов в образовании подчинительных конструкций. Глава третья посвящена вопросу о месте придаточного предложения по отношению к главному. В главе четвертой дается характеристика временных сложно-подчиненных предложений. Здесь устанавливается, что временные отношения выражаются большим числом разнообразных союзов, и прослеживается процесс замены старых союзов новыми. Последняя, шестая глава посвящена характеристике союзов, выражающих отношения причины, цели, следствия. Заключительная глава, подводящая итоги исследования, содержит описание процесса формирования сложно-подчиненных предложений во второй половине XVII столетия.

Основные выводы, к которым пришел автор диссертации относительно формирования конструкций сложно-подчиненных предложений, не вызвали принципиальных возражений со стороны официальных оппонентов: докторов филол. наук В. И. Борковского, Б. А. Ларина и А. Б. Шапиро. Оппоненты признали значительную научную ценность работы Э. И. Каратаевой, посвященной еще не разработанной в историческом синтаксисе русского языка теме и основанной на большом фактическом материале.

Вместе с тем оппоненты отметили в обсуждаемой диссертации ряд недостатков и спорных положений.

Проф. В. И. Борковский выразил свое несогласие с утверждением автора, что сложно-подчиненное предложение является исключительно «категорией национального литературного языка», и указал на имеющуюся в диссертации недооценку значения тех процессов, которые протекали в синтаксической системе русского языка в более раннее время, когда существовал язык народности, а не язык нации. Оппонент признал неправильной проведенную в диссертации мысль о совпадении при феодализме грамматических и стилистических категорий, указал на недостаточную аргументированность утверждения автора, что союзы становятся «отличительным качеством национального литературного языка», обратил внимание на ряд имеющихся в работе Э. И. Каратаевой неточных и неудачных формулировок.

Проф. Б. А. Ларин указал на имеющиеся в работе Э. И. Каратаевой случаи неправильного или спорного толкования автором текстов, на перегруженность некоторых разделов работы фактическим материалом, отметил недостатки стиля изложения.

Проф. А. Б. Шапиро высказал мнение, что для работы на историческую тему, какой является диссертация Э. И. Каратаевой, целесообразнее было бы выбрать более узкий объект исследования (например, только причинные или только целевые сложноподчиненные предложения) и проследить процесс развития данной категории на протяжении ряда веков. Недостатком работы проф. А. Б. Шапиро признал отсутствие в ней главы или раздела, содержащего изложение взглядов автора на те понятия, которыми он оперирует в своей работе. Оппонент не согласился с рядом утверждений Э. И. Каратаевой, в частности с утверждением, что сочинительные союзы выполняют подчинительные функции. Неясно, по мнению оппонента, изложен в работе вопрос о том, как происходит смена одних языковых форм другими: остается впечатление, что эта смена имеет характер внезапности, однократности. Мало убедительным и не доказанным фактами языка явилось положение автора о многозначности союза *что* в языке исследуемой им эпохи.

В обсуждении диссертации Э. И. Каратаевой приняли также участие доктора филол. наук Е. М. Галкина-Федорук и П. С. Кузнецов.

* * *

Защита В. Г. Егоровым докторской диссертации на тему — «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» состоялась в заседании Ученого совета института 26 октября 1951 г.

Диссертация В. Г. Егорова представляет собой фундаментальное исследование по современному чувашскому языку, включающее в себя историографию вопроса, общую генеалогическую и типологическую характеристику чувашского языка, краткие сведения по его истории и диалектологии, сведения по истории чувашского литературного языка, значительный материал по его лексике и идиоматике и, наконец, описание его фонетики и морфологии. Работа состоит из введения и четырех глав. Введение посвящено общим вопросам типологической характеристики чувашского языка, его месту среди других тюркских языков, его отношению к территориальным диалектам, а также вопросам истории чувашского языка. Вторая глава излагает вопросы основного словарного фонда и словарного состава чувашского языка. Третья глава исследует фонетическую его структуру. Четвертая, последняя глава диссертации посвящена морфологии чувашского языка. Как указывает автор, его работа имеет и специальное практическое назначение — служить пособием по чувашскому языку для студентов, аспирантов, учителей школ и преподавателей вузов, изучающих и преподающих чувашский язык.

Выступившие на защите диссертации В. Г. Егорова официальные оппоненты: член-корр. АН СССР Н. К. Дмитриев, доктора филол. наук Н. А. Баскаков и В. И. Лыткин — отметили несомненную актуальность и большую научную ценность работы В. Г. Егорова, представляющей, помимо теоретического, и значительный практический интерес в качестве пособия для высшей школы. Оппоненты высказали мнение о целесообразности скорейшего напечатания труда В. Г. Егорова.

Как положительные стороны диссертации В. Г. Егорова член-корр. АН СССР Н. К. Дмитриев отметил интересную и убедительную попытку автора диссертации исторически локализовать татарские, арабские и персидские заимствования в чувашском языке, подробное описание русских лексических заимствований в чувашском языке, прекрасно составленный обзор словарей чувашского языка, интересные наблюдения над динамикой языковых явлений и т. п. Однако Н. К. Дмитриев выразил сожаление, что в труде В. Г. Егорова совершенно не представлен, в качестве самостоятельного раздела, синтаксис чувашского языка. По мнению Н. К. Дмитриева, снижает достоинства работы и то обстоятельство, что имеющийся в ней богатый сравнительный материал привлекается по частным и конкретным поводам, а не как выражение какого-либо принципиального метода исследования. Оппонент подверг критике трактовку автором некоторых падежных значений и форм (например, В. Г. Егоров отстаивает традиционные для чувашской грамматики термины «винительный и дательный неоформленные», тогда как в действительности это не отдельные

падежи, а лишь частные функции основного падежа), отметил допущенные В. Г. Егоровым в ряде случаев ошибки при объяснении этимологии отдельных слов и аффиксов.

Доктор филол. наук Н. А. Баскаков указал на то обстоятельство, что В. Г. Егоров, закончивший работу над данной диссертацией в 1947 г., в последнее время подверг ее тщательной переработке и пересмотру, в результате чего работа была освобождена от тех методологических погрешностей, которые были вызваны воздействием «нового учения» о языке. Достоинствами работы В. Г. Егорова являются: широкое использование автором историко-сравнительного метода в анализе явлений языка, последовательное применение принципа историзма, правильная трактовка вопроса истории развития чувашского языка, тщательный и интересный анализ чувашской лексики. В числе недостатков работы, отмеченных оппонентом,— использование автором текстов переводной, а не оригинальной литературы в качестве примеров, иллюстрирующих факты чувашского языка; отсутствие ссылок на источники при сравнении и сопоставлении фактов чувашского языка с фактами других тюркских языков; некоторая недоработка диссертации со стороны ее литературного и технического оформления. Н. А. Баскаков высказал также ряд конкретных замечаний по отдельным вопросам истории чувашского языка, его лексики, фонетики и грамматики. Так, оппонент отметил, что в разделе лексики автор в большей мере осветил вопрос о лексических схождениях чувашского языка с другими тюркскими языками в и меньшей мере привел материалы, характеризующие лексические расхождения с этими языками. Перечисляя средства выражения грамматических значений, В. Г. Егоров отметил только систему аффиксов словоизменения и систему аффиксов формообразования и не выделил аффиксов словообразования, как особой системы, определяющей границы между основным словарным фондом и грамматическим строем языка. Правильнее было бы, сказал Н. А. Баскаков, систему аффиксов формообразования рассматривать как раздел словообразования, а не наоборот, как это сделал автор диссертации.

Проф. В. И. Лыткин, отметив, что В. Г. Егоров успешно разрешает основные поставленные в его диссертации проблемы, остановился на тех вопросах, которые требуют еще дальнейшего углубленного исследования. Оппонент указал на противоречивость понимания автором вопроса происхождения чувашского языка и этногенеза чувашей, сделал ряд замечаний по поводу принципов, лежащих в основе рассмотрения звуков чувашского языка, а также по поводу разделов диссертации, посвященных древнерусским заимствованиям в чувашском языке, словообразовательным суффиксам иноязычного происхождения и др.

В качестве неофициального оппонента по защите диссертации В. Г. Егорова выступил старший научный сотрудник Б. А. Серебренников.

Присоединившись к той положительной оценке, которая была дана работе В. Г. Егорова официальными оппонентами, Б.А. Серебренников подверг критике высказанное автором положение о том, что членная форма прилагательного в чувашском языке в точности соответствует членным формам в индоевропейских языках, а также остановился на его трактовке категории определенности в чувашском языке и на анализе значений прошедшего неочевидного времени. Б. А. Серебренников высказал также мнение о наличии большой близости между структурами чувашского и марийского языков.

* * *

Представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук диссертация С. А. Бурнашевой на тему — «Изменения в словарном составе татарского языка в советскую эпоху» является одной из первых попыток конкретизировать понятие основного словарного фонда татарского языка и наметить историю словарного состава этого языка в советскую эпоху. Диссертация состоит из четырех глав. В первой главе поставлен вопрос о формировании словарного состава современного татарского литературного языка; здесь показано, как в течение нескольких исторических периодов обогащался, развивался и шлифовался словарный состав языка. Вторая глава диссертации посвящена структурным элементам словарного состава дореволюционного татарского языка и содержит обзор основного словарного фонда татарского языка, рассмотрение заимствований из арабского и персидского языков, характеристику русизмов в татарском языке. В третьей главе рассматриваются изменения, происшедшие в словарном составе татарского языка за последние 30 лет, сводящиеся к трем основным процессам: 1) пополнение существующего словаря новыми словами и выражениями; 2) изменение значения у ряда слов и выражений; 3) отмирание устаревших слов. Последняя, четвертая глава содержит характеристику основных способов образования новых слов в татарском языке (аффиксация, словосложение, сложно-сокращенные слова, кальки).

* * *

Кандидатская диссертация Т. И. Фроловой — «Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка» посвящена исследованию указанных в заглавии категорий в говорах, распространенных главным образом в Ижемском и

Железнодорожном районах Коми АССР. Во введении к работе дается общая характеристика района изучаемых говоров и описание их фонетических особенностей. В основной части работы, состоящей из трех глав, содержится анализ особенностей словоизменения (категория числа, основное склонение, лично-притяжательное склонение) и словообразования именных категорий верхневымских говоров, а также делаются выводы относительно существующей в верхневымских говорах дифференциации именных категорий. Автор устанавливает, что отмеченные в данной диссертации морфологические отличия верхневымских говоров от коми литературного языка восходят к глубокой древности.

* * *

В. А. Сорвачева в своей кандидатской диссертации на тему — «Морфологические особенности верхневашского говора» дает подробную морфологическую характеристику окраинного говора удорского диалекта коми языка. В основу работы положены личные наблюдения автора. Диссертация содержит описание и анализ тех морфологических признаков существительных, так называемых изобразительных слов, прилагательных, местоимений, глаголов, наречий, которые характерны для верхневашского говора в отличие от литературного коми языка; здесь рассматриваются также послелоги, частицы и союзы, имеющие иное употребление, чем в литературном языке. Кроме того, в работе В. А. Сорвачевой сообщаются краткие этнографические сведения о жителях обследованного района и дается описание основных фонетических особенностей, отличающих верхневашский говор от литературного коми языка.

* * *

Одному из важных вопросов исторической морфологии чешского языка посвящена кандидатская диссертация Е. В. Немченко — «Из истории кратких причастий действительного залога в чешском языке». На материале письменных памятников чешского языка XIII—XVI вв. автор исследует синтаксическую функцию кратких причастий действительного залога и устанавливает причины, вызвавшие изменение этих причастий в деепричастия. Е. В. Немченко доказывает, что история образования деепричастий связана с постепенным изменением синтаксической функции кратких причастий действительного залога. Диссертация состоит из введения и трех глав. Во введении определены методологические позиции автора, под углом зрения которых она и рассматривает труды чешских и русских лингвистов, исследовавших историю кратких действительных причастий в чешском и русском языках. Первая глава («Именные формы действительных причастий в древнейших памятниках чешского языка») содержит обзор и характеристику исследуемых памятников чешской письменности XIII—XIV вв., а также рассмотрение функции и значения употребляемых в них кратких действительных причастий. Во второй главе («Краткие причастия действительного залога в памятниках чешской письменности XV и XVI вв.») дается характеристика исследуемых языковых явлений в памятниках указанного периода и определяются функции кратких причастий действительного залога (в сопоставлении с предшествующим периодом). Проведенное автором исследование показывает, что в формировании категории деепричастий решающую роль сыграло употребление кратких причастий действительного залога в функции второстепенного сказуемого; предикативное использование этих причастий сочеталось с тем, что они передавали также значение обстоятельства совершения главного действия, выраженного глаголом, что, в свою очередь, определяло их переход в категорию предикативных обстоятельственных слов, т. е. деепричастий. Третья глава («Деепричастия в современном чешском языке») исследует употребление деепричастий в говорах и литературных произведениях современного чешского языка. Здесь же рассматривается вопрос об адвербиализации деепричастий.

* * *

В своей кандидатской диссертации — «Употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения в русском языке XI—XVII веков» И. Б. Кузьмина на материале памятников различных жанров исследует вопрос об употреблении разных глагольных форм в качестве сказуемых побудительных предложений. В первых четырех главах своей работы автор рассматривает употребление разных глагольных форм в предложениях с общим значением побуждения. В первой главе описываются предложения, в которых побуждение выражено формами повелительного наклонения. Глава вторая содержит наблюдения и выводы автора о выражении побуждения, желания, долженствования глаголами настоящего и будущего времени в сочетании с побудительно-желательными частицами и без этих частиц. Третья глава посвящена вопросу о выражении побуждения при помощи сослагательного (ирреально-гипотетического) наклонения. Четвертая глава рассматривает выражение долженствования и побуждения при помощи независимого инфинитива. И. Б. Кузьмина стремится определить круг модальных оттенков, выражаемых с помощью глагольных форм разных наклонений, широту употребления форм, выражающих побуждение, в языке различных

памятников и соотносительность между собой этих форм. В пятой, последней главе диссертации описываются некоторые явления из истории форм повелительного наклонения.

* * *

Представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук диссертация Н. М. Александрова озаглавлена: «К вопросу о сочинении и подчинении предложений». В начале диссертации автор рассматривает особенности сочинения предложений и предлагает свою классификацию сложно-сочиненных предложений (глава I). Далее дается критический разбор имеющихся в синтаксической литературе взглядов на сущность подчинения и его отличие от сочинения (главы II—VIII). Рассматривая особенности синдетического (союзного) сочинения в отличие от подчинения, автор приходит к выводу, что при сочинении осуществляется неполная связь между предложениями, тогда как подчинение представляет собою полную связь между ними (главы IX—X). Автор исследует затем развитие различных типов союзного подчинения из сочинения: возникновение коррелятивной связи предложений, развитие дифференцированных подчинительных союзов из первоначально недифференцированных многозначных показателей подчинения, развитие сложно-подчиненных предложений из глагольно-именных конструкций, а также случаи заимствования союзов в языках с неразвитым гипотаксисом (главы XI—XV). Особые главы диссертации (XVI и XVII) посвящены относительному придаточному предложению, косвенной речи и косвенному вопросу. Далее анализируются бессоюзные формы подчинения, в частности бессоюзные определительные, дополнительные, условные предложения и их грамматические показатели (ударение, интонация, порядок слов, особое наклонение — конъюнктив, последовательность времен) (главы XVIII—XXII). Заключительная (XXIII) глава исследования, содержащая основные выводы, ставит вопрос об исторических причинах происхождения и развития сложно-подчиненных предложений и предлагает схему их классификации, которой предпослана критика классификационных схем других авторов. Проблема сочинения и подчинения предложений рассматривается Н. М. Александровым на сравнительном материале языков индоевропейских (немецкого, французского, английского, итальянского, русского, старославянского, греческого, латинского, санскрита и новоперсидского), с привлечением некоторых примеров из языков иных систем (тюркских и монгольских).

* * *

В кандидатской диссертации Б. Г. Гафарова на тему — «Система спряжения в гагаузском языке» разрабатывается материал по гагаузскому языку, до сих пор очень мало известному в науке. К исследованию привлечены фольклорные записи В. А. Мошкова, опубликованные им в 1904 г., и личные записи Б. Г. Гафарова, сделанные им во время его поездки к гагаузам. Первая глава диссертации содержит краткие сведения по истории гагаузского народа и характеристику гагаузского языка, причем автор присоединяется к мнению ученых, признающих гагаузский язык самостоятельным языком тюркской группы. Вторая глава излагает историю изучения гагаузского языка. В третьей главе дается характеристика грамматического строя гагаузского языка, его фонетики и словарного состава и подчеркивается специфика этого языка, отличающая его от других тюркских языков. Четвертая глава служит непосредственным введением к основной части работы — описанию системы спряжения гагаузского глагола; в этой главе содержатся общий анализ форм глагола как особой части речи и описание системы глагольного словообразования. В пятой главе, посвященной системе спряжения глагола, дан анализ основных глагольных категорий: категорий лица, наклонения, времени и залога. В последней, шестой главе содержится характеристика глагольных наклонений: изъявительного, повелительного, желательного и условного. Здесь же рассматривается вопрос о выражении в гагаузском языке условной модальности, а также содержатся краткие сведения об инфинитиве и модальности на-*мыш*. К диссертации приложены схема спряжения глаголов в гагаузском языке и тексты фольклорных записей.

* * *

Кандидатская диссертация Н. Т. Пенгитова — «Причастия в марийском языке» представляет собой детальную разработку мало изученного в науке вопроса о грамматических признаках и функциях причастий марийского языка. Причастия рассматриваются автором как особая глагольно-именная форма, имеющая признаки, сходные, с одной стороны, с глаголами, а с другой — с именами прилагательными и существительными. В первой, вводной главе диссертации, помимо изложения истории вопроса, содержится краткий очерк грамматики и фонетики марийского языка. В последующих четырех главах исследуются лексико-морфологические особенности и условия употребления основных групп причастий в марийском языке: активных, пас-

сивных, причастий будущего времени и отрицательных причастий; попутно делаются наблюдения над теми особенностями в образовании и синтаксическом употреблении этих групп причастий, которые характеризуют, с одной стороны, лугово-восточное и, с другой стороны, горно-марийское наречия марийского языка.

* * *

Историческим исследованием в области тюркских языков является диссертация А. М. Щ е р б а к а — «Сказание об Огузе (к истории узбекского языка)», представленная им на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Материалом для исследования послужил древнейший список Огуз-намэ, принадлежавший Шарлю Шеферу и хранящийся ныне в парижской Национальной библиотеке. После краткого введения, включающего в себя историографию вопроса, описание рукописи, перечень и сравнение рукописных вариантов памятника, автор дает в первой главе диссертации детальный анализ языка «Сказания»: его фонетических, морфологических, синтаксических особенностей — сравнительно с языковыми особенностями уйгурских и староузбекских текстов. Вторая глава исследования представляет собой лексический комментарий к изучаемому памятнику. В следующей, третьей главе автор устанавливает время написания памятника —XII или XIII вв.—и принадлежность языка этого памятника языку уйгуров каганата караханидов, имевшему особенности, общие и для староузбекского языка. Четвертая глава («Язык Легенды и проблемы „уйгуро-чагатайских" языковых связей») устанавливает близость языка рассматриваемого памятника к «чагатайскому» языку, являющемуся, в трактовке автора, литературной, книжной формой староузбекского языка.

Е. А. Иванчикова

Р е д к о л л е г и я:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» 3
Б. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров. Проблема образования и развития языковых семей 41
Т. С. Шаралзенидзе. Процессы дифференциации и интеграции языков в свете учения И. В. Сталина 65
В. Ф. Шишмарев. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР 80
М. И. Стеблин-Каменский. Образование норвежского национального языка 107

О подготовке языковедческих кадров 121

А. С. Чикобава. О подготовке специалистов по общему языкознанию 122
Н. С. Поспелов. О структуре филологических факультетов университетов и подготовке лингвистических кадров в области русского языкознания 127
Н. И. Конрад. Об изучении восточных языков в наших высших учебных заведениях 134

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. В. Виноградов. *И. И. Мещанинов.* Члены предложения и части речи 142
Р. Г. Пиотровский. Сборник «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина» 149

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

В. А. Плотникова. Совещание по методологии этногенетических исследований в свете Сталинского учения о нации и языке 155
Н. А. Баскаков. Конференция по вопросам алтайского языка и литературы в Горно-Алтайской автономной области 160
В. Г. Орлова. Обсуждение книги И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР 170
Р. Г. Пиотровский. Совместная научная сессия Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященная вопросам молдавского языкознания 177
Е. А. Иванчикова. Защита диссертации в Институте языкознания АН СССР 185

Т-01541 Подписано к печати 28/II 1952 г. Тираж 15000 экз. Зак. 38
Формат бум. 70×108 1/16 Бум. лист. 6 Печ. л. 16,44 Уч.-изд. л. 19,2

2-я типография Издательства Академии Наук СССР, Москва Шубинский пер., 10